

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2024. Том 11. № 1

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2024

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 17.05.2024.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2024. Volume 11. No. 1

Published four times a year

Stavropol
2024

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 05.17.2024.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – доцент факультета права и политических наук Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Стариков Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р. полит. наук, профессор университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия) (Будапешт, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education “North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaras Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguistics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Mirosnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Associate Professor, Faculty of Law and Political Science, University of Tehran (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor István Széchenyi University (Győr, Hungary) (Budapest, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the “North-Caucasus Federal University” Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Агеева В.А., Трапш Н.А., Жбанникова М.И. Роль партизан и подпольщиков Ростовской области в спасении гражданского населения региона от угона на принудительные работы в Германию в годы Великой Отечественной войны	11
Бобешко А.В. Польская эмиграция в Великобританию: социальная структура и проблемы адаптации	20
Бодрова Е.В., Калинов В.В. О достижениях и противоречиях в развитии вычислительной техники в СССР во второй половине 1950-х гг.	31
Булыгина Т.А., Покотилова Т.Е. Историческая антропология как субдисциплина и направление в исторической науке второй половины XX века: вузовский опыт	43
Гаджиев Т.В. К вопросу о времени и месте утверждения Ислама на территории Российской Федерации	50
Гречишкина С.А. Механизмы ограничения миграционных потоков в полемике членов Конгресса США (1920–1921 гг.)	60
Григорян М.Р. Административно-судебные преобразования Российской империи на Северном Кавказе в 60-е годы XIX века	67
Зозуля И.В., Березутская А.А., Судавцов Н.Д. Органы прокурорского надзора в правоохранительной системе Северного Кавказа в пореформенной России конца XIX века	76
Ким И.К. Злоупотребления властей на парламентских выборах в 1935 и 1938 годах в Польше (по архивным документам)	85
Панарин А.А. Особенности теории и практики национальной политики большевистской партии в 1920-е гг.	97
Плиев Р.И. Геополитическое противостояние России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века: основные причины и исторические следствия	105
Халимбекова Э.Р. Основные тенденции развития сельского хозяйства Османской империи в последней трети XIX – начале XX вв.	112

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вышеславова Т.Ф., Лукинова С.А. Сравнительно-правовой анализ трудо-правового статуса преподавателя высшей школы	121
Джамирзе Б.Ю. О некоторых вопросах освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения	129
Мельничук М.А., Савченко О.Н. Правовая идентификация искусственного интеллекта в гражданском процессе	136
Новик Н.М. Значение цели – дестабилизации деятельности органов власти при квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма	144
Пащенко Е.А. Преступления террористической направленности в ретроспективном анализе, их эффективность и самодостаточность	152
Третьяк М.И., Горячий И.В. Выполнение дипломной работы с помощью технологий искусственного интеллекта в современных условиях: фальсификация или оригинальное самостоятельное исследование?	161

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихина Ю.И. Пространство целеполагания как форма учета ценностных ориентаций в дискурсе социальной работы (пертинентность vs релевантность)	168
Марченко Т.В. Особенности семиотического инкодирования прецедентного имени или «простой советский человек» в поликодовом тексте	175
Оборская С.А. Вариативность фонетической структуры заимствованных слов в кхмерском языке	191

CONTENTS**HISTORICAL SCIENCES**

Ageeva V.A., Trapsh N.A., Zhbannikova M.I. The role of partisans and underground fighters of the Rostov region in saving the civilian population of the region from being taken for forced labor in Germany during the Great Patriotic War	11
Bobeshko A.V. Polish emigration to Great Britain: social structure and adaptation challenges	20
Bodrova E.V., Kalinov V.V. On achievements and contradictions in the development of computer technology in the USSR in the second half of the 1950s	31
Bulygina T.A., Pokotilova T.E. Historical anthropology as a training course and a field in historical science of the second half of the 20th century: university experience	43
Gadjiev T.V. On the initial stage of adopting Islam as one of the official religions in the Russian Federation	50
Grechishkina S.A. Mechanisms for limiting migration flows in the controversy of members of the US Congress (1920–1921)	60
Grigoryan M.R. Administrative and judicial transformations of the Russian Empire in the North Caucasus in the 60s of the 19th century	67
Zozulya I.V., Berezutskaya A.A., Sudavtsov N.D. Prosecutorial supervision bodies in the law enforcement system of the North Caucasus in post-Reform Russia of the late 19th century	76
Kim I.K. Misuse of authority in parliamentary elections in 1935 and 1938 in Poland (according to archival documents)	85
Panarin A.A. Some theoretical and practical features of the national policy of the Bolshevik Party in the 1920s	97
Pliev R.I. Geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the North Caucasus in the first half of the XIX century: the main causes and historical consequences	105
Khalimbekova E.R. Major trends in agricultural development of the Ottoman Empire in the late third of the 19th – early 20th centuries	112

LEGAL SCIENCES

Vysheslavova T.F., Lukinova S.A. Comparative legal analysis of the labor law status of a higher school lecturer	121
Jamirze B.Yu. On exemption from administrative liability in case of a minor administrative offense ..	129
Melnichuk M.A., Savchenko O.N. Legal identification of artificial intelligence in civil proceedings	136
Novik N.M. The meaning of the aim to destabilize the activity of official authorities in qualifying a knowingly false report about an act of terrorism	144
Pashenko E.A. Terrorist crimes in a retrospective analysis, their effectiveness and self-sufficiency	152
Tretiak M.I., Goryachiy I.V. Diploma paper with the help of artificial intelligence technologies: falsification or original independent research?	160

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhina Yu.I. The goal-setting space as a form of value orientation within the discourse of social work (pertinence vs relevance)	168
Marchenko T.V. Features of semiotic encoding of a precedent name or “an ordinary Soviet man” in a polycode text	175
Oborskaia S.A. Variability of the phonetic structure of borrowings in the Khmer language	191

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья
УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.1>

**РОЛЬ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В СПАСЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ОТ УГОНА
НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**Валентина Анатольевна Агеева¹, Николай Алексеевич Трапш^{2*},
Марина Исмаевна Жбанникова³**

1, 2, 3 Ростовский государственный экономический университет («РИНХ») (д. 69, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)

1 кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ «РИНХ», ведущий научный сотрудник
ageewa.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>

2 кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник
tirpizn@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8886-9098>

3 научный сотрудник
mzhbannikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1712-1541>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В настоящее время актуальной научной проблемой является комплексное исследование системного геноцида мирного населения, осуществлявшегося нацистской администрацией на оккупированных территориях СССР. В правовом измерении подобная деятельность связана с различными факторами, в том числе и с насильственным перемещением советских граждан на принудительные работы в Германию. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляет интегрированная реконструкция внутреннего противодействия репрессивным практикам нацистских властей, осуществляемая подпольными организациями и партизанскими отрядами. **Материалы и методы.** В предлагаемой статье вооруженное сопротивление насильственной релокации гражданского населения на оккупированной территории Ростовской области исследуется на основе документальных источников, содержащихся в региональных архивах и выявленных в рамках эвристической работы авторского коллектива. Историческая реконструкция опирается не только на объективные результаты источниковедческого анализа, но и на концептуальный фундамент, сформированный предшествующей историографической традицией. **Анализ.** Значительный эмпирический материал, извлеченный из дифференцированных источников, качественно иллюстрирует авторские выводы, согласно которым активные действия подпольных организаций и партизанских отрядов помогли значительному числу местных жителей избежать принудительной депортации в Германию. Вооруженное сопротивление преступным действиям нацистских оккупационных властей опиралось на широкую под-

держку гражданского населения, обусловившую высокую эффективность практических действий таганрогских партизан и подпольщиков в сложных природных и социальных условиях. **Результаты.** Значимую роль в системном предотвращении насильственного перемещения донских жителей в Германию сыграли как добровольные помощники подпольных организаций, так и непосредственные участники боевых групп, умело внедренные в управленческие структуры немецкой администрации.

Ключевые слова: партизаны, подпольщики, оккупация, принудительные работы, гражданское население, сопротивление

Для цитирования: Агеева В. А., Трапш Н. А., Жбанникова М. И. Роль партизан и подпольщиков Ростовской области в спасении гражданского населения региона от угона на принудительные работы в Германию в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 11–19. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.1>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

**THE ROLE OF PARTISANS AND UNDERGROUND FIGHTERS OF THE ROSTOV REGION
IN SAVING THE CIVILIAN POPULATION OF THE REGION FROM BEING TAKEN
FOR FORCED LABOR IN GERMANY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Valentina A. Ageeva¹, Nikolai A. Trapsh^{2*}, Marina I. Zhbannikova³

1, 2, 3 Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)

1 Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of RSEU RINH, leading research associate
ageewa.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>

2 Cand. Sc. (History), Associate Professor, research associate
tirpizn@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8886-9098>

3 Research associate
mzhbannikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1712-1541>

* Corresponding author

© Агеева В. А., Трапш Н. А., Жбанникова М. И., 2024

Abstract. Introduction. Currently, a pressing scientific problem is a comprehensive study of the systemic genocide of civilians carried out by the Nazi administration in the occupied territories of the USSR. In the legal dimension, such activities are associated with various factors, including the forced transfer of Soviet citizens to forced labor in Germany. In this context the integrated reconstruction of internal counteraction to the repressive practices of the Nazi authorities is of significant interest, carried out by underground organizations and partisan detachments. **Materials and Methods.** In this article, armed resistance to the forced relocation of the civilian population in the occupied territory of the Rostov region is examined on the basis of documentary sources contained in regional archives and identified as part of the heuristic work of the team of authors. Historical reconstruction is based not only on the objective results of source analysis, but also on the conceptual foundation formed by the previous historiographical tradition. **Analysis.** Significant empirical material, extracted from differentiated sources, qualitatively illustrates the author's conclusion, according to which the active actions of underground organizations and partisan detachments helped a significant number of local residents avoid forced deportation in Germany. Armed resistance to the criminal actions of the Nazi occupation authorities was based on the broad support of the civilian population, which determined the high efficiency of the practical actions of the

Введение / Introduction. Международный военный трибунал в ходе Нюрнбергского процесса признал как одно из главных преступлений Третьего рейха против человечности – «увод в рабство гражданского населения» [13]. С территории только г. Ростова-на-Дону и г. Таганрога в период с 1942 по август 1943 г. немецко-фашистскими захватчиками было угнано более 77000 человек (подсчет авторов) [6; 2]. Партизаны и подпольщики Ростовской области в период временной немецко-фашистской оккупации городов и районов региона спасли несколько тысяч человек, в основном из числа молодежи, запланированных нацистами к отправке на принудительные работы в Германию. Однако, это гуманитарное направление сопротивления захватчикам, связанное, в том числе, и с демографическими проблемами оказалось на периферии исследовательского интереса. В советской, и постсоветской историографии ведущими сюжетами выступали проблемы организации и боевой деятельности партизанского движения. В 1950 – 1960 гг. выделяются труды донского историка В. П. Зайцева, базирующиеся на широкой документальной базе региональных архивов [8; 9]. Автор, обращает внимание на неблагоприятные природные условия Ростовской области для развертывания массовой деятельности крупных партизанских отрядов [9]. Наибольшее освещение в исторической литературе нашли факты подпольной и партизанской работы в г. Ростове-на-Дону и г. Таганроге [3; 5; 7; 10; 11]. Следует выделить труд В. Волошина, и В. Ратник «Вчера была война» преимуществом, которого является введение впервые в научный оборот ряда архивных документов, а также воспоминаний

Таганрогских партизан и underground fighters in difficult natural and social conditions. **Results.** A significant role in the systemic prevention of the forced movement of Don residents to Germany was played by both voluntary assistants of underground organizations and direct participants in combat groups, skillfully introduced into the administrative structures of German administration.

Keywords: partisans, underground fighters, occupation, forced labor, civilian population, resistance

For citation: Ageeva VA, Trapsh NA, Zhbannikova MI. The role of partisans and underground fighters of the Rostov region in saving the civilian population of the region from being taken for forced labor in Germany during the Great Patriotic War. *Humanities and law research.* 2024;11(1):11-19. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.1>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

The article was submitted: 17.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

родственников членов таганрогского подполья [5]. В тоже время авторы, раскрывая особенности партизанского движения в Ростовской области реконструируют довольно подробную картину организации и героической борьбы с оккупантами подпольщиков г. Таганрога.

С 2000-х гг. намечается географическое расширение исследовательского поля темы партизанского движения на Дону. В 2013 г. публикуется монография луганских авторов «Миллеровский район в годы Великой Отечественной войны» [4]. Работа написана на широком круге источников, почерпнутых из немецких, итальянских, украинских и российских архивов с привлечением воспоминаний участников и очевидцев событий. В книге обобщены факты военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных военнослужащими немецких, итальянских и румынских армий, органами оккупационной администрации в период оккупации. Отдельный параграф посвящен, в основном, боевой деятельности партизанских отрядов на территории Миллеровского района. История партизанского отряда «Донской казак» Верхнедонского района нашла обобщение в краеведческом исследовании С. Г. Абакумова [1]. В общем, анализ историографической ситуации темы позволяют сказать, что ее новизна обусловлена и тем, что она не получила должного освещения в исторической литературе.

Цель нашей работы раскрыть содержание и обобщить формы деятельности партизан и подпольщиков Ростовской области по спасению от угона на принудительные работы в Третий рейх гражданского населения с вре-

менно оккупированных немецко-фашистскими территориями региона.

Материалы и методы / *Materials and methods.* Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности при анализе и обобщение материала. Представленное исследование опирается на обширную источниковую базу. Прежде всего, это материалы из фонда № 3 «Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны» из Центра документации Новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Отдельные документы впервые вводятся в научный оборот и характеризуют масштаб, пропагандистскую и практическую героическую деятельность подпольщиков и партизан Ростовской области по срыву планов немецко-фашистских оккупантов относительно угона гражданского населения в рабство нацистской Германии. Значимую роль в изучении избранной проблемы играют опубликованные и неопубликованные воспоминания участников и очевидцев событий.

Анализ / *Analysis.* Условия для развития партизанской войны на Дону не были особенно благоприятными. Здесь нет больших лесов, как, например, в Белоруссии, в Смоленщине или на Брянщине. Кустарниковые заросли и лесные полосы не могли стать на длительное время местом укрытия для партизанского отряда. Эти природно-географические факторы повлияли на то, что в регионе организовывались партизанские отряды и группы малой численности. Даже создание отрядов численностью в 100–150 человек было редким. Основная масса партизанских отрядов насчитывала 30–50 человек. Наиболее мощные и крупные партизанские отряды действовали в районе приазовских плавней. Это огромная территория дельты Дона. Сюда, 20 октября 1941 г. из села Синявского пришел партизанский отряд «Отважный-1». Отряд был создан по решению бюро Ростовского областного комитета партии. Осенью-зимой 1941 г. в Неклиновском районе также действовал отряд «Отважный-2» и 8 подпольно-диверсионных групп [5]. В Азовском районе осенью 1941 г. начал свою деятельность отряд трудящихся Азовского района. Отряд насчитывал 37 бойцов. Азовский партизанский отряд является ярким примером небольшого и мобильного подпольно-партизанского отряда. Как свидетельствуют архивные документы, подобные отряды и

подпольные группы действовали практически в каждом районе Ростовской области. Всего их было 83 с общей численностью 3245 человек [19, л. 1].

Среди городских подпольных организаций следует выделить Таганрогскую, которая в ноябре 1941 г. состояла из 11 патриотов. К началу 1943 г. ее число составило более 500 человек. Центральное управление подпольем осуществляли командир В. И. Афионов – до войны секретарь Матвеево-Курганского райисполкома, и комиссар С.Г. Морозов – секретарь Таганрогского горкома ВЛКСМ. В докладной записке секретаря Ростовского обкома ВКП(б) П. Александрюка от 1944 г. «О деятельности партизанских отрядов и групп на территории Ростовской области» структура таганрогского подполья представлена следующим образом: «...До февраля 1943 г. отряд оставался целой единицей с одним непосредственным руководителем. В феврале с резким увеличением численности, отряд разбили на ряд групп на заводах и учреждениях и некоторых близлежащих селах. Во главе оставался Афионов, а руководство группами непосредственно было поручено его ближайшим помощникам. Всего существовало более 10 групп. Кроме этого, были партизаны, работавшие самостоятельно. Это, главным образом, врачи и медработники. Отряд установил и держал связь с Управлением партизанского движения при Южном фронте, с Азовским партизанским отрядом Сахарова, с отрядом «Отважный-2» (командир А.В. Гуда), обменивался с ними данными разведки, материалами для агитационной работы, добывал оружие и пр. Отряд имел свой штаб: руководитель отряда В. И. Афионов, начальник штаба В. И. Гуда. Штаб имел специально выделенных связных, через которых держал связь с группами, доставлял им сводки и т.п. ...» [18]. В г. Ростове-на-Дону широко развернули свою работу партизанские группы: «Травмайщик», «Советский патриот», «Мстители» и другие [17, л. 7, 25, 85 об.]. Одним из известных и самых многочисленным являлся ростовский партизанский имени Сталина (он же отряд Югова) [17, л. 102].

В справках, отчетах, наградных листах деятельность партизан и подпольщиков по воспрепятствованию угону местного населения на каторжные работы в Третий рейх зачастую на фоне боевых действий и диверсий не выделяется как основная. Однако ее значимость и риски связанные с ее реализацией,

несомненно, позволяют говорить о ней как одной из первостепенных задач подпольно-партизанского движения Дона.

Значительное место в организации партизанами и подпольщиками саботирования жителями Ростовской области выполнения приказов немецко-фашистских оккупантов о трудовой мобилизации для нужд Третьего рейха занимала разъяснительная работа. В листовках и воззваниях к гражданскому населению вывоз на принудительные работы молодежи и трудоспособного населения в Германию был обозначен как одно из злостных преступлений захватчиков против советского народа: «К ТРУДЯЩИМСЯ ГОРОДА РОСТОВ НА ДОНУ! ТОВАРИЩИ! Второй год продолжается Отечественная война народов С.С.С.Р. против озверелого германского фашизма, вероломно напавших на нашу Родину. По обилию пролитой крови, по зверствам и издевательствам, чинимым гитлеровскими головорезами над нашим народом, по своей жестокости, эта война превосходит все, когда-либо проходившие в истории войны. Огольша банды убийц во главе с Гитлером, именующая себя социалистами на деле являются исполнителями воли немецких империалистов. Основной задачей в войне против первого в мире Социалистического Государства фашисты ставят: онемечить русский народ, отдать его в кабалу немецким капиталистам и помещикам, лишить его государственной независимости и свободы. Десятки миллионов украинцев, белорусов, русских и других народов С.С.С.Р. страдают под игом фашизма на территории, временно оккупированной немцами. ТРУДЯЩИЕСЯ ГОРОДА РОСТОВА! Вы на себе испытываете жизнь в немецком «РАЮ». Можно ли назвать это жизнью, когда в городе, до его оккупации насчитывалось до 800 000 населения, а теперь осталось только 190 000. Сотни и тысячи наших людей, в том числе и ростовчан, насильно увезенных в Германию, погибают в рабском труде... Невозможно перечислить всех зверств, издевательств и насилий, творимых фашистами над народом. Но недалек час освобождения... Сердце каждого гражданина нашей страны наполнено священной ненавистью к поработителям... Победа за нами! Ибо мы правы! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РОДИНА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ! ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ» [15, л. 7].

Наряду с изобличением захватнических, античеловеческих и террористических целей оккупантов в своих пропагандистских документах партизаны призывали как активному, так и пассивному сопротивлению врагу, том числе, посредством неявки на сборные пункты для отправки в качестве рабочей силы в Германию. Из воззвания партизанского отряда им. Сталина г. Ростова-на-Дону: «...К жителям города Ростова на Дону и его пригородов. РОСТОВЧАНЕ! Друзья наши! Героические войска Рабоче-крестьянской Красной Армии разгромили немецких оккупантов под Сталинградом, на Дону, на Кавказе, в Калмыцких степях и ведут успешные наступления по всему фронту, в частности на ростовском направлении... РОСТОВЧАНЕ! Мы знаем, что Русский народ, временно захваченный гитлеровским зверьем, за время оккупации перенес неслыханные страдания и издевательства... Что сделали эти псы в Ростове? Они уничтожили физически десятки тысяч наших граждан, они ограбили население, они вывезли из сельских районов Дона, Кубани весь хлеб. Они вывезли в Германию более 50 000 человек нашей ростовской молодежи. Эта молодежь сейчас подвергается в фашистской Германии неслыханным издевательствам и обречены на голодное вымирание. Это фашистское зверье истязает в тюрьмах Ростова более десятка тысяч наших ростовских граждан. В ростовских концлагерях сейчас томятся десятки тысяч военнопленных красноармейцев... Сотни их умирают каждый день от голода, холода и избиения ... Вот настоящее лицо и дела псов «освободителей» в Ростове. РОСТОВЧАНЕ!... Мы не можем больше оставаться безучастными свидетелями их богатства. Родина призывает нас к активной организационной борьбе с врагами... РОСТОВЧАНЕ! Организуйтесь для борьбы с врагами, саботируйте все мероприятия отступающих фашистов. Уничтожайте и ослабляйте тыл врага. Прекращайте выход на работы в фашистских учреждениях. Избегайте оборонных работ. Пусть псы сами роют себе могилы на нашей земле. Не давайте уводить себя в тыл. Уничтожайте мосты, преграждайте железнодорожные пути. Рвите телефонную и телеграфную связь. Загружайте дороги, пути отступления. Уничтожайте автомашины, подрывайте техническую мощь врагов... РОСТОВЧАНЕ! Настал час расплаты в фашистском зверье. ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДОБЛЕСТ-

НАЯ Р.К.КА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕПОБЕДИМЫЙ СОВЕТСКИЙ НАРОД!» [15, л. 6].

В соответствии с инструкцией нацистских властей все граждане, отправляемые на работу в Германию, должны были проходить медицинский осмотр. При этом к выдаче заключений о состоянии здоровья допускались и местные врачи, выполняющие свои обязанности в функционирующих по распоряжению оккупационных властей медицинских учреждениях и отделах при Биржах труда. Партизаны и подпольщики широко использовали эту возможность в своих интересах, посредством внедрения на работу в эти учреждения своих товарищей, имеющих медицинское образование, либо поиска помощников среди тех, кто уже работал на оккупантов, но не разделял их политику.

В период немецко-фашистской оккупации медицинский отдел был одним из крупнейших в Таганрогском бургомистрате, в его распоряжение находились, в том числе, пять городских больниц и пять поликлиник. Таганрогские подпольщики активно использовали ресурсы этих медицинских учреждений для оказания помощи местным жителям и военнопленным. Людмила Максимовна Мигула, до оккупации работала врачом в августе 1942 г. она вступила в группу подпольно-партизанского отряда. Ее боевой постом стала 2-я больница, где она выдавала таганрожцам документы, обеспечивающие освобождение от принудительных земляных работ, а также отправки в Германию. В ее наградном листе указано: «...Таких документов было выдано до 50 штук... МИГУЛА, стойкий, честный и преданный Советской власти товарищ, за проделанную работу заслуживает Правительственной награды...» [16, л. 124]. Валентина Иосифовна Гец во время оккупации города работала в 6-й поликлинике медсестрой и выполняла задание подпольного руководства по выписыванию фиктивных листов, освобождающих от угона в Германию, среди них были документы, выданные и подпольщикам: «... Афонову В.И., Плотникову М.Ф., Хлоповой Валентине, ЛИХОНОСУ Ю. и др. ...» [16, л. 62]. Хирург Мартын Акимович Сармакешев оказался в Таганрог осенью 1941 г. как военнопленный, ему удалось устроиться на работу в одну из таганрогских поликлиник. В октябре 1942 г. он вступил в ряды подпольщиков. Его задание заключалось в выдаче фиктивных больничных листов рабочим и служащим заводов, передержка в больницах товарищей, преследуемых оккупа-

ционными властями и полицией. Кроме того, путем выдачи фиктивных справок о болезни М. А. Сармакешев «...спас от фашистской каторги свыше 300 человек таганрогской молодежи. В мае месяце 1943 г. он был арестован Гестапо, подвергался нечеловеческим пыткам, не признавался, никого не видел и в июле месяце 1943 г. был зверски расстрелян...» [16, л. 80]. В наградном листе Мартына Акимовича указано: «...за проделанную работу по спасению молодежи от увоза в Германию удостоен представления к Правительственной награде орденом «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» /посмертно/...» [16, л. 80].

Кира Дмитриевна Мирандова по заданию руководства партизанского отряда устроилась врачом, обслуживающим биржу труда г. Таганрога. Примерно 500 человек она освободила от посылки в Германию путем установления неправильного диагноза [16, л. 111].

Искусственные заболевания могли провоцироваться при помощи семян касторового дерева, вызывающего конъюнктивит, экзема на теле человека появлялась от прикладывания к различным его частям гашеной извести, ожоги на руках и ногах образовывались в результате их обработки различными кислотами. Кроме этого, в лаборатории городских поликлиник подкладывались анализы мочи, с плохими результатами. Как свидетельствуют архивные документы у немецких властей и врачей массовые заболевания почек у таганрожцев вызывали подозрения. Например, комсомолку Тасю Доленко сотрудники Биржи труда г. Таганрога положили в больницу для проверки диагноза. Однако подпольщикам удалось своевременно передать ей необходимый препарат, ухудшающий результаты лабораторных исследований анализов и успешно избежать провала и ареста [20, л. 5].

Лидеры партизанского и подпольного движения очень хорошо понимали важность и ценность привлечения медицинских работников к своей деятельности. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания о первой встрече Михаила Михайловича Югова (Трифонова) организатора ростовского партизанского отряда им. Сталина с Дорой Павловной Ломовой, работающей на этот момент в поликлинике, обслуживающей Биржу труда г. Ростова-на-Дону. В них констатируется: «...Ломова стала первой партизанкой будущего отряда. Тут же на нее были возложены и обязанности: лечить партизан, обеспечивать нужных людей фиктивными справками,

препятствовать отправке молодежи в Германию - «Словом, здоровых делать больными...» [10, с.20].

Наряду с медицинскими сотрудниками, поддельными медицинскими документами, большую роль в спасении гражданского населения, преимущественно молодежи, от угона в Германию играли сотрудники Бирж труда, действующих в крупных городах области. Комсомолки Т. Л. Карпенко и Е. П. Несветайлова в своей объяснительной записки в Городской комитет ВКП(б) г. Таганрога в 1943 г. писали: «Во время оккупации нашего города мы поступили работать на биржу 8/IV 42, в качестве регистраторов. Работая на бирже, мы работали не для немецкого командования, а для блага своей Родины и проводили следующую работу. Мы были знакомы с нашей приятельницей, врачом Ниной Ивановной Козубко, которая состояла в партизанском отряде и предложила нам помогать ей в деле, касательно биржи. Это было 15/IV 42. Мы с большой радостью приняли это предложение... С 13/IV 42 на бирже началась отправка молодежи в Германию. Во время этой отправки мы оставляли молодежь в городе путем взятия их на больничные листы; изъятия регистрационных карточек из картотеки; отмечали в списках что они выезжали, но фактически товарищи оставались в городе... 7/1 43, после беседы на Харьковской №10 с Афоновым Костей и Тарариным Жоржем, мы подписали клятву... С этого момента наша работа проводилась по записям партизанского отряда и была направлена, в основном, на задержку молодежи в городе...» [14, л. 62]. Войдя в состав группы Афонова девушки получили первое задание, заключающиеся в еженедельной проштамповке паспортов товарищей-подпольщиков, о том, что они состоят на учете на бирже труда, но при этом регистрационная карточка на них не выписывалась. «Первое выполненное поручение мы отнесли Афонову домой» - писали комсомолки в своей объяснительной записки – «...но в дальнейшем, в целях конспирации получение указаний и передача выполненного проводилась при условленных встречах с Афоновым на улице, через жену Афонова - Валю, которая под видом завтрака, приносила нам на биржу необходимые для обработки паспорта...» [14, л. 62 об.].

Еще одним спасительным легальным документов являлась справка с места работы. П. В. Чесноков – член ростовского партизан-

ского отряда Югова, работал переводчиком при начальнике железнодорожной охраны Нахичеванского вокзала и добывал важную информацию, бланки документов, распространял листовки и т.д. В своих воспоминаниях он писал: «...Немцы требовали регистрации, прописки, молодежь отправляли на каторжные работы в Германию или заставляли работать здесь. Если человек имел справку, что он где-то работает, его освобождали от посылки в Германию. В этой справке можно было указать, что человек работает в той или иной немецкой части... Я написал на готовых бланках справку Нанкину и ещё одному товарищу. После этого мы достали ещё бумаги и стащили бланки для проезда по железной дороге... Однажды, когда я выходил из немецкой квартиры, я встретился с немцем. Он спросил меня, что я там делаю. Я ответил довольно невинно, что ищу мандолину. У Латашниковых прежде была мандолина...Немец потребовал у меня документы. Я подал ему документы. Он сказал, что мандолины нет, что он отдал её кому-то другому и предложил мне уйти ... Кроме того, в наш отряд влилась переводчица районного бургомистра Валентина Симонова, и через нее нам удалось достать печать районного бургомистра. Используя эту печать, мы могли писать документы от имени русской оккупационной администрации... Нами был написан целый ряд документов...» [21, л. 10]. Выдача подобных легальных документов позволяла партизанам и подпольщикам более успешно вести пропагандистскую, подрывную и террористическую работу против оккупантов и сохранять жизнь и здоровье местным гражданам.

Следует отметить, что поддельных справок и фиктивных отметок в паспортах было сделано членами подпольно-партизанских групп не одна и не два, а несколько тысяч. Выполнять такие задания было очень сложно и опасно, так как зачастую приходилось оформлять документы массово десятками и сотнями в окружении коллаборантов и надзором немецко-фашистских оккупационных властей. Из объяснительной записки в Городской комитет ВКП(б) г. Таганрога: «...16/III-43г. Костей Афоновым была передана очередная партия паспортов (25 шт.) для регистрации их. Документы находились у Несветайловой в сумке. В 10 ч. утра на биржу является полицейский и арестовывает Несветайлова. При аресте Несветайлова ловким маневром сумела спрятать документы и дала знак Кар-

пенко о немедленном «исправлении» их. И потом, при допросе в Зондеркоманде СД-6, когда следователь с руганью извлекал из сумки всё содержимое, надеясь найти вещественные доказательства, Несветайлова, обливаясь соленую кровь с разбитых губ, насмешливо улыбалась: «Не найдете, мол, господин следователь». Оставленные Несветайловой паспорта Карпенко немедленно отослала с отцом Карпенко П. Г. (расстрелян) домой. После конца работы, выкрав на бирже необходимые печати и бланки, Карпенко дома оформила все документы и отослала их мужем. Ф. П. Карпенко... домой Афонову. Карпенко Ф. П. часто помогал нам в выполнении поручений. После ареста Несветайловой озверел шеф биржи...» [14, л. 63].

В тоже время, не всегда комсомольцы понимали важность и героическую сущность приказов своих командиров устраиваться на работу в административные органы и учреждения действовавшего немецко-фашистского оккупационного режима. Люду Плаксину из отряда Югова пришлось долго убеждать старшим товарищам, что ее работа на бирже труда это не предательство, а очень нужная и опасная деятельность по защите молодежи г. Ростова и прикрытию посредством фиктивных документов своих товарищей-партизан. И что это задание является не менее отважным, чем защита Родины с оружием в руках: «Я комсомолка и на немцев работать не буду, - решительно заявила Л. Плаксина. - Любое задание выполню, но от этого избавьте меня, - упорствовала Людмила» [10, с. 20]. Одним из первых ее заданий на бирже труда стала выправка документов для командира отряда Югова [10, с. 20].

Подпольщица Верхнедонского района учительница немецкого языка Александра Петровна Лебединская была внедрена на работу в местную комендатуру для сбора информации. Когда оккупанты привлекли ее к подготовке списков подростков, планируемых к насильственному вывозу на принудительные работы, она стала подделывать в них даты рождения «убавляя годы» [1].

К формам, препятствующим своевременной отправке гражданского населения в Третий рейх следует отнести также уничтожение списков, обреченных на угон. Приведем несколько примеров из множества: «... в Мазуркином лесу Миллеровского района действовал партизанский отряд им. Кирова, который возглавлял председатель одного из сельских

советов А. Я. Бутов. Один из членов отряда, П. А. Демьяненко, по указанию командира поступил работать писарем в полицию Криворожского района и вместе со своим братом Ф. А. Демьяненко похитил из помещения полиции списки жителей, готовившихся к отправке в Германию, а также учетные карточки членов партии ВКП(б) [4, С. 112]. В Неклиновском районе действовала подпольная комсомольско-молодежная группа «Комсомолец» и диверсионно-подрывная группа «Патриот» в докладной записке их командира А. Т. Панфилова об их деятельности констатировалось: «...большую помощь группе оказывало местное население...связь с населением помогала захватить списки лиц, которых готовили к отправке в Германию. Своевременное предупреждение последних дало возможность одним бежать, другим приобрести справки о болезни...» [29, л. 4].

Обреченные на отправку в Третий рейх находили спасение и в бегстве и укрытии в местах схронов партизанских отрядов: «...Со слов местных жителей, в районе партизанской стоянки укрывались красноармейцы, пытавшихся выйти из плена, а также лица, которых планировали угнать в Германию на торжественные работы...» [4]. Вместе с тем, в силу все того же природно-географического фактора этот способ не позволял, зачастую, обеспечивать долговременную защиту уклоняющимся от принудительной депортации в Германию. В этой связи, в основном, молодые люди стремились перейти линию фронта и вступить в ряды Красной Армии, либо пополняли ряды партизанских отрядов или переходили на подпольную работу в городах области.

Совершали партизанские отряды и вооруженные рейды в тыл врага, создавая благоприятные условия для побегов, угоняемых со сборных пунктов и из эшелонов. В окрестностях Пятого Яра и в Казачковом лесу Кашарского района Ростовской области базировался партизанский отряд, которым руководили Б.Н. Свертокин и В.А. Шинкарев. Отряд неоднократно отбивал местных жителей у конвоировавших их оккупантов и полицаяв-коллаборантов в районе шоссе на дороге Миллерово-Вешенская [12].

Результаты / Results. В силу отсутствия статистических данных сложно указать точную цифру спасенных партизанскими организациями и подпольными группами Дона мирных жителей от угона на принудительные ра-

боты. Вместе с тем, партизаны и подпольщики, несомненно, сорвали расчеты по тотальному использованию советских граждан в качестве рабов Третьего рейха и спасли тысячи жизней, прежде всего молодых людей. Для этих целей использовались различные формы: пропаганда, легализация статуса «невыездного» при помощи соответствующих документов, открытая вооруженная борьба и т.д.

Разъяснительная работа среди местного населения, проводимая партизанами и подпольщиками, имела большое значение. В результате нее многие тысячи граждан осознанно уклонились от мобилизации на работы в Германию.

Руководство подпольных организаций и партизанских отрядов Ростовской области активно использовала профессиональный потенциал своих товарищей по оружию, имеющих медицинское образование. Их «боевая» задача заключалась в том, чтобы при помощи фиктивных диагнозов спасти от угона тех, кто был включен в списки, депортируемых в Германию.

С целью спасения жителей городов и районов от рабства Третьего рейха подпольщики устроивались работать на Биржу труда и другие оккупационные органы управления и надзора. Это была возможность легализовать положение нескольких тысяч юношей и девушек с помощью украденных бланков документов, либо отметок в паспортах о фиктивном

трудоустройстве, а также оперативно получать пофамильные сведения о тех, кто планировался к насильственной депортации.

Кроме того, партизаны, получив сведения о сосредоточении людей, предназначенных для отправки в Германию, нападали на охрану и освобождали обреченных. Зачастую освобожденные становились членами партизанских отрядов.

Таким образом, партизаны и подпольщики уменьшали возможности немецко-фашистских оккупантов по угону гражданского населения в рабство Третьего рейха, тем самым лишая его работоспособной части населения и сохраняя самое дорогое, чем располагает любое государство – людей. При этом члены партизанских и подпольных организаций рисковали своими жизнями не только в открытых военных столкновениях с захватчиками, но и выполняя задания в качестве сотрудников различных оккупационных органов, подвергаясь ежеминутной смертельной опасности разоблачения со стороны врага и его пособников. Советское правительство высоко оценило эту деятельность патриотов-подпольщиков, прежде всего врачей и медсестер. За мужество и отвагу, проявленную при спасении молодежи от угона в Германию, многие из них были представлены к правительственным наградам, некоторые получили их посмертно.

Литература

1. Абакумов С. Г. Партизанский отряд «Донской казак». Ростов-на-Дону. «Альтаир», 2023. 96 с.
2. Агеева В. А. Трапш Н. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2023. № 5 (63). С. 158–165.
3. Агеева В. А., Волвенко А. А. Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М. Е. Галах-Муравьевой // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2014. № 2. С. 323–327.
4. Беницкий А. С., Беницкий Ал. С., Беницкий К. С. Миллеровский район в годы Великой Отечественной войны. Луганск, 2013. 357 с.
5. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 - август 1943 гг.). Таганрог: Лукоморье, 2008. 395 с.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
7. Гуров М. И. Таганрогское подполье в годы Великой Отечественной войны (историографический и источниковедческий аспекты) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2016. № 2. С. 194–198.
8. Зайцев В. П. Годы суровых испытаний. Партийная организация Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1967. 48 с.
9. Зайцев В. П. Дон в годы Великой Отечественной войны / В.П. Зайцев. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1958. 48 с.
10. Перекальский Г. А. Бойцы подполья. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1963. 135 с.
11. Ратник В. И. Таганрогское подполье: причины провала. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международной научной конферен-

- ции (28-29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону - Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 488 с.
12. Усов Н. Криворожье: далекие и близкие истории малой родины (заметки историка). Миллерово: Редакция газеты «Наш край» Миллеровского района, 2011. 65 с.
  13. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси от 8 августа 1945 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Политиздат, 1955. С. 165–172.
  14. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 104.
  15. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
  16. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.
  17. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
  18. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25.
  19. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.
  20. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 93.
  21. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 21.
  22. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 29.

References

1. Abakumov SG. Partisan detachment "Don Cossack". Rostov-on-Don. "Altair"; 2023. 96 p. (In Russ.).
2. Ageeva VA, Trapsh NA. Forced transfer of the civilian population of the city of Taganrog for forced labor in the Third Reich: experience of a comprehensive description. *Izvestija Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Serija "Istorija i filologija"*. 2023;5(63):158-165. (In Russ.).
3. Ageeva VA, Volvenko AA. War and the fate of children: through the pages of personal wartime diary by M.E. Galakh-Muravyova. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2014;2:323-327. (In Russ.).
4. Benitsky AS, Benitsky AS, Benitsky KS. Millerovsky district during the Great Patriotic War. Lugansk; 2013. 357 p. (In Russ.).
5. Voloshin V, Ratnik V. Yesterday there was a war. Taganrog during the years of Nazi occupation (October 1941 - August 1943). / V. Voloshin, V. Ratnik. Taganrog: Lukomorje; 2008. 395 p. (In Russ.).
6. State Archive of the Rostov Region (GARO). F. R-3613. Inv. 1. D. 30.
7. Gurov Ml. Taganrog underground during the Great Patriotic War (historiographical and source studies aspects). *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2016;2:194-198. (In Russ.).
8. Zaitsev VP. Years of severe trials. Party organization of the Rostov region during the Great Patriotic War. Rostov-on-Don: Rostov book publishing house; 1967. 48 p. (In Russ.).
9. Zaitsev VP. Don during the Great Patriotic War. Rostov-on-Don: Rostov book publishing house; 1958. 48 p. (In Russ.).
10. Perekalsky GA. Underground fighters. Rostov-on-Don: Book publishing house; 1963. 135 p. (In Russ.).
11. Ratnik V.I. Taganrog underground: reasons for failure. The Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society: Materials of the International Scientific Conference (April 28-29, 2010, Rostov-on-Don - Taganrog) / Rep. ed. acad. G.G. Matishov. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2010. 488 p. (In Russ.).
12. Usov N. Krivoy Rog: distant and close stories of the small homeland (notes of a historian). Millerovo: Editorial office of the newspaper "Nash Krai" of the Millerovsky district; 2011. 65 p. (In Russ.).
13. Charter of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European Axis countries of August 8, 1945 in Collection of current treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Vol. XI. Moscow: Politizdat; 1955. P. 165-172. (In Russ.).
14. Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (hereinafter referred to as CDNIRO). F. 3. Inv. 1. D. 104. (In Russ.).
15. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 15. (In Russ.).
16. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 188. (In Russ.).
17. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 19. (In Russ.).
18. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 25. (In Russ.).
19. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 7. (In Russ.).
20. CDNIRO. F. 3. Inv. 1. D. 93. (In Russ.).
21. CDNIRO. F. 3. Inv. 3. D. 21. (In Russ.).
22. CDNIRO. F. 3. Inv. 3. D. 29. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (420+438)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.2>

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Артем Владимирович Бобешко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Соискатель

artem.bobeshko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7433-3359>

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена актуальной и малоизученной теме в российской историографии. В основном в исследованиях отечественных авторов рассматриваются причины эмиграции граждан Польши в Великобританию и влияние данного процесса на демографическую ситуацию в стране. Социальный протрет эмигрантов, и их адаптация к новой социокультурной среде не нашли должного отражения в трудах российских авторов. **Материалы и методы.** В процессе работы над темой автор применил принципы исторической антропологии. В работе в качестве исторических источников использовались материалы аналитических центров и средств массовой информации Польши и Великобритании. **Анализ.** Польская эмиграция в Великобританию становится важнейшим фактором, влияющим на жизнь обоих государств и на их взаимоотношения. В статье раскрывается социальная характеристика польских эмигрантов, проживающих в Великобритании. Автор уделяет внимание динамике численности польских эмигрантов и географии расселения их в Соединенном Королевстве, подчеркивая особую привлекательность Большого Лондона. Польские эмигранты первоначально, занимая малоквалифицированные должности, смогли достичь успехов на профессиональном поприще. Поэтому тезис о крайней зависимости польских эмигрантов от социальных пособий, культивируемый британскими националистами, не соответствует действительности. Среди эмигрантов доминировала молодежь, имеющая хороший уровень образования и владения английским языком. В

тоже время нарастание численности эмигрантов из сельских районов ведет к увеличению доли эмигрантов, имеющих невысокий уровень образования. В гендерном отношении среди эмигрантов преобладали мужчины. Автор подробно в статье анализирует поведение семей польских эмигрантов в случае рождения детей и как этот факт отражается на ее благосостоянии. **Результаты.** В статье показаны успехи польских эмигрантов в адаптации к новым условиям жизни и трудовой деятельности на территории Великобритании. По мнению автора, одним из показателей высокой степени адаптации поляков является высокий процент самозанятых в их среде. В заключении автор подчеркивает, что, несмотря на Брексит и COVID-19, большинство польских эмигрантов предпочитает оставаться на территории Великобритании, не порывая тесные контакты с родиной.

Ключевые слова: польская эмиграция, Великобритания, Польша, Брексит, гендерные отношения

Для цитирования: Бобешко А. В. Польская эмиграция в Великобританию: социальная структура и проблемы адаптации // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 20–30. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

POLISH EMIGRATION TO GREAT BRITAIN: SOCIAL STRUCTURE AND ADAPTATION CHALLENGES

Artem V. Bobeshko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

PhD Applicant

artem.bobeshko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7433-3359>

Abstract. Introduction. The article is devoted to a relevant and little-studied issue in Russian historiography. Most of the studies of domestic authors consider the reasons for the emigration of Polish citizens to Great Britain and the influence of this process on the demographic situation in the country. The social profile of emigrants and their adaptation to the new socio-cultural environment have not been adequately reflected in the works of Russian authors. **Materials and Methods.** In the process of working on the topic the author applied the principles of historical anthropology. Materials of analytical centres and mass media of Poland and Great Britain were used as historical sources. **Analysis.** Polish emigration to Great Britain is becoming the most important factor influencing the life of both states and their relations. The article reveals the social characteristics of Polish emigrants living in the UK. The author pays attention to the dynamics of the number of Polish emigrants and the geo-

graphy of their settlement in the United Kingdom, emphasizing the particular attractiveness of Greater London. Polish emigrants initially, holding low-skilled positions, were able to achieve success in the professional field. Therefore, the thesis about the extreme dependence of Polish emigrants on social benefits cultivated by British nationalists is not true. Well-educated young people with proficient level of English language skills dominated among emigrants. At the same time, the growing number of emigrants from rural areas leads to an increase in the share of emigrants with a low level of education. In terms of gender, men prevailed among emigrants. The author analyses the behaviour of Polish emigrant families in case they give birth to children and how this fact affects their well-being. **Results.** The article shows the success of Polish emigrants in adapting to new conditions of life and labour activity on the territory of Great Britain. According to the author, one of the indicators of the high

© Бобешко А. В., 2024

degree of adaptation of Poles is the high percentage of self-employed in their environment. In conclusion, the author emphasizes that, despite Brexit and COVID-19, most Polish emigrants prefer to stay on the territory of the UK without breaking close contacts with their homeland.

Keywords: Polish emigration, Great Britain, Poland, Brexit, gender relations

For citation: Bobeshko AV. Polish emigration to Great Britain: social structure and adaptation challenges. *Humanities*

Введение / Introduction. После вступления Польши в Европейский союз в 2004 г. Великобритания оказалась среди тех стран, которые полностью открыли свои границы для польских эмигрантов. Вопреки мнению польских и британских экспертов эмиграция из Польши превзошла все ожидания по своим масштабам. По данному показателю среди стран Центрально-Восточной Европы и Балтии Польша и Литва заняли лидирующие позиции. Важное место при изучении эмиграции поляков в Соединенное Королевство занимает изучение механизмов их адаптации к новой реальности. Приток эмигрантов из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии во многом способствовал падению кабинета министров Э. Мэйджора и прихода к власти консерваторов, использующих в своей предвыборной кампании некоторые антиэмигрантские лозунги, идя на поводу у значительной части избирателей и националистов. Данная политика завершается Брекситом.

Материалы и методы / Materials and methods. Предоставленное исследование выполнено в рамках теоретико-методологических подходов исторической антропологии. Для данного направления в качестве причин эмиграции индивидов выступают их социальные, гендерные и культурные основы. При изучении миграции первостепенное внимание следует уделять «посылающему сообществу», где формируются факторы, способствующие миграции и отчасти модели интеграции мигрантов в «принимающем сообществе». Антропологи пытаются взглянуть на миграцию «глазами» ее участников, то есть понять, что значит быть эмигрантом и прежде всего, на те проблемы, с которыми они сталкиваются. Особое место антропология отводит изучению социальных и культурных изменений, происшедших у эмигрантов под воздействием новой социокультурной среды, тому, как происходит деформация их этнической идентичности и процесс ассимиляции [7, р.97-136]. В качестве исторического источника при работе над темой выступают материалы средств массовой информации Велико-

and law research. 2024;11(1):20-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.2>.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.07.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

британии и Польши, а также польских и европейских аналитических центров.

Анализ / Analysis. Самой многочисленной общиной из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии в Великобритании становится польская диаспора. Поляки заняли весомые позиции в жизни многих регионов королевства. Фактор польской эмиграции становится важным аспектом, определяющим польско-британские отношения после вступления Польши в ЕС и Брексита. С 2004 по 2007 г. численность временно проживающих в ЕС поляков удвоилась, достигнув 2 млн чел., то есть Польшу покинуло 5,3 % населения страны [15]. В такой степени потери еще понесло население Литвы, где молодежь покинула многие регионы страны.

До 2004 г. 37 % польских эмигрантов выезжало в Германию и 20% в США [2, с.129]. После вступления в Европейский союз, более 30% польских эмигрантов обосновалось в Великобритании, 23,5 % в Германию, 5,5 % в Ирландию. Если в 2004 г. в Великобританию въехало всего 500 поляков (2,6 %), то в 2006 г. уже 24 тыс. (30,3 %), затем количество польских иммигрантов, въезжающих в Великобританию, сокращается до 3500-5000 чел. в год (около 20 %) [22, р. 13]. К 2011 г. численность польских иммигрантов в королевстве увеличилась до 676 тыс. чел. [22, р. 12]. В региональном измерении в 2011 г. 579 тыс. поляков проживало в Англии, 55 тыс. в Шотландии, 19,5 тыс. в Северной Ирландии и 18 тыс. в Уэльсе.

Очень часто современные исследователи, анализируя польскую иммиграцию в Великобританию, рассматривают ее как единое целое, не вдаваясь в специфику процесса [9, р. 161-190]. Молодежь от 20 до 24 лет до 2004 г. составляла 42 %, в 2004-2007 гг. 37,8 % и в 2008 – 2011 гг. 36,2 % всех иммигрантов. Поляки от 25 до 29 лет в 2006–2009 гг. составляли около 30 %, причем их численность увеличилась в 2008-2009 гг. За этот период с 14 % до 16 % увеличилась доля тех, кому исполнилось 30-35 лет. Следовательно, большинство польских иммигрантов относилось к трудоспособному населению, поскольку от 81 % до

83 % из них являлись люди от 20 до 35 лет. В 2011 г. согласно сведениям по Англии и Уэльсу, так как данные по Шотландии отсутствовали, люди старше 65 лет составляли всего 4,6 % иммигрантов, а дети до 15 лет 11,4 % [22, р. 21]. Это довольно высокие показатели. В тоже время, более возрастные группы польских иммигрантов предпочитали уезжать в Нидерланды, Германию, Италию.

В гендерном отношении в польской иммиграции в Великобританию доминировали мужчины. До вступления Польши в ЕС они составляли 52,7% всех иммигрантов, в 2004-2008 гг. 65,2%, а после начала экономического кризиса в 2008 г. и до 2011 г., их удельный вес существенно сокращается до 55,5% [22, р. 18]. К 2015 г. численность женщин иммигранток, превысила численность мужчин. По мере увеличения численности среди иммигрантов женщин нарастает процесс объединения семей. Когда мужчина, переехав в Великобританию, через определенное время, достигает успехов в профессиональной карьере, он перевозит в страну свою семью.

Большинство поляков, по происхождению являлось горожанами, хотя их численность постепенно сокращается в общем потоке иммиграции из Польши в Великобританию. До 2004 г. они составляли 67,2%, с 2004 по 2007 гг. 61,1% и с 2008 по 2011 гг. 56%. Эта статистика может помимо всего свидетельствовать о доминировании среди иммигрантов людей с высоким уровнем образования, так как в сельской местности он значительно ниже. В тоже время, рост численности мигрантов из сельской местности демонстрирует нарастание числа поляков с низким уровнем образования. В итоге около 64% польских иммигрантов получило высшее образование, лишь 14,3% поляков не имело никакого образования [22, р. 22].

Важное значение для адаптации в Великобритании играет знание английского языка. В Польше традиционно система образования ориентировалась на изучение иностранных языков на всех ее ступенях. Поэтому 65%-68% польских иммигрантов отмечало отличное или хорошее знание английского языка, что позволяло им интегрироваться более удачно в новую культурную и социальную среду. Только 3% поляков признавало не знание английского языка.

Очень примечательны данные о польских иммигрантах в Великобритании, в сравнении с аналогичными показателями в других

европейских государствах. В Германии большая часть поляков имела среднее и начальное профессиональное образование. В то время как в Великобритании значительная часть польских иммигрантов получило университетский диплом. В Великобритании доминировали иммигранты от 20 до 39 лет, в Германии этот показатель был ниже. В Великобритании доминировали поляки-горожане. В Германии поляки из сельской местности составляли значительный процент иммигрантов.

В 2006-2007 гг. 30,5% опрошенных польских иммигрантов старше 16 лет не имела детей, 30,4% имело одного ребенка и 31,6% двух детей. В 2008-2009 г. данные пропорции несколько меняются. Они выглядели следующим образом: 30,3%, 30,2% и 33,1% соответственно [17]. Таким образом, значительная часть польских иммигрантов, старше 16 лет имело семью или собирались ее завести, и, разумеется, иметь потомство. Данный фактор неизбежно ставил родителей перед сложной дилеммой, либо возвращаться на родину, чтобы там, в естественной культурной среде воспитывать своих детей, либо остаться в Великобритании. Родителям приходилось решать сложные вопросы о потребностях детей в языковой среде, необходимости получения образования и обеспечения их высокими стандартами жизни.

Традиционно значительная часть польских иммигрантов селилась в Большом Лондоне. После 2004 г. польская диаспора размещается и в других регионах страны [29, р. 14]. Однако, Лондон по-прежнему остается городом, где проживает самая многочисленная в Европе польская диаспора. География расселения польских иммигрантов влияет на их бездетность и количество детей в семье. Больше всего бездетных семей, как и количество поляков, не вступивших в брак, проживает в Лондоне, так как в столице Великобритании отмечается высокая стоимость жизни и жилья. Больше всего польских семей, которые имеют или предполагают завести двое детей, проживает в Большом Манчестере и на северо-западе Англии, где стоимость жилья значительно ниже [17].

Имеются очень интересные данные о влиянии уровня образования польских женщин на их намерение завести детей. Женщины с высшим образованием предпочитают иметь не более одного ребенка, женщины с начальным и средним образованием вполне

допускаю возможность иметь более одного ребенка, в то время как у мужчин такой четкой зависимости нет. Данное обстоятельство объясняется тем, что женщины с высшим образованием располагают хорошей работой с перспективой карьерного роста и соответственно довольно высоким уровнем заработной платы. Поэтому они не готовы терять данные преимущества в связи с рождением ребенка, тем более второго и т.д. Во время декретного отпуска и периода уходом за маленькими детьми, они не только теряют в доходах, но и могут потерять возможности для продвижения по карьерной лестнице в будущем. Издержки для женщин присутствуют даже в той ситуации, когда они нанимают нянь или муж чувствует в уходе за ребенком [23, р. 171-200]. Очень часто польские женщины, имеющие высшее образование работают по специальности, занимая менее престижные должности, но это не снижает их карьерные амбиции. В целом у польских иммигрантов влияние уровня образования родителей на количество детей в семье не столь выражено, как у местного населения. Все большее количество семей польских иммигрантов стремилось завести детей, несмотря на все сложности. Если в 2001 г. детей польского происхождения в стране насчитывалось 2 тыс. чел., то в 2021 г. уже 23 тыс. чел. [18].

В литературе, посвященной иммиграции отмечается влияние уровня доходов иммигрантских семей и наличие постоянного дохода на количество детей в семье [4, р. 439-465]. В самой Польше и в других государствах Центрально-Восточной Европы и Балтии данная тенденция четко выражена. Рождение детей и потеря трудоспособности женщин становилось фактором, ведущим к падению доходов семьи. Тем более она наиболее рельефно проявлялась в семьях с низкими доходами. Полная незанятость в Польше ведет к существенному обвалу доходов семьи, так как в таком случае люди получали минимальную оплату труда. В 2007 г. 9% женщин Польши и 3,3% мужчин имели неполный рабочий день. В Великобритании польские иммигранты оказались в другой ситуации, когда они могли воспользоваться благами государства всеобщего благосостояния [27, р. 61-77].

В 2008-2009 гг. более 90% мужчин и 86% женщин из Польши, проживавших в Великобритании и, не имеющих на иждивении детей, было трудоустроено. После рождения

первого ребенка на работе оставалось 88,5% мужчин и всего 66,6% женщин, а среди женщин, имевших двух детей, уровень занятости падал до 50,9%. При этом следует отметить влияние такой тенденции как неполный рабочий день для женщин. По данным статистики 88,5% мужчин, имевших в семье детей, трудилось полную рабочую неделю. У женщин данный показатель составлял 37,5% женщин [17]. Причем данная тенденция отмечалась как на территории Большого Лондона, так и в других регионах Соединенного Королевства. В британской столице польские женщины получали не столь значительную разницу в заработной плате по сравнению с другими регионами страны, а усилия по уходу за детьми были, пожалуй, сложнее.

Польские женщины выбирали неполный рабочий день по ряду обстоятельств. Детские дошкольные заведения и школы могли принять детей на строго определенное время, поэтому остальное время они находились в семье. Отсюда женщины могли получить только неполный рабочий день, пока дети находились под присмотром в вышеуказанных учреждениях. Однако на этом проблемы женщин не заканчиваются. По данным опросов в 2008-2009 гг. 66% женщин (при наличии одного ребенка) не позволяла в полной мере трудиться необходимость ведения домашнего хозяйства. По мере расширения семьи все большее количество женщин среди препятствий называла необходимость уделять семье больше внимания. При одном ребенке таких женщин было 20 %, при двух 66,5 % [17]. В ряде регионов многие женщины отмечали в числе проблем для полной занятости недостаток дошкольных учреждений и ограниченность уже существующих. В Великобритании дети 3-4 лет имеют право на посещение в течение 15 часов бесплатных дошкольных учреждений на протяжении 38 недель в год [8]. Этот момент действительно создавал много препятствий для трудоустройства женщин. Следует отметить, что в самой Польше положение дел с дошкольными учреждениями обстоит еще хуже. Только с 6 лет дети поступают в подготовительную группу школ. По данным на 2010 г. всего 40% детей в возрасте от 3 до 6 лет могло посещать дошкольные учреждения, а дети до 3 лет обеспечивались дошкольными учреждениями на 2% [6].

Поэтому в польских семьях в Великобритании главным кормильцем при рождении

детей и потери женщиной работы или ее неполном рабочем дне становятся мужчины. Они изначально имеют доход выше дохода женщины. Для компенсации потерь семейного бюджета активно используют дополнительную трудовую деятельность и сверхурочные часы. В 2008–2009 гг. мужчины, не имевшие детей, в среднем трудились 39 часов в неделю, в то время как при появлении первого ребенка продолжительность трудовой недели мужчин сразу увеличивается до 41 часа [17]. Мужчины значительно удлиняют свой рабочий день, трудовую и психологическую нагрузку. Следовательно, они значительно меньше времени посвящают семье и воспитанию детей в сравнении с женщинами. Несмотря на все изменения в обществе гендерное разделение польских иммигрантов в Великобритании напоминает традиционные модели поведения в семье, унаследованные с викторианских времен и традиции польской семейной культуры [26, р. 205-220]. Женщины, потерявшие работу и оказавшиеся только в рамках семьи, подвергались сложным испытаниям. Многие из них оказались в социальной изоляции, многие теряли навыки знания английского языка, у них снижалась самооценка, что в будущем могло негативно сказаться на их профессиональном росте и интеграции в общество.

Данные за 2008-2010 гг. показывают, что рождаемость у польских семей в Великобритании была выше в сравнении с аналогичными показателями в Польше. Однако рождаемость поляков в Великобритании не достигала средних показателей по стране, что развенчивало мифы, утвердившимися в общественном мнении Великобритании, приписывавшим полякам высокую рождаемость, которая, дескать, была значительно выше средних показателей Соединенного Королевства.

Польские иммигранты в Великобритании, имевшие детей могли рассчитывать на помощь со стороны государства. Социальные льготы увеличивались, если польские иммигранты непрерывно трудились в течение годы. Согласно социологическим опросам и данным национальной статистической службы 87% семей польских иммигрантов претендовало на получение пособий на детей и 46,3% на налоговые льготы [17]. В 2008 г. только 3,2% бездетных поляков обращалось за помощью к государству. В то время как этот показатель у семей с детьми был значительно выше. За

помощью обращалось 54,9 % семей с одним ребенком и 58,5 % семей с двумя детьми. Поэтому проекты сокращения социальных расходов в Великобритании могли негативно сказаться на положении значительного числа польских семей.

Многие эксперты отмечают проживание семей польских иммигрантов в неудовлетворительном жилом фонде, который не соответствует стандартам качества и количества жилых площадей на одного человека. Данное обстоятельство вполне объяснимо, так как значительная часть польских иммигрантов имеет невысокие доходы в сравнении с местными жителями. Многие иммигранты объединяют усилия и снимают жилье в складчину, что увеличивает скученность проживающих в таком жилье. В большинстве случаев поляки снимали жилье у частных лиц, оно дороже в сравнении с арендой муниципального жилья. В собственном жилом фонде проживало в 2009 г. только 7,9% бездетных поляков, 5,9% имеющих одного ребенка и 19,6% семей с двумя детьми. В Лондоне ситуация не выглядела диаметрально противоположно: 86,9% поляков арендовало жилье, 11% бездетных имело свое жилье, у семей с двумя детьми этот показатель составлял 5,6% и с двумя детьми 15,6% [17]. Наличие собственного жилья является фактором стабильности и безопасности, поскольку поляки, снимавшие жилье всегда находились под прессом влияния непредсказуемых факторов, включая повышение ставки по оплате арендной платы. В 2011 г. ситуация не изменилась кардинальным образом: 75,6 % польских иммигрантов проживало в арендованном или бесплатном жилом фонде, 14,7% имело собственное жилье или, находившиеся в коллективной собственности и 9,7% арендовало жилье на льготных условиях [22, р. 22].

Профессиональная деятельность польских иммигрантов становится примером успешной интеграции иммигрантов в Соединенном Королевстве. В британском обществе распространяется мнение о значительном притоке в Великобританию людей с высшим образованием, и прежде всего, из Польши, что в ряде случаев приводит к их избыточному количеству в некоторых секторах народного хозяйства и т.д. [16, р. 795-854]. И.Марчак опровергает господствующее утверждение о том, что польские женщины, прибывающие в Великобританию, имеют более высокий уро-

вень образованию. По ее сведению в этом показателе небольшое доминирование отмечалось именно у мужчин [17].

Занимая малоквалифицированные места на рынке труда Великобритании, в большинстве случаев несоответствующие уровню образования, поляки, будучи привлекательными и профессиональными работниками, довольно быстро продвигались по служебной лестнице. Так, работая в баре или ресепшне, они могли вскоре перейти на должности менеджеров в сфере услуг, работая в автомастерских через некоторое время, открывать собственное дело. В таком случае освобождая вакансии для новых иммигрантов из Польши и других стран Центрально-Восточной Европы и Балтии. Следовательно, поляки отличались большой профессиональной мобильностью. В тоже время треть поляков трудилась на должностях, не соответствующих их профессиональному уровню. Около 49% польских иммигрантов выполняло простейшие производственные функции, 15% трудилось на управленческих должностях среднего уровня, 16% высококвалифицированных должностях и 18% в других сферах [22, р. 22-23].

В 2011 г. из 379,2 тыс. поляков трудоспособного возраста 81,4% вело активную трудовую деятельность, 12,1% ее не занималось в силу различных причин и только 3,5% поляков числилось в качестве безработных. При этом не следует забывать, что 3% трудоспособного населения составили студенты. Правда часть из них вполне могла совмещать учебу и работу. В категории самозанятых числилось 56,9 тыс. чел. или 17,7% от общей численности трудоспособного населения польской общины Великобритании. Больше всего поляков работало в сфере услуг и гостеприимства 27%, в промышленном производстве 19,2%, в сфере бизнес-услуг 16,5%, в сфере государственного управления, образования и здравоохранения 11,6%, в транспорте и связи около 10% и 1,4% в коммунальном хозяйстве и 1,3% в сельском хозяйстве [22, р. 22].

Следует подчеркнуть, что первоначально польские иммигранты занимали те сферы трудовой деятельности, которые считались непрестижными среди местного населения. К таким относились работа в сельском хозяйстве (2/3 работодателей жаловалось на проблемы с наймом рабочих), в гостиничном бизнесе (40% гостиниц испытывало трудно-

сти с наймом персонала), в пищевой промышленности и в качестве прислуги [28]. То есть, в 2004 г. в Великобритании была очень востребована низкоквалифицированная рабочая сила. В ряде сельских районов и провинциальных городах она составляла основу рынка труда. Поэтому работодатели были заинтересованы в использовании труда польских иммигрантов, в том числе с помощью предоставления им жилья на выгодных условиях [13, р. 35-53]. В тоже время, некоторые скептики заявляли об экономической нецелесообразности использования труда иммигрантов и временных рабочих, так как их дешевый труд создавал препятствия для модернизации данных секторов экономики и не способствовал привлечению инвестиций, способных существенным образом повысить их конкурентоспособность.

Анализ ситуации на рынке труда Великобритании показывает, что с 2004 по 2012 гг. с притоком новых волн польских иммигрантов практически не увеличивается их численность среди безработных в стране. Следовательно, Великобритания смогла безболезненно принять и трудоустроить иммигрантов из Польши и других стран Центрально-Восточной Европы и Балтии. Даже в условиях экономического кризиса 2008-2009 гг. уровень занятости поляков оказалась выше в сравнении с местными жителями. В 2009 г. 83,6% поляков от 16 лет до 64 лет имело работу, в то время как среди британцев данный показатель составлял 70,5% [24].

Большую роль в этом сыграла категория самозанятых, то есть поляков и других выходцев из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии, открывших собственное дело в стране. Численность самозанятых из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии достигла 48% от всей численности самозанятых в строительстве, и 2/3 из них имело высокий уровень квалификации, что расходуется с утверждением о доминировании «польского сантехника» на рынке труда. Примечательно, что значительная часть самозанятых первоначально ориентировалась на удовлетворение запросов своих сограждан. Однако, по мере развития собственного бизнеса они выходят на локальный и региональный уровень, то есть выходя за пределы польской общины. Особенно, это касалось таких сфер как строительство, транспорт, информационные технологии, сфера общественного питания и т.д. К 2008 г. по данным Британо-Польской торго-

вой палаты около 40 тыс. поляков открыло собственный бизнес в Великобритании.

Опросы, проведенные среди британских работодателей, показывают, что польские эмигранты отличались профессионализмом, высокой трудовой этикой, соглашались на получение низкой заработной платы при ненормированном рабочем дне. Поэтому в ряде случаев, их более охотно брали на работу, чем уроженцев Соединенного Королевства [3, с. 115]. В тоже время, в рамках всей страны данная тенденция практически не проявлялась. Следовательно, все разговоры о потери британцами рабочих мест в пользу иммигрантов себя не оправдывали, как и рассуждения о давлении поляков на британскую систему социального обеспечения населения. Иммигранты из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии и, прежде всего, из Польши довольно легко адаптировались к новой социальной среде. Исключением становится развитие ситуации в Ланкашире и Кембриджшире, так как эти регионы не имели опыта резкого изменения этнического состава населения, поскольку там доминировал патриархальный ритм жизни [25]. В этих графствах возникали некоторые проблемы с интеграцией иммигрантов, в том числе поляков в местное сообщество.

В последующие годы показали сложную и противоречивую динамику изменения численности польской общины в Соединенном Королевстве. В 2013 г. она составила 688 тыс. чел. (+4,6%), в 2014 г. 790 тыс. чел. (+14,8%), в 2015 г. 831 тыс. чел. (+5,2%), в 2016 г. 911 тыс. чел. (+9,6%), в 2017 г. она достигает своих максимальных показателей, когда численность поляков в стране составляет 922 тыс. чел. (+1,2%). Затем на фоне Брексита их численность начинает снижаться в 2018 г. до 832 тыс. чел. (- 9,8%) и в 2019 г. до 695 тыс. чел. (-16,5%) [20].

Польское статистическое агентство приводит несколько иные данные. По его сведениям в 2008 г. количество польских иммигрантов в Великобритании составило 502 тыс. чел., непрерывно увеличиваясь до 2017 г., когда оно достигло 1 млн. 21 тыс. чел., затем численность поляков сокращается в 2019 г. до 900 тыс. чел. [21].

Разница в данных вполне объяснима. Подача заявлений польскими гражданами выявила одну серьезную проблему при учете численности граждан стран ЕС, проживающих в Соединенном Королевстве. По оценкам ряда экспертов реальная численность

поляков в стране колеблется от 1 млн. чел. до 1,5 млн. чел. [14]. Часть из них либо не оформляет необходимые документы, либо получает гражданство Великобритании, автоматически выпадая из категории польских иммигрантов.

По данным экспертов большинство из них предпочитало сохранять гражданство Польши. С 2007 по октябрь 2020 г. только 58667 чел. получило гражданство Великобритании [14]. Отчасти такое незначительное количество поляков, как и граждан других стран Балтии и Центрально-Восточной Европы, поменявших гражданство было связано с высокой стоимостью получения гражданства Великобритании. Она достигала 1500 фунтов на человека [14]. Большая часть польских эмигрантов подала заявление на получение вида на жительство.

Подавляющее число польских граждан, даже получив вид на жительство, имея хорошую работу, не отказывалось от гражданства Польши. Некоторые исследователи объясняли этот момент пресловутым польским национализмом (патриотизмом). Поэтому они не в значительной степени подвергались натурализации и ассимиляции [19, р. 2109-2130]. Другие, наоборот, подчеркивают транснационализм поляков. Они мало интересовались политической жизнью Великобритании, за исключением Брексита, который, напрямую затрагивал их интересы. Большинство представителей польской общины до конца не определили для себя жизненную стратегию, то есть навсегда остаться в Великобритании или со временем вернуться на родину. Более того, наличие или отсутствие британского гражданства не ущемляло поляков, как и граждан других стран в ЕС в социальных правах. Поэтому значительная часть иммигрантов, из континентальной Европы предпочитала сохранять гражданство своих стран. Соответственно, они не имели возможности высказаться по поводу Брексита во время референдума 2016 г.

Кризис 2008 г. снижает привлекательность Великобритании для многих реальных и потенциальных мигрантов. Британская экономика переживает большие сложности, что не могло не сказаться на состоянии дел на рынке труда страны, курс фунта падает по отношению к золотому. К тому же кризис не только не затронул Польшу, но она на удивление многих экспертов демонстрировала уверенные темпы экономического развития. В 2008 г. ее ВВП увеличился на 5,7%, а в 2009 г. на 1,7% [1, с. 52-56]. С 2004 г. зара-

ботная плата в Великобритании практически не увеличилась, в то время как в Польше с 2004 по 2009 г. она выросла вдвое [12, р. 18].

В 2009-2010 гг. в Европе активно обсуждались перспективы дальнейшей иммиграции поляков, высказывались самые различные вариации возможного поворота событий. Польские власти и эксперты предсказывали резкое снижение численности сограждан, желающих покинуть родину и увеличение численности тех, кто вернется на родину [10]. В пользу данного фактора говорили рост уровня жизни в Польше и набирающий темп экономический подъем в стране. Польша демонстрировала уверенные показатели развития народного хозяйства, в том числе на фоне успехов других стран Центрально-Восточной Европы и Балтии. В разгар дискуссии отмечалось, что с 2004 г. по 2010 г. в Великобританию въехало почти 1 млн. поляков, но почти половина из них вернулась на родину по разным причинам, в том числе по мере улучшения экономической ситуации в Польше, окончания учебы и т.д. [28].

Однако сами поляки ответили на этот вопрос. В 2011 г. в Великобританию въехало 45 тыс. граждан Польши, достигнув докризисных показателей [24]. Более того, не все поляки, желавшие первоначально приехать на временную работу в Соединенное Королевство, впоследствии возвращались на родину. Пожив в Великобритании, они понимали, насколько здесь высоки стандарты жизни и оплата труда. Поэтому они меняли свою стратегию поведения, отказываясь от возвращения в Польшу [25].

Экономические успехи Польши действительно являются стимулом для возвращения поляков на родину. Приезд в Польшу молодых людей с высоким уровнем образования и квалификации может стать важным фактором для развития ее народного хозяйства. Экономика Великобритании, наоборот, теряет эту категорию населения, что приведет к негативным последствиям для ее народного хозяйства.

Однако политика консервативного правительства, контролируемого партией «Закон и справедливость» не находит поддержки среди большинства поляков, проживающих в Соединенном Королевстве. Они традиционно голосуют за польских либералов. Свою роль в данном случае играет информационный фон в Великобритании, где формируется негативный образ польских консерваторов.

Приход к власти правительства Т. Мэй и начало переговоров о выходе Великобритании из ЕС самым негативным образом сказались на привлекательности королевства для польских иммигрантов. В СМИ Великобритании и в заявлениях британских националистов постоянно использовалась антииммигрантская риторика, что пугало многих потенциальных иммигрантов. Постоянно будируется тема закрытия границ между ЕС и Великобританией, что также не поднимало настроения иммигрантов из стран Центрально-Восточной Европы и Балтии.

События 2016 г. привели к некоторым изменениям в численности польских иммигрантов в Европе. В 2020 г. по данному показателю на первое место вышла Германия, опередив Великобританию. В Германии численность поляков составила 862535 чел. [14]. В декабре 2020 г. в Великобритании их количество достигло 854630 чел. (в обоих случаях учитывается количество граждан, подавших заявление на получение вида на жительство). Польская община в Германии уступала по численности только турецкой общине. Следует отметить, что в Ирландии польская община становится крупнейшей, достигнув в 2016 г. 122,5 тыс. чел. или 2,5% населения страны [10, р. 264].

Распространение эпидемии COVID-19 ускорило процесс возвращения временных рабочих из Великобритании в страны Центрально-Восточной Европы и Балтии. Однако такое решение иммигрантам, привыкшим к жизни в Великобритании, приходилось принимать с большим трудом, их дети, родившиеся в стране, предпочитали отстаиваться в королевстве. Для многих иммигрантов аргументом в пользу возвращения на родину становится болезнь и старение родителей. В некоторых семьях возникают серьезные противоречия, когда один из супругов выступает за возвращение, а другой против.

По мнению М. Симтона, директора Центра изучения миграции Оксфордского университета, в 2016-2019 гг. происходит поток обратной иммиграции из Великобритании в Центрально-Восточную Европу и Прибалтику, который может привести к значительным изменениям на рынке труда страны и для ее экономики. Особенно возврату на родину подвержены люди в возрасте и тем, кто не проживал в Великобритании в течение длительного периода жизни [5, р. 40].

Главным образом от этого могут пострадать ИТ – компании и другие сектора, связанные с высокими технологиями и привыкшие к бесконтрольному потоку высококвалифицированных кадров из Восточной Европы [25]. Удаленный формат работы в условиях пандемии несколько упростил трудовую деятельность тех, кто мог легко перейти на такой тип работы. В результате, трудясь на британскую фирму и получая высокую заработную плату, жители Восточной Европы могли спокойно проживать на родине, где жизнь была значительно дешевле.

Результаты / Results. Эмиграция поляков в Великобританию после 2004 г. становится самым масштабным миграционным потоком в страну в начале XXI в. не только из стран, вступивших в Европейский союз в 2004 г. В отличие от многих эмигрантов поляки демонстрировали высокий уровень занятости и социальной активности. Большинство польских эмигрантов – это молодежь, имеющая высокий уровень образования и на приемлемом уровне, знающая английский язык. В гендерном отношении среди эмигрантов пре-

обладают мужчины, не состоящие в браке. Поэтому уровень безработицы среди них остается на низком уровне. По мере проживания в королевстве уровень доходов, качество жизни поляков растут, как и их продвижение по профессиональной лестнице. Рождение детей приводит к временным трудностям, заставляя поляков прибегать к помощи государства, но они в меньшей степени рассчитывают на социальные пособия в сравнении с другими категориями населения Великобритании. Польские эмигранты смогли относительно безболезненно интегрироваться в новую социальную среду, предпочитая селиться в Большом Лондоне и на юго-востоке Англии. В Великобритании польские эмигранты стремятся поддерживать национальные традиции и контакты с родиной. Большинство эмигрантов из Польши, не собирается возвращаться на родину даже после референдума в Великобритании о выходе из ЕС. В тоже время, Германия становится более привлекательной страной для польских эмигрантов после Брексита, опередив этом плане Великобританию.

Литература

1. Габарта А. Анализ состояния польской экономики через семь лет после вступления страны в ЕС // *Мировое и национальное хозяйство*. 2011. № 3. С. 52–56.
2. Воронников В. В., Габарта А. А. Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики // *Современная Европа*. 2016. № 6. С. 125–136.
3. Кондратьева Т. С. Великобритания: Масштабы и особенности польской миграции после расширения ЕС в 2004 г. // *Актуальные проблемы Европы*. 2014. № 4. С.109–124.
4. Billari F. C., Philipov D., Testa M. R. Attitudes, norms and perceived behavioral control: explaining fertility intentions in Bulgaria // *European Journal of Population-Revue Europeenne De Demographie*. 2009. No. 25. P. 439–465.
5. Blanchflower D. G, Lawton H. The Impact of the Recent Expansion of the EU on the UK Labour Market Discussion. Paper No. 3695 September 2008. Bonn, 2008. 36 p.
6. Brak przedszkoli podnosi bezrobocie (Lack of pre-schools increases unemployment) // *Dziennik Gazeta Prawna*. 2010. URL: <http://www.tvn24.pl/12692,1637726,0,1,brak-przedszkoli-podnosibezrobocie,wiadomosc.html> (accessed: 15.10.2021).
7. Brettell C. Theorizing Migration in Anthropology // *Migration Theory: Talking across Disciplines* / ed. By Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. N.Y.; 2000. P. 97-136.
8. Directgov. Getting help with preschool costs. Retrieved 19.02.2011. URL: http://www.direct.gov.uk/en/Parents/Preschooldevelopmentandlearning/NurseriesPlaygroupsReceptionClasses/DG_4002825 (accessed: 15.10.2021).
9. Drinkwater S., Eade J., Garapich M. Poles apart? EU enlargement and the labour market outcomes of immigrants in the United Kingdom // *International Migration*, 2009. Vol. 47 No.1. P.161-190.
10. Fanning B., Kloc-Nowak W., Lesinska M. Polish migrant settlement without political integration in the United Kingdom and Ireland: a comparative analysis in the context of Brexit and thin European citizenship // *International Migration*. 2021. Vol. 59. P. 263-280.
11. Franck Düvell: Essays on Migration and Politics. Germany Drops Labour Migration Restrictions for Poles and Other A8 Workers: “Myths of Invasions” vs “rejuvenating an Ageing Work Force”. 2.05.2011. URL: <https://fduvell.tumblr.com/post/48683038614/germany-drops-labour-migration-restricti-ons-f> (accessed: 15.10.2021).
12. Ingold K. Needs Assessment Bradford District’s Central and Eastern European Communities. City of Bradford Metropolitan District Council Public Health Department October 2014. 126 p.

13. Jentsch B., de Lima P., MacDonald B. Migrant Workers in Rural Scotland: "Going to the Middle of Nowhere" // *International Journal on Multicultural Societies*. 2007. No. 9. P. 35–53.
14. Judah T. Poland's population imponderables (1.04.2021) URL: <https://balkaninsight.com/2021/04/01/polands-population-imponderables/> (accessed: 15.10.2021).
15. Koikkalainen S. Free Movement in Europe: Past and Present. 21.04. 2011. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-europe-past-and-present> (accessed: 18.10.2021).
16. Kotowska I., Józwiak J., Matysiak A., Baranowska A. Poland: fertility decline as a response to profound societal and labour market changes // *Demographic Research*. 2008. No.19. P. 795–854.
17. Marczak J. Socioeconomic characteristics of Polish migrants in the UK by parity and gender. In *Mobility and Migrations at the Time of Transformation - Methodological Challenges*, 25 March 2011, Warsaw, 2011. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35437306.pdf> (accessed: 19.10.2021).
18. Mason R. One in four British babies born to foreign mothers // *The Telegraph*. 25.10.2012.
19. McGhee D., Moreh C., Vlachantoni A. An "undeliberate determinacy"? The changing migration strategies of Polish migrants in the UK in times of Brexit // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. No. 43. P. 2109–2130.
20. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/november2019> (accessed: 19.10.2021).
21. Number of Polish nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1061639/polish-population-in-united-kingdom/> (accessed: 19.10.2021).
22. Okólski M., John S. Polish Emigration to the UK after 2004; Why Did So Many Come? // *Central and Eastern European Migration Review*. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 11–35.
23. Olah L. S. Z. Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary // *Population Research and Policy Review*. 2003. No. 22. P. 171–200.
24. Rainey S. Why Poles love coming to Britain // *The Telegraph*. 31.01. 2013.
25. Parker G., etc. How two decades of EU migration went into reverse // *Financial Times*. 01. 04. 2021.
26. Ruddick S. The idea of fatherhood. In *Feminism and families* /ed. H. L. Nelson. London: Routledge, 1997. P. 205–220.
27. Ryan L., Sales R., Tilki M., Siara B. Family strategies and transnational migration: Recent Polish migrants in London // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. No. 35. P. 61–77.
28. Travis A. Polish immigration To the UK: wild claims don't add up // *Guardian*. 19.09.2011.
29. Trevena P. "New" Polish migration to the UK: A synthesis of existing evidence. Centre for Population Change Working Papers. No. 3. 2009. 31 p.

References

1. Gabarita A. Analysis of the state of the Polish economy seven years after the country's accession to the EU. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo*. 2011;3:52-56. (In Russ.).
2. Vorotnikov VV, Gabarita AA. The impact of labor migration on the socio-economic development of Poland and the Baltic countries. *Sovremennaya Evropa*. 2016;6:125-136. (In Russ.).
3. Kondratieva TS. Great Britain: The scale and features of Polish migration after the enlargement of the EU in 2004. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2014;4:109-124. (In Russ.).
4. Billari FC, Philipov D, Testa MR. Attitudes, norms and perceived behavioral control: explaining fertility intentions in Bulgaria. *European Journal of Population-Revue Europeenne De Demographie*. 2009;25:439-465.
5. Blanchflower DG, Lawton H. The Impact of the Recent Expansion of the EU on the UK Labour Market Discussion. Paper No. 3695 September 2008. Bonn, 2008. 36 p.
6. Lack of pre-schools increases unemployment. *Dziennik Gazeta Prawna*. 2010. URL: <http://www.tvn24.pl/12692,1637726,0,1,brak-przedszkoli-podnosibezrobocie,wiadomosc.html> (accessed: 15.10.2021). (In Pol.).
7. Brettell C. Theorizing Migration in Anthropology. pp.97-136. // *Migration Theory: Talking across Disciplines* / ed. By Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. N.Y., 2000. P. 97-136.
8. Directgov. Getting help with preschool costs. Retrieved 19.02.2011. URL: http://www.direct.gov.uk/en/Parents/Preschooldevelopmentandlearning/NurseriesPlaygroupsReceptionClasses/DG_4002825 (accessed: 15.10.2021).
9. Drinkwater S, Eade J, Garapich M. Poles apart? EU enlargement and the labour market outcomes of immigrants in the United Kingdom. *International Migration*. 2009;47(1):161-190.
10. Fanning B, Kloc-Nowak W, Lesinska M. Polish migrant settlement without political integration in the United Kingdom and Ireland: a comparative analysis in the context of Brexit and thin European citizenship. *International Migration*. 2021;59:263-280.
11. Franck Düvell: Essays on Migration and Politics. Germany Drops Labour Migration Restrictions for Poles and Other A8 Workers: "Myths of Invasions" vs "rejuvenating an Ageing Work Force". 02.05.2011. URL:

- <https://fduvell.tumblr.com/post/48683038614/germany-drops-labour-migration-restrictions-f> (accessed: 15.10.2021).
12. Ingold K. Needs Assessment Bradford District's Central and Eastern European Communities. City of Bradford Metropolitan District Council Public Health Department October 2014. 126 p.
  13. Jentsch B, de Lima P, MacDonald B. Migrant Workers in Rural Scotland: "Going to the Middle of Nowhere". *International Journal on Multicultural Societies*. 2007;9:35-53.
  14. Judah T. Poland's population imponderables (01.04.2021) URL: <https://balkaninsight.com/2021/04/01/polands-population-imponderables/> (accessed: 15.10.2021).
  15. Koikkalainen S. Free Movement in Europe: Past and Present. 21.04. 2011. URL: <https://www.migration-policy.org/article/free-movement-europe-past-and-present> (accessed: 18.10.2021).
  16. Kotowska I, Józwiak J, Matysiak A, Baranowska A. Poland: fertility decline as a response to profound societal and labour market changes. *Demographic Research*. 2008;19:795-854.
  17. Marczak J. Socioeconomic characteristics of Polish migrants in the UK by parity and gender. In *Mobility and Migrations at the Time of Transformation - Methodological Challenges*, 25 March 2011, Warsaw, 2011. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35437306.pdf> (accessed: 19.10.2021).
  18. Mason R. One in four British babies born to foreign mothers. *The Telegraph*. 25.10.2012.
  19. McGhee D, Moreh C, Vlachantoni A. An "undeliberate determinacy"? The changing migration strategies of Polish migrants in the UK in times of Brexit. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017;43:2109–2130.
  20. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/population-andmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/november2019> (accessed: 19.10.2021).
  21. Number of Polish nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1061639/polish-population-in-united-kingdom/> (accessed: 19.10.2021).
  22. Okólski M., John S. Polish Emigration to the UK after 2004; Why Did So Many Come? *Central and Eastern European Migration Review*. 2014;3(2):11-35.
  23. Olah LS Z. Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary. *Population Research and Policy Review*. 2003;22:171-200.
  24. Rainey S. Why Poles love coming to Britain. *The Telegraph*. 31.1.2013.
  25. Parker G., etc. How two decades of EU migration went into reverse. *Financial Times*. 01.04.2021.
  26. Ruddick S. The idea of fatherhood. In *Feminism and families*. Ed. H. L. Nelson. London: Routledge, 1997. P. 205-220.
  27. Ryan L, Sales R, Tilki M, Siara B. Family strategies and transnational migration: Recent Polish migrants in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009;35:61-77.
  28. Travis A. Polish immigration to the UK: wild claims don't add up. *Guardian*. 19.09.2011.
  29. Trevena P. "New" Polish migration to the UK: A synthesis of existing evidence. Centre for Population Change Working Papers. 2009:3:31.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.3>

О ДОСТИЖЕНИЯХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В РАЗВИТИИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

Елена Владимировна Бодрова¹, Вячеслав Викторович Калинов^{2*}

¹ МИРЭА – Российский технологический университет (д. 78, пр-т Вернадского, Москва, 119454, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор

evbodrova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

² Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (д. 65, корп. 1, пр-т Ленинский, Москва, 119991, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент
kafedra-i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Оценки ряда известных экономистов и историков относительно реализуемой в 1950-е гг. научно-технической политики прямо противоположны. Часть авторов оценивает этот период в качестве подлинного расцвета, другие утверждают, что уже в 1950-е гг. проявилась неспособность страны к преодолению научно-технического отставания от ведущих западных стран. Актуальность публикации определяется необходимостью аккумуляции всего позитивного из исторического опыта с целью обретения технологического суверенитета. Целью исследования является анализ сообщений, направленных руководству страны представителями части советской научной элиты и руководителей отдельных ведомств, отражающих состояние вычислительной техники в СССР к середине 1950-х гг. Новизна публикации состоит в изучении на основе впервые введенных в научный оборот документов, позволяющих глубже и достовернее исследовать проблему эволюции государственной политики в сфере развития вычислительной техники в 1950-е гг. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе ставших доступными в настоящее время, ранее засекреченных документов, включающих направленные в ЦК КПСС докладные записки, отчеты ведущих ученых, чиновников, ответственных за научно-техническое развитие страны и др. Методологической базой исследования стала теория модернизации. **Анализ.** В изученных документах содержатся в высшей степени значимые

данные о состоянии развития вычислительной техники и отражено стремление авторов убедить руководителей страны изменить приоритеты, формы организации научно-исследовательской деятельности, преодолеть ведомственный подход. **Результаты.** В итоге формулируется вывод о том, что ведущие специалисты крайне негативно оценивали состояние дел в этой сфере. В качестве аргументов, которые способно было оценить руководство страны приводились данные о положении в США в этой области. Прогнозировалось нарастающее отставание в случае неприятия мер.

Ключевые слова: государственная промышленная и научно-техническая политика, научно-техническая революция, вычислительная техника, ведомственный подход, технологическое отставание

Для цитирования: Бодрова Е. В., Калинов В. В. О достижениях и противоречиях в развитии вычислительной техники в СССР во второй половине 1950-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 31–42. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.3>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.01.2024.

Research article

ON ACHIEVEMENTS AND CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT OF COMPUTER TECHNOLOGY IN THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 1950S

Elena V. Bodrova¹, Vyacheslav V. Kalinov^{2*}

¹ MIREA - Russian Technological University (78, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

evbodrova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

² National University of Oil and Gas "Gubkin University" (65, Build. 1, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

kafedra-i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The assessments of a number of well-known economists and historians regarding the scientific and technical policy implemented in the 1950s are directly opposite. Some authors assess this period as a genuine rise, others argue that already in the 1950s the inability of the country to overcome the scientific and technical gap with the leading Western countries was obvious. The relevance of the publication is determined by the need to accumulate positive historical experience in order to gain technological sovereignty. The purpose of the study is to analyze the messages sent to the country

leadership by representatives of the Soviet scientific elite and heads of individual departments, reflecting the state of computer technology in the USSR by the mid-1950s. The novelty of the publication consists in studying on the basis of documents introduced into scientific circulation for the first time, which allow deeper and more reliable investigation of the problem of the evolution of state policy in the field of computer technology development in the 1950s. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of previously classified documents that have now become available, including memos sent to the Cen-

tral Committee of the CPSU, reports of leading scientists, officials responsible for the scientific and technical development of the country, etc. The methodological basis of the research was the theory of modernization. **Analysis.** The studied documents contain highly significant data on the state of computer technology development and reflect the authors' wish to convince the leaders of the country to change the priorities, forms of organization of research activities, and overcome the formal approach. **Results.** The study concludes that leading experts had an extremely negative assessment of the state of affairs in this area. As arguments that the leadership of the country was able to evaluate, data on the situation in the United States in this area were given. An increasing backlog was predicted in case of rejection of measures.

Введение / Introduction. Сложившаяся в настоящее время геополитическая ситуация обуславливает необходимость обретения РФ технологического суверенитета. Это чрезвычайно актуализирует изучение и аккумуляцию всего позитивного из советского исторического опыта реализации промышленной и научно-технической политики. В ряде наших публикаций был исследованы отдельные аспекты этой проблемы [2, с. 205–212; 3, с. 34–39]. Оценки ряда известных экономистов и историков, относительно реализуемой в 1950-е гг. экономической политики, прямо противоположны. Так, Г. И. Ханин говорит об этом периоде, как о подлинном расцвете в советской экономике и приводит в этой связи весьма убедительные аргументы: высокие темпы роста и ускорение научно-технического прогресса, всем известные достижения в космосе и других областях [12, с. 72–89]. В.А. Шестаков утверждает, что уже в 1950-е гг. проявилась неспособность страны к преодолению научно-технического отставания от ведущих западных стран из-за ограниченности раннеиндустриальной модернизации [11, с. 57–58]. Лишь маскирующие отставание технические и технологические заимствования определяли его заведомо проигрышную догоняющую позицию. Ю. П. Бокарев, в свою очередь, напоминает о том, что Советский Союз создавал собственные образцы новой техники, производил до середины 1960-х гг. ЭВМ. Заметное торможение, начавшееся затем, автор связывает с мобилизационным характером советской экономики, ориентированным на объемы произведенного, но не на высокое качество [1, с. 252–297].

Целью исследования является анализ сообщений, направленных руководству страны представителями части советской научной элиты и руководителей отдельных ведомств, отражающих состояние вычислительной техники в СССР к середине 1950-х гг. Новизна публикации состоит в изучении на

Keywords: state industrial and scientific and technical policy, scientific and technical revolution, computer technology, formal approach, technological lag

For citation: Bodrova EV, Kalinov VV. On achievements and contradictions in the development of computer technology in the USSR in the second half of the 1950s. *Humanities and law research*. 2024;11(1):31-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.3>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.10.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.01.2024.

основе впервые введенных в научный оборот документов, позволяющих глубже и достовернее исследовать проблему эволюции государственной политики в сфере развития вычислительной техники в 1950-е гг., выявить факторы, определившие технологическое отставание в этой сфере.

Материалы и методы / Materials and methods. Исследование основано на принципах объективности, системности, историзма. Источниковой базой стали ставшие доступными в настоящее время, ранее засекреченные документы из фондов РГАНИ, включающие направленные в ЦК КПСС докладные записки, отчеты ведущих ученых, чиновников, ответственных за научно-техническое развитие страны и др. Методологической базой исследования стала теория модернизации, так как государственная научно-техническая политика России на всех этапах ее становления и развития формировалась в тесной зависимости с задачами индустриальной модернизации, являлась производной от реализуемой модели модернизации.

Анализ / Analysis. Производство ЭВМ в конце 1950-х гг. становилось одним из важнейших показателей развития науки и техники, состояния экономики в целом. Полагаем, что рубежом событием в истории развитии вычислительной техники стало принятое в феврале 1955 г. Постановление Совета Министров СССР о создании первого Вычислительного центра АН СССР, которому были переданы: БЭСМ, изготовленная в Институте точной механики и вычислительной техники (ИТМ и ВТ) АН СССР, и «Стрела», находящаяся в Математическом институте им. В. А. Стеклова. Обе ЭВМ работали круглосуточно, но не справлялись с объемом задач, хотя план расчетов разрабатывался на неделю, утверждался Председателем Совета Министров Н.А. Булганиным. Поэтому вычислительному центру были выделены еще

ЭВМ «Урал-1» и «Урал-2», использовавшиеся в основном для обучения приезжающих в командировку. Что же касается БЭСМ, то, по оценке Б. М. Малиновского, она признавалась лучшей в Европе и соответствовала характеристикам новейших американских машин БЭСМ в 1958 г. была подготовлена к серийному выпуску и производилась на заводе в Казани [4, с. 139].

На базе новой вычислительной техники было организовано 20 вычислительных центров (ВЦ) для научных и инженерных исследований. 10 ВЦ к январю 1958 г. находились в стадии организации. Был образован ряд институтов по разработке средств автоматизации с применением вычислительной техники. Важнейшим фактором, определившим создание различных типов отечественных ЭВМ в 1950-х гг., явилась поддержка на государственном уровне самостоятельных, независимых от западных аналогов, разработок.

Ставшие доступными в настоящее время документы позволяют с большей точностью определить уровень развития вычислительной техники в СССР, осуществить сравнительный анализ ее производства с ведущими странами, оценить степень осознания властью и учеными значимости этой отрасли науки и промышленности, охарактеризовать эффективность предпринятых мер по преодолению отставания во второй половине 1950-х гг.

Так, в докладной записке руководства Пензенского завода счетно-аналитических машин «САМ», направленной в ЦК КПСС 27 января 1958 г. с пометкой «Совершенно секретно», сообщалось, что в 1957 г. предпринятием было выпущено 56 новых изделий. В 1958 г. разрабатывались или осваивались в производстве 24 новых видов машин и приборов. На заводе была создана опытно-конструкторская база по разработке новых машин. Завод являлся ведущим в стране по производству математических машин и приборов, развивался очень быстрыми темпами. В 1958 г. по сравнению с 1953 г. выпуск товарной продукции увеличился в 6 раз, валовой – в 6,6 раз при росте численности работающих до 6000 человек (в 2 раза), главным образом за счет увеличения персонала конструкторов и технологов на 770 чел. Однако спрос на математические машины не удовлетворялся. Наоборот, количество заказчиков, которым из-за недостаточных производственных возможностей завод отказывал в

нарядах, из года в год росло. Основными заказчиками, получающими 90% выпускаемых математических машин и приборов, являлись научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации Министерства обороны и Среднего машиностроения, АН СССР, авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной, авиационной и других важнейших отраслей науки и техники.

Одновременно авторы докладной записки напоминали о том, что в условиях развивающейся научно-технической революции, все возрастающей сложности научных и технических проблем без применения современных вычислительных средств и без должного обеспечения ими научных учреждений и конструкторских бюро нельзя было рассчитывать на быстрый прогресс многих отраслей науки и техники, в том числе таких, как ядерная физика, реактивная техника, самолетостроение, судостроение, нефтяная промышленность, химия и др. Большие перспективы открывали математические машины в автоматизации производственных процессов, планировании народного хозяйства [9, л. 1,2].

Между тем для нормальной работы и обеспечения крайне необходимых условий для дальнейшего развития завода требовалось преодолеть ряд серьезных трудностей:

- не выполнялись постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве и реконструкции завода. План производства 1958 г. в значительной мере в результате не был обеспечен производственными площадями, хотя приходилось использовать даже хозяйственные помещения. На заводе создалось «нетерпимое положение», когда на одного рабочего приходится менее 4 м² производственной площади;

- одной из самых острых оставалась кадровая проблема: завод получил всего 34 молодых специалиста. Выпускники Московского энергетического института и Инженерно-физического института зачастую направлялись не на заводы и в КБ математического машиностроения, где создавались машины, а в различные организации для обеспечения эксплуатации машин;

- выполнялись в основном заказы научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций, имеющих преимущества в снабжении по разделам спецработ, а завод по выпуску изделий радио- и электротехнической промышленности снаб-

жался в последнюю очередь, что создавало исключительно тяжелые условия в ходе производства.

В этих условиях руководство предприятия обращалось с просьбой в ЦК КПСС дать соответствующие указания Госплану СССР и пензенскому совнархозу о необходимости закончить реконструкцию завода в 1960 г.; выделить заводу и филиалу СКБ-245 в 1958 г., как минимум, 50 чел. инженеров-электронщиков из числа выпускников МЭИ и МИФИ; приравнять завод по снабжению изделиями электротехнической и радиотехнической промышленности к основным заказчикам математических машин [9, л. 1-4].

Вероятно, эта докладная записка послужила подводом для составления доклада председателем Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР Ю. Е. Маскарёвым, направленного 14 апреля 1958 г. в ЦК КПСС и названного автором «По вопросу состояния и развития вычислительной техники в СССР». В настоящее время указанный рассекреченный архивный документ позволяет с гораздо большей точностью и объективностью представить реальное положение дел в этой сфере. В докладной записке автор с самого начала заявил о чрезвычайной актуальности проблемы: «Дальнейшее развитие советской науки, оборонной техники, комплексной автоматизации производства, планирования и учета народного хозяйства немыслимо без использования быстродействующих электронных и счетных машин» [9, л. 9].

Дальнейший текст доклада позволяет понять, почему он сопровождался грифом «Секретно». «Счетное и математическое машиностроение в СССР находится в запущенном состоянии и резко отстало от уровня развития этой отрасли в передовых капиталистических странах и особенно США» [9, л. 9-10], - должен был констатировать Ю. Е. Маскарёв. Этот вывод был сделан на основе анализа собранных данных специалистами ГНТК и известными учеными, конструкторами и представителями промышленности. Объем производства вычислительных средств в СССР в 1957 г. составил около 10% объема производства их в США. В СССР производство всех средств вычислительной техники было сосредоточено на 6 заводах с общим количеством производственных и вспомогательных площадей около 110 тыс. м² и количеством работающих

около 18 тыс. человек. При этом 4 завода (Пензенский «САМ», Пензенский «Счетмаш», Курский «Счетмаш», Рязанский «САМ») длительное время находились в состоянии реконструкции. В США производством вычислительной техники занималось 85-90 заводов с общим количеством занятых рабочих 95–100 тыс. человек.

Автор докладной записки вынужден был признать, что в серийном производстве находились машины крайне ограниченной номенклатуры и устаревших конструкций. Так, например, из электронных цифровых машин выпускалась всего одна машина «Урал», в то время как в США производилось до 25 типов машин этого класса. Счетно-перфорационных машин в серийном производстве находилось 5–7 разных типов, не обеспечивающих полноты счетно-перфорационного комплекта. Отсутствовали в производстве: репродукторы, вычислительные перфораторы, картоподборные и расшифровочные машины. Объем производства счетно-перфорационных машин в СССР оказался в 12 – 15 раз меньше, чем в США.

Клавишных счетных машин производилось лишь 5 типов. В США же выпускалось около 300 моделей таких машин и по количеству в 35 раз больше, чем в СССР.

В документе говорилось о «крайне низком» техническом уровне выпускаемых серийных образцов вычислительной техники в СССР. Электронная цифровая машина «Урал» имела быстродействие 100 операций/сек. в то время как в США машины аналогичного типа выпускались с быстродействием от 2 до 20 тыс. операций/сек.; счетно-перфорационные комплексы имели производительность в 2 – 3 раза меньшую, чем у аналогичных машин США; счетно-клавишные машины, такие, как арифмометр «Феликс», десятиклавишные вычислительные машины ВК-1 и ВК-2, суммирующие машины СДУ-138 являлись машинами устаревших конструкций. Советская научно-исследовательская и опытно-конструкторская база вычислительного машиностроения была развита слабо, следствием этого являлось отсутствие научно-технического задела для организации серийного производства вычислительных машин [9, л. 10].

Созданием новой вычислительной техники в эти годы в СССР было занято 11 специализированных НИИ и КБ с общим объемом работающих 4300 человек. Ю. Е. Маска-

рѐв признавал, что эти организации затратили значительное количество сил и средств на разработку вычислительных машин, но в дальнейшем они не были внедрены в серийное производство, так как тематика научно-исследовательских и конструкторских работ была выбрана без учета перспективы развития вычислительной техники. То есть, необходимой координации действий в проведении научных разработок не велось. И вновь автор доклада ссылаясь на опыт США, где занимались научно-исследовательской и опытно-конструкторской работой только в основных фирмах производителей вычислительной техники более 20 тыс. исследователей и конструкторов, такое же количество специалистов вело разработки новых вычислительных средств и элементов для них в различных научно-исследовательских лабораториях и высших учебных заведениях [9, л. 11]. В США объединялись усилия ведущих фирм, занятых разработкой и выпуском электронной аппаратуры и электронных машин, что обусловило появление в 1956–1957 г. большого количества новых радиотехнических элементов, которым нашли применение в производстве электронных цифровых машин. К разработке таких элементов отечественная промышленность в те годы не приступала.

Новая вычислительная техника требовала специалистов с широкими познаниями в области радиоэлектроники, физики, математики (особенно вычислительной математики), механики, автоматики и телемеханики. Необходимый профиль по подготовке специалистов по вычислительной технике Министерством высшего образования СССР не был определен.

Ю. Е. Маскарев сообщал о том, что была создана комиссия, возглавляемая Д. Ф. Устиновым, которая рассматривала вопрос об увеличении выпуска электронных цифровых вычислительных машин. Но, вероятно, это, прежде всего касалось сферы ОПК. Автор предлагал поручить этой комиссии и возглавляемому им комитету дополнительно рассмотреть весь комплекс вопросов развития вычислительной техники [9, л. 12].

В ряду необходимых срочных мер Ю. Е. Маскарёв предлагал резкое увеличение темпов НИОКР по вычислительной технике и для этой цели привлечение к научно-исследовательским и конструкторским работам в области вычислительной техники науч-

ные коллективы специализированных институтов и лабораторий АН СССР и АН союзных республик, вузов, вычислительных центров, специализированных институтов радиотехнической, авиационной, судостроительной и оборонной промышленности, НИИ и ВЦ МО СССР. Кроме того, он полагал целесообразным Госплану СССР, АН СССР и Советам Министров союзных республик укрепить и расширить действующие научно-исследовательские и конструкторские организации, занимавшиеся разработкой средств вычислительной техники, увеличив численность персонала к 1963 г. в 2 раза, а производственные мощности – на 20–30 тыс. м². На заводах вычислительного машиностроения рекомендовал организовать конструкторские и технологические бюро для модернизации выпускаемых машин и разработки новых вычислительных средств с доведением общего состава заводских КБ к 1963 г. до 2–3 тыс. чел. и к 1965 г. – до 5–8 тыс. чел.

Госплан СССР и ГНТК Совета Министров СССР, по его мнению, могли бы возложить на себя координацию тематических планов и определение специализации научно-исследовательских и конструкторских организаций, работающих в области вычислительной техники, практикуя совместное рассмотрение и утверждение технических заданий.

Наконец, требовалось срочно завершить реконструкцию действующих заводов и завершить строительства новых. Автором предлагалось строительство этих предприятий взять под особый контроль, как объекты, имеющие важное народнохозяйственное и оборонное значение. Рекомендации касались и необходимости создания в стране сети государственных типовых вычислительных центров [9, л. 13–16].

Таким образом, документ свидетельствует о, действительно, неудовлетворительном состоянии счетного и математического машиностроения в СССР во второй половине 1950-х гг.: проводились в недостаточной степени научно-исследовательские и конструкторские работы; крайне ограничены были производственные мощности; большинство заводов находилось в состоянии длительной реконструкции, строительство новых шло медленными темпами; номенклатура выпускаемых машин оказалась ограниченной и не удовлетворяла потребности народного хозяйства; технический уровень и

качество выпускаемой продукции оказались низкими – выпускались в основном машины устаревших конструкций. Была плохо налажена эксплуатация вычислительной техники, потому она демонстрировала низкую эффективность; развитие основных направлений вычислительной техники не отличалось планомерностью.

Не менее значимыми для нашего исследования явились материалы, которые прилагались к докладной записке и позволяли ознакомиться с более конкретными данными по отдельным направлениям развития вычислительной техники в СССР и осуществить сравнительный анализ с США.

Подчеркивая наличие большого количества разработок, составители одновременно акцентировали внимание на недопустимо малых их серийного производства. Так, начиная с 1950 г., ученые и конструкторы СССР разработали следующие электронные цифровые машины: малая электронная счетная машина «СЭСМ», машина «Стрела», «БЭСМ», специальная цифровая машина «СЦМ-12», цифровая машина «М-2», малая цифровая машина «М-3», цифровая машина «Урал», специальная машина для решения задач в области кристаллографии и рентгено-структурного анализа «Кристалл», специальная машина для расчетов при прогнозе погоды «Погода», специальная машина «Гранит», специальная цифровая машина для решения алгебраических уравнений «Киев», электронный вычислитель для расширения вычислительных возможностей комплекта счетно-перфорационных машин «ЭВ-80». Однако в 1957 г. в серийном производстве находилась лишь одна машина «Урал» (была произведена 31 машина за 1957 г.), малой серией (7 машин) была выпущена машина «Стрела», но в 1956 г. была снята с производства, так как планировалась к выпуску более производительная машина М-20. Но и она 1,5 года находилась в стадии отработки. Без достаточных оснований в 1956 г. была снята с производства и машина ЭВ-80 (выпущено 19 шт.). В итоге в СССР имелось в эксплуатации: 7 шт. машин «Стрела», 1 – «МЭСМ», 1 – «БЭСМ», 2 – «М-2», 2 – «М-3», 4 – «Урал» (и 27 шт. находились в наладке), 1 – «Погода», 1 – «Кристалл», 1 – «Гранит», 1 – «Киев», 19 – «ЭВ-80» (счетно-перфорационная машина без программного обеспечения), 1 – «СЦМ-12» [9, л. 41–42].

В 1957 г. в США в эксплуатации находилось около 5000 электронных цифровых машин, в том числе машин с программным управлением – 1200, электронных счетно-перфорационных – 3800. Машины с программным управлением применялись, в основном, для научных и инженерных целей, счетно-перфорационные – для коммерческих целей и для учета на предприятиях.

В материалах к докладу был приведен и сравнительный анализ стартовых позиций. В США создание электронных цифровых машин началось еще в годы войны. За период научных и экспериментальных работ в 1944–1951 гг. было создано более 20 больших быстродействующих машин, главным образом, в лабораториях научных, военных и учебных организаций. Серийное производство двух счетно-перфорационных электронных машин (604 и 605) начала впервые фирма «IBM» в 1948–1949 гг. В 1952 г. в серийное производство приступила фирма «Ремингтон-Рэнд», разработавшая машину «Унивак». Первые советские машины по своим данным удовлетворяли уровню машин времени их проектирования, подобные машины выпускались за рубежом и во второй половине 1950-х гг. Похожую на советскую модель БЭСМ фирма IBM выпускала машину 704, имеющую практически одинаковые характеристики – 8000 операций/сек. Однако уже в новых машинах, например, «Нарк» (США) скорость сложения составляла 15 тыс. операций/сек., в машине «Унивак-Ларк» скорость составляла 250 тыс. операций/сек. [9, л.44]

Таким образом, по электронным цифровым машинам СССР, действительно, к середине 1950-х гг. значительно отставал от США как по количеству, так и по качеству имеющихся и выпускаемых машин. В изученных материалах конкретизировались данные об аналоговых машинах, которые начали разрабатываться в СССР с 1938 г. К 1957 г. в эксплуатации находилось около 400 машин непрерывного действия различных типов. Их производство значительно увеличилось – в 1957 г. было выпущено 266 машин против 60 в 1955 г. Однако промышленный выпуск машин данного класса в США превосходил уровень советской промышленности: технический уровень отдельных классов советских аналоговых машин также отставал по некоторым основным параметрам от уровня современных моделирующих устройств [9, л. 53].

В качестве перспективных авторами назывались управляющие машины с применением средств вычислительной техники, но они находились в стадии разработки или первичного промышленного освоения и в СССР, и в США. Однако размах работ и в этом направлении в СССР, отставал от аналогичных разработок в США.

Счетно-перфорационные (аналитические) машины, предназначенные для механизации вычислительного труда в сфере производства и управления и в сфере науки (при проведении различных расчетов и прикладного значения) производились в это время в США, Англии, и Франции. К их серийному производству приступили и в Чехословакии. Начало производства подобного рода машин в СССР относится к 1938 г., но в условиях войны оно было приостановлено до 1947–1948 гг. Объем выпуска таких машин в 1957 г. оценивался в 55 млн руб. В США такой тип машин производили в основном фирмы «IBM» и «Ремингтон Рэнд». Еще в 1953 г. они выпустили их на 130 млн дол.

За рубежом широко внедрялись в счетно-перфорационную технику в эти годы быстродействующие элементы – электронные и магнитные. Интенсивно нарастало производство различных электронных счетно-перфорационных блоков и агрегатов, занимающих промежуточное положение между общепринятым счетно-перфорационным комплектом и цифровыми быстродействующими машинами с программным управлением.

Счетно-перфорационные машины СССР по своему техническому уровню значительно отставали зарубежных. Существенным недостатком выпускаемого комплекта являлась его неполнота и низкая, по сравнению с зарубежными образцами, производительность. Созданию данного вида машин на электронных принципах уделялось мало внимания. Таким образом, по номенклатуре, количеству и качеству выпускаемых счетно-перфорационных машин СССР находился, по оценке составителей материалов, на крайне низком уровне в сравнении с США [9, л. 56].

В качестве особого раздела в этом документе были выделены данные о состоянии научно-исследовательской базы этой отрасли промышленности. Справедливо подчеркивалось, что высокий темп развития вычислительной техники за рубежом был достигнут, благодаря широкому развитию научно-исследовательских работ, охватывающих

разработку теории цифровых машин, физические исследования, связанные с созданием элементов, исследования возможностей машин и рациональных принципов их организации и эксплуатации. Затраты правительства США, фирм счетного машиностроения на НИР увеличивались из года в год. Так, фирма «IBM» израсходовала на НИР и конструирование новых моделей только в 1955 г. более 16 млн дол. и предполагала потратить в 1956 г. 19 млн дол. Фирма имела большие научно-исследовательские лаборатории при своих наиболее крупных заводах. В январе 1956 г. было объявлено о строительстве 3 дополнительных лабораторных корпусов и выделении на эти цели около 1 млн дол. При заводе «IBM» в Покипси кроме имеющейся лаборатории в 1954 г. был открыт новый научно-исследовательский центр площадью 17 тыс. м². Строился дополнительный корпус площадью 9 тыс. м² для работ в области электроники. Инженерно-технический персонал фирмы «IBM», занятый разработкой средств вычислительной техники вырос с 1000 чел. в 1951 г. до 5000 чел. в 1956 г.

Фирма «Нэшнл Кэш Реджистер» потратила в 1956 г. около 8 млн дол. на НИР, 4 млн дол. – на строительство новых научно-исследовательских лабораторий, 2 млн дол. – на производственные помещения и склады в Дейтоне, общей площадью около 22 тыс. м². Фирма «Берроуз» планировала затратить в 1956–1957 гг. 73 млн дол. – сумму небывалую в истории фирмы – на расширение производственных возможностей [9, л. 59–60].

Авторы признавали, что в СССР инфраструктура НИР за 1955 – 1957 гг. значительно расширилась. К 3 основным исследовательским организациям (ИТМ и ВТ АН СССР, СКБ-245 и НИИСчетмаш) добавились новые организации: Тбилисский, Ереванский НИИ, специальные КБ. Однако численный состав ИТР, площади, занимаемые этими организациями, были несравнимы с общим числом зарубежных организаций, работающих в области вычислительной техники. Особый акцент сделали авторы на отсутствии экспериментальных и лабораторных баз у научно-исследовательских организаций, исследовательских лабораторий – у заводов. Конструкторские бюро на предприятиях отличались малочисленностью, как правило, они занимались текущим сопровождением производства, вопросами модернизации. Только во

второй половине 1950-х гг. на некоторых заводах приступили к проектированию машин недостающих типов. Уровень осуществляемых НИР оценивался в составленных материалах не очень высоко.

В качестве причин назывался недостаточный уровень «цифровых специалистов», особенно, в области электроники и физики твердых тел. Вузы, ведущие подготовку специалистов по вычислительной технике, как правило (за исключением МГУ), не имели необходимых лабораторий, оснащенных современными вычислительными машинами. Специальной учебной сети для повышения квалификации ИТР, работающих в области вычислительной техники, в СССР не было. И вновь авторы доклады ссылались на опыт США, где уделялось большое внимание подготовке кадров. По сообщению журнала «Бритиш комьюникейш энд электроникс», в США в области вычислительной техники было занято около 100 тыс. инженеров и техников. Крупные фирмы США имели постоянно действующие курсы подготовки, в основном, инженерного состава к работе на электронных машинах. Фирма «IBM» в 1954 г. обучила на краткосрочных курсах на машине своей фирмы свыше 40 тыс. чел. Но тем не менее, и американская печать сообщала о нехватке квалифицированных кадров [9, л. 60–61].

Не менее впечатляющими были данные о производственных базах и объемах производства вычислительной техники во второй половине 1950-х гг. в США. Ежегодный прирост выпуска вычислительной техники в США составлял в среднем 15–20 %. По данным частных американских источников, объем выпуска всех средств вычислительной техники за 1957 г. оценивался примерно в 850 млн дол. В Англии за предыдущие 10 лет выпуск увеличился в 11 раз [9, л. 63].

Авторы материалов должны были заключить на основании этих данных, что состояние уровня отечественного счетного и математического машиностроения по сравнению с США можно охарактеризовать как «отсталое по всем технико-экономическим показателям» [9, л. 64].

В дополнение к вышеуказанным рекомендациям предлагалось в 7-летнем плане развития вычислительной техники организовать 437 ВЦ, в том числе для научных и инженерных расчетов - 169, для экономического анализа планирования и учета 268 (включая крупные промышленные предприятия).

Специалисты, которыми был подготовлен этот доклад, определили и перспективы развития вычислительной техники на 1959–1965 гг. В частности, в качестве основных направлений развития электронных вычислительных машин называлось существенное повышение быстродействия универсальных машин – до 20–1000 тыс. операций/сек. и широкое внедрение малогабаритных и надежных элементов. Ими предполагалось расширение типажа машин путем разработки и освоения в производстве ряда специализированных машин. К ним были отнесены машины для экономического анализа и планирования, машины для обработки больших объемов информации и т.д. Авторы прогнозировали масштабное развитие машин для контроля и управления технологическими процессами и объектами.

Одновременно предполагалась и модернизация разработанных конструкций, и улучшение технических характеристик машин, находящихся в процессе серийного выпуска. Важнейшим условием успеха называлось развитие научно-исследовательских и проектных баз [9, л. 80].

О состоянии в СССР дел с разработкой проблем полупроводников, радиоэлектроники и вычислительной техники в конце 1950-х гг. дает более точное представление и специальная докладная записка, направленная 5 мая 1958 г. на имя заведующего отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В. А. Кириллина и подписанная председателем Госплана СССР И. И. Кузьминым, президентом АН СССР, академиком А. Н. Несмеяновым и главным ученым секретарем АН СССР, академиком А. В. Топчиевым.

Заметим, что в СССР первые полупроводниковые триоды были созданы в Ленинградском физико-техническом институте АН СССР в конце 1940-х гг., однако производство полупроводниковых приборов продолжалось и через 10 лет оставаться на низком уровне. В 1957 г., констатировалось в записке, в СССР было выпущено полупроводниковых триодов около 3 млн шт., тогда как в США – около 26 млн шт. Номенклатура выпускаемых в СССР приборов оказалась в несколько раз меньше, чем в США, не выпускались приборы для высоких частот (5–50 млн герц). Практически отсутствовало производство силовых выпрямителей, первые образцы которых в СССР также были созданы Ленинградским физико-техническим институте

АН СССР в середине 1950-х гг. Причем качество выпускаемых приборов было настолько низким, что их применение в спецтехнике было запрещено. Попытки создать электронно-вычислительные машины целиком на полупроводниковых приборах к 1958 г. не увенчались успехом из-за низкого качества кристаллических триодов.

Авторы докладной записки определили и основную причину создавшегося положения: ведомственные трения и отсутствие единого руководящего и координирующего центра, вследствие чего в деле развития производства полупроводниковых материалов и приборов и в исследовательских работах отсутствовала единая научно-техническая политика [8, л. 109].

На тот момент координацию и руководство этим направлением осуществляли 4 организации: Межведомственный научно-технический совет по технике полупроводниковых приборов при Комитете по радиоэлектронике; Комиссия по полупроводникам при Президиуме АН СССР; ГНТК СССР; Научно-технический совет Министерства обороны СССР. Исследования в области полупроводников в СССР вели 24 института АН СССР и союзных республик, 19 вузов, более 70 отраслевых научно-исследовательских учреждений. Однако, заключали авторы письма, эффективность их работы значительно снижалась из-за отсутствия должной координации и слабости лабораторной и экспериментальной базы [8, л. 109–110].

В записке предлагалось сконцентрировать усилия на следующих основных направлениях: всестороннее изучение свойств полупроводников в целях создания общей теории полупроводников; исследования, направленные на улучшение характеристик, существующих радиотехнических полупроводниковых приборов, а также на создание новых, в том числе ферритов; создание полупроводниковых приборов для непосредственного преобразования солнечной, тепловой и ядерной энергии в электрическую; разработка приборов для индикации и измерения потоков радиации.

В области производства полупроводниковых материалов, центральной задачей, на которой необходимо, полагали авторы, сосредоточить усилия на увеличении выпуска кремния.

Предлагалось комиссии в составе И. И. Кузьмина, Ю. Е. Максарева, В. Д. Кал-

мыкова, А. И. Берга, А. Ф. Иоффе разработать предложения о создании на базе существующих координирующих организаций, единого руководящего органа, подчиняющегося одному из заместителей председателей Совета Министров СССР. Этому органу надлежало разработать перспективный план развития полупроводниковой промышленности и научных исследований по полупроводникам, предусмотрев в течение ближайших 7 лет достижения уровня США в области производства полупроводниковых материалов и приборов. Надлежало повысить качество и расширить ассортимент полупроводниковых приборов за счет совершенствования технологии, укрепить отраслевые НИИ; организовать в необходимых количествах производство сверхчистых материалов и химикатов (индия, галлия, алюминия, кварцевого стекла, соляной и плавиковой кислот и т.д.), а также конструирование и производство приборов для исследования полупроводников; осуществить анализ материалов и контроля качества кристаллических приборов по списку, разработанному Комиссией по полупроводникам АН СССР [8, л. 109–112].

Президиум АН СССР, учитывая большое отставание нашей страны в области вычислительной техники, поручил комиссии в составе академиков А. А. Дородницына, Н. Г. Бруевича, М. В. Келдыша, В. А. Котельникова, М. А. Лаврентьева, С. А. Лебедева и др. подробно изучить причины отставания и разработать предложения по быстрейшему развитию вычислительной техники в СССР в ближайшие 2–3 года. Обсудив предложения Комиссии, руководство Академии наук приняло решение информировать Президиум ЦК КПСС о «совершенно неудовлетворительном» состоянии работ в области производства и проектирования быстродействующих вычислительных машин [8, л. 118]. Была дана крайне негативная оценка состояния дел: «СССР...по оснащению вычислительной техникой стоит на одном уровне со слабо развитыми странами и в несколько десятков раз отстал и продолжает отставать от США» [8, л. 118].

Между тем, заключали академики, на основе старой вычислительной техники (арифмометры, электрические клавишные машины) невозможно вести сложнейшие расчеты в области автоматики, ракетной и авиационной техники, атомной техники и др. В то же время такие расчеты были совершенно

необходимы, т.к. их замена экспериментальными работами потребует миллиардов рублей. Ученые напоминали о том, что в военной технике вычислительные машины к тому времени играли решающую роль. При современном уровне развития авиации и ракетной техники невозможно было создать эффективную систему обороны страны без оснащения ее вычислительной техникой. В экономике использование вычислительных машин в сотни раз способно повысить оперативность принятия решений, о избежать ошибок, возникающих из-за громоздкости аппарата служащих, занимающихся этими вопросами (статистики, планирования).

Более того, Президиум АН СССР, акцентировал внимание ЦК КПСС на то, что положение дел к 1957 г. ухудшилось по отношению к предыдущему периоду, потребности непрерывно возрастали, а количество машин не увеличивалось.

В заключение академики предупреждали о том, что имевшийся «колоссальный» разрыв в оснащении вычислительной техникой науки и производства, по сравнению с США, продолжал нарастать, что с неизбежностью приведет к существенной задержке технического прогресса [8, л. 118–122]. И предлагали руководству ЦК КПСС принять «самые решительные меры к расширению фронта работ», обеспечению координации действий между отдельными организациями и обеспечению кадрами этой области техники [8, л. 122].

Н. Ю. Пивоваров полагает, что поворотным документом стала записка председателя Госкомитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике В. Д. Калмыкова от 8 сентября 1958 г. о планах развития радиотехнической промышленности на 1959–1965 гг. Только полупроводников приборов должно было производиться к 1965 г. около 450 млн шт. Однако Госплан выступал за существенное сокращение расходов на эти цели. Министр предупреждал руководство страны о том, что недостаточное финансирование отрасли приведет к отставанию Советского Союза от США в несколько раз. Таким образом, этот документ явился свидетельством конфликта интересов: Госплана, полагавшего возможным сократить средства, выделяемые на электронную промышленность, и Госкомитета, считавшего необходимым увеличение объемов производства и финансирования. Калмыкову удалось утвердить пред-

ложенный им план прежде всего потому, что его поддержал председатель военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР и заместитель председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов [5].

И все же полагаем более точным назвать в качестве рубежного Постановление «О неотложных мерах по созданию и производству электронных вычислительных машин» ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 октября 1958 г., в котором предусматривались меры по укреплению научно-исследовательской и специальной конструкторской базы, ускорению строительства и ввода в эксплуатацию заводов по производству средств электронной вычислительной техники. Были запланированы следующие мероприятия: разработка 9 типов универсальных и 12 типов специализированных машин и выпуск в течение 1959–1960 гг. 300 универсальных и 500 специализированных машин. В период 1959–1961 гг. намечалось реконструировать и закончить строительство 7 заводов и вновь построить 6 заводов по производству средств электронной вычислительной техники [9, л. 85].

В 1959 г. был создан Государственный комитет Совета министров СССР по автоматизации и машиностроению [6]. В конце 1958 – середине 1959 гг. был принят ряд документов, посвященных развитию отрасли. В их ряду Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 3 декабря 1958 г. «О неотложных мерах по быстрейшему увеличению производственных мощностей электровакуумной и полупроводниковой промышленности» [10, л. 56]. Рубежным явилось и Постановление Пленума ЦК КПСС от 29 июня 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве» [7].

Результаты / Results. Таким образом, в настоящее время рассекреченные документы позволяют более точно оценить ситуацию, сложившуюся с разработкой и внедрением в СССР вычислительной техники во второй половине 1950-х гг. Руководство ГНТК и АН СССР, ведущие специалисты, представители промышленности крайне негативно оценивали состояние дел в этой сфере. В качестве аргументов, которые способно было оценить руководство страны приводились данные о положении в США в этой области. Прогнози-

ровалось нарастающее отставание в случае неприятия мер, перечень которых был предложен в докладах. Документы свидетельствуют о том, что в ключевых секторах советской экономики росло понимание в необходимости широкого внедрения ЭВМ. В числе наиболее острых проблем, требующих скорейшего преодоления, назывались: недостаток квалифицированных кадров; слабая научно-исследовательская база; отсутствие координации действий между отдельными организациями, ведомственные конфликты интересов; дефицит производственных площадей,

большинство заводов находилось в состоянии длительной реконструкции, строительство новых шло медленными темпами; номенклатура выпускаемых машин оказалась ограниченной и не удовлетворяла потребности народного хозяйства; низкие технический уровень и качество продукции – выпускались в основном машины устаревших конструкций и т.д. Принятые решения руководящих партийно-государственных органов подтверждают, что власть к концу 1950-х гг. начала осознавать необходимость ускоренного развития вычислительной техники.

Литература

1. Бокарев Ю. П. Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР // Труды Института российской истории. Выпуск 8. М.: Наука, 2009. С. 252-297.
2. Бодрова Е. В., Калинов В. В. Техническое перевооружение советской промышленности в 1950-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 205–211. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.3
3. Бодрова Е.В. Калинов В. В. О некоторых результатах промышленного развития СССР в 1950-е годы // Вестник РГУ. имени С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 34-39.
4. Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. Киев: Полиграфкнига, 1995. 384 с.
5. Пивоваров Н. Ю. ЦК КПСС и развитие электронной вычислительной техники в СССР в 1958–1962 гг. URL: <https://computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucum-2020/5019/> (дата обращения: 11.06.2023)
6. Постановление Совета Министров от 12 октября 1959 года № 1156 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению» URL: <https://docs.cntd.ru/document/765713411> (дата обращения: 11.06.2023)
7. Постановление Пленума ЦК КПСС, 29 июня 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве». URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355278-postanovlenie-plenuma-tsk-kpss-29-iyunya-1959-g-o-rabote-partiynyh-i-sovetskih-organizatsiy-i-sovetov-narodnogo-hozyaystva-po-vypolneniyu-resheniy-xxi-sezda-kpss-ob-uskorenii-tehnicheskogo-progressa-v-promyshlennosti-i-stroitelstve-izvlechenie> (дата обращения: 11.06.2023)
8. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 70.
9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 40. Д. 105.
10. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 356.
11. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е - середине 1960-х годов: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 418 с.
12. Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль –XXI. 2002. №5. С.72-89.

References

1. Bokarev YUP. Technological war and its role in the geopolitical confrontation between the USA and the USSR. *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Issue. 8. M.: Nauka; 2009. P. 252-297. (In Russ.).
2. Bodrova EV, Kalinov VV. Technical re-equipment of Soviet industry in the 1950s. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2023;10(2):205-212. (In Russ.).
3. Bodrova EV, Kalinov VV. On some results of the industrial development of the USSR in the 1950s. *Vestnik RGU. imeni S.A. Esenina*. 2017;3(56):34-39. (In Russ.).
4. Malinovsky BN. The history of computer technology in persons. Kiev: Poligrafkniга; 1995. 384 p. (In Russ.).
5. Pivovarov NY. Central Committee of the CPSU and the development of electronic computing in the USSR in 1958-1962. Available from: <https://computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucum-2020/5019/> (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).
6. Resolution of the Council of Ministers of October 12, 1959 No. 1156 "On Approval of the Regulations on the State Committee of the Council of Ministers of the USSR on Automation and Mechanical Engineering". Available from: <https://docs.cntd.ru/document/765713411> (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).

7. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, June 29, 1959 "On the work of Party and Soviet organizations and national economy Councils to implement the decisions of the XXI Congress of the CPSU on accelerating technical progress in industry and construction". Available from: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355278-postanovlenie-plenuma-tsk-kpss-29-iyunya-1959-g-o-rabote-partiynyh-i-sovetskih-organizatsiy-i-sovetov-narodnogo-hozyaystva-po-vypolneniyu-resheniy-xxi-sezda-kpss-ob-uskorenii-tehnicheskogo-progressa-v-promyshlennosti-i-stroitelstve-izvlechenie> (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).
8. The Russian State Archive of Modern History (RGANI). F. 5. Inv. 35. D.70.
9. RGANI. F. 5. Inv. 40. D.105.
10. RGANI. F. 3. Inv. 14. D.356.
11. Shestakov VA. Socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s - mid-1960s: thesis. Moscow, 2006. 418 p. (In Russ.).
12. Khanin GI. The decade of the triumph of the Soviet economy. The Fifties. *Svobodnaya mysl' - XXI*. 2002; 5: 72-89. (In Russ.).

Обзорная статья

УДК 930:572

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК СУБДИСЦИПЛИНА И НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ВУЗОВСКИЙ ОПЫТ

Тамара Александровна Булыгина^{1*}, Татьяна Евгеньевна Покотилова²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

² Доктор исторических наук, профессор
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. В первой четверти XXI в. вопрос о гуманизации общества в целом и гуманизации образования в частности вовсе не снят с повестки дня, а стал еще более актуальным. Пришла пора от деклараций и теоретизирования перейти к гуманистическим практикам. В этом, как свидетельствует исследовательский и преподавательский опыт, велика роль исторической антропологии. Ее структура и содержание, методы и целеполагание способствуют не только успешным исследовательским поискам, но и использованию инновационных методов работы, развитию исследовательских навыков обучающихся. В силу того, что историко-антропологический подход имеет междисциплинарную природу, практический вопрос вузовского преподавателя о межпредметных связях в рамках учебных программ и планов приобретает современное звучание. Внимание к судьбе отдельной личности, его повседневной жизни в прошлом актуализирует интерес студентов к предмету «история». Вот почему так важно усвоить будущим историкам сущность и исследовательские практики исторической антропологии. В статье рассматриваются такие вопросы, как причины зарождения этого направления, его особенности на современном этапе исторической науки, развитие исторической антропологии в России, начиная с 1990-х гг.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарность, микроистория, история повседневности, новая социальная история, образование, воспитание, исследовательские практики

Для цитирования: Булыгина Т. А., Покотилова Т. Е. Историческая антропология как субдисциплина и направление в исторической науке второй половины XX века: вузовский опыт // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 43–49. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор исторических наук, профессор Булыгина Тамара Александровна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.01.2024.

Review article

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AS A TRAINING COURSE AND A FIELD IN HISTORICAL SCIENCE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: UNIVERSITY EXPERIENCE

Tamara A. Bulygina^{1*}, Tatiana E. Pokotilova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

² Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

* Corresponding author

Abstract. In the first quarter of the 21st century, the issue of the humanization of society in general and the humanization of education in particular was still on the agenda and became even more relevant. It was time to move from declarations and theorizing to humanistic practices. In this, as evidenced by research and teaching experience, the role of historical anthropology is great. Its structure and content, methods and goal-setting contribute not only to successful research, but also to the use of innovative methods of work and the development of research skills of students. Since the historical and anthropological approach has an interdisciplinary nature, the practical question of a lecturer about interdisciplinary connections within the framework of curricula acquires a modern sound. Attention to the fate of an individual and one's daily life in the past actualizes students' interest in the History course. That is why it is so important for future historians to learn the essence and research practices of historical anthropology. The article examines such issues as the reasons for the origin of this trend, its features at the present stage of historical science, the development of historical anthropology in Russia since the 1990s.

© Булыгина Т. А., Покотилова Т. Е., 2024

Keywords: historical anthropology, interdisciplinarity, micro-history, history of everyday life, new social history, education, upbringing, research practices

For citation: Bulygina TA, Pokotilova TE. Historical anthropology as a training course and a field in historical science of the second half of the 20th century: university experience. *Humanities and law research*. 2024;11(1):43-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.4>

Conflict of interest: one of the authors of article — Tamara A. Bulygina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of editorial board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.10.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.01.2024.

Историческая антропология не только способствует дальнейшему формированию новых исследовательских полей исторической науки. Именно это направление участвует в формировании учебно-воспитательных функций историка-преподавателя, включая выработку логичности мышления в условиях цифровой эпохи, навыков исследовательской работы. Историко-антропологическая парадигма может стать опорой в воспитании у обучающихся не только психологической, но и когнитивной эмпатии в профессиональной среде. Способность понимать человека прошлого, сопереживать ему не только меняет угол зрения на исторические события, но развивает эту психологическую модель в отношении окружающих людей.

Обратимся к истокам и сущности исторической антропологии. В эпоху кризиса исторической науки в первой трети XX века, когда национальные истории были дискредитированы военными и социальными катастрофами, а идея бесконечного прогресса вызывала у травмированной Европы раздражение и сарказм, наиболее пытливые историки начали искать человека в историческом прошлом во всем его многообразии и противоречивости. Вот тогда в европейской историографии в 1970-е годы произошел «антропологический поворот», когда историки обратились к исторической антропологии, которая стала метафорой для определения масштабного использования методов антропологии, этнографии и этнологии, культурологии.

В этом повороте просматриваются две характеристики «новой исторической науки». Симптоматично, что сам термин «новая историческая наука» возник в контексте расцвета исторической антропологии 1970-х годов и был изобретен лидерами третьего поколения «Анналов» Пьером Нора и Жаком Ле Гоффом. Во-первых, это понимание исторических процессов изнутри эмоций, идей, горизонтов ожидания, мифов и заблуждений участников и современников изучаемого прошлого. История становилась не столько объясняющим ментором, сколько понимающим собеседником прошлого. Историк становилось важным изучение всех видов социальных практик, а не только познание глобальных процессов и закономерностей [8; 14].

Во-вторых, становилось очевидным, что для успешного современного исторического исследования надо придерживаться принципа междисциплинарности. Трансформация

историографии от классической модели исторического знания к «новой исторической науке» ознаменовался выработкой разнообразных форм междисциплинарного воздействия смежных наук гуманитаристики на историю. В результате современная исследовательская практика историка сегодня немислима без междисциплинарности, начало которому положило внимание к исторической антропологии. Более того, историческая антропология включает в себя многообразие исследовательских полей, которые объединены вниманием к человеку в истории, не только к его действиям, но и мыслям, ожиданиям, заблуждениям, интересам, какие бы направления исследований не рассматривались, будь то экономическая, политическая, социальная или культурная история. Помимо истории повседневности этим отличается и новая экономическая история, и новая политическая история, и новая социальная история, и новая интеллектуальная история, и новая культурная история, и новая локальная история, и новая биографика, военно-историческая антропология. К методу и исследовательской практике историка, входящей в понятие «исторической антропологии», так или иначе относится микроистория. Более того, это направление вбирает в себя поле культурно-интеллектуальной истории, отстаивающее право на существование.

Таким образом, историческая антропология ознаменовала собой качественные перемены в теоретико-методологических основаниях исторического познания. Как писал А. Бюргер, в ходе кризиса исторической науки, исследователи вынуждены были отойти «от галлоцентристского и европоцентристского видения истории, учитывать многообразие культур», что стало ответом на кризис идеи прогресса эпохи модерна. [2]. Историческая антропология стала переходом от классической модели исторического познания к постнеклассической модели. Тот же Андре Бюргер замечал, что историк «перестал быть ученым-пророком...» и обратился к объяснению логики человеческого поведения. По его мнению, «все культурные ценности относительны и понять их можно только в историческом контексте» [2].

Историческая антропология изменила отношение к самому познающему субъекту – историк-исследователю. Из сказанного выше следует, что она не имеет собственной предметной области, но включает широкое

тематическое пространство различных субдисциплин. Важнейшим следствием антропологического поворота в истории стал взгляд на историческую субъективность, в частности на роль историка как на активного участника исторического познания, а не как на пассивного собирателя фактов, послушно следующего за принятой в научном сообществе схемой исторического процесса.

Как исследовательское пространство, историческая антропология не обладает каким-либо специфическим исследовательским методом, а открывает путь к принципиально методологическому плюрализму. По большому счету, ее пространство неизмеримо, т.к. это и не пространство вовсе, а скорее принцип, а также подход. Из этого следует, что и предметная область, и методы исторического познания в каждом конкретном случае определяются и отбираются исследователем, т.е. познающий субъект занимает по отношению к объекту исследования активную позицию. Это, по мнению автора статьи в «Терминологическом словаре», «другое видение истории, соответствующее современному «режиму рациональности» и манифестирующее *историческое мышление*, отличающееся от позитивизма» прежних поколений историков [21, с. 161 – 162]. В свое время директор Дома наук о человеке Морис Эмар замечал российскому ученому, члену-корреспонденту П.Ю. Уварову в декабре 2002 года: «Сегодня трудно найти историка, который не использовал бы методы и достижения исторической антропологии. Но еще труднее найти того, кто отождествляет себя лишь с исторической антропологией» [14]. Таким образом, историческая антропология превращалась в антропологически ориентированную историю, втягивая в круг исследований все новые и новые темы, используя такие еще неведомые принципы, как кроссдисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность, вкладывая абсолютно новый смысл в такие принципы, как объективность. В итоге, объективность – это не сама истина, а стремление к ней, это освобождение по возможности истории от идеологических пристрастий и социальных заданий на пути поисков научной истины. Ни от того, ни от другого мы изолироваться не можем, т.к. мы сами участники социально-политического движения, да и наука история – о человеке и его взаимоотношениях с обществом и в обществе, но понимать это и

определять целеполагание своего труда как движение к истине мы можем.

В расширительном смысле этого слова к исторической антропологии можно причислить и представителей «истории повседневности» и «истории снизу» в Германии, и сторонников итальянской «микроистории», и многочисленных англоязычных авторов, активно применяющих методы культурной антропологии. Именно такой, расширительный подход к исторической антропологии представлен в учебнике М. М. Крома (2004) [10]. Он, безусловно, имеет полное право на существование, поскольку все вышеперечисленные направления могут быть названы подвидками мощного течения, по-разному называемого в зависимости от обстоятельств – «Новой социальной», «Новой социально-культурной», «Новой культурной» или просто «Новой историей».

Студенты-историки, через знакомство с теоретико-методологическими основаниями исторической науки, включая антропологический поворот и механизм действия исторической антропологии, не столько обновляют исследовательский инструментарий, сколько меняют общий взгляд на историографию, в соответствии с которым расширяются возможности исторического познания. В конечном итоге обогащается понимание истории, а следом обогащается педагогическая практика.

Следует заметить, что идеи исторической антропологии прослеживаются в российской дореволюционной и пореволюционной историографии. К примеру, историк Н.И. Кареев как представитель психологического направления в социологии рассматривал общество как сложную систему практических и психологических взаимодействий личностей, где члены общества вступают в отношения психологического обмена, создавая опыт коллективной психической работы. Этот опыт служит первоначальным камнем сложнейших экономических, юридических и политических отношений. Как сторонник теории П. Лаврова «личности и толпы», он ставил на верхнюю ступень социальной лестницы «людей, самостоятельно задумывающих совокупное действие и выполняющих его лишь при помощи посторонних сил, на нижней же ступени — людей настолько чуждых самому замыслу и настолько лишенных самостоятельности, что без обиняков мы могли бы говорить о них, как об орудиях чужой воли» [6].

Антропологический подход нащупывал и другой ученый А.С. Лаппо-Данилевский, пытаясь преодолеть позитивистское понимание исторического процесса. В соответствии с феноменологией, которая призывает изучать эволюцию самосознания человека и общества как систему ценностей, определяющих поступки, поведение ожидания и заблуждения человека, он рассматривал прошлое как «чужую одушевленность». Как замечает М.Ф. Румянцев: «Целостность общества у Лаппо-Данилевского не конструируется из элементов, а существует изначально и познается на основе единого принципа признания «чужой одушевленности»» [11]. Важным аспектом его научной деятельности была разработка методологии источниковедения, в котором важное место занимает природа источника, которую А.С. Лаппо-Данилевский рассматривает как продукт психической (осознанной) деятельности человека, что, в свою очередь, является элементом культуры. Исследователь «...как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее... Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий...» [11]. Н менее симптоматичным для становления исторической антропологии были выводы медиевиста, философа и религиозного деятеля Л.П. Карсавина, который считал, что «Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [7].

В 1970-е годы значимым этапом в развитии антропологически ориентируемой истории стала деятельность третьего поколения «Анналов». Наиболее значимыми именами были Жак Ле Гофф, Марк Ферро, Эммануэль Ле Руа Ладюри [12; 13; 22]. Ж. Ле Гофф расширил представления о ментальности, которая советским историком-медиевистом, соратником «Анналов» А.Я. Гуревичем трактовалась как представления социальной группы людей, их социально-психологические установки и проч., не осознаваемые самими носителями, но влияющими на их поведение и язык. Ле Гофф показал, что изучение ментальности помогает внести в социальную историю живое человеческое начало, т.к. способствует пониманию прошлого общества

как «чужого», «другого» с его воображением, мифами, ожиданиями [12].

Этот период внес в историческую антропологию новые темы исследования, расширив возможности историков. Это изучение детства, любви, семейной жизни, смерти, страха, веры в исторической ретроспективе. Речь идет об истории повседневности, о связанном с ней новом повороте в нарративной истории. [4; 13]. В отличие от этнографии историческая антропология изучает не быт как «долгую» повседневность, а такие категории, как отношение обывателей к происходящим вокруг них событиям или событиям прошлого, восприятие ими времени, пространства, феноменов, влиявших на частное пространство и жизнь внутри него. Именно в обычной повседневности рождаются мысли и чувства, замыслы и ситуации, порождающие творчество как проявление человеческой культуры. Исследователь истории повседневности рассматривает переживания отдельных людей, их эмоциональные реакции на конкретные явления и изменения окружающего их мира, их жизненные проблемы, рожденные миром и самими людьми.

Вместе с тем, тогда же зарождается интерес к истории памяти как оригинальному повороту исторической антропологии [22]. Симптоматично, что у авторов третьего поколения «Анналов» пользовались вниманием работы популярного у структуралистов советского филолога, основателя теории текста В. Я. Проппа, одна из которых была переведена на французский язык в 1970 г. [18], а также книга М. М. Бахтина о Ф. Рабле [1], в котором через комическое представлен мир свободы, в котором неотчужденные человеческие коммуникации представлены диалогическим познанием-общением-деятельностью. Более того, книга историка Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой» [15], занимавшегося исторической психологией, была издана во Франции в 1960 г. и вызвала острую дискуссию «поршневи́стов» и «антипоршневи́стов». В последствии Б.Ф. Поршнев создал в Москве семинар по исторической психологии и написал монографию «Социальная психология и история» [16].

В нашей стране историческая антропология была институализирована в 1987 г., когда при Институте всеобщей истории РАН был основан Центр исторической антропологии по инициативе А.Я. Гуревича, а с 1989 г.

базе Центра А. Я. Гуревичем, Ю. Л. Бесмертным и Л. М. Баткиным был создан альманах «Одиссей. Человек в истории». Журнал получил известность в мировом историческом сообществе как глашатай исторической антропологии. Именно в Москве в этом году прошла международная конференция, посвященная юбилею школы «Анналов». Ректор только что возникшего Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Ю. Н. Афанасьев, на рубеже 1991–1992 годов открыл Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока.

Однако следует учесть, что антропологический поворот в истории вовсе не означал некоего единого согласованного учения, которое бы заменило все альтернативные теории. Все чаще стали говорить об «антропологически ориентированной истории»: «Значимым явлением современной мировой, а в последние годы и отечественной историографии, стала разработка нового исследовательского направления – антропологически ориентированной истории, которая проявляет повышенный интерес к человеку в истории, мотивам его поведения, действий, поступков, представлениям, ментальным нормам и ценностям, повседневному бытию, всем формам жизнедеятельности» [5, с. 133]. В ответ на замечания некоторых медиевистов, что это одно и то же, можно возразить, что историческая антропология представляет скорее подход к познанию социальной истории, изменение познавательного пути в историографии, а исторически ориентированная история рассматривает этот подход в различных направлениях исторического знания: новой социальной истории, новой интеллектуальной истории, новой культурной истории, военной истории, новой локальной истории, т. е. в контексте «новой исторической науки». Историки пытаются реконструировать историю рождения и смерти, историю любви и ненависти, историю смены образов красивого и безобразного и проч.

Помимо истории повседневности обратим внимание на другие тематические исследовательские поля, востребованные сегодня. Это новая политическая история, которая рассматривает ментальность и психологию представителей властных и управленческих структур. В то же время стало развиваться изучение представлений о власти, о

ее символике в разных социальных слоях прошлых обществ.

Умение опереться на семиотику позволяет историкам читать символы личной и общественной жизни, т.к., по словам К. Леви Строса, социальная жизнь «засорена символикой». Люди умирают не только от болезней, недоедания и несчастных случаев, но и от ревности, унижения, одиночества, стыда, т.е. от символов страданий, а символы в свою очередь относятся к области антропологического. Историко-антропологический подход характерен для исследований народной религиозности, мифов, фольклора как элементов коллективной жизни людей прежних времен. Изучение ритуалов прошлого помогает хотя бы частично восстановить особенности массового сознания, ценностные ориентиры отдельных групп населения и проч.

Среди этих множественных полей исторического исследования в контексте современности приобретает особое звучание военно-историческая антропология. Ее объект – не столько войны и военная политика, сколько прямые и опосредованные участники военных событий: военные, гражданское население, противник в их сложной взаимосвязи. В контексте антропологически ориентированной истории война и военное время определяются человеческим измерением. В этом направлении особенно активно работает Е.С. Синявская, но имеются и другие антропологически ориентированные исследования [17, с. 118–124].

Существенный вклад в развитие военно-исторической антропологии вносит Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», начавший свою работу в 2011 г. Один из участников международной научной конференции этого Центра в марте 2016 г. «Осмысливая прошлое, глядя в будущее: новые направления в изучении истории второй мировой войны» ученый из Саратова выделил такие темы конференции, связанные с антропологической ориентацией, как «образ союзника», «образ антифашиста», формирование «пространства памяти», «женщины и война». Он же обратил внимание на то, что на международной конференции в СКФУ (Ставрополь) в 2014 г. «Культурное измерение войны: Первая мировая война в обра-

зах, в памяти и истории» военно-политические аспекты Первой мировой войны было представлено в 13% докладов и сообщений, тогда как наиболее представительными стали секции «Образы войн в исторической памяти и национальных нарративах» и «Мир человека во время Первой мировой войны». [3, с. 136–150].

Вернемся к начальному тезису нашей статьи. История принадлежит к группе дисциплин, которые рассказывают, как люди живут вместе. [19, с. 5–17]. Поэтому важным определением этой жизни является их идентичность, которая не формулируется человеком в повседневности вербально, но проявляется в образах этой повседневности: одежде, питании, семье, развлечениях, на что направлены подходы исторической антропологии. Обучение истории в студентов неисторического профиля не осталось вне антропологического поворота, т.к. история для неисториков является средством передачи культуры от поколения к поколению с

целью сформировать национальную идентичность. Занятия историей с антропологических позиций формируют гражданскую, национальную и культурную идентичность, вырабатывают взвешенное отношение к «своему» и «другому», не противопоставляя, а понимая, поскольку этому способствует знание исторической имагологии, применительно лежащей в пределах исторической антропологии, вносят существенный вклад в социокультурную систему ценностей молодежи.

Совместная задача историков, где бы они ни работали: в школе, вузе, академическом учреждении, состоит в понимании сущности взаимосвязей между исторической наукой, обществом и культурой. Это позволяет развивать не только строго научный критический подход к изучаемым объектам изучения, но и «повысить роль истории в формировании критического мышления у школьников и студентов» [9].

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990 (1-е изд.- 1965). 543 с.
2. Бюргер Андре. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии. URL: <http://www.history.univ.kiev.ua/rus/kafedra/files/Burgjer.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).
3. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–150.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 272 с.
5. Далгат Ф. М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Том. 30. Вып. 4. С. 133–140.
6. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд-е второе, с добавлениями. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 574 с.
7. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ, 2007. 99 с.
8. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М.: Ключ-С, 1998. 192 с.
9. Копосов Н. Е. Как реформировать историческое образование в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/5/kak-reformirovat-istoricheskoe-obrazovanie-v-rossii.html> (дата обращения: 19.11.2023).
10. Кром М. Историческая антропология. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 207 с.
11. Лаппо-Данилевский А. С. Методология в 2-х т. Т. 1 М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 408 с.
12. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
13. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 544 с.
14. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.
15. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. (1623-1648) М.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 724 с.
16. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история Москва: Наука, 1966. 213 с.
17. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г.): дисс. ... д-р. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.

18. Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
19. Репина Л. П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. 2004. № 11. С. 7–15.
20. Румянцева М. Ф. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Лаппо-Данилевский А. С. Методология в 2-х т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 408 с.
21. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
22. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. 480 с.

References

1. Bakhtin MM. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1990 (1st ed.- 1965). 543 p. (In Russ.).
2. Burghier Andre. From serial to complex History: the genesis of Historical anthropology. Avialable from: <http://www.history.univ.kiev.ua/rus/kafedra/files/Burgjer.pdf> (accessed: 11.19.2023). (In Russ.).
3. Gladyshev AV. The anthropological turn in military history. Dialog so vremenem. 2017;59:136-150. (In Russ.).
4. Ginzburg K. Cheese and worms. A picture of the world of a miller who lived in the XVI century / translated from Italian by M L Andreev, M N Arkhangelskaya. Moscow: ROSSPEN; 2000. 272 p. (In Russ.).
5. Dalgat FM. Historical and anthropological approach in historical research. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015;30;4:133-140. (In Russ.).
6. Kareev NI. The essence of the historical process and the role of personality in history. Second edition, with additions. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House; 1914. 574 p. (In Russ.).
7. 7.Karsavin LP. Philosophy of history. Moscow: AST, 2007. 99 p. (In Russ.).
8. Kozlova N N. Socio-historical anthropology: Textbook. Moscow: Klyuch-S; 1998. 192 p. (In Russ.).
9. Koposov NE. How to reform historical education in Russia. Avialable from: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/5/kak-reformirovat-istoricheskoe-obrazovanie-v-rossii.html> (accessed: 11.19.2023). (In Russ.).
10. Krom M. Historical anthropology. 3rd ed. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2010. 207 p. (In Russ.).
11. Lappo-Danilevsky A S. Methodology. In 2 Vols. Volume 1. Moscow: ROSSPEN; 2010. 408 p. (In Russ.).
12. Le Goff J. The civilization of the medieval West / trans. from French under the general editorship of VA Babintsev; afterword by A. Ya. Gurevich. Yekaterinburg: U-Factoriya; 2005. 560 p. (In Russ.).
13. Le Roy Ladurie E. Montaillou, Occitan village (1294-1324). Yekaterinburg: Ural University Press; 2001. 544 p. (In Russ.).
14. Theory and methodology of history: textbook for universities / ed. by VV Alekseev, NN Kradin, AV Korotaev, LE Grinin. Volgograd: Uchitel; 2014. 504 p. (In Russ.).
15. Porshnev BF. Popular uprisings in France before the Fronde. (1623-1648) Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1948. 724 p. (In Russ.).
16. Porshnev BF. Social psychology and history Moscow: Nauka; 1966. 213 p. (In Russ.).
17. Porshneva OS. Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War (1914 - March 1918): thesis. Yekaterinburg; 2000. 359 p. (In Russ.).
18. Propp VYa. Morphology of a fairy tale. 2nd edition. Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"; 1969. 168 p. (In Russ.).
19. Repina LP. Interdisciplinarity and history. Dialog so vremenem. 2004;11:7-15. (In Russ.).
20. Rummyantseva MF. Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky in Lappo-Danilevsky A. S. Methodology. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN; 2010. 408 p. (In Russ.).
21. Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / ed. by AO Chubaryan. Moscow: Aquilon; 2014. 576 p. (In Russ.).
22. Ferro M. How to tell a story to children in different countries of the world / translated from the French by E. Lebedeva. Moscow: Knizhnyy klub; 36.6. 2010. 480 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(470+571)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тамерлан Владиленович Гаджиев

Дагестанский государственный университет (д. 43-а, ул. М. Гаджиева, Махачкала, 367000, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор.
gatam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5036-3131>

Аннотация. Введение. Статья посвящена определению исторического времени и места на территории современной Российской Федерации, где мусульманство не просто впервые обнаружило себя, а утвердилось именно как официальная религия. Говорить о мусульманстве как о государственной религии неправомерно уже в силу того, что ислам не институализирован по самой своей сущности. **Материалы и методы.** Поскольку процесс распространения мусульманского вероучения для истории не более чем вчерашний день, хорошо известный во всех подробностях, источников и специальной литературы вполне достаточно, чтобы решить этот вопрос в хронологическом плане, даже в том случае, когда речь идёт о наиболее удалённом, северном ареале утверждения ислама. Содержание и суть настоящей статьи заключается не в последовательном изложении фактов и событий, а в их методологической интерпретации, свободной от идеологических установок и этнополитических пристрастий. **Анализ.** Сам факт утверждения мусульманской религии рассматривается в статье как целенаправленный процесс, инициированный и проводимый именно государственной властью в рамках определенной этнополитической и этнотерриториальной общности, непрерывно существующей на территории Российской Федерации до настоящего времени. В статье последовательно проводится мысль, что рассматриваемого в ней вопроса могло и не

возникнуть, если бы отечественная историческая наука в последние десятилетия не оказалась в значительной мере под влиянием этнического мифотворчества, потеснившего добросовестный, взвешенный подход к историческим фактам, издавна присутствующим в научном обороте. **Результаты.** Арабское вторжение на Кавказ в VIII в., в отличие от Южного Кавказа, не имело для Дагестана каких-либо значимых последствий. Утверждение ислама в Дагестане произошло на рубеже XI-XII вв. вследствие широко распространившегося на территории Ближнего Востока, а также Передней и Центральной Азии миссионерского движения, известного как движение газиев, т.е. движение борцов за веру.

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, движение газиев, каландар, вали, шамхал, Гази-Кумух, Поволжье, Булгар

Для цитирования: Гаджиев Т. В. К вопросу о времени и месте утверждения ислама на территории Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 50–59. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.11.2023.

Статья принята к публикации: 26.12.2023

Research article

ON THE INITIAL STAGE OF ADOPTING ISLAM AS ONE OF THE OFFICIAL RELIGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tamerlan V. Gadjev

Daghestan State University (43-a Gadjev St., Makhachkala, 367000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
gatam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5036-3131>

Abstract. Introduction. The article is devoted to determining the historical time and place on the territory of the Russian Federation, where Islam established itself as an official religion. It is not legitimate to speak about Islam as a state religion already because Islam is not institutionalised by its very essence. **Materials and Methods.** Since the process of spreading the Muslim doctrine for history is nothing more than yesterday, well known in all details, the sources and special literature are quite enough to solve this question chronologically, even in the case when we are talking about the most remote, northern area where Islam spread. The content and essence of this article is not in the sequential presentation of facts and events, but in their methodological interpretation, free from ideological attitude and ethno-political bias. **Analysis.** The article considers the very fact of the establishment of the Muslim religion as a purposeful process initiated and carried out by the state power within a certain ethno-political and ethno-territorial community that has existed continuously on the territory of the Russian Federation up to the present time. The article consistently argues that the issue under consideration in the article might not have arisen if the Russian historical science in recent decades had not been largely influ-

enced by ethnic myth-making, which ousted a conscientious, balanced approach to historical facts that have long been present in scientific circulation. **Results.** The Arab invasion of the Caucasus in the 8th century, unlike in the South Caucasus, did not have any significant consequences for Dagestan. The establishment of Islam in Dagestan occurred at the turn of the 11th-12th centuries as a result of the missionary movement, known as the Ghazi movement, i.e. the movement of fighters for the faith, which spread widely in the Middle East, as well as in West and Central Asia.

Keywords: Dagestan, Derbent, Ghazi movement, kalandar, vali, shamkhal, Gazi-Kumukh, Volga region, Bulgar

For citation: Gadjev TV. On the initial stage of adopting Islam as one of the official religions in the Russian Federation. *Humanities and law research*. 2024;11(1):50-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.08.2023.

The article was approved after reviewing: 16.11.2023.

The article was accepted for publication: 26.12.2023.

© Гаджиев Т. В., 2024

Введение / Introduction. Вынесенный в заглавие статьи вопрос, на первый взгляд, может вызвать некоторое недоумение. Ведь процесс распространения ислама как верования для истории не более чем вчерашний день, хорошо известный во всех своих подробностях. И даже, когда речь идёт об одном из наиболее удалённых, северных ареалов его распространения, имеющиеся в научном обороте источники и специальная литература, позволяют без особых усилий решить этот вопрос в хронологическом плане. Однако суть вопроса состоит не в последовательном изложении событий, а в их методологической интерпретации, обусловленной идеологическими установками и этнополитическими интересами интерпретаторов. В результате и возник вопрос, которого могло не быть, при относительно объективном и научно-добросовестном взгляде на конкретно-исторические факты, издавна присутствующие в научном обороте.

Материалы и методы / Materials and methods. Материалами для настоящей статьи послужили хорошо известные нарративные источники, достаточные для того, чтобы удовлетворять требованию рассматривать исторический процесс в свете как можно большей совокупности фактов. При этом её научная новизна состоит не в фактографически обоснованном, последовательном изложении событий, а в принципиально иной их оценке на теоретической базе холизма, а также незыблемого для исторической науки принципа историзма, в совокупности с методологией юридической или, как её принято именовать в русской традиции, государственной школы.

Анализ / Analysis. Вне всякого сомнения, Дербент стал первым из исторически значимых поселений на территории современной Российской Федерации, куда вместе с победоносными мусульманскими войсками проникло и мусульманское вероучение. Однако ни тогда, в середине VII в., ни на протяжении последующих тысячи с лишним лет, Дербент не являлся дагестанским городом, а потому некорректно считать середину VII в. точкой отсчёта распространения ислама среди дагестанских этносов и, как следствие, среди народов, входящих в состав современной Российской Федерации.

Как известно, классическая историография не подвергает ни малейшему сомнению тот факт, что фортификационный комплекс

Дербента был возведён первыми Сасанидами как северный форпост их великой державы, укреплён самым выдающимся представителем династии - Хосровом I Ануширваном и, после гибели последнего из династии - Ездигерда III, включён в состав новой великой мусульманской державы при третьем праведном халифе Усмани.

И тогда же занявшим Дербент (Баб ал-Абваб) мусульманским войскам пришлось столкнуться с враждебностью двух государственных образований. Одним из них был Хазарский каганат, выделившийся к середине VII в. из Западно-Тюркского каганата. А вторым, почти неизвестный широкому кругу, Сарир, представлявший собой раннефеодальную полиэтничную федерацию, становление и развитие которой происходило при решительной и разносторонней поддержке Сасанидского Ирана. Это было существовавшее уже почти столетие первое общедагестанское историческое государство со столицей в Хунзахе, служившем резиденцией его верховному правителю - Владыке Сарира (Сахиб ас-Сарир) [9].

Глубокая связь Сасанидов с правящей в Сарире династией прочно вошла в историческую традицию. В монументальной поэме великого ираноязычного поэта Низами «Искендер-наме» читаем: «...Царевич из рода Кей-Хосрова в том царстве владыка народа, о Высоком Сарире заботится он...», и в ней же владыка Сарира назван кеянидом [22, с. 265], т.е. лицом, принадлежащим к потомкам изначальных правителей Древнего Ирана. В других средневековых источниках он фигурирует как владыка Сарира (Сахиб ас-Сарир), «падишах древнего рода» или Хакан гор (Хакан ал-Джибаль). Касаясь последнего из этих титулов, видный отечественный историк А.П. Новосельцев подчеркивал, что в отношении правителя Сарира этот титул употреблен наряду с владетелями хазар и русов, что указывает на его высший суверенитет в Горном Кавказе. И он же предлагал соотносить статус верховного правителя Сарира «с великим князем на Руси, под началом которого были простые князья, или же с королем в Западной Европе, под началом которого находились герцоги, графы и т.д.» [23, с. 135-136].

В этом контексте следует указать, что по отношению к Сасанидскому Ирану, правитель Сарира был марзубаном, т.е. правителем дружественной пограничной страны, хранителем границы, вполне соотносимым с марк-

графом. Поддержка, оказываемая ему Сасанидским Ираном, выражалась в значительных денежных субсидиях, долях в военной добыче, выделении крупных земельных угодий, а по некоторым данным и в передаче под его начало отдельных воинских контингентов [21, с. 133]. Это было обусловлено заинтересованностью Сасанидов в прочном военно-политическом союзе, направленном против кочевников с севера: Тюркского, а затем и Западно-тюркского каганата. Как бы ни были крепки оборонительные сооружения Дербента, значение естественной крепости, которую представлял собой Сарир под началом правителя – союзника, не могло не учитываться в их стратегических планах. А потому враждебное отношение Сарира к арабо-мусульманским войскам, сокрушившим Сасанидов, вполне объяснимо.

В свою очередь хазары, выделившиеся практически в это же время из Западно-тюркского каганата и создавшие свой, Хазарский каганат, поспешили воспользоваться крушением мировой Сасанидской империи и заполонили западное побережье Каспийского моря вплоть до Дербента. Но встречный натиск арабо-мусульманских войск остановил их. Отголоском тех событий и является легенда о 40 мучениках, упокоившихся на кладбище «Кырхляр», которая дошла до нас в широко известном источнике XVII в. «Дербент-наме».

Перед лицом общего противника, укрепившегося за стенами Дербента, между Сариром и Хазарией произошло некоторое сближение, продлившееся до середины 30-х годов VIII в. Тогда престарелый наместник на Кавказе - Маслама, был отозван халифом Хишамом, а его место занял молодой и уже проявивший себя полководец Марван ибн Мухаммад [23, с. 182-183]. В течение одного, 737 года, он сокрушил Хазарское государство, после чего приступил к планомерному завоеванию Сарира.

Здесь ему пришлось натолкнуться на мощные крепости и упорное сопротивление населения, для преодоления которого Марван затратил семь долгих лет с 738 по 744 г. [23, с. 236]. О событиях, связанных с завоеванием Сарира повествует ряд арабо-иранских авторов, а наиболее подробно и живописно ал-Куфи [16], но даже он не упоминает о каких-либо попытках исламизировать Сарир. При этом источники, несмотря на некоторые цифровые расхождения, вполне

определенно указывают размеры дани, которая была наложена на завоеванные области Сарира [5, с. 257].

Основываясь на ат-Табари, А.В. Гадло даже утверждал, что поход в глубины хазарской степи и разгром хазар имел главной целью завоевание Сарира [11, с. 161]. «Походы арабов в горные области Восточного Кавказа, – писал он, имели целью организацию материального снабжения арабских войск в Закавказье. В период правления Масламы Дербент был превращен в главный сборный пункт, куда поступала дань из покоренных земель. Показательно, что источники не говорят об обращении горцев в ислам, но вполне определенно, хотя и с большими расхождениями, называют размеры дани, которая была наложена на завоеванные области Дагестана» [11, с. 161]. И это суждение видного отечественного кавказоведа-этнолога вполне оправданно, если принять во внимание, что «Сарир – это область между Абхазом (Грузией - Т.Г.), Кипчаком (Хазарией – Т.Г.), Ширваном и Дербентом: область большая, очень возделанная, труднодоступная, с большим количеством населения», как отмечается в географическом сочинении XIII в. на персидском языке [20, с. 205-206]. А также соотнести его со свидетельством Ибн-Русте, утверждавшим, что «Царю (Сарира – Т.Г.) принадлежит 20 тысяч долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни» [13, с. 219].

Развеять же всякое сомнение на этот счёт позволяет академик Н.И. Вавилов, характеризовавший Дагестан как один из древнейших регионов с земледельческим опытом и высочайшей террасной культурой земледелия. «В Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия – писал он. - Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать земли, чем это делают в Дагестане» [8, с. 80].

Но зависимость Сарира от арабов оказалась эфемерной, и практически ни один из известных источников не сообщает о реальной выплате дани правителем Сарира или кем-либо из вассальных ему владетелей. В известной мере этому способствовало и Аббасидское движение, в результате которого в 750 г была свергнута династия

Омейядов. Попытки арабов уже при аббасидском халифе Харун ар-Рашиде (786-809 гг.) вернуться в Дагестан встретила резкий отпор. «Напавшие на крепость Хамзин (Хамри – *З.М. Буниятов*) арабы были обращены в бегство» [7, с. 115].

В результате арабы переняли традиции политики Сасанидов в отношении Дагестана, столкнувшись с труднопреодолимым ландшафтом, воинственностью населения и необходимостью совместными усилиями противостоять хазарам. На протяжении IX-X вв. государство Сарир крепло и даже расширялось на юг за счет Аррана [5, с. 262]. Тем временем хазары, так и не оправившись от učinённого Марваном разгрома, слабели и практически утратили влияние на Восточном Кавказе.

Как писал А.П. Новосельцев, в районе Дагестана «...влияние хазар уже в IX в. падало и, в конце концов, утратило самостоятельный характер» [23, с. 194]. В начале X в. все известные нам случаи их вмешательства в политические события в Дагестане связаны с местными дагестанскими владетелями, в союзе с которыми хазары действовали [23, с. 193]. При этом синхронный источник, автором которого является ал-Масуди, сообщает: «царь (Сарира) совершает нападения на хазар (Караулов переводит «усердно и с успехом воюет» – *Т.Г.*) и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах» [19, с. 204].

В конечном счёте, надо констатировать, что ни один из источников, принадлежащих к всемирно известному корпусу арабской географической литературы, не свидетельствует в пользу издревле присутствующего в Дагестане мнения о том, что в VIII в. арабы силой оружия утвердили ислам на дагестанской почве. При этом нет никаких оснований думать, что их авторы были индифферентны к конфессиональным вопросам. К примеру, Ибн-Русте, рассказывая о главной укрепленной резиденции царя Сарира, городе Хунзахе, подчёркивает, что все живущие за городскими стенами - «христиане, а все остальные жители страны - язычники» [9, с. 219]. В свою очередь, ал-Масуди, говоря о второй по значимости резиденции царя Сарира, городе Кумухе, особо отмечает, что «его жители – христиане» [12, с. 203]. И он же, указав, что «за Ширваном лежит царство Табасаран», не преминул заметить: «Правитель его мусульманин, племянник (сын сестры) того Абд

ал-Малика (Маслама ибн Абд ал-Малик, брат халифов Валида и Хишама - *Т.Г.*), который был амиром ал-Баба (Дербента – *Т.Г.*)» [12, с. 192].

Утверждение ислама в Дагестане произошло на рубеже XI-XII веков вследствие широко распространившегося на территории Ближнего Востока, а также Передней и Центральной Азии миссионерского движения, известного как движение газиев, т.е. движение борцов за веру. В.В. Бартольд [3, с. 272], А.Ю. Якубовский [27, с. 63] и другие исследователи относили его к IX-XI векам, а в Дагестан это движение пришло после X века [17, с. 175-176], [2, с. 115]. Участвовавшие в нём миссионеры именовались «посошыми войсками» [18, с. 16-17], так как передвигались, опираясь на посохи.

В одном из списков базового для дагестанской истории источника «Тарих-Дагестан» сказано, что в 500 г. Хиджры (1106-1107 гг. от Р/Х) на Кавказ прибыло большое число газиев, возглавляемых неким Каландаром. Он захватил Кайтаг и, якобы, провозгласил себя эмиром, после чего, нарушив договор (с кем - ?), внезапно напал на Кумух и захватил его. Выбор именно этого города, впервые упомянутого в том же источнике с почетной приставкой «Гази», в качестве плацдарма для последующей исламизации Дагестана был не случаен. Он не только находился в самом центре Сарира, но и обладал развитой инфраструктурой, на что указывают арабо-иранские синхронные источники, сообщающие о том, что в Кумухе имелся второй «крепкий замок царя Сарира», в котором находился его «второй трон» и даже хранилась «сокровищница». Вместе с тем, надо иметь в виду, что вопреки бытующему в Дагестане мнению, персидское слово каландар не является именем собственным. По-арабски оно звучит как карандар, по-турецки - календер и обозначает нищенствующего дарвиша, исполняющего минимум религиозных предписаний. Но поскольку в дагестанской традиции оно звучит именно как «каландар» или «каланта́р», можно заключить, что его носителем был ираноязычный «газий», принадлежавший к суфийскому братству (тарики) каландарийя, широко распространившемуся на протяжении XI - XIII вв. [14, с. 129-130].

Вооружённое миссионерское движение газиев раскололо правящую династию и элиту Сарира. Владыка Сарира, опираясь на ближайшее окружение и горожан Хунзаха,

упорствовал в приверженности христианству, не имея при этом достаточных сил для его распространения, а также поддержки извне. И по мере того, как его языческие подданные всё больше обращались в ислам, он, вместе со своими приверженцами, оказывался во все большей изоляции. Напротив, укрепившиеся в Кумухе представители этой же династии, обратившись в ислам, обрели поддержку в лице миссионеров-газиев и выдвинули из своей среды лидера «мусульманской партии», который вошёл в историю с титулом «шамхал», имевшим изначальную форму «шах-бал» [4, с. 412], [6, с. 226].

На основе иранской лексики этот нигде более не встречающийся титул, может трактоваться как «шах партии», но может и указывать на то, что его обладатель принадлежит к шахскому дереву/кусту, что в конкретном случае должно указывать именно на генеалогическое древо правителей Сарира. И в этом контексте нельзя не отметить, что генетическая связь новой династии Шамхалидов с династией владык Сарира подтверждается не только на основе этимологии, но и при правильном прочтении письменных источников.

Возглавив движение газиев, и сделав Кумух его главным плацдармом, Шамхалиды к концу XI в. сумели распространить мусульманские общины и, как следствие, утвердить свою власть практически по всей территории прежде подвластной правителям Сарира. И в итоге, как констатировал В.М. Бейлис, к концу XI в. из синхронных источников исчезает само название Сарир [5, с. 265].

Основанные совместными усилиями Шамхалидов и миссионеров-газиев мусульманские сообщества, одновременно являвшиеся самоуправляющимися территориальными общинами, получили известность как дагестанские «джамааты», а породивший их религиозный и политический центр - Кумух, обрёл возвышающее его почётное звание «Гази» и вошёл в историю под названием Гази-Кумух. При этом и сами Шамхалиды, согласно исторической традиции, обрели новую генеалогию, возводившую их к роду самого пророка Мухаммада (меиб), через Его дядю Аббаса.

Уже в русле этой генеалогии произошло переосмысление титула верховного правителя Дагестана в следствие чего его первоначальная форма «шах-бал» трансформировалась в «шам-хал», что должно было указывать на связь его носителя с территорией ис-

торической Сирии, обозначаемой арабским словом «Шам».

И эта генеалогия не только породила Шамхалидов с правившей в Халифате династией Аббасидов, но и на века обеспечила им непререкаемую легитимность в Дагестане и особый ореол за его пределами. Сакральный статус династии Шамхалидов передан и их резиденции – Гази-Кумуху, который на протяжении почти пяти веков являлся столицей Шамхальства. Это было второе после Сарира дагестанское историческое государство, впервые получившее своё параллельное название «Дагистан» в датируемом началом XIV в. историческом источнике местного происхождения «Тарих Дагестан». Впоследствии шамхалы обрели почётное звание «Вали», что ещё больше возвысило их в мусульманском мире. В итоге шамхалы стали именоваться Вали Дагестана, их государство - Вилаят Дагестан, а во внешнем мире сложилось устойчивое восприятие Дагестана как исторического государства.

Это была типичная феодальная федерация, в лоне которой и сформировалась полиэтничная дагестанская идентичность. Естественно, что сами шамхалы, вплоть до последнего из них, Шамсудин-шамхала, отказавшегося под давлением царской администрации от своего титула в 1867 г., именовали себя не иначе как «Дагестанский шамхал» или «Вали Дагестана».

В конце XVI в. вследствие изменившейся геополитической ситуации, вызванной завоеванием в 1557 г Астраханского ханства Иваном IV Грозным, Шамхалиды перенесли свою резиденцию в Тарки, после чего этот город стал третьей по счёту столицей Дагестана. Но и тогда Гази-Кумух сохранял свой особый статус как первопрестольная столица Шамхалидов. Здесь по-прежнему проводились выборы и коронация очередного шамхала, а также погребение усопших, свидетельством чему служит шамхальское кладбище.

Во второй половине XVII в., вследствие внутреннего конфликта в доме Верховных правителей Дагестана, Гази-Кумух становится центром владения, которое со временем обретёт статус Гази-Кумухского ханства под властью боковой ветви династии Шамхалидов. При этом, оно останется вассальным по отношению к Вали Дагестана подобно Кайтагскому уцмийству, Табасаранскому майсумству, Хунзахскому нуцальству и ряду других удельных владений.

Роль Шамхалидов в утверждении ислама была хорошо известна не только в Дагестане, но и за его пределами, а их первопрестольная столица Гази-Кумух воспринимался как главный центр Ислама суннитского толка на всём Кавказе. В своё время это засвидетельствовал сам Тамерлан в ходе карательных рейдов во внутренний Дагестан, совершённых им в наказание за поддержку хана Золотой Орды Тохтамыша. Разбив близ города Акуша войско, предводительствуемое шамхалом, он подступил к Гази-Кумуху с «чувством внутреннего разочарования», вызванного, как свидетельствуют его историографы Низам-ад-дин Шами и Шериф-ад-дин Йезди, тем, что «те, кто (каждый) год и месяц сражались с неверными,... теперь, изменив свой обычай,... поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому, на что надеялись на них» [26, с. 124, 186]. Но и при таких обстоятельствах Тимур, не только не разрушил город, но даже не вступил в него. Распожившись близ Гази-Кумуха, он, по свидетельству тех же авторов, принял «явившихся к нему с раскаянием раисов», т.е. представителей городского совета, «обласкал их разными милостями» и дал наставление впредь воевать с «неверными», после чего закрепил за ними их земли, выдал соответствующие ярлыки, и мирно отослал к себе [26, с. 186].

И схожим образом повёл себя Надиршах, стремившийся во всём походить на Тимура. Как известно, он трижды, после ожесточённых боёв, вступал к Гази-Кумуху, который в это время был уже не столицей Дагестана, а резиденцией одного из удельных владетелей, Сурхай-хана I Гази-Кумухского, но при этом не нанёс городу ни малейшего ущерба.

Гази-Кумух и в XIX в. оставался для дагестанцев самым ярким символом их единства и приверженности исламу. Причём это засвидетельствовал сам имам Шамиль, когда в 1842 г., ненадолго заняв Гази-Кумух, направил в различные локальные сообщества Дагестана и даже Чечни воодушевляющие письма, в которых писал: «С помощью Аллаха, я без осложнений занял город Гази-Кумух – Мать всех [наших] общин [джамаатов]» [28, с. 131]. В этом контексте нельзя не провести параллель между использованной им конструкцией «мать всех общин» с известной из русской истории формулой «Киев – мать городов русских». Разумеется, имам Шамиль не знал этой формулы, но схо-

жая роль двух религиозно-политических центров привела к столь близкой их оценке.

И, по сути, аналогичным образом оценил значение Гази-Кумуха один из прозорливых царских офицеров, штабс-капитан Российского Генерального штаба К.И. Прушановский. Касаясь тех же событий 1842 г., он писал: «С отложением Гази-Кумуха положение наше в Дагестане было весьма затруднительно, мы могли ожидать восстания всех земель, лежащих между Терекком и Самуром» [24, с. 94].

Именно понимание особой религиозно-политической роли Гази-Кумуха в дагестанской истории побудило царскую администрацию, после подавления известного восстания 1877 г., изъять из названия города почётную приставку «Гази». Ведь таким образом проще было низвести его до ординарного сельского поселения, служащего административным центром Лакского округа Дагестанской области, а затем Лакского района Дагестанской АССР, а в итоге изъять из общественного сознания дагестанцев восприятие Гази-Кумуха как исторического, общего для всех религиозно-политического центра. Тем более что первый шаг в этом направлении был сделан ещё в 1868 г., когда в I выпуске официозного издания «Сборник сведений о кавказских горцах» была опубликована историческая записка «Шамхалы Тарковские», составленная Временной Комиссией. Ограничивая власть Дагестанских шамхалов рамками их Тарковского домена, эта, по сути, анонимная комиссия разрушала идею дагестанской полиэтничной государственности, действительность которой на протяжении столетий утверждалась самой личностью Верховного правителя Дагестана. Ведь как утверждал Гегель, «личность государства, действительна лишь, как лицо, как монарх. Личность служит выражением понятия как такового; лицо вместе с тем содержит его действительность...» [12, с. 295]. В результате Шамхалиды были низведены до уровня своих же вассалов: ханов Гази-Кумухских, уллу-биев Эндирейских, Аксаевских и Костековских, принадлежавших к боковым ветвям той же династии, а также Кайтагских уцмиев, Табасаранских майсумов, Хунзахских нуцалов как представителей самостоятельных династий.

В советский период процесс дезинтеграции дагестанской исторической государственности, запущенный на уровне общественного сознания, получил дополнительный мощный импульс. Марксистская доктрина об опреде-

ляющей роли народных масс в историческом процессе привела к тому, что возглавившие миссионерское движение газиев - Шамхалиды, были отстранены от процесса утверждения Ислама в Дагестане, а их место заняли народные массы. Естественно, что роль этих народных масс была возложена на население деградировавшего к этому времени Кумуха и близлежащих территорий, составлявших Лакский район. В результате такой историко-материалистической конструкции именно на лакский народ была возложена ответственность за исламизацию Дагестана. Причём, поначалу это была именно ответственность, а не заслуга, так как в условиях государственного атеизма не могло быть иначе. Но одновременно был найден и способ спасти репутацию хоть небольшого, но советского народа, взвалив основную долю «вины» на завоевателей арабов, огнём и мечом исламизировавших Дагестан в VIII в., поскольку позднее в Дагестане их уже не было. Тем более что такая версия бытовала как в местной устной традиции, так и в задокументированных материалах, собранных Кавказской Археографической комиссией [1, с. 535].

Но постсоветский религиозный ренессанс в Российской Федерации в целом, и в Дагестане в частности, привёл к тому, что то, что прежде трактовалось как некая вина, стало восприниматься как особая заслуга. В таких условиях у историков полиэтничного Дагестана появился социальный заказ на обоснование сопричастности того или иного этноса к процессу его исламизации. Но так как сами они были выпестованы в канонах единственно верного марксистского учения, превратившегося для многих в вероучение, у них не возникло сомнения в методологической ущербности самого тезиса о том, что «именно лакцы первыми приняли ислам и распространили его по всему Дагестану». А потому они рьяно принялись доказывать, что на самом деле первыми из принявших ислам дагестанских этносов были лезгины, табасаранцы, даргинцы/кайтагцы, в зависимости от этнической принадлежности самих авторов. При этом главным аргументом служила близость территории расселения конкретного дагестанского этноса к границам Халифата, а также обнаруженные на ней эпиграфические памятники и захоронения. Но такого рода аргументация исключала из борьбы за приоритет в вопросе принятия ислама не только лакцев, но и аварцев, так как они населяли

территории, наиболее удалённые от границ Халифата, проходивших на Восточном Кавказе по Дербенту и Самуру. Но и для этого случая нашлись историки, которые принялись утверждать, что приоритет в принятии ислама принадлежит аварцам, точнее, Джаро-Белоканским аварцам, проживающим за Главным Кавказским хребтом.

В итоге, не имеющая ничего общего с исламом, по сути, трайбализская борьба за приоритет, привела к утрате очевидного приоритета Дагестана в вопросе принятия ислама на всей территории Российской Федерации.

Но как гласит известная пословица «свято место пусто не бывает», и приоритет естественным образом достался Татарстану, где к тому же обладали богатым опытом конструирования идеологием и, более того, мифологием, обрётённым в процессе организации празднования 1000-летия Казани [10]. Как следствие, в Поволжской республике сформулировали очередную мифологию, согласно которой 21 мая 922 года произошло судьбоносное событие, определившее вектор цивилизационного развития предков татарского народа и современного Татарстана. Именно в этот день состоялось официальное принятие ислама правителем Волжской Булгарии.

При этом никто не стал вспоминать о присутствии ислама в Поволжье задолго до начала X в., что отмечено в ряде источников, повествующих о Хазарии, в состав которой входила Волжская Булгария. Не случайно её правитель носил титул эльтебера, свидетельствующий о его вассальном статусе по отношению к правителю Хазарии.

Для решения поставленной задачи хватило и одного фрагментарного арабоязычного источника, известного как «Записки...» или «Путешествие...» Ибн Фадлана [25], посетившего в 922 г. Волжскую Булгарию в составе посольства Аббасидского Халифа ал-Муктадира. Посольство было направлено в ответ на посещение Багдада посланником эльтебера Волжской Булгарии Алмуша, который таким образом обратился к Халифу с просьбой «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от имени Халифа хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства». Одновременно Алмуш, просил о выделении ему 4 тысяч динаров и масте-

ров-строителей для возведения каменной крепости «чтобы укрепиться в ней от царей своих противников», но эта просьба была оставлена без внимания.

По прибытии посольства, секретарём которого и был Ибн Фадлан, на Среднюю Волгу, эльтебер Алмуш принял новый мусульманский титул амира и имя Джафар и, согласно изысканиям современных татарстанских ученых, на специально созванном в городе Булгаре курултае 21 мая 922 г. официально объявил о принятии Ислама.

И то, что Волжская Булгария в X в. объединяла не только ряд тюркских, но и финно-угорских племен, населявших обширные пространства Поволжья и Приуралья, и то, что её генетическая и культурно-историческая связь с Татарстаном остаётся дискуссионной даже в самой республике, не говоря уже о соседних, не помешала легитимации приоритета Татарстана в вопросе о времени и месте утверждения ислама на территории современной Российской Федерации. И всё потому, что новая мифологема была сконструирована по старым хорошо известным лекалам и, соответственно, базировалась на трёх китах: правителе, городе и письменном источнике.

Чтобы понять это, достаточно с компаративистских позиций взглянуть на крещение Руси, хорошо известное из школьного курса русской истории. Невзирая на то, что в его анналах содержатся и легендарные сведения о крещении восточных славян апостолом Андреем Первозванным, и исторические сведения о существовании в Киеве христианской общины, которой покровительствовала вдовствующая Великая княгиня Ольга, причисленная к лику святых как первая христианка на великокняжеском престоле, годом крещения Руси принято считать именно 988 год. А основанием для этого, служит засвидетельствованный в «Повести временных лет» факт, что именно в этом году Великий князь Владимир крестил свою дружину и население Киева, утвердив таким образом христианство на Руси.

Разумеется, нельзя не отметить, что статус эльтебера Алмуша уступает статусу Великого князя Киевского Владимира, в вассальной зависимости от которого находились другие князья. Правителя Булгара можно соотносить с правителем «царства Табасаран», которого, как уже было отмечено, Масуди называет мусульманином и племянником «(сыном сестры) того Абд ал-Малика, кото-

рый был амиром ал-Баба (Дербента – Т.Г.)». Только в отличие от правителя Булгара, обращавшегося к Аббасидскому Халифу с просьбами, правитель Табасарана являлся племянником сразу двух Омеядских Халифов – Хишама и Валида, поскольку доводился племянником их единокровному брату Масламе ибн Абд ал-Малику.

К этому следует добавить, что Абу-л-Хасан Али ал-Масуди, по мнению И.Ю. Крачковского, считается самым оригинальным географическим автором X в. [17, с. 171] и, по утверждению А.В. Гадло, именно ему принадлежит наиболее полное и систематическое описание Кавказа [11, с. 177]. При этом, как подчёркивал А.П. Новосельцев, труды Масуди, являясь самыми содержательными, являются «и самыми сложными источниками» [23, с. 13].

Наконец, нельзя не учитывать, что в отличие от булгар, табасаранцы как этнос, существуют и поныне, а Табасаран на протяжении столетий, как и сегодня, является составной частью дагестанского исторического государства, тогда как генетическая и культурно-историческая связь Булгара с Татарстаном, как уже было отмечено, продолжает оставаться дискуссионной.

Резюмируя сказанное, и встав на научно-теоретические позиции сконструированной в Татарстане мифологемы, трансформировавшейся в идеологему, можно обосновать, что утверждение ислама на территории современной Российской Федерации состоялось в середине VIII в. в пределах исторического Дагестана, а конкретно, Табасарана. И, что примечательно, указанная конструкция в хронологическом плане будет полностью отвечать и дагестанской исторической традиции, и советской идеологической концепции с той лишь разницей, что изначально ислам утвердился в Дагестане не насильственным, а матримонимальным путем, и не в Гази-Кумухе, а в Табасаране. Но для Дагестана, с его достаточно глубокой историей в этом нет никакой необходимости.

Результаты / Results. Достаточно, не сходя с позиции исторической реальности, признать, что утверждение ислама на территории современной Российской Федерации произошло в результате деятельности одного из представителей династии Верховных правителей Сарира (Сахиб ас-Сарир), правившей Дагестаном на протяжении пятисот лет. Во второй половине XI в. он возглавил интер-

национальное движение вооружённых миссионеров-газиев, утвердился в Кумухе и до конца XI в. сумел утвердить ислам в наиболее значимых областях и поселениях Дагестана, прежде признававших над собой власть правившей из Хунзаха Сарирской династии, что привело к исчезновению и самого названия Сарир. При этом он обрёл новый, нигде не встречающийся титул шамхал, став основателем новой мусульманской династии Шамхалидов, правившей Дагестаном на протяжении пятисот лет из Гази-Кумуха и последующих трёхсот лет из Тарки.

Относительно же вопроса об утверждении ислама в Поволжье, но именно в Поволжье, а не в Республике Татарстан, которая, в отличие от Республики Дагестан, не является историческим государством, то этого вопроса просто не существует. Доподлинно известно, что здесь ислам был утверждён Великим золотоордынским ханом Узбеком, который по сведениям арабо-иранских источников пришёл к власти в 1312/1313 г. и практически сразу сделал ислам официальной религией своего двора, а следом и всего государства, приняв исламский титул и имя султан Кийяс ад-Дин Мухаммад.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. 1011 с.
2. Ахмедов Ш. М. К вопросу о распространении Ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала: ДФАН СССР. 1975. С. 111–123.
3. Бартольд В. В. Средняя Азия до 12 в. // Сочинения. Т. 1. Москва: Восточная литература, 1963. 755 с.
4. Бартольд В. В. Дагестан // Сочинения. Т. 3. Москва: Наука, 1965. С. 408–419.
5. Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. Москва, 1963. С. 249–266.
6. Буниятов З. М. Комментарий и примечания // Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
7. Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: ИАН АССР, 1965. 383 с.
8. Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 74–83.
9. Гаджиев Т. В. Государство, общество и право в Дагестане (с древнейших времён до второй четверти XIX в.): диссертация ... д. и. н. М.: ИЭИА РАН, 2002. 443 с.; Историческая государственность Дагестана и современные вызовы // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе: Материалы Международной научно-практической конференции (21–22 мая 2018). Нальчик–Ростов-на-Дону, 2018. С. 312–328.
10. Гаджиев Т. В. Докопались? Нет, додумались // Молодёжь Дагестана. № 37. 23 сентября 2005.
11. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград: ИЛУ, 1979. 216 с.
12. Гегель. Философия права. Сочинения. Т. 7. Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1934. 384 с.
13. Ибн-Русте. О Дагестане. Приложение 4 // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва, 1963. 266 с.
14. Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. Пиотровского М. М., Прозорова С. М. и др. Москва: Наука, 1991. 312 с.
15. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. Т. 4, Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1957. 928 с.
16. Куфи. Книга завоеваний. Баку: Элм, 1981. 84 с.
17. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. Москва: Наука, 1966. 261 с.
18. Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала: Даггиз, 1928. 11 с.
19. Масуди. О Кавказе. Приложение 3 // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва, 1963. 266 с.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Географические сочинения XIII в. на персидском языке // Ученые записки института востоковедения. 1954. Т. 9. С. 175 – 219.
21. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. Москва: Восточная литература, 1963. 266 с.
22. Низами. Искендер-наме. Москва: Художественная литература, 1953. 804 с.
23. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. Москва: Наука, 1990. 266 с.
24. Прушановский К. И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе человека в Дагестане с 1823 г. по 1843 г. / Цит. по Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1939. 183 с.
25. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / под ред. И. Ю. Крачковского. Москва–Ленинград: ИАН СССР. 1939. 193 с.
26. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1941. 307 с.

27. Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи: к вопросу о происхождении газневидского государства // Фирдоуси. Москва–Ленинград: ИАН СССР, 1934. С. 51–96.
28. Ghammer M. Muslim resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechenia and Daghestan. London, Portland, 1994. 452 p.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Vol. 7. Tiflis; 1878. 1011 p. (In Russ.)
2. Akhmedov ShM. On the spread of Islam in Dagestan. Issues of the history of Dagestan. Vyp. 2. Makhachkala: DFAN USSR; 1975. P. 111-123. (In Russ.)
3. Bartold VV. Central Asia up to the 12th century. Soch. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature; 1963. 755 p. (In Russ.)
4. Bartold VV. Dagestan // Soch. Vol. 3. Moscow: Nauka; 1965: 408-419. (In Russ.)
5. Beilis VM. From the history of Dagestan VI–XI centuries (Sarir) // Historical notes. Vyp. 73. Moscow, 1963. P. 249-266. (In Russ.)
6. Buniyatov ZM. Commentary and notes // Bakikhanov A. Gulistan-i Iram. Baku: Elm; 1991. 304 p. (In Russ.)
7. Buniyatov ZM. Azerbaijan in VII–IX centuries. Baku: IAN ASSR; 1965. 383 p. (In Russ.)
8. Vavilov NI. World experience of agricultural development of highlands In *Priroda*. 1936;2:74-83. (In Russ.)
9. Gadzhiev TV. State, society and law in Dagestan (from the most ancient times to the second quarter of the 19th century): dissertation ... dr. history sci. Moscow: IEIA RAS; 2002. 443 p.; Historical statehood of Dagestan and modern challenges // Empires, monarchies, republics, confederations as forms of exercising power in the Caucasus: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (21–22 May 2018). Nalchik–Rostov-on-Don. 2018: 312-328. (In Russ.)
10. Gadzhiev TV. Got to the bottom of it? No, they thought of it In *Youth of Dagestan*. No. 37. 23 September 2005. (In Russ.)
11. Gadlo AV. Ethnic History of the North Caucasus IV–X centuries. Leningrad: ILU; 1979. 216 p. (In Russ.)
12. Hegel. Philosophy of Law. Soch. T. 7. Moscow–Leningrad: Sotsekgiz; 1934. 384 p. (In Russ.)
13. Ibn-Ruste. On Dagestan. Appendix 4. Minorsky VF. History of Shirvan and Derbent. Moscow, 1963. 266 p. (In Russ.)
14. Islam. Encyclopaedic dictionary. Ed. by Piotrovsky MM, Prozorov SM, et al. Moscow: Nauka; 1991. 312 p. (In Russ.)
15. Krachkovsky IYu. Arab geographical literature. Selected Works. T. 4, Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1957. 928 p. (In Russ.)
16. Kufi. The Book of Conquests. Baku: Elm; 1981. 84 p. (In Russ.)
17. Lavrov LI. Epigraphic monuments of the North Caucasus. Part 1. Moscow: Nauka; 1966. 261 p. (In Russ.)
18. Malachikhanov B. About the past of Avariya. Makhachkala: Daggiz; 1928. 11 p. (In Russ.)
19. Masudi. On the Caucasus. Appendix 3. Minorsky V. F. History of Shirvan and Derbent. Moscow, 1963. 266 p. (In Russ.)
20. Miklukho-Maklai NN. Geographical compositions of the XIII century in Persian in Scientific notes of the Institute of Oriental Studies. 1954. Vol. 9. 213 p. (In Russ.)
21. Minorsky VF. History of Shirvan and Derbent. Moscow: Oriental Literature; 1963. 266 p. (In Russ.)
22. Nizami. Iskender-name. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1953. 804 p. (In Russ.)
23. Novoseltsev AP. Khazar state and its role in the history of Eastern Europe. Moscow: Nauka; 1990. 266 p. (In Russ.)
24. Prushanovsky KI. Historical note about the beginning and development of the spiritual warfare (or transformed tariqat) of the doctrine of the moral element of man in Dagestan from 1823 to 1843. Cited in Bushuyev SK. Struggle of the Highlanders for Independence under the leadership of Shamil. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1939. 183 p. (In Russ.)
25. Travelling of Ibn-Fadlan to the Volga. Ed. by I. Yu Yu Krachkovsky. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1939. 193 p. (In Russ.)
26. Tizengausen VG. Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Vol. 2. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1941. 307 p. (In Russ.)
27. Yakubovsky A Yu. Mahmud Ghaznavi: to the question of the origin of the Ghaznavid state in Ferdowsi. Moscow–Leningrad: IAS USSR; 1934. P. 51-96. (In Russ.)
28. Ghammer M. Muslim resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechenia and Daghestan. London, Portland; 1994. 452 p.

Научная статья

УДК 94(73).091.3/091.4

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.6>

МЕХАНИЗМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПОЛЕМИКЕ ЧЛЕНОВ КОНГРЕССА США (1920–1921 ГГ.)

София Андреевна Гречишкина

Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)
sgr@sfnu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6042-4374>

Аннотация. Введение. США в первой трети XX в. продолжали испытывать нагрузку на внутривнутриполитическую жизнь по причине сохранявшегося объема внешней миграции. Заинтересованными политиками и общественными деятелями в этот период активно разрабатывались идеи регулирования миграционных процессов. Поскольку любое изменение закона проходит обсуждение в стенах высшего законодательного органа страны, то обращение к истории работы Конгресса США является непременным условием анализа немаловажной миграционной проблемы. **Материалы и методы.** Опора на документы Конгресса США, законодательные акты, а также периодическую печать позволила проанализировать процесс разработки мер по ограничению иммиграционного потока в США в период 1920 – 1921 г. Принцип объективности и сравнительно-исторический метод, примененный в работе, позволил проследить различия в позициях представителей власти, проанализировать аргументы в пользу корректировки миграционного законодательства или сохранения существующих мер. **Анализ.** Рассмотрение политических дебатов дает возможность определить, что на процесс обсуждения и принятия решений влияла партийная принадлежность членов Конгресса. Поначалу, обсуждаемые ограничительные меры поддерживались республиканцами и демократами от южных штатов. Однако к 1921 г., на фоне экономической рецессии, мнения демократов изменились в пользу открытой поддержки рестрикционизма или молчаливого согласия. **Результаты.**

Причина изменений в позициях демократов заключалась в переоценке электората партии, поскольку ограничительный вектор политики был задан в 1917 г. и отложенный эффект избирательного процесса был уже невыполним. Кроме того, откровенное лоббирование крупными предпринимателями своих интересов по миграционному вопросу, в том числе через представителей демократической партии, стало резко критиковаться обществом. Следовательно, для сохранения политического веса, партия была вынуждена пересмотреть отношение к миграционному вопросу. Основным механизмом ограничения был выбран количественный показатель, который предполагал введение квоты для каждой страны.

Ключевые слова: миграция, Конгресс США, рестрикционизм, иммиграционная политика, законодательство

Для цитирования: Гречишкина С. А. Механизмы ограничения миграционных потоков в полемике членов Конгресса США (1920–1921 гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2024. Т. 11 (1). С. 60–66. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

MECHANISMS FOR LIMITING MIGRATION FLOWS IN THE CONTROVERSY OF MEMBERS OF THE US CONGRESS (1920–1921)

Sofiya A. Grechishkina

Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)
sgr@sfnu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6042-4374>

Abstract. Introduction. In the first third of the XX century, the United States continued to experience a strain on domestic political life due to the continued volume of external migration. During this period, the concerned politicians and public figures actively developed measures to regulate migration processes. Since any change in the law is being discussed within the walls of the highest legislative body of the country, an insight into the history of the work of the US Congress is an indispensable condition to analyze an important migration problem. **Materials and Methods.** Reference to the documents of the US Congress, legislative acts, as well as the periodical press made it possible to analyze the process of developing measures to limit the immigration flow to the United States in the period 1920–1921. The principle of objectivity and the comparative historical method used in the work made it possible to trace differences in the positions of government representatives, analyze arguments in favor of adjusting migration legislation or preserving existing measures. **Analysis.** The study has specified that the process of discussion and decision-making was influenced by the party affiliation of members of the Congress. At first, Republicans and Democrats from southern states supported the restrictive measures under discussion. However, by 1921, against the background of the economic recession, the opinions of Democrats changed

in favor of open support for restrictionism or tacit consent. **Results.** The reason for the changes in the positions of the Democrats was the reassessment of the electorate of the party since the restrictive vector of policy was set in 1917 and the delayed effect of the electoral process was no longer feasible. In addition, the outspoken lobbying by large entrepreneurs of their interests on the migration issue, including through representatives of the Democratic Party, was openly criticized by society. Consequently, to maintain political weight, the party was forced to reconsider its attitude to the migration issue. The main mechanism of restriction was the quantitative indicator stipulating a quota for each country.

Keywords: migration, US Congress, restriction, immigration policy, legislation

For citation: Grechishkina SA. Mechanisms for limiting migration flows in the controversy of members of the US Congress (1920–1921). *Humanities and law research*. 2024;11(1):60-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.11.2023.

The article was approved after reviewing: 21.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

Введение / Introduction. Иммиграционный вопрос в США оставался дискуссионной темой в начале XX в. В 1917 г., спустя 20 лет после начала обсуждения, Конгрессом была принята идея об ограничении иммиграционных потоков не только путем запрета на въезд в страну финансово неблагополучных лиц, лиц с ограниченными возможностями здоровья, но и мера, предполагающая оценку способностей или качеств мигрантов [14]. Тем не менее, закон показал неэффективность спустя несколько лет после принятия. Окончание Первой мировой войны вызвало новый виток дискуссий о возможности более строгого регулирования миграционных потоков. Идеологи ограничения проводили мысль о восстановлении прежних потоков миграции после прекращения военных действий. Чтобы предотвратить развитие подобной ситуации в Конгрессе было инициировано обсуждение кардинальных мер ограничения, вплоть до полного запрета внешней миграции. Для того, чтобы оценить характер рассматриваемых механизмов, необходимо проанализировать ход полемики в Конгрессе США в 1920 – 1921 гг., выяснить аргументы и скрытые мотивы в пользу ограничения или поощрения миграционных потоков, степень вовлеченности политических партий и лидеров мнений в обсуждаемые вопросы.

Материалы и методы / Materials and methods. Достижение поставленной цели стало возможным благодаря обработке широкого круга источников. Однако основными стали материалы Конгресса США, включая протоколы заседаний, приложения к протоколам и материалы комитетских слушаний. Рассмотрение законодательных актов, а также анализ периодической печати позволил разобраться в процессе разработки мер по ограничению иммиграционного потока в США в период 1920 – 1921 гг. Методологическая основа работы определяется принципом объективности, т.е. взглядом на иммиграционную проблему в равной степени как со стороны защитников, так и противников иммигрантов. Использование сравнительно-исторического метода позволило проследить в рамках рассматриваемого периода позиции представителей различных политических и общественных движений, конгрессменов и сенаторов США, сопоставить их с мнением президента и перейти к анализу причин имеющихся различий в разрешении иммиграционного вопроса.

Анализ / Analysis. Внесение изменений в законодательство проходило под контролем

республиканской партии, которая восстановила большинство в Палате представителей к 1918 г. и укрепила свои позиции на очередных выборах в обеих палатах в 1920 г. Партия, которая контролировала Конгресс, оказывала влияние на определение направления развития внутренней политики Соединенных Штатов. Исследование голосований по иммиграционному вопросу 1920-е гг. в Палате представителей показывает, что партийность оказывала существенное влияние на его исход. Рестрикционизм поддерживали республиканцы из фермерских и городских округов, а также представители демократической партии южных аграрных штатов страны. Оппозицию представляли демократы из северных штатов, однако их состав в Конгрессе не превышал десяти процентов [7, с. 530]. Сплоченная и однородная партия большинства в Палате представителей противостояла демократическому меньшинству, которое не разделяло единой позиции по отношению к миграционному вопросу. Разбросу мнений среди демократов способствовало изменение электорального состава. Демократическая партия лишилась части избирателей-мигрантов, следовательно защита их интересов с целью сохранения их поддержки партии более не занимала приоритетное место.

К 1920-м гг. стала очевидна неэффективность принятого в 1917 г. Закона, регулирующего иммиграцию иностранцев и проживание иностранцев в Соединенных Штатах [14]. Проведенные в 1919–1920 гг. «рейды Палмера», аресты сторонников левых партий (анархистов и коммунистов) из числа мигрантов, инициированные Министерством юстиции США, также имели незначительные результаты. В 1920 г. в страну прибыло 430 000 иностранцев; в 1921 г., с полным возобновлением трансатлантического судоходства, их число почти удвоилось и достигло 805 000 [10, с. 148]. Несмотря на то, что эти цифры были меньше довоенного уровня, они позволили рестрикционистам убедиться в недостаточности существующих ограничений для решения миграционных вопросов. Летом 1920 г. экономика США пережила свой первый серьезный спад с 1890-х гг., продолжавшийся до весны 1922 г. В условиях экономического кризиса сторонники ограничения предложили к обсуждению решительные меры, включающие квоты для мигрантов по странам происхождения. Рестрикционисты утверждали, что Соединенные Штаты не смогут без ущерба для страны продол-

жать принимать даже тех мигрантов, которых тщательно отбирали. Кроме того, сомнения вызывала возможность качественной интеграции иностранцев в принимающее общество.

В период 66-го Конгресса США (1919–1921 гг.) на заседании Комитета по вопросам иммиграции Альбертом Джонсоном, республиканцем из штата Вашингтон, в повестку была внесена рекомендация о четырнадцатимесячной приостановке всей иммиграции. Предложение включало составленный Уилбуром Дж. Карром, директором Консульской службы, отчет, который свидетельствовал о необходимости принятия срочных мер. Отчет содержал донесения послов США из Австрии, Франции, Германии, Греции, Нидерландов, Италии, Польши, Румынии, Швейцарии, Турции. Представленное описание иммигрантов полностью соответствовало привычной рестрикционистам картине. Мигранты были охарактеризованы физически и умственно неполноценными, отмечалось отсутствие патриотического духа, а также неспособность к его приобретению. Посол США в Италии докладывал о социалистических настроениях мигрантов и отмечал, что полный запрет миграции в США из Италии устранил враждебных радикалов. Посол в Польше утверждал о неэффективности визового контроля в борьбе за отказ в допуске в страну политических активистов [8, с. 14].

Председатель Комитета по регламенту, республиканец из Канзаса Филип П. Кэмпбелл открыл дискуссию по иммиграционному вопросу с аргументами об ожидаемом росте безработицы, которая уже находилась на уровне в 2 млн человек, в случае сохранения существующего объема миграционных потоков [3]. Тем не менее, тезис о росте безработицы члены Конгресса не поддержали единогласно. Одним из усомнившихся был конгрессмен из Иллинойса Адольф Дж. Сабат, который видел в словах республиканца старые приемы пропаганды рестрикционистов. Политик был уверен в том, что требования об ограничении иммиграции не исходит от американских граждан или от лиц, знакомых с иностранцами, но самое главное, на его взгляд, ситуация не требовала кардинальных и срочных мер. Он всегда выступал в поддержку мигрантов, продвигал проекты, которые включали механизмы поддержки и адаптации иностранцев в стране, по строительству иммиграционной станции в Филадельфии или предоставлению медицинской страховки [2].

Схожую позицию также занимал республиканец из Нью-Йорка Исаак Сигел, поскольку отмечал, что законопроект Джонсона это «нелепая и истерическая» реакция на идею проникновения в Соединенные Штаты радикально настроенных мигрантов, а также путь, нарушающий традиционный вектор социальной политики США. Однако в Комитете по иммиграции голосование разделилось следующим образом: 14 «за» и 2 «против». Мнения Сабата и Сигела не были услышаны большинством, поэтому конгрессмены сетовали на спешность при рассмотрении законопроекта Комитетом [цит. по 12, с. 99]. Демократ от штата Нью-Йорк Энтони Дж. Гриффин присоединился к позиции Сигела в отношении порядка рассмотрения законопроекта заявив, что Комитет по иммиграции не проводил никаких заседаний после того, как законопроект был внесен в Палату представителей.

Председатель комитета по образованию Симеон Д. Фесс, республиканец от штата Огайо, также выступал против установления квот на въезд в страну. Объясняя свою позицию конгрессменам, политик настаивал на том, что предлагаемая мера не удержит мигрантов с антиамериканскими настроениями от прибытия в Соединенные Штаты. Он заявлял, что может принять временный полный запрет на иммиграцию только с целью отрегулировать исполнение законодательства на местах и не допустить ослабления в этом вопросе. Конгрессмен считал, что в американском законодательстве достаточно мер, которые предлагают необходимый набор инструментов для контроля и защиты страны от радикально настроенных иммигрантов. Однако, по словам Фесса, имеющиеся механизмы не используются должным образом. В голосовании по принятию билля об ограничении иммиграции с целью защиты американских граждан, несмотря на явную антипатию к количественному ограничению, конгрессмен проголосовал «за». Конгрессменами, которые поддержали законопроект, были республиканец Уильям Н. Вэйл (Клоророда); демократы Райли Дж. Уилсон (Луизиана), Томас Л. Блантон (Техас) и Чарльз Р. Крисп (Джорджия). Конгрессмены обращали внимание своих коллег на то, что ограничение является лишь временной мерой, которая обеспечит возможность для разработки «всеобъемлющего законодательства» и позволит оценить существующее положение [3].

В 1921 г. Палата представителей приняла законопроект Альберта Джонсона с требованиями ввести мораторий на всю иммиграцию. Голоса в нижней палате Конгресса разделились (296 «за», 42 «против» при 95 воздержавшихся). Сам Джонсон оценивал свой проект как проект лояльный в отношении других государств, т.к. экономика европейских стран требовала восстановления, соответственно постоянный отток населения являлся нежелательным фактором. Кроме того, конгрессмен настаивал, что стремящиеся обрести благополучную жизнь в Америке иммигранты, не смогут осуществить свои желания, если будут продолжать прибывать в прежнем количестве. Их жизнь не будет комфортной, как и жизнь рядовых американцев. Таким образом заключал Джонсона законопроект желателен всем сторонам, он защитит США, ее граждан и страны Европы, со всеми ее жителями.

Однако решение Сената было противоположным. На мнения сенаторов повлияли члены ассоциации промышленников и лидеры бизнеса, которые также вели борьбу на «иммиграционном фронте». Их антирестрикционистская позиция в 1920 г. была представлена на Национальной конференции по иммиграции, где в числе организаторов были лидеры крупного бизнеса и сторонники иммигрантов, такие как Луис Маршалл и Франсис Келлор, а также издатели литературы на иностранных языках. Обсуждаемый на конференции законопроект с квотами на национальное происхождение признавался странным и абсурдным. Участники отмечали, что конгрессмены, которые являются авторами и сторонниками подобного ограничения и выступают за американизацию, стремятся уничтожить мысль о национальности [11, с. 41]. По завершению конференции был принят тезис о том, что возможность натурализации должна быть предоставлена всем, вне зависимости от расы. Однако основной целью была формулировка рекомендаций о создании Федерального Совета по ассимиляции, который выступал бы координирующей организацией для иммигрантов.

Тем не менее изменение иммиграционной политики находилось в ведении Конгресса, и тех, кто поощрял иммиграцию, в его числе становилось все меньше. Сенатор-республиканец от штата Вермонт Уильям П. Диллингем, чья иммиграционная комиссия еще в 1917 г. содержала рекомендации по введению численного ограничения иммиграции, предложил свой план квот, который, по предположению, дол-

жен был успокоить промышленников и рабочих. Согласно его проекту, каждой стране нужно было предоставить квоту в 5% от числа уже присутствовавших представителей этих стран в США в соответствии с данными переписи 1910 г., этот процент мигрантов мог быть допущен в страну. Квоты не должны были распространяться на путешественников, представителей стран Западного полушария, а также членов определенных научных и профессиональных кругов. Однако, прежде чем предложение Диллингема получило окончательное одобрение Сената, сторонники полного ограничения во главе с Альбертом Джонсоном призвали сократить квоту до 3%. Некоторые конгрессмены, в чьих округах проживало большое число иммигрантов, выступили против этого законопроекта. Вновь Адольф Сабат был лидером оппозиции. Однако, его мнение не было поддержано в Конгрессе. Сенаторами, голосовавшими против законопроекта Джонсона, были республиканцы ЛеБарон Брэдфорд Кольт, Уильям П. Диллингем, Томас Стерлинг и демократ Джеймс Д. Фелан. За сокращение квот были демократы Уильям Дж. Харрис, Байрон Паттон Харрисон и Уильям Х. Кинг, а также республиканец из Калифорнии Хирам У. Джонсон. Сенатор Харрисон вообще предлагал сократить иммиграцию до 1% в год и запретить въезд в страну даже родственникам иностранцев, родившихся в США [3]. Аргументом для сенатора была эпидемия тифа, от которого в Нью-Йорке умирали американские граждане.

Члены Палаты представителей, поддержавшие законопроект Джонсона, указывали, что его провал в Сенате означает провал всего иммиграционного законодательства в этой области. Они отмечали, что нижняя палата Конгресса никогда не согласится с выбором в пользу компромиссного варианта ограничений – законопроекта, предложенного Уильямом П. Диллингом. Однако сам конгрессмен Джонсон, автор законопроекта со стороны Палаты представителей, был не согласен со своими коллегами. В первую очередь он желал принятия ограничительных мер, даже если они будут мягче, чем он задумывал, поэтому надеялся на то, что задержек в достижении согласия в палатах Конгресса не будет.

Позицию Сената в свою очередь высказывал председатель Комитета по вопросам иммиграции Кольт: «Законопроект Джонсона нежелателен... Он дает большие льготы иждивенцам и способствует мошенничеству. Мы заменили главные положения законопроекта

Джонсона максимальным числом, которое может быть допущено в любой год. В соответствии с мерой, о которой я сейчас сообщаю, около 600 000 человек могут быть допущены в любой финансовый год» [1].

Тем не менее, на фоне продолжавшихся среди рестрикционистов споров вокруг вопроса о квотах на иммиграцию, на досрочном заседании Сената 10 февраля 1921 г. был принят законопроект Дилленгема, однако с поправкой, ограничивающей число иммигрантов, которым был разрешен въезд в страну примерно до 355 416 человек. Таким образом, квота была сокращена с 5% до 3%. Голоса в Сенате разделились: 57 «за» и 2 «против». В оппозиции законопроекту остались сенаторы Жозеф И. Франс, республиканец от Мэриленда, и Джеймс А. Рид, демократ от Миссури [4].

В итоге президенту была представлена компромиссная версия законопроекта. Получив предложения с мерами по ограничению иммиграции за несколько дней до окончания работы 66 – го Конгресса, Вудро Вильсон ожидаемо воспользовался правом «карманного» вето.¹

Еще до вето президента, в прессе появились подозрительные настроения о практически единогласном решении Сената в отношении иммиграционного проекта Диллингема, который фактически стал радикальнее законопроекта Джонсона. «Как же так получилось, что сенаторы, которые всегда представляли великих работодателей и эксплуататоров труда иммигрантов, так неожиданно оказались правы?», – задавался вопросом журналист нью-йоркского «The evening world» [13]. Законодателей подозревали в хитрости, т.к. для принятия законопроекта оставалось меньше десяти законодательных дней. Ожидалось, что либо компромисс не будет достигнут, чего не произошло, либо президент не сможет его рассмотреть из-за нехватки времени.

В рамках сессии следующего 67-го Конгресса законопроект с иммиграционными квотами быстро прошел все стадии рассмотрения, задержавшись только в Сенате, где Хирамом У. Джонсоном (Калифорния) была внесе-

на поправка на рассмотрение. Сенатор Джонсон предлагал допускать в страну сверх квот лиц, подвергающихся политическим или религиозным преследованиям. Однако, поправка Джонсона была отклонена голосами 60 к 15. 3 мая 1921 г. Конгресс принял законопроект об иммиграции в том же виде, в каком он был принят в предыдущей сессии. Голосование в Сенате завершилось с результатами – 78 голосов «за», 1 «против» при 17 воздержавшихся [10, с. 968].

Против законопроекта опять выступил сенатор-демократ Рид из Миссури. Поддерживая идею о регуляции иммиграционного потока, сенатор предлагал не принудительно сокращать въезд в страну, а избирательно подходить к каждому потенциальному иммигранту. Рид предлагал оценивать характер, цели, историю каждого, кто желает переехать в США. Однако его позиция относилась только к иммигрантам европейского происхождения. В отношении азиатской иммиграции Рид поддерживал идею полного запрета [5]. Он также отмечал, что при обсуждении иммиграционного вопроса ранее, с рестрикционистской позицией выступали сенаторы и конгрессмены тех штатов, где иностранный элемент составлял наименьший процент. Однако в условиях поддержки большинством законодателей проекта, слова Рида не казались такими уж актуальными. Мнение сенатора не разделили его коллеги и даже Жозеф И. Франс, ранее составивший компанию Риду по оппозиции, на этот раз предпочел воздержаться от голосования.

19 мая 1921 г. закон «Об ограничении иммиграции иностранцев в Соединенные Штаты» был подписан новым президентом-республиканцем Уорреном Г. Гардингом, которого приветствовали как первого подлинного «ограничителя» в Белом доме [15].

Принятие нового закона вместе с ситуацией снижения деловой активности позволило сократить уровень иммиграции на две трети с 652 364 в 1921 г. до 216 385 в 1922 г. Рой Л. Гарис в своем исследовании иммиграционных процессов утверждал, что, «по тщательной оценке, (количественное ограничение – С.Г.) удержало от наших берегов от 1 750 000 до 2 000 000 иммигрантов, и только меньшую часть мы готовы были бы принять и заботиться в период безработицы и перестройки» [9, с. 150]. Квоты для стран Европы, Ближнего Востока, Африки, Австралии и Новой Зеландии в целом быстро заполнялись, причем практически на 100%.

¹ Подобный прием предполагает использование права вето фактически без вынесения официального решения. В ситуации, когда до конца законодательной сессии остается менее 10 дней, президент имеет право не рассматривать законопроект и ждать окончания сессии. В этом случае проект будет автоматически отклонен. Согласно Конституции США, для каждого законопроекта отводится 10 дней на рассмотрение.

Для эмигрантов из стран Западного полушария квоты не были предусмотрены. Такое исключение было принято с целью обеспечения дешевой рабочей силой фермеров Калифорнии и Техаса. Единственными странами, откуда был полностью запрещен въезд в США, были Китай и Япония. Применение системы квот было продлено до 1924 г.

Результаты / Results. Основным механизмом сокращения миграционных потоков стало простое количественное ограничение. Простой эта мера была постольку, поскольку предоставляла возможность резко снизить количество въезжающих в страну лиц иностранного происхождения и наглядно отразить действенность принятого закона. Однако, предложенное ограничение влекло и иные последствия, которые включали значительное расширение деятельности Иммиграционной службы и консульств США в других странах, формирование визового режима и своевременное обновление данных о свободных квотах. Стремительное прохождение через Конгресс ограничительной меры отразило обеспокоенность общества миграционным вопросом. На протяжении второй половины XIX в. рестрикционисты конструировали негативный образ мигрантов, сообщая об их деструктивном характере и неполноценности. Забота о благополучии жизни граждан США наиболее ярко отразилась в

период кризиса. Еще до экономической рецессии массово распространялась статистическая информация с данными о замедленном темпе роста заработной платы, отсутствии достаточного количества рабочих мест. Спад экономического развития обострил дискуссии о нагрузке на систему большим числом невосребованной гражданской рабочей силы. В подобной ситуации одним из очевидных решений существующей проблемы было исключение мигрантов из рабочей массы. Экономический фон сыграл на руку рестрикционистам, которые крайне остро реагировали на обсуждение процентных корректировок предложенных квот на въезд в страну. Члены Конгресса, которые сотрудничали с представителями деловых кругов, ранее выступали за открытость Соединенных Штатов в отношении мигрантов, однако к 1920 г. были вынуждены изменить свою позицию. Пресса не раз публиковала изобличающие статьи о личной заинтересованности политиков в голосовании по миграционным законопроектам по причине связи с крупными предпринимателями. В напряженных условиях жизни развитие подобных обвинений стоило бы конгрессменам их политической карьеры. Сопrotивление миграционным ограничениям продолжало поддерживать все меньшее число членов Конгресса.

Литература

1. 600 000 aliens in year senate limit // The New York herald. 11 Feb. 1921. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. Lib. of Congress. P. 4
2. Boxerman B. A. Adolph Joachim Sabath in Congress: The Early Years, 1907–1932. *Journal of the Illinois State Historical Society* (1908 – 1984). 1973. No. 66(3). P. 327–340.
3. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 60. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, December 9, 1920. P. 109–147.
4. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 60. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, February 10, 1920. P. 2890–2961.
5. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 61. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, May 3, 1921. P. 946–1002.
6. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 61. Part 1 (March 4, 1921 to May 4, 1921) 67th Congress, 1st Session Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, May 4, 1921. P. 1002–1054.
7. Eagles C. W. Congressional Voting in the 1920s: A Test of Urban-Rural Conflict. *The Journal of American History*. 1989. No. 76 (2) P. 528–534.
8. Emergency immigration legislation. Hearing[s] before Committee on immigration, United States Senate, Sixty sixth Congress, third session, on H.R. 14461, a bill to provide for the protection of the citizens of the United States by the temporary suspension of immigration, and for other purposes ...United States. Washington, Govt. Print. Off., 1921. URL: <https://hdl.handle.net/2027/uc2.ark:/13960/t2h70nq8j> (accessed: 17.03.2024).
9. Garis R. L. *Immigration restriction: a study of the opposition to and regulation of immigration into the United States*. New York: Macmillan, 1927. 376 p.
10. Martin S. F. *A Nation of Immigrants*. New York: Cambridge University Press, 2011. 346 p.
11. National Conference on Immigration. *Proceedings: National Conference on Immigration, under auspices of the Inter-Racial Council*. April 7, 1920. New York: Inter-Racial Council, 1920. 113 p.
12. Stone K. F. *The Jews of Capitol Hill: A Compendium of Jewish Congressional Members*. Scarecrow Press, 2011. 714 p.

13. The old trick? The evening world. 21 Feb. 1921. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. Lib. of Congress. P. 12.
14. U.S. Congress. Congressional Bills. 64th Congress, 2nd Session. AN ACT To regulate the immigration of aliens to, and the residence of aliens in, the United States [Approved February 5, 1917. H.R. 10384. Public, No. 301.]. U.S. Government Publishing Office, February 12, 1917.
15. U.S. Congress. Congressional Bills. 67th Congress, 1st Session AN ACT To limit the immigration of aliens into the United States. [Approved May 19, 1921. H.R. 4075. Public, No. 5.] U.S. Government Publishing Office, June 3, 1921.

References

1. 600 000 aliens in year senate limit. *The New York herald*. New York, 11 Feb. 1921. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. Lib. of Congress. P.4
2. Boxerman BA. Adolph Joachim Sabath in Congress: The Early Years, 1907–1932. *Journal of the Illinois State Historical Society* (1908 – 1984). 1973;66(3):327-340.
3. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 60. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, December 9, 1920. P. 109-147.
4. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 60. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, February 10, 1920. P. 2890-2961.
5. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 61. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, May 3, 1921. P. 946-1002.
6. *Congressional Record (Bound Edition)*, Volume 61. Part 1 (March 4, 1921 to May 4, 1921) 67th Congress, 1st Session Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, May 4, 1921. P. 1002-1054.
7. Eagles CW. Congressional Voting in the 1920s: A Test of Urban-Rural Conflict. *The Journal of American History*. 1989;76(2):528–534.
8. Emergency immigration legislation. Hearing[s] before Committee on immigration, United States Senate, Sixty sixth Congress, third session, on H.R. 14461, a bill to provide for the protection of the citizens of the United States by the temporary suspension of immigration, and for other purposes ...United States. Washington, Govt. Print. Off., 1921. URL: <https://hdl.handle.net/2027/uc2.ark:/13960/t2h70nq8j> (accessed: 17.03.2024).
9. Garis RL. *Immigration restriction: a study of the opposition to and regulation of immigration into the United States*. New York: Macmillan; 1927. 376 p.
10. Martin SF. *A Nation of Immigrants*. New York: Cambridge University Press; 2011. 346 p.
11. National Conference on Immigration. *Proceedings: National Conference on Immigration, under auspices of the Inter-Racial Council*. April 7, 1920. New York: Inter-Racial Council, 1920. 113 p.
12. Stone KF. *The Jews of Capitol Hill: A Compendium of Jewish Congressional Members*. Scarecrow Press; 2011. 714 p.
13. The old trick? The evening world. New York, 21 Feb. 1921. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. Lib. of Congress. P. 12.
14. U.S. Congress. Congressional Bills. 64th Congress, 2nd Session. AN ACT To regulate the immigration of aliens to, and the residence of aliens in, the United States [Approved February 5, 1917. H.R. 10384. Public, No. 301.]. U.S. Government Publishing Office, February 12, 1917.
15. US Congress. Congressional Bills. 67th Congress, 1st Session AN ACT To limit the immigration of aliens into the United States. [Approved May 19, 1921. H.R. 4075. Public, No. 5.]. U.S. Government Publishing Office, June 3, 1921.

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Марианна Размиковна Григорян

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357500, Российская Федерация)
Аспирант
grigorian-mr@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3832-0480>

Аннотация. Введение. Социокультурное многообразие Северного Кавказа поставило перед Российским государством задачу по поиску наиболее эффективной модели управления регионом и разработке оптимальных правил будущего устройства края. Внедряемая административно-судебная система в наибольшей мере должна была учитывать реалии во взаимоотношениях российских властей и автохтонных народов Кавказа, тем самым содействуя налаживанию отношений в условиях постепенного угасания вооруженного противостояния. В этой связи статья повествует о становлении российской системы административно-судебного регулирования на Кавказе в 60-е годы XIX века и особенностях регионального воплощения внедряемых преобразований. **Материалы и методы.** Источниковую базу настоящего исследования составили архивные материалы и опубликованные источники, относящиеся к различным этапам исследуемого периода. Важное значение также имели материалы, представленные в таких крупнейших изданиях как «Полное собрание законов Российской империи» и «Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией». В качестве приемов историко-политического исследования применялись принципы научности и историзма, а также использовались такие научные методы как историко-системный, историко-сравнительный и дескриптивный, позволившие более глубоко понять исторические процессы, протекавшие на Северном Кавказе в рассматриваемый период. **Анализ.** Обзор законодательной базы, устанавливающей функционирование военно-народной системы управления, свидетельствует об исключительности данной системы. Так, военная система управления, действовавшая

на территории Дагестанской, Терской и Кубанской областей на всех своих уровнях обладала широким кругом полномочий, предоставлявшим права в области осуществления контроля над системой судопроизводства, использования войск, задержания и административной высылки представителей коренных народов. Наряду с этим, недостаточно четкие формулировки, определяющие порядок осуществления данных полномочий, а также отсутствие структур, позволяющих осуществлять независимый контроль, усиливали вероятность злоупотреблений должностными лицами системы военно-народного управления своих служебных обязанностей. **Результаты.** Формирование системы военно-народного управления на Северном Кавказе позволило успешно реализовать все стоящие перед российской администрацией задачи в рассматриваемый период. Кроме того, удалось ликвидировать угрозу повторения войны, существовавшую в регионе после победы над имаматом.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, система управления, горские общества, административно-судебная система, правовое регулирование

Для цитирования: Григорян М. Р. Административно-судебные преобразования Российской империи на Северном Кавказе в 60-е годы XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 67–75. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 28.12.2023

Research article

ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 60s OF THE 19th CENTURY

Marianna R. Grigoryan

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)
Postgraduate student
grigorian-mr@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3832-0480>

Abstract. The socio-cultural diversity of the North Caucasus has set the Russian state the task of finding the most effective model of regional governance and developing optimal rules for the future structure of the region. The administrative and judicial system being implemented had to take into account the realia in the relations between the Russian authorities and the autochthonous peoples of the Caucasus to the greatest extent, thereby contributing to the establishment of relations in the conditions of the gradual extinction of the armed confrontation. In this regard, the article tells about the formation of the Russian system of administrative and judicial regulation in the Caucasus in the 60s of the XIX century and the peculiarities of the regional implementation of transformations. **Materials and Methods.** The source base of this study consists of archival materials and published sources related to various stages of the study period.

The materials presented in such major publications as The Complete Collection of Laws of the Russian Empire and the Acts Collected by the Caucasian Archaeological Commission were of great importance. The principles of scientific and historicism were applied as methods of historical and political research, as well as such scientific methods as historical-systemic, historical-comparative and descriptive ones, which allowed a deeper understanding of the historical processes that took place in the North Caucasus during the period under review. **Analysis.** A review of the legislative framework establishing the functioning of the military-people's management system testifies to the exclusivity of this system. Thus, the military management system operating on the territory of the Dagestan, Terek and Kuban regions at all its levels had a wide range of powers that granted rights in the field of control over the judicial

system, the use of troops, detention and administrative expulsion of representatives of indigenous peoples. At the same time, insufficiently clear formulations defining the procedure for the exercise of these powers, as well as the lack of structures allowing for independent control, increased the likelihood of abuse by officials of the military-people's management system of their official duties. **Results.** The formation of a system of military-people's administration in the North Caucasus has made it possible to successfully implement all the tasks facing the Russian administration in the period under review. In addition, it was possible to eliminate the threat of the war that existed in the region after the destruction of the imamate.

Введение / Introduction. Полиэтническое и поликонфессиональное многообразие территориального пространства Российской империи выдвигало определенные требования к административно-правовой организации жизни этносов, проживающих на территории государства. Ее стандартизация и приведение к единому со всеми остальными регионами империи образцу виделось возможным только в долгосрочной перспективе, ввиду чего российская администрация старалась не торопить события. Это было связано с тем, что в рассматриваемый период основная цель правительства заключалась в признании верховенства монархии автохтонными народами. Однако осуществление реформ 60-70-х гг. привело к изменению облика России, что, в свою очередь, вело к неизбежной трансформации административно-судебных органов власти, которым для эффективного функционирования необходимо было соответствовать новой исторической реальности.

Завершившееся вооруженное противостояние позволило сконцентрироваться на выполнении данной задачи. Ее решение, во-первых, содействовало бы налаживанию эффективного управления регионом, а, во-вторых, позволило бы убедить население в равноправии с другими народами, населявшими империю. Единая судебно-административная система, общие правила, действующие на всем правовом пространстве империи, давали возможность жителям Северного Кавказа, в случае их переселения, быстро адаптироваться в любом районе страны.

Материалы и методы / Materials and methods. Настоящее исследование основано на принципах научности и историзма, которые позволяют рассмотреть действительность как изменяющуюся и развивающуюся во времени. Вместе с тем исследование каждого факта осуществляется неот-

Keywords: Russian Empire, Caucasus, management system, mountain societies, administrative and judicial system, legal regulation

For citation: Grigoryan MR. Administrative and judicial transformations of the Russian Empire in the North Caucasus in the 60s of the 19th century. *Humanities and law research.* 2024;11(1):67-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.08.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 28.12.2023.

ривно от конкретно-исторической ситуации. Автором использовались также историко-системный, историко-сравнительный и дескриптивный методы, позволившие более глубоко понять исторические процессы, протекавшие во второй половине XIX в. на Северном Кавказе. Основной массив источников составили труды отечественных историков в области изучения административно-правовых особенностей интеграции Северного Кавказа в имперское пространство России в XIX в. В частности, большой интерес представили исследования З. М. Блиевой [2] и Г. Н. Малаховой [6], центральной темой которых стало изучение процесса становления и развития государственного управления в регионе в период с конца XVIII по XIX в. В своих трудах авторы детально останавливаются на рассмотрении проблемы организации особого управления горцами, крестьянами и казаками.

Анализу административно-правовых шагов российской администрации по интеграции Северного Кавказа в состав России посвящена работа Н. Ю. Силаева [14], который выделяет в проводимой в регионе политике меры, направленные на адаптацию традиционных устоев горцев к имперским порядкам.

Обстоятельства складывания российско-го управления Северным Кавказом, специфика имперского опыта взаимодействия с регионом и сложности, с которыми сталкивались российские власти в ходе выстраивания конструктивного межэтнического диалога рассматриваются в работе Ю. Ю. Гранкина [4], посвященной анализу управленческих практик на Северном Кавказе. Особое внимание автор уделяет сравнению двух конкурирующих моделей, представленных имперской государственной администрацией и имаматом.

Важное значение также имеют материалы, представленные в Полном собрании законов Российской империи, и, в частно-

сти, Собрание второе (1825–1881 гг.), в котором содержатся документы, изучение которых позволяет получить сведения о проводимой российской администрацией политике на Северном Кавказе.

Анализ / Analysis. Переходя к анализу формирования и развития административно-судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX в., видится целесообразным сделать несколько комментариев, связанных с особенностями существовавших традиций в политической и правовой сферах жизни коренного населения региона.

Важной особенностью являлось отсутствие собственной государственности у большей части автохтонного населения Северного Кавказа на момент их включения в состав Российской империи. Власть местных князей, ханов и шамхалов не была формальной и носила номинальный характер, и по точному замечанию А. В. Крымина, представляла собой всего лишь влияние, основанное на родственных взаимосвязях [5]. Следует также отметить еще одну особенность Северного Кавказа, заключающуюся в полном верховенстве обычая в правовой культуре горцев.

Отсутствие собственной государственности у коренных народов Северного Кавказа ставила в достаточно затруднительное положение как империю, так и самих горцев. На основной части территории Кавказского края Россия не имела возможности применить привычную модель присоединения к себе новых территорий, предполагающую поэтапный переход от политики протектората до стандартизации по единому на всей территории страны образцу системы управления. Бескомпромиссная позиция руководителей имамата вынудила имперские власти ликвидировать данное государственное образование, а затем «с чистого листа» приступить к административному устройству на Северном Кавказе. В этой связи сразу после завершения Кавказской войны региональная администрация осознала необходимость в организации в короткие сроки собственной системы управления на новых присоединенных территориях с целью недопущения эскалации агрессии в регионе, в то время как для горцев интеграция в имперское пространство приняло острый и даже в какой-то степени шоковый характер.

Таким образом, в ходе создания административно-судебной системы на Север-

ном Кавказе имперские власти в регионе руководствовались важностью решения ряда взаимосвязанных задач. Первая задача заключалась в формировании административно-судебной системы в максимально короткие сроки во избежание уничтожения всех приобретений Кавказской войны в случае утраты контроля над регионом. Вторая задача сводилась к обеспечению безопасности в регионе и закреплению военной победы России в результате успешного административного строительства. Не зря А. И. Барятинский призывал рассматривать процесс управления коренными жителями региона как на продолжение их замирения [5]. Наконец, третья задача сводилась к учету специфики правовой и политической культуры горцев в процессе формирования административно-судебной системы. Именно такого подхода придерживался Великий князь Михаил Николаевич, предлагавший действовать в несложных и понятных горцам формах [3, с. 3].

Немаловажным фактором административно-судебного строительства была специфическая «самоорганизация» горцев, вернувшихся после уничтожения власти имама Шамиля к привычным порядкам судопроизводства на основе адатного права [13]. Также важное значение имели особенности стратегии, которой придерживались М. С. Воронцов и А. И. Барятинский в период замирения Чечни и Дагестана. В рамках данной стратегии на территориях, занятых горцами, осуществлялось строительство укреплений с последующим размещением в них гарнизонов. Таким образом, силой, в поддержке которой нуждался наместник для осуществления своих начинаний, стала армия. В сложившихся условиях самый простой путь, ведущий к организации управления местными жителями, заключался в передаче административного функционала командующим гарнизонами, потому как именно офицеры армии, как никто другой, были знакомы с местными реалиями и обладали знаниями обычаев и традиций жителей.

Первые шаги по созданию системы управления Кавказом, получившей название «военно-народной», были предприняты еще М. С. Воронцовым [4, с. 98]. В годы своего администрирования в крае Михаил Семенович являлся сторонником активного привлечения представителей коренного

населения Кавказа к институтам власти, полагая, что именно им удастся лучше прибывших в регион чиновников разрешить имеющиеся проблемы и противоречия. В то же время сохранялись сомнения в отношении отсутствия лояльности со стороны таких кадров к имперской власти. В полной мере используя потенциал выходцев из местной среды, и пытаясь, вместе с тем, нивелировать их недостатки, М. С. Воронцов приступил к эксперименту по формированию смешанного управления, в соответствии с которым представители российской власти осуществляли контроль над горскими обществами, при этом не вмешиваясь в их внутренние дела. Вместе с тем необходимо отметить, что реализация такой системы предполагала широкое использование потенциала армии. Как было отмечено ранее, такой подход был связан, прежде всего, с тем, что именно военные лучше всего разбирались в особенностях сложившейся в регионе ситуации и могли наладить эффективное сотрудничество с пользовавшимися авторитетом представителей горских обществ.

В качестве экспериментальной площадки выступила Грузия, на территории которой М. С. Воронцов внес ряд изменений в процесс осуществления гражданского управления и судопроизводства. В частности, была решена проблема волокиты, сопровождающей процесс разбора дел, которая негативно воспринималась населением, и, тем самым, подрывала авторитет государства [4, с. 98]. В результате внесенных наместником корректив процесс судебного разбирательства был значительно ускорен. При этом М. С. Воронцов подчеркивал, что правительство империи не вмешивается в разбирательства, проводимые по адату, который мог бы иметь достаточно эффективное применение наряду с письменными законами, действующими на территории империи. Впоследствии подобная практика получила широкое распространение на территории края, приобретя сторонника в лице А. И. Барятинского.

Следует также отметить и наличие у российских властей определенного опыта использования армии для управления мирной частью коренного населения, полученного в процессе формирования административно-судебной системы на части территории Чечни после победы над имамом

Шамилем. Такой метод был апробирован непосредственно А. И. Барятинским, по распоряжению которого из числа офицеров был назначен «начальник Чеченского народа», внедрено «народное судилище», или «межкеме», в состав которого входили главный кадий и три судьи, избранные местными жителями, а территория, на которой проживали чеченцы, разделена на округа, управляемые набами, подчинявшихся в свою очередь, «начальнику Чеченского народа» [9]. Таким образом, удалось достичь сочетания традиционного горского судопроизводства и контроля административно-судебной системы со стороны российской власти [8, с. 42].

Данный опыт был признан удачным и в результате стал основой военно-народной системы управления, сформированной на территориях, занятых горцами после завершения Кавказской войны. Основная идея такой системы состояла в наделении представителей военных властей, имеющих особые полномочия, всем спектром административных функций, а также в сохранении судопроизводства на основе обычного права, но под строгим контролем администрации региона с целью недопущения противоречия адатного судопроизводства основному законодательству империи.

Военно-народное управление распространялось на всю территорию проживания горцев, независимо от степени их участия в Кавказской войне, однако сам процесс организации данной системы в тех или иных районах различался как по своему темпу, так и по характеру.

Одной из первых подверглась реформированию территория Дагестана. Особенность создания военно-народного управления на данной территории заключалась в том, что после завершения боевых действий на протяжении нескольких лет власть российских военных администраторов делилась с властью представителей «старой знати» – ханов, князей, шамхалов и умциев, надеявшихся вернуть былую силу после уничтожения имамата, в связи с чем в короткие сроки необходимо было упорядочить систему местного управления и судопроизводство.

В результате 5 апреля 1860 г. А. И. Барятинским было утверждено «Положение об управлении Дагестанской областью» [1], в соответствии с которым в составе Кавказ-

ского края создавалась Дагестанская область с административным центром в г. Темир-Хан-Шура, включающая в себя 4 военных округа и 2 гражданских управления.

В соответствии с новыми правилами [1], управление в области осуществлялось путем сочетания российских законов и обычаев коренных жителей. Причем, отмечалось, что данные правила не являются аксиомой и могут быть откорректированы и дополнены в случае необходимости [7, с. 263].

Согласно пункту 11 «Положения об управлении Дагестанской областью» [1], военно-народное управление делилось на три направления: управление войсками, управление горскими обществами и ханское управление. Все функции административного и судебного характера находились под руководством начальника Дагестанской области, занимавшего наряду с этим должность командующего войсками.

Российские власти, не желая вносить изменения в привычные традиции и обычаи коренных жителей, придерживались политики невмешательства в решение различного рода бытовых вопросов. Во-первых, это привело бы только к новой волне конфликтных ситуаций с горцами, а во-вторых, содержание чиновничьего аппарата могло потребовать значительных финансовых затрат.

Сохранение власти «старой» знати в ряде районов Дагестана было осуществлено, во-первых, в целях упрощения перехода горцев к российской системе управления, во-вторых, посредством возвращения власти к прежним до имамата правителям коренным жителям выражалась благодарность за оказанную помощь и поддержку в период военных действий, в-третьих, светская власть прежних правителей, по задумке российских властей, могла стать потенциальным противовесом основному противнику империи на территории Северного Кавказа – исламскому духовенству [3, с. 72]. Также необходимо отметить и элемент политической демонстрации: российские власти возвращали в регион разрушенные в годы правления имамов старые порядки, которые для консервативного коренного населения являлись традиционными и, соответственно, правильными.

Кроме того, привлечение местных правителей предоставляло российской администрации возможность получать грамотную консультацию по различного рода во-

просам и, в первую очередь, правовых традиций, осведомленность в области которых помогло бы избежать в будущем массовых волнений.

Для осуществления судопроизводства были учреждены Дагестанский областной суд, комиссии военного суда и горские словесные суды. Располагавшийся в Дербенте Дагестанский областной суд занимался гражданскими и уголовными делами, военные суды рассматривали дела по обвинениям горцев в особо тяжких уголовных и политических преступлениях, а словесные суды, действовавшие на основе адатного права, ведали всеми остальными уголовными и гражданскими делами, по которым обвиняли русское население области [1].

В дальнейшем развитие системы административного управления на территории Дагестанской области было связано с постепенным оттеснением «старой» родовой знати от осуществления административной и судебной деятельности.

Последним шагом в завершении строительства административной системы на территории Дагестанской области стало издание в 1868 году «Положение о сельских обществах Дагестанской области», устанавливающего права и обязанности сельского управления на местах и возлагающего на него фискальные и полицейские функции. Кроме того, в соответствии с данным «Положением», обозначались правила организации сельских обществ и порядок исполнения ими повинностей, а также устанавливался принцип круговой поруки в отношении сбора налогов [7, с. 292 – 303].

Управление было представлено сельским сходом, получившим название джамаат, кадием (судьей) и сельским старшиной, имевшим своих помощников – чоушей (глашатаев). В отдельных случаях сельское общество прибегало к назначению специальных людей для охраны полей и присмотра за оросительными сооружениями, называемых тургаками.

В соответствии с «Положение о сельских обществах Дагестанской области» создавались сельские суды, выполнявшие функции низшей инстанции судебной системы Дагестанской области, действующей на основе обычного права. Такие суды состояли из кадия и трех почетных лиц, пользующихся авторитетом в обществе, которых выбирали на сельском сходе.

Свою специфику системы народно-народного управления имела и Терская область. Апробированная впервые еще в 1852 г. до окончания Кавказской войны на территории, выразившей верность российским властям, методика нашла свое продолжение спустя 5 лет. Тогда было создано 4 округа, каждый из которых подчинялся своему окружному начальнику. Для осуществления судопроизводства в каждом округе был создан суд по образцу «межкеме», обязанности председателя которого выполняли начальники округов, действовавшие совместно с кадием и представителями от местных обществ [10].

Через год, в 1858 г. система военно-народного управления охватила юго-западные районы Чечни, на территории которых были учреждены три наибства – Аго, Чанты и Шатой. В управленческий аппарат наибств активно привлекали местных жителей, и в частности, из их числа были назначены наибы, подчиняющиеся, в свою очередь, управляющему наибствами из числа русских офицеров. Для осуществления судопроизводства в наибствах были сформированы окружные суды, членами которого являлись кадий, 8 судей выбранных из числа уважаемых местных жителей, а также председатель, в роли которого выступал управляющий наибствами [10].

Строительство системы военно-народного управления на территории Терской области завершилось утверждением «Положения об управлении Терской области» в мае 1862 г. [10], в соответствии с которым территория области была разделена на Западный, Средний и Восточный военных отдела и восемь округов. Административным центром Терской области был выбран город Владикавказ.

Административная система Терской области была аналогична системе, сформированной на территории Дагестанской области. Так, начальник области контролировал как военные, так и гражданские сферы и обладал рядом полномочий, связанных с правом использования войск для подавления волнений, правом административного выдворения за пределы региона подозрительных лиц в интересах поддержания безопасности, правом утверждения решений, принятых Главным народным судом Владикавказа, а также правом рассмотрения особо тяжких уголовных и политических дел и вынесения решений по ним.

Начальник округа осуществлял функции в области окружного управления, одновременно являлся председателем окружного народного суда и был наделен правом утверждения принятых решений. Как и начальник военного отдела, начальник округа мог принимать решения об использовании войск, обладал правом ареста и административной высылки в соображениях безопасности, правом на направление уголовных дел в военный суд для их дальнейшего рассмотрения, а также назначал кандидатов на должность старосты аула и мулл.

Выделенные на территории области восемь округов делились на наибства или участки. Наибы и руководители участков осуществляли полицейские функции, тем самым выступая промежуточным звеном между местными жителями и российской администрацией, выполняли роль председателей участковых судов, а также обладали правом задержания преступников и лиц, пропагандирующих антироссийские настроения.

Сельское управление находилось в руках старшин, которые назначались начальниками округов, заручившись согласием сельских сходов.

Система судопроизводства на территории Терской области повторяла судебную систему, действующую в Дагестанской области, и включала в себя комиссии военного суда и народные суды. В зону ответственности комиссий военного суда входило рассмотрение особо тяжких уголовных и политических дел в соответствии с военно-уголовным законодательством, а народные суды специализировались на разрешении иных уголовных и гражданских дел местных жителей на основе обычного права. При этом, народные суды функционировали на уровне области, округа и участка, а в роли высшей инстанции выступал главнокомандующий Кавказской армией.

Окружные и участковые народные суды были представлены кадиями и судьями, назначенными окружным или участковым начальником из числа выбранных местными жителями кандидатур.

Особенности формирования системы управления на территории Кубанской области для ее адыгского населения заключались в том, что к середине 60-х годов XIX в. доля адыгских жителей от общей численности населения была небольшой. Также

необходимо отметить, что военно-народная система управления для адыгов была создана лишь в период с 1865 по 1866 гг. после завершения Кавказской войны в регионе и их перемещения на равнинные территории области. В соответствии с утвержденным 20 января 1866 г. «Временным положением об управлении горцами Кубанской области» [12] была введена должность помощника руководителя Кубанской области по управлению коренными народами, однако, сфера его влияния и полномочия были меньше, чем полномочия руководителей Терской и Дагестанской областей. Отличительными чертами было отсутствие права на управление войсками, однако, начальнику области дозволялось использовать их в случае возникновения волнений на территориях, где проживало адыгское население. Помощник руководителя области осуществлял управление структурами финансового органа в адыгских округах, а также обладал правом непосредственно докладывать главнокомандующему Кавказской армии необходимые сведения. Кроме того, в полномочия помощника также входило право принятия апелляций на приговоры народных судов округов,

Территория, на которой проживало адыгское население, делилась на пять военно-народных округов, уступающих по своему размеру округам Дагестанской и Терской областей, ввиду чего в административной системе Кубанской области отсутствовали наместники и участки. Полномочия руководителей округов были аналогичны полномочиям начальников округов Терской области, и в частности, заключались в осуществлении ряда функций полицейского характера, а также в выполнении роли председателя окружного суда, утверждающего принятые судом решения.

Сельское управление основывалось на принципах схожих с Терской областью, за исключением процедуры утверждения на должность сельских старост, находящемся в зоне ответственности начальника области. Кроме того, сельское управление отвечало за выполнение фискальных и полицейских функций.

Аналогичной была и система судопроизводства. В частности, судебная система включала в себя комиссии военного суда и народных судов округов, которые наделялись теми же правами и обязанностями что и

другие территории, на которых распространялась система военно-народного управления. Важной чертой Кубанской области являлось отсутствие областного суда, действовавшего на основе адатного права. Полномочия высшей судебной инстанции сосредотачивались в руках начальника области, к которому направляли дела, не получившие утверждения начальников округов.

Внушительный объем дел, который требовал внимания главнокомандующего Кавказской армией, возникающих в ходе осуществления военно-народного управления, вызвал необходимость учреждения на территории Кавказа специального органа по организации и согласованию деятельности администраций всех областей. Этим органом стала Канцелярия по управлению коренными народами, сформированная при Главном штабе Кавказской армии [1], которая в 1865 г. в результате основания Кавказского военного округа была реорганизована в Кавказское горское управление при окружном штабе [11]. Позднее, в результате присоединения к России Карской и Батумской областей, на территории которых также была сформирована система военно-народного управления, Кавказское горское управление было трансформировано в Кавказское военно-народное управление.

Результаты / Results. Подводя итоги, необходимо отметить ряд присущих военно-народной системе характерных черт. Обзор законодательной базы, устанавливающей ее функционирование, свидетельствует об исключительности данной системы. Так, военная система управления, действовавшая на территории Дагестанской, Терской и Кубанской областей на всех своих уровнях обладала необъятными полномочиями, предоставлявшими права в области осуществления контроля над системой судопроизводства, использования войск, задержания и административной высылки представителей коренных народов. Наряду с этим, недостаточно четкие формулировки, определяющие порядок осуществления данных полномочий, а также отсутствие структур, которые могли бы предоставить независимый контроль, усиливали вероятность злоупотреблений должностными лицами системы военно-народного управления своих служебных обязанностей.

Кроме того, существующая на территории Северного Кавказа административная

система была исключена из общероссийской системы управления, ввиду чего центральные органы государственной власти практически не принимали участия в рассмотрении возникающих вопросов в области управления коренными народами региона. Система судопроизводства, высшая инстанция выступала в качестве внутренней деятельности кавказской администрации.

Особенно необходимо отметить, что формирование системы военно-народного управления на Северном Кавказе позволило успешно реализовать все стоящие перед российской администрацией задачи. Кроме того, удалось ликвидировать угрозу повторения войны, существовавшую в регионе после победы над имамом имамата. Отдельные

вспышки волнений все же имели место быть, но, как правило, их охваты и продолжительность были несущественны.

Сформированная в 60-е годы XIX века военно-народная система управления продолжала развиваться в рамках двух направлений. На территории Дагестанской области ее основные положения действовали вплоть до конца XIX века, за исключением небольших изменений, связанных с модернизацией наибоких управлений и выделением функции по управлению войсками от системы административного управления, а на территории Терской и Кубанской областей предпринимались попытки ее упразднения и частичной стандартизации по единому общеимперскому образцу.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1904. Т. XII. 1552 с.
2. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 108 с.
3. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб.: Военная типография, 1870. 120 с.
4. Гранкин Ю. Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе: от соперничества к симбиозу: монография. Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2020. 155 с.
5. Крымин А. В. Тарикат // Международный исторический журнал. 2000. № 9. URL: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (дата обращения: 20.04.2023 г.).
6. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001. 400 с.
7. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. Вып. 1. С. 231–372.
8. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. 428 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853. Т. XXVII. № 26740.
10. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. Т. XXXII. № 32541, № 33847, № 38326.
11. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. Т. XL. № 42368.
12. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. Т. XLI. № 4913.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 950.
14. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 240 с.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Tiflis: Printing house of the General Directorate of the Governor of the Caucasus; 1904. Vol. XII. 1552 p. (In Russ.).
2. Blieva ZM. The management system in the North Caucasus at the end of the XVIII – first half of the XIX century. Vladikavkaz: Publishing House of SOSU; 1992. 108 p. (In Russ.).
3. The most comprehensive report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on military-people's administration for 1863-1869. St. Petersburg: Military type; 1870. 120 p. (In Russ.).
4. Grankin YuYu. Managerial practices in the North Caucasus: from rivalry to symbiosis: monograph. Pyatigorsk: Publishing house of PSLU; 2020. 155 p. (In Russ.).
5. Krymin AV. *Tarikat Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal*. 2000;9. Available from: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.).
6. Malakhova GN. Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII – XIX centuries. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2001. 400 p. (In Russ.).

7. Materials for the history of management of the Dagestan region. *Dagestanskij sbornik*. 1902;1:231–372. (In Russ.).
8. Mukhanov VM. The Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky. Moscow: ZAO Centropolygraf; 2007. 428 p. (In Russ.).
9. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825-1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1853. Vol. XXVII. No. 26740. (In Russ.).
10. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825-1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1858. Vol. XXXII. No. 32541, No. 33847, No. 38326. (In Russ.).
11. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825- 1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1877. Vol. XL. No. 42368. (In Russ.).
12. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825- 1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1878. Vol. XLI. No. 4913. (In Russ.).
13. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 400. Inv. 1. D. 950. (In Russ.).
14. Silaev NY. The North Caucasus as part of Russia in the second half of the XIX century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration: dis. ... Candidate of Historical Sciences. Moscow; 2002. 240 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.1: 94(470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>**ОРГАНЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА****Игорь Викторович Зозуля^{1*}, Анастасия Алексеевна Березутская²,
Николай Дмитриевич Судавцов³**^{1, 2, 3} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Кандидат исторических наук, доцент
zozulya-igor@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3706-4274>² Специалист центра научных грантов и исследовательских программ департамента науки
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>³ Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются вопросы становления и развития органов прокуратуры пореформенного периода второй половины XIX в. и их деятельности на территории Ставропольской губернии и Терской и Кубанской областей. Показаны процессы трансформации органов прокурорского надзора в соотношении с ростом преступности в регионе и стремлением местных властей к усилению состава служащих правоохранительных органов в целом и прокурорских работников в частности. **Материалы и методы.** При исследовании темы использованы материалы, как центральных, так и местных архивов, а также часть источников, опубликованных в дореволюционной печати. Так, например, на основе статических данных ежегодных отчетов Министерства юстиции Российской империи о функционировании судебной системы страны в статье представлен детализированный анализ результатов их работы и сопряженной с нею деятельности органов прокурорского надзора и дана оценка как содержательной части их службы, так и численному составу. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что органы прокурорского надзора Северного Кавказа не только следили за исполнением российского законодательства, являясь «оком государевым», но и после проведения судебной реформы в России 1864 г. стали неотъемлемым эле-

ментом организации и проведения целого ряда уголовных и гражданских процессов, выступая в качестве стороны обвинения в суде. Состязательный процесс с участием прокурора и адвоката стал ярким примером нового пореформенного судебного законодательства, способствующего включению Северо-Кавказского региона в общероссийскую орбиту распространения гражданских прав на местное многонациональное население.

Ключевые слова: судебная реформа, правоохранительная система, прокурорский надзор, Северный Кавказ, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния

Для цитирования: Зозуля И. В., Березутская А. А., Судавцов Н. Д. Органы прокурорского надзора в правоохранительной системе Северного Кавказа в пореформенной России конца XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 76–84. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 28.12.2023

Research article

**PROSECUTORIAL SUPERVISION BODIES IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM
OF THE NORTH CAUCASUS IN POST-REFORM RUSSIA OF THE LATE 19TH CENTURY****Igor V. Zozulya^{1*}, Anastasia A. Berezutskaya², Nikolay D. Sudavtcov³**^{1, 2, 3} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St. 355017, Stavropol, Russian Federation)¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
zozulya-igor@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3706-4274>² Specialist, Center of Scientific Grants and Research Programs, Department of Science
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>³ Dr. Sc. (History), Leading Researcher
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article deals with the formation and development of the procuratorial authorities of the post-reform period of the second half of the 19th century and their activities in the territory of the Stavropol province and the Tersk and Kuban regions. The article shows the processes of transformation of prosecutorial oversight bodies in relation to the growth of crime in the region and the desire of local authorities to strengthen the composition of law enforcement officials in general and prosecutors in particular. **Materials and Methods.** The study is based on central and local archive data, as well as some sources published in the pre-revolutionary press and statistical data from the annual reports of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the functioning of the judicial system of the coun-

try. The article provides a structured analysis of the results of their work and the associated activities of the prosecutorial bodies and an assessment of both the content of their service and the number of their staff. **Results.** It can be concluded that the prosecutorial oversight bodies of the North Caucasus not only monitored the implementation of Russian legislation, being an «eye of the state», but also after the judicial reform in Russia in 1864 became an integral element in the organization and conduct of a number of criminal and civil proceedings, acting as the prosecution in court. The joint prosecutor-lawyer trial was a vivid example of a new, reformed judicial legislation that promoted the inclusion of the North Caucasus region in the Russian-wide civil rights orbit in the local multinational population.

© Зозуля И. В., Березутская А. А., Судавцов Н. Д., 2024

Keywords: judicial reform, law enforcement system, prosecutorial supervision, North Caucasus, Terek and Kuban regions, Stavropol province

For citation: Zozulya IV, Berezutskaya AA, Sudavtsov ND. Prosecutorial supervision bodies in the law enforcement system of the North Caucasus in post-Reform Russia of the late 19th century. *Humanities and law research*. 2024;11(1):76-84. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>

Введение / Introduction. Проведение судебной реформы в России в ходе буржуазных преобразований императора Александра II, основой которых стало введение Судебных уставов 20 ноября 1864 г., стало возможным с 1868 г. в Ставропольской губернии [4, л. 21] и с 1871 г. в Кубанской и Терской областях [3, л. 1-1об; 15, л. 145-147]. Во многом это было связано с завершением Кавказской войны и стремлением, как центральной власти в лице императора и его правительственного окружения, так и местных властей, в первую очередь в лице наместника на Кавказе, распространить российское законодательство на всю территорию страны, включая и «национальные окраины».

Материалы и методы / Materials and methods. Авторы статьи широко использовали официальные документы эпохи, представляющие собой отечественное историко-правовое наследие. Это, в первую очередь, законодательные и подзаконные акты. Были введены в оборот материалы, как центральных, так и местных архивов, а также часть источников, опубликованных в дореволюционной печати. Особое внимание было уделено статическим материалам ежегодных отчетов Министерства юстиции Российской империи. При этом в исследовании были использованы такие научные методы, как историко-правовой, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, системного анализа, ретроспективный, статистический, количественный и др. методы. Их применение позволило достичь желаемых результатов.

Анализ / Analysis. Деятельность лиц прокурорского надзора после введения новых судебных уставов существенно изменится. В ноябре 1864 г. после длительного и тщательного рассмотрения проектов были утверждены и вступили в силу основные акты судебной реформы: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [14].

В пореформенной России второй половины XIX в., как и раньше, прокурорский надзор вверялся обер-прокурорам, прокурорам и их

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.09.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 28.12.2023.

товарищам под высшим наблюдением министра юстиции, являвшегося еще одновременно и генерал-прокурором. Однако теперь прокуроры продолжили свою работу при новых судебных институтах – окружном суде и судебной палате.

Условия назначения на должность прокурора были приравнены к условиям занятия судейской должности. Действовали имущественный и образовательный цензы. Кроме того, надо было иметь опыт работы в качестве судьи или адвоката. Например, для занятия должности товарища прокурора окружного суда требовался четырехлетний стаж, для занятия должности прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты – шестилетний стаж, для должности прокурора судебной палаты и товарища обер-прокурора – восьмилетний стаж, для должности обер-прокурора – 12-летний стаж.

При этом в соответствии с судебными уставами 1864 г. компетенция прокуроров была сужена до рамок их прямой деятельности, что, впрочем, никоим образом не снижало их роли в судебном процессе. Напротив, с введением таких новых буржуазных институтов, как адвокатура и суд присяжных, прокурор приобрел особый вес при разборе дел в окружном суде. Состязательный характер судопроизводства требовал от лиц прокурорского надзора не только серьезного знания российского законодательства, но и в определенной степени искусства судебного красноречия, от которого во многом зависело окончательное решение дела.

Напомним, что именно при окружном суде для разбора ряда уголовных дел был введен институт присяжных заседателей. И от прокурора и адвоката в значительной степени зависела судьба подсудимого. Им необходимо было доказать его виновность или невиновность присяжными, которые нередко впервые сталкивались с тонкостями судебного процесса и не были знакомы даже с элементарными правовыми знаниями.

После завершения предварительного следствия прокурор окружного суда должен был в недельный срок решить, готово ли дело для передачи в суд, а затем он обязан был

сделать заключение о предании обвиняемого суду в форме обвинительного акта. Только после этих действий прокурора окружной суд мог приступить непосредственно к производству дела.

Прения сторон в судебном заседании завершались обвинительной речью прокурора наряду с выступлением адвоката. При этом прокурор излагал «существенные обстоятельства обвинения, в том виде, в каком они представляются по судебному следствию, и заключение свое о свойстве и степени вины подсудимого». Если дело рассматривалось без участия присяжных заседателей, как это было на Северном Кавказе в первые десятилетия действия пореформенного судебного законодательства, прокурор также высказывал свое заключение и о наказании, которое он предлагал вынести суду в отношении обвиняемого.

Именно соединение в лице прокурора столь важных обязанностей, для исполнения

которых необходимы не только основательное знание законов, но и особенная деятельность и добросовестность, привела составителей судебной реформы к необходимости назначить на эти места людей юридически образованных, или доказавших свои познания по судебной части и вполне благонадёжных; иметь при каждом суде особого прокурора и предоставить лицам прокурорского надзора необходимую степень власти по надзору за производством уголовных дел [5, с. 15].

Примечательно, что уже с самого начала работы пореформенных судебных институтов региона стали возникать проблемы, связанные с объективными причинами. Одной из главных являлся рост населения в административно-территориальных объединениях Северного Кавказа и, как следствие, рост преступности на Ставрополье, Кубани и Тереке в первые годы действия пореформенного судебного законодательства (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сведения о числе некоторых уголовных преступлений, совершённых на Кавказе в 1871–1876 гг. [6] / Information on the number of certain criminal offenses, committed in the Caucasus in 1871–1876 [6]

Год	Поранения и побои	Убийства	Грабежи и разбои	Изнасилования, увоз женщин, противоест. пороки и подкидывание младенцев	Фальш. деньги, контрабанда и сопротивление власти	Поджоги
Кубанская область						
1871	6	32	20	1	–	8
1872		27	50	–	1	4
1873	51	36	94	4	15	26
1874	45	50	90	15	17	42
1875	35	49	70	16	8	31
1876	34	39	91	30	10	91
Терская область						
1871	70	31	8	3	–	3
1872		21	13	1	–	1
1873	65	45	24	2		8
1874	46	22	12	3	1	1
1875	39	27	6	1	–	1
1876	38	53	13			8
Ставропольская губерния						
1871	1	11	26	–	–	1
1872		10	71	5	–	3
1873	26	14	67	7		14
1874	26	16	52	3		13
1875	29	19	56	10	–	11
1876	53	8	76	3	1	21

Совершенно разными были по составу участников и характеру рассматриваемые с

участием лиц прокурорского надзора судебные дела.

Были свои отличительные черты и в состоянии преступности в Северо-Кавказском регионе. Нельзя сбрасывать со счетов и увеличение населения. Криминальная ситуация осложнялась с каждым годом, о чем свидетельствуют показатели роста числа дел в окружных судах Северного Кавказа, а следовательно и увеличение числа преступлений.

Если взглянуть на характерные преступления, совершаемые местным населением в первые годы после введения новых судебных уставов, то мы увидим, что среди них были поранения и побои, грабежи и разбои, убийства и поджоги. Такой характер преступлений объяснялся особенностями региона, о чем свидетельствует то, что вопрос о разбоях и грабежах продолжал остро стоять и в 80-90-х гг. XIX в. Однако правительство не считало ситуацию на Северном Кавказе настолько серьезной, как в других областях Кавказа. В качестве аргумента указывалось на то, что один разбой в Ставропольской губернии приходился на 39000 человек, а убийство на 29000 человек, тогда как в Закавказье разбой приходился на 5200, а убийство на 2400 жителей.

В действительности все обстояло далеко не так хорошо, как указывалось в данных по вопросу о деятельности судебных органов Северного Кавказа. Русское население Северного Кавказа преобладало над местными горскими народами, составляя к концу XIX в. 3001759 человек или 82 % от общего числа населения [7, л. 53]. Этот факт являлся весомым аргументом в пользу того, что разбои и грабежи, присущие в рассматриваемое нами время, по оценкам современников, в большей части горскому населению, должны были, в связи с указанными выше цифрами, составлять гораздо меньшее число, чем, например, в Закавказье. Сообщения газет тех лет буквально пестрят известиями о разбоях и грабежах, совершаемых как единолично, так и мелкими преступными сообществами.

В отчетах начальников областей Северного Кавказа многократно делались одни и те же выводы о необходимости усиления борьбы с кражами лошадей и домашнего скота. Имеются неоднократные упоминания о совершении этих преступлений и кочевыми инородцами, и калмыками Астраханской губернии, и жителями Терской и Кубанской областей, в которые и отправлялись похищенные лошади, скот и другое имущество.

Примечательно в этом плане выводы, к которым пришла еще одна ревизия, проведенная генерал-лейтенантом Д. Скалоном, которому было поручено помимо расследования сложившейся ситуации в этой области выяснить причины разбоя на Кавказе и наиболее эффективные методы борьбы с ним. По возвращении в данном им военному министру рапорте от 18 января 1899 г. генерал-лейтенант указал, что выявленная им картина суда поразила его своими мрачными красками. По его мнению, наблюдался прогрессивный рост преступности, связанный не только с внешней стороной дела, но и с упавшей «нравственностью населения» [7, л. 34].

Еще раз подчеркнем, что преступность не носила исключительно национальный характер и была характерна для всех слоев населения. Она могла лишь варьироваться по видам и характеру преступлений.

Рассмотрим и проанализируем несколько документов, наиболее ярко характеризующих сложившуюся ситуацию в системе правоохранительных органов в целом, и в деятельности прокурорского надзора, в частности.

25 сентября 1874 г. управляющий министерством финансов П. Шамшин докладывал управляющему делами Кавказского комитета по вопросу о возможном усилении окружных судов, мировых учреждений и прокурорского надзора на Северном Кавказе, поднятому ранее Кавказским наместником. Последний мотивировал необходимость в этом значительным поступлением уголовных и следственных дел.

Среди целого ряда приводимых статических данных для нас наибольший интерес представляют сведения о числе дел, поступивших в органы прокурорского надзора (см. табл. 2) в означенный в докладе период.

Таблица 2 / Table 2

Сведения о движении дел в прокуратурах Северного Кавказа в 1872 г. [9, л. 31] / Information on the progress of cases in the prosecutor's offices of the North Caucasus in 1872 [9, л. 31]

Округ	Количество дел
Ставропольский	1 547
Владикавказский	1 020
Екатеринодарский	2 105

Учитывая, что на каждый из окружных судов было назначено штатным расписанием по 3 товарища прокурора (заместителя), то в среднем на каждого из них приходилось еже-

годно: по Ставропольскому округу – более 515 дел, Владикавказскому – 340 дел и Екатеринодарскому – более 701 дела. Исходя из сложившейся ситуации Кавказский наместник просил увеличения штатов числа товарищей прокурора по округам в числе 5-ти – для Ставропольского, 3-х – для Владикавказского и 6-ти – для Кубанского [9, л. 33 об].

Проанализировав ситуацию и сравнив ее с другими областями империи и деятельностью в них органов прокурорского надзора, управляющий министерством финансов соглашался с частичным решением вопроса об усилении штатов. Он предложил увеличить число товарищей прокурора в Екатеринодарском округе – до 3, Ставропольском – до 2 и Терском – до 1. Выделяемое содержание на них должно было составить в 1875 г. по 15 000 руб. в год, в т.ч. из государственного казначейства 7 125 руб. и 7 875 руб. из войсковых сумм. Предложения об увеличении сумм на канцелярии прокуроров были отклонены [9, л. 35].

21 января 1875 г. на имя управляющего делами Кавказского комитета поступил ответ о ходе рассмотрения в Военном совете представления Главного управления иррегулярных войск по ходатайству Наместника Кавказского об усилении штатов полицейских и судебных учреждений Кубанской и Терской областей.

Начальник Главного управления генерал-лейтенант Богуславский, изучив вопрос, в частности, констатировал то, что требуемое увеличение этих штатов служащих было связано в значительной мере с «неустройством края, обширностью его территории, затруднительностью сообщений и присутствием разноплеменного, горского населения, склонного к грабежам разбоям и затрудняющего вместе с тем, по незнанию русского языка, действия полиции и производство следствий и суда, так что каждое дело требует для его окончания вдвое больше времени, чем нужно в подобных случаях между русским населением» [9, л. 36].

Отметим сразу, что неоднократно проводимые инспектирования Северо-Кавказского края очень часто заканчивались подобными выводами, но авторы составляемых впоследствии аналитических записок не раз объясняли в них причины проявления и роста преступности со стороны горского населения. Большая часть совершенных ими преступлений объяснялась не только традициями и обычаями, но и сложным эко-

номическим положением, в котором находились многие из них.

Потребовались годы, а порою и десятилетия, чтобы ситуация стала нормализовываться в регионе. Во многом этому способствовало распространение грамотности и знания русского языка, что приводило к возможности вливания местной экономики в общероссийский рынок. Соответственно и разрешение вопросов и споров в пореформенных судах стало более доступным для местного населения, особенно когда это касалось «смешанных» дел между представителями горского и казачьего населения, городских и сельских жителей и т.п.

По штату 30 декабря 1869 г. на содержание окружной и мировой юстиции были определены следующие суммы расходов:

- 116 468 руб. из государственного казначейства;
- 113 322 руб. из казачьих сумм.

Эти суммы не кажутся такими значительными, когда мы их соотносим с общими суммами войсковых капиталов казачьих областей:

- 3 491 167 руб. в Кубанской области;
- 435 973 руб. в Терской области.

Но при этом наблюдался дефицит между расходами и доходами: на Кубани в размере 64 954 руб., а на Тереке – 27 554 руб. Причем такая ситуация в финансах прогнозировалась как минимум на ближайшие 4 года.

Примечательно, что расходы государственного казначейства были частично возмещаемыми за счет гербовых и судебных пошлин, в то время как казачьи производились на безвозвратной основе. Это было достаточно обременительно для «капиталов» Кубанского и Терского казачьих войск [9, л. 36 об.].

Представляет интерес еще один аналитический «Отчет о ревизии некоторых административных учреждений Кубанской области, произведенный командированными по высочайшему повелению генерал-лейтенантом Нарбутом и в помощь ему полковником Баранком», составленный 25 июля 1892 г. [8]

Примечательно, что поступавшие в Областное правление дознания, а также судебные дела с заключением прокурора и постановлениями атаманов отделов о предании окружному суду должных лиц за «лихоимство, подлоги, взятки, растрату сумм, упуск арестантов» и совершение целого ряда других преступлений, без каких-либо уважительных причин оставались без движения по несколько лет. Ко времени ревизии в Областном прав-

лении оказалось 2 980 нерешенных «судных дел» (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Сведения о числе нерешенных судебных дел должных лиц в Областном правлении Кубанской области [8, л. 3] / Information on the number of unresolved court cases of officials in the Regional Board of the Kuban Region [8, л. 3]

Год	Количество дел
1876	1
1879	4
1880	8
1881	5
1882	14
1883	22
1884	63
1885	106
1886	166
1887	240
1888	493
1889	660
1890	598
1891	600

Фигурантами по этим делам выступили должные лица управлений отделов, полицейских управлений и других ведомств, вплоть до станичных атаманов. К моменту ревизии оказалось, что часть из поступивших дел из-за истечения срока давности вообще не может быть рассмотрена, о чем сообщили лица прокурорского надзора, законно сославшись на ст. 158 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

При ревизионной проверке обозначенных выше 2 980 дел был составлен реестр из 782 наиболее серьезных дел о злоупотреблениях должностных лиц. Среди наиболее выделяющихся из них были следующие дела:

- дело о подлогах, растрате и лихоимстве полицмейстера г. Ейска есаула Бабича и пристава того же города Могилевского (к моменту ревизии последний уже умер);
- дело о растрате 4 202 руб. 42 коп. бывшим полицмейстером г. Анапы подполковником Яновским и приставом Осадшим;
- дело о подлогах, растрате и других злоупотреблениях бывшего Баталпашинского уездного начальника статского советника Розальон-Сошальского;
- два дела о предании суду пристава г. Темрюка Будзинского за сокрытие денежных книг и подлоги с корыстной целью, а также за растрату казенных сумм;
- дело о лихоимстве есаула Булавина при приведении в исполнение приговоров

суда, когда указанный офицер за взятки уменьшал арест, назначаемый по приговору окружного суда, и ложно доносил о приведении его в исполнение [8, л. 4].

Кроме указанных фактов и дел по ним, в ходе производимой ревизии были выявлены дела, которые Областным правлением были незаконно прекращены.

Наиболее ярким из таких стало дело о злоупотреблениях, лихоимстве, растрате и пологах отставного войскового старшины Соляника-Крассы – по должности смотрителя рыболовного участка. В ходе ведения этого дела возникло «пререкание о подсудности», которое было окончательно решено командующим войсками отнесением его к гражданскому судопроизводству. После завершения следствия прокурор окружного суда сообщил Областному правлению заключение о предании подсудимого окружному суду. Областное же правление, не уведомив об уже вынесенном решении командующего войсками округа, передало дело на новое заключение военному прокурору Тифлисского военно-окружного суда. Последний дал заключение, что это дело из-за недостаточности улик подлежит прекращению, что собственно Областное правление в скором времени и исполнило.

Установив все вышеизложенные факты, ревизионная комиссия особо отметила, что Областное правление, зная о бывших пререканиях и повторно направив дело в другую инстанцию, даже не сообщило прокурору Екатеринодарского окружного суда о принятом ею решении. В свою очередь, как отметили проверяющие, военный прокурор Тифлисского военно-окружного суда неправильно принял дело, по которому уже было вынесено решение прокурора Екатеринодарского окружного суда, в то время как был обязан передать обвиняемого окружному суду или, в случае несогласия с заключением прокурора, должен был представить дело в Правительствующий Сенат [8, л. 4об–5].

В связи с выявленными многими фактами нарушений в перечне замечаний, сделанных ревизионной комиссией, прозвучали и те, которые были указаны от лица органов прокурорского надзора. В частности органы прокурорского надзора потребовали, чтобы распоряжения о предании суду лиц станичного управления и назначение следствия по ним делались «не иначе, как по постановлению Областного правления», что соответствовало бы законному порядку, установленному решением Прави-

тельствующего Сената 1875 г. по частному делу. При этом по каждому из таких возникших дел прокурорские работники вынесли требование о составлении журнала [8, л. 6 об].

Мы привели этот пример, косвенно затронувший и лиц прокурорского надзора, для того, чтобы показать насколько многогранной была их работа в Кубанской области.

Не менее сложной по объему была работа и лиц прокурорского надзора Терской области и Ставропольской губернии, о чем свидетельствуют неоднократные доклады и отчеты с мест. Принесли свои результаты и неоднократные обращения о необходимости увеличения состава служащих прокурорского надзора региона (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Личный состав служащих прокурорского надзора по округам Северного Кавказа в конце XIX в. / Personnel of prosecutorial supervision employees by district of the North Caucasus at the end of the 19th century

Год	Прокурор	Товарищей прокурора	Участковых товарищей прокурора	Секретарь при прокуроре
Кубанская область				
1871	1	3		1
1885	1	6		1
1890	1	7		1
1895	1	10		1
1900	1	13		1
Терская область				
1871	1	3		1
1885	1	5		1
1890	1	5		1
1895	1	6		1
1900	1	6		1
Ставропольская губерния				
1868	1	2		1
1885	1	5		1
1890	1	5		1
1895	1	5		1
1900	1	6		1

*Таблица составлена авторами на основании [1, 2, 10-14].

Хотя нагрузка на лиц прокурорского надзора не ослабевала и, напрямую завися от роста преступности и возникновения уголовных и гражданских дел, ложилась на уже увеличен-

ные, но продолжающие требовать дальнейшего усиления, штаты прокурорских работников и служащих (см. табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Сведения о деятельности лиц прокурорского надзора в Кубанской и Терской области в конце XIX в. / Information on the activities of persons of prosecutorial supervision in the Kuban and Terek regions at the end of the 19th century

Год	Количество дел			
	Оставалось	Возникло	Решено	Осталось
Кубанская область				
1890	182	3405	3587	-
1895	3	5413	5407	9
1900	-	6300	6296	4
Терская область				
1890	-	1808	1808	-
1895	4	2475	2479	-
1900	-	3148	3148	-

Таблица составлена на основании отчетов Министерства юстиции за 1890, 1895 и 1900 гг. [11-14].

Результаты / Results. Несмотря на эти и целый ряд других трудностей в повседневной

работе лиц прокурорского надзора в административно-территориальных образованиях Се-

верного Кавказа, они продолжали участвовать в судебных заседаниях и контролировать деятельность судебных органов. Учитывая это, следует признать, что, несмотря на рост преступности в стране, недостаточный личный со-

став для участия в решении такого количества дел, органы прокуратуры, отличаясь эффективной и в значительной степени качественной работой, вносили существенный вклад в установление правосудия в Российской империи.

Литература

1. Высочайше утверждённый 30 декабря 1869 г. штат судебных установлений в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 3-е. 1869. Приложения. Санкт-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. С. 806.
2. Высочайше утверждённый 9 декабря 1867 г. штат Ставропольского окружного суда // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLII. Отделение 2-е. 1867. Санкт-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. С. 798.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 482. Оп. 1. Д. 36.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.398. Оп. 3. Д.137.
5. Учреждение судебных установлений. Издание неофициальное / сост. Н. Шрейбер. СПб: Сенатская типография, 1910. 763 с.
6. Обзор нечаянных смертных случаев, самоубийств и уголовных преступлений в Кавказском крае за 1871-1876 гг. // Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Изданный под ред. главн. ред. Кавк. стат. комитета Н. Зейдлица. Тифлис: Типография Глав. Управления Наместника Кавказского, 1878. 610 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 46. Д. 1209.
8. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 379^б.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268 Оп. 19. Д. 118.
10. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1884 и 1885 гг. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1887. 188 с.
11. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 11. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1895 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1896. 216 с.
12. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 16. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1900 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1901. 233 с.
13. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 6. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1890 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1891. 148 с.
14. Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1, 2. Судебные уставы. СПб: б.и., 1892. 728 с.
15. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ГЦА РСО-Алания). Ф. 11. Оп. 52. Д. 14.

References

1. The staff of judicial institutions in the Kuban and Tersk regions and the Black Sea District, most highly approved on December 30, 1869 in The complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRE). The second collection. Vol. XLIV. Department 3-E. 1869. Applications. St. Petersburg: Printing house of the II-th department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1873. P. 806. (In Russ.).
2. The staff of the Stavropol District Court, most highly approved on December 9, 1867 in PSZRE. The second collection. Vol. XLII. Division 2-E. 1867. St. Petersburg: Printing house of the II-th department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1871. P. 798.
3. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 482. Inv. 1. D. 36.
4. GASK. F.398. Inv. 3. D.137.
5. Journal of the United Departments, 1862, No. 65 in Establishment of judicial institutions. The publication is unofficial /compiled by N. Schreiber. St. Petersburg: Senate Printing House; 1910. 763 p.
6. Review of accidental deaths, suicides and criminal offenses in the Caucasus region in 1871-1876 in Collection of information about the Caucasus. Vol. IV. Published under the ed. main ed. Kavk. stat. the Committee of N Seydlitz. Tiflis: Administration of the Governor of the Caucasus; 1878. 610 p.
7. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 330. Inv. 46. D. 1209.
8. RGVIA. F. 330. Inv. 61. D. 379b.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268 Inv. 19. D. 118.
10. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 1. Information on the personnel and activities of the judicial institutions of European Russia for 1884 and 1885. St. Petersburg: Printing House of the Ruling Senate, 1887. 188 p.

11. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 11. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1895. St. Petersburg: Printing House of the Government Senate, 1896. 216 p.
12. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 16. Part 1. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1900. St. Petersburg: Printing House of the Ruling Senate, 1901. 233 p.
13. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 6. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1890. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate, 1891. 148 p.
14. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 16. Part 1, 2. Judicial statutes. St.Petersburg: B.I.; 1892. 728 p.
15. The Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (GCA RSO-Alania). F. 11. Inv. 52. D. 14.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В 1935 И 1938 ГОДАХ В ПОЛЬШЕ (ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)

Игорь Константинович Ким

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр-т. Ленина, Волгоград, 400066, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
kokes@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3798-4640>

Аннотация. Введение. В отечественной и зарубежной историографии отсутствуют исследования, посвящённые парламентским выборам в период действия апрельской конституции в Польше (1935 – 1939 гг.) и деятельности властей в их ходе. **Материалы и методы.** Исследование носит междисциплинарный характер, используются методы исторической науки и близких к ней наук. Оно опирается на архивные материалы – документы государственных институтов в период выборов. **Анализ.** Исследуется злоупотребления властей в ходе предвыборных кампаний, во время самого избирательного акта и при определении результатов парламентских выборов 1935 и 1938 гг. в Польше. Центральные власти нацеливали нижестоящие на достижение выгодного для себя результата любой ценой, что те исполняли. **Результаты.** Проведенное исследование позволяет утверждать о разнообразных злоупотреблениях государственных институтов в выборах 1935 и 1938 гг., особенно последних.

Главный показатель успешности – высокая явка на выборах в сейм не была достигнута в 1935 году и была значительно более высокой в 1938 г. Частично это было достигнуто с помощью нарушений закона.

Ключевые слова: Польша, режим санации в Польше, апрельская конституция и избирательные законы, парламентские выборы

Для цитирования: Ким И. К. Злоупотребления властей на парламентских выборах в 1935 и 1938 годах в Польше (по архивным документам) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 85–96. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 30.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

MISUSE OF AUTHORITY IN PARLIAMENTARY ELECTIONS IN 1935 AND 1938 IN POLAND (ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS)

Igor K. Kim

Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
kokes@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3798-4640>

Abstract. Introduction. In domestic and foreign historiography, there are no studies on the parliamentary elections during the period of the April constitution in Poland (1935-1939) and the activities of the authorities in their course. **Materials and Methods.** The study is interdisciplinary in nature. It employs the methods of historical science and related sciences. It is based on archival materials - documents of state institutions during the election period. **Analysis.** The misuse of authority during the election campaigns, the electoral act itself and in determining the results of the parliamentary elections of 1935 and 1938 in Poland are investigated. Central authorities gave directions to the lower ones in order to achieve a beneficial result for themselves at any cost. **Results.** The research shows various misuses of authority on the part of state institutions in the elections of 1935 and 1938, especially the latter. The main indicator of success - high turnout

in the elections to the Sejm - was not achieved in 1935 and was significantly higher in 1938. This was achieved in part through violations of the law.

Keywords: Poland, sanacja regime in Poland, April constitution and electoral laws, parliamentary elections

For citation: Kim I.K. Misuse of authority in parliamentary elections in 1935 and 1938 in Poland (according to archival documents). *Humanities and law research*. 2024;11(1):85-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.09.2023.

The article was approved after reviewing: 30.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. 1935 г. знаменовал собой начало последнего этапа истории межвоенной Польши и одновременно последний период существования режима санации, установленного после майского переворота 1926 г. Ю. Пилсудским. В апреле 1935 г. была принята новая конституция, в июле – законы о выборах в парламент. В мае ушёл из жизни сам создатель санационного режима, а осе-

нию были проведены парламентские выборы по новому избирательному законодательству. По нему накануне войны были проведены и последние в межвоенной Польше парламентские выборы в 1938 г. Правящая группировка стремилась всеми законными и незаконными способами победить на выборах, чтобы закрепить своё доминирующее положение в политической жизни страны.

В отечественной историографии последним выбором периода режима санации, а тем более сюжетам, представляющим злоупотребления властей разных уровней в их ходе, уделялось крайне мало внимания. Академическая «История Польши» в третьем томе кратко описала итоги выборов, подчёркивая фальсификацию их в 1935 г., террор и влияние участия Польши в Мюнхенском кризисе в 1938 г. [2, с. 395, 437-438]. Примерно таким же образом выборы были представлены в «Краткой истории Польши» [8, с. 285-286, 290]. Несколько больше, но в целом кратко, результаты выборов были представлены в издании «Польша в XX веке» [10, с. 222, 233]. Отсутствуют специальные исследования по выборам 1935 и 1938 гг. и в польской историографии.

Автор данного исследования неоднократно затрагивал проблемы выборов 1935 и 1938 гг. в монографии [6] и отдельных статьях [3, 7] выделял особенности этих выборов в отдельных регионах [4, 5, 19-21], частично касался проблемы злоупотреблений на выборах 1938 года [18]. До настоящего времени нет исследований, которые были бы посвящены злоупотреблениям властей на выборах в Польше в период действия апрельской конституции (1935 – 1939 гг.).

Материалы и методы / *Materials and methods.* Исследование опирается на междисциплинарный подход с использованием методов исторической науки и близких к ней наук. Основными источниками были архивные материалы, находящиеся в архивах Польши, Украины и Беларуси. К ним относились документы государственных институтов Польши разного уровня (высших властей, воеводств, повятов, гмин), документы проправительственных организаций, избирательных институтов, а также протесты кандидатов и их доверенных лиц на ход и результаты выборов.

Анализ / *Analysis.* Конституция, вступившая в силу 14 апреля 1935 г., существенно меняла правовые основы государства по сравнению с парламентско-демократической мартовской конституцией 1921 г. Новая конституция провозглашала солидаристскую формулу: «Польское государство является общим благом всех граждан». Ключевой фигурой в государстве становился президент, который нес ответственность «перед Богом и историей за судьбы Государства», в его особе сосредотачивалась «единая и неделимая государственная власть» и под его верховенством находились прочие институты государства. Увеличивались полномочия правитель-

ства и существенно ограничивались полномочия парламента и особенно сейма, которому теперь не принадлежали «функции управления государством». Государство должно было обеспечить «свободу совести, слова и объединений», которые ограничивались формулой: «Ценностью усилий и заслуг гражданина в пользу всеобщего блага будут измеряться его полномочия влиять на политические дела» [16, roz. 227].

Апрельская конституция обозначила принципы избирательного права, а сами законы о выборах были приняты за неделю до объявления новых парламентских выборов. Закон о выборах в сейм предусматривал в палате 208 депутатов, избравшихся в 104 двухмандатных округах. Повышался возраст получения избирательного права – активного до 24 лет, пассивного – до 30 лет. Наиболее существенным изменением в процедуре выборов было введение единого списка кандидатов для каждого округа (вместо партийных списков) и утверждение его на окружном избирательном собрании представителями самоуправления и общественных организаций. Избиратель мог отдать голос за одного или двух кандидатов (в списке их должно быть не менее четырёх), незаполненный бюллетень трактовался как то, что избиратель проголосовал за первых двух кандидатов списка [16, roz. 319]. Закон о выборах в сенат устанавливал его состав в 96 человек, треть которых назначал президент, а остальные избирались посредством двухступенчатых выборов избиратели, достигшие 30 лет, но только те, кто имел правительственные награды, высшее и среднее профессиональное образование, офицерские звание и некоторые другие [16, roz. 320]. Общую характеристику законам давал польский исследователь А. Айненкель: «Оба закона представляли собой концепцию, выраженную в апрельской конституции. Оба были сконструированы так, чтобы обеспечить правящему лагерю удержание власти» [13, s. 227].

Общее для выборов 1935 и 1938 гг. было: стремление правящей группировки добиться на них решительной победы, что обусловило значительную роль административного фактора в обеспечении нужного для властей результата различными, в том числе и незаконными методами, бойкот оппозицией этих выборов. Последнее обстоятельство позволяло трактовать их как плебисцит по вопросу одобрения обществом политики правящей группировки и тем самым правомерности нахождения её у власти.

В то же время у выборов имелись особенности. Выборы сентября 1935 г. проводились в условиях ослабления правящего лагеря санации в связи со смертью Ю. Пилсудского и распадом проправительственного Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР), решительного бойкота выборов польской оппозицией и ограниченных возможностей властей противодействовать ей и воздействовать на общество. Выборы ноября 1938 г. проводились в иных условиях: доминировал внешний фактор – Мюнхен и его последствия, включая участие Польши в разделе Чехословакии, была достигнута консолидация большей части лагеря санации в новой проправительственной организации – Лагеря национального объединения (ОЗН), выказывавшей тоталитарные тенденции, укрепление правящей группировки способствовало жёсткому противодействию властей акции оппозиции по бойкоту выборов и большему их воздействию на общество.

Отличия в возможностях высших властей и их готовности победить на выборах 1938 г. по сравнению с предыдущими иллюстрирует откровенное выступление Львовского воеводы А. Билыка на съезде старост (глав нижестоящих административных единиц – повятов) воеводства 21 сентября. Представляя «взгляды и распоряжения на тему выборов» воевода ссылался на президента И. Мосьцицкого, маршала Э. Рыдз-Смиглого и премьера Ф. С. Складковского, подчеркнув, что законодательные органы, сформированные в 1935 г., «не отражали мысли и убеждения общ[ественного] мнения». Польские же оппозиционные партии не представляют польских государственных интересов и их усилия в направлении «узурпации себе права представительства... должны встретиться с борьбой бескомпромиссной, абсолютной и безжалостной». «Политические моменты, внутреннее положение, как и внешнеполитическая ситуация были причиной объявления новых выборов», – делал вывод выступавший. Была изложена позиция верховных властей в отношении выборов: «Циркуляр Пана Президента о чистоте выборов в органы самоуправления, которые должны быть чистыми, без давления не касается парламентских выборов». Исходя из сказанного, были представлены цели высших властей в выборах: «Пожеланием правительства является необходимость выигрыша этих выборов. Эти выборы должны быть выиграны, поскольку этого требует интересы нации, интересы Государства. Старосты, у

которых имеются на этом фоне сомнения и которые чувствуют, что не сумеют работать в соответствии с этим принципом, должны объявить об этом и уйти. Обязанностью является дать Пану Президенту такой сейм, с которым он мог бы гармонично сотрудничать. Мы не допустим того, чтобы будущий сейм был подобным нынешнему. Волей Пана Президента и Пана Маршала является, что выборы должны быть выиграны, что из выборов должен выйти сейм и сенат с большинством ОЗН». Именно такой результат выборов, по мнению выступавшего, обеспечит «спокойствие в Государстве, усилит позиции государственных верхов». «...Выборы в законодательные органы должны быть проведены под углом их успеха, и в реализации этой цели Панове могут использовать все средства и методы; эти выборы должны быть чистыми по отношению к Государству. Никто не будет привлечён к ответственности за следование этим указаниям. Выборы являются службой Государству» [11, арк. 2-5], – заключал свою речь Львовский воевода. Тем самым, высшие власти нацеливали местную администрацию на использование злоупотреблений, нарушение права и насилие во время предвыборной кампании в целях достижения необходимого им результата выборов.

Избирательные законы давали возможность правящей санационной группировке использовать их в своих интересах, формально не нарушая законов. Отсутствие принципа пропорциональности в законе о выборах в сейм приводило к тому, что в нарезанных поновому избирательных округах было неравное количество избирателей. В выборах 1938 г. количество лиц имеющих право голоса в округах колебалось от 57,3 тыс. в округе 45 (Вильно) до 259,0 тыс. в округе 57 (Ковель). Всего в шести избирательных округах этот показатель не превышал 100 тыс. человек в каждом – в округах 45 и 46 (Вильно), 80 и 81 (оба Краков), 93 и 94 (оба Познань). В девятнадцати округах количество избирателей превышало 200 тыс. в каждом, больше всего их было в округах 57, 60 (Кременец), 67 (Коломыя), 66 (Станиславов), 73 (Сокаль) [25]. Такие округа преимущественно были расположены на восточных кресах (Полесское и Волыньское воеводства), Восточной Галиции (Тернопольское, Станиславовское и Львовское воеводства) и пограничье этнически польских земель с кресами (Люблинское и Белостокское воеводства). Именно в таких

округах имели место наибольшее количество злоупотреблений на выборах 1935 и 1938 гг.

Для получения нужного результата власти занимались подбором удобных для себя председателей и членов участковых комиссии, о чём свидетельствуют внутренние документы ББВР 1935 г. В округе 74 (Пшемысль) Львовского воеводства председателями всех участковых комиссий и их заместителями были назначены только члены проправительственного ББВР [13, арк. 1-21]. Для успеха властей на выборах в 1938 г. Львовский воевода А. Билык рекомендовал старостам обратить внимание на состав избирательных комиссии: «Подбор участковых комиссий должен быть таким, чтобы он давал полную гарантию проведения выборов по определённой линии. Подбирать людей на 100% верных и достойных полного доверия. В комиссии не допускать людей ненадёжных, украинцев и евреев» [13, арк. 3-5].

Серьёзные возможности для злоупотреблений властей создавала норма закона засчитывать опущенные незаполненные бюллетени при голосовании в сейм в пользу двух первых кандидатов в списке. Формирование единого (а не партийных) списка по округам ставило оппозиционные партии в зависимость от благоволения им властей, ограничивая их возможности выдвигать собственных кандидатов, что привело бойкоту выборов основными партиями. Выборы в сенат были элитарными, не всеобщими и не прямыми, поэтому не привлекали большого внимания. Избирательное право в верхнюю палату парламента получили в основном лица с проправительственными взглядами. А. Айненкель отмечал, что активное избирательное право имело «всего немногим более чем 2% лиц, ранее имевших право участвовать в выборах в сенат» [6, s. 226-227].

Довольно разнообразными были злоупотребления властей и избирательных институтов, открыто или завуалировано нарушающих законодательство в ходе предвыборной кампании. Прямые злоупотребления начались в 1935 г. в процессе подбора и утверждения удобных властями делегатов на окружные избирательные собрания, которые должны были сформировать списки кандидатов по округам. Власти оказывали давление при выборе делегатов на собрания, о чём сообщалось в письмах премьеру и главе ББВР В. Славеку с мест. Бывший депутат сейма из округа 73 сообщал, что старосты «рекомендовали гминам [общинам] выбрать таких делегатов в окру-

ные коллегии, которые пойдут им на встречу...» [18, к. 45, 86]. Власти на местах проводили соответствующую работу с избранными делегатами. В отчёте ББВР из округа 55 (Пинск) в 1935 г. сообщалось, что Пинский староста Э. Цедзиньский накануне избирательного собрания на встрече с делегатами его повята «призвал собравшихся солидарно отдать голоса за список кандидатов, одобренных Властями», а также заявил, что «голосование за кандидатов открытое» [22, к. 34, 37], что противоречило закону.

Эта же деятельность велась старостами и в 1938 г. В протесте на выборы из округа 86 (Новы Сонч) утверждалось, что сбор подписей для выдвижения делегатов в собрания «проходил преимущественно по школам и государственным учреждениям в атмосфере некоего морального принуждения, создаваемого для работников этих учреждений» [17, к. 325]. Седлецкий староста в отчёте о выборах писал: «Выборы делегатов в окружное собрание прошли гладко и делегатами выбраны лица заранее установленные Староством» [26, к. 110].

Процесс подбора кандидатов в депутаты сейма в 1935 г. включал следующие этапы: воеводы собирали мнения старост о возможных кандидатах, добавляли к этому списку свои кандидатуры и высылали общий список премьеру и председателю ББВР В. Славеку для одобрения. Эти списки в центре дополнялись кандидатами из Варшавы, которые распределялись по округам (особенно в восточных воеводствах). Задача местных властей заключалась в том, чтобы именно эти утверждённые списки по округам были одобрены избирательными собраниями.

Подбор кандидатов в депутаты сопровождался многочисленными интригами местных властей. В письмах председателю Блока бывший депутат сейма Р. Бурда из округа 74 жаловался на интриги Пшемысльского старосты: последний уверял автора письма, что тот как кандидат «вне конкуренции» и одновременно добился помещения того лишь на третье место в списке кандидатов, а старосты в округе «начали активную кампанию среди делегатов..., и подчинили их суровой дисциплине, чтобы случаем не захотелось им хотя бы очерёдность этих кандидатов на собрании делегатов изменить» [22, к. 53-54]. О том, кто определял кандидатов на территории Новогрудского воеводства ещё до объявления выборов свидетельствует сообщение офицера контрразведки военного округа: «...Новогрудским воеводой и начальником отдела

безопасности Новогрудского во[еводства] ведутся подготовительные работы в сфере поиска кандидатов... ..поиски идут в направлении установления 16 или 18 фамилий, за которых население должно голосовать, речь при этом идёт о том, чтобы кандидаты были надёжными и имели большую популярность» [1, л. 35].

Давление властей на делегатов избирательных собраний имели место и в 1938 г. В Люблинском воеводстве Томашувский староста созвал перед окружным собранием 31 делегата от повята, на котором те «дали обязательство, что ни один из делегатов другого кандидата из Томашувского повята не поддержит». Билгорайский староста сообщал о том, как на собрании протаскивал определённую заранее и непопулярную кандидатуру: «Лишь вследствие отчётливого с моей стороны инспирирования делегатов, удалось склонить их к поддержке на избирательном собрании кандидатуры Кондысара» [26, к. 52, 112-113].

Нарушения права непосредственно в ходе избирательных собраний в 1935 г., как правило, было связано с вмешательством властей в их ход и фиксировалось в отчётах ББВР на восточных кресах. Неудачливый кандидат Р. Бурда из округа 74 жаловался В. Славеку в уже цитированном письме, что во время собрания «заместители старост как делегаты в избирательных коллегиях бдительно следили, чтобы их овечки-делегаты не захотели случаем при голосовании нарушить дисциплину, чтобы голосовали в соответствии с установленным порядком кандидатур». «Нужно было видеть этих бедных мужиков, ходящих по коридорам здания магистрата, которые со стыда готовы были провалиться, оправдываясь передо мной, что как галерные гребцы или пленники вынуждены были вопреки своей совести голосовать за ясного пана», то есть князя Э. Сапегу [21, к. 54-55], – эмоционально добавлял автор письма.

Кроме старост на ход избирательных собраний воздействие оказывали другие представлявшие государственные институты лица. Автор отчёта Блока из округа 53 доносил: «За сценой были размещены полицейские. В зале было несколько сыщиков». При проверке списка присутствующих на собрании в округе 55 «остались у открытых дверей зала всеобщие известные сыщики Следственного Отдела в количестве 4. Во время заседания эти сыщики также ходили по залу» [22, к. 34, 37-39].

Использовались и угрозы, шантаж в отношении неудобных потенциальных кандидатов в депутаты. Некая группа местных проправительственных деятелей угрожала Бжузе из округа 86, что если тот «не снимет своей кандидатуры, то специальной статьёй в «Правде подхальянской» будет подвергнута нападкам его особа. В противном же случае от нападков откажутся» [17, к. 325-326].

Серьёзные нарушения закона имели место при подсчёте голосов за выдвинутых кандидатов на окружных избирательных собраниях. Скандальная ситуация сложилась в 1935 г. в округе 55. Местный руководитель ББВРв отчёте сообщал, что подсчёт голосов посредством оглашения фамилий в бюллетенях на этом заседании проводился трижды и давал разные результаты. После первого подсчёта голосов результат был сходный, как у секретарей, так и у ведущих подсчёт в зале, в соответствии с которым жена старосты, получив 62 голоса, оказалась на четвёртом месте в списке. Избирательный комиссар «ничего не оглашая и не прерывая заседания, забрал избирательные листы и направился на совещание к п[ану] Старосте Цедзыньскому». Вскоре комиссар «вернулся в замешательстве и заявил, подсчёт плохой, что произошли ошибки, и объявил о новом проведении подсчёта». Поскольку второй подсчёт продемонстрировал похожие результаты, то избирательный комиссар, объявил о проведении третьего подсчёта, во время которого он «вследствие нервного состояния заикался, повторял по несколько раз те же самые фамилии, что было причиной отличных результатов в подсчёте секретарей». По его итогам за жену старосты насчитали 85 голосов, и она поднялась на третье место в списке [22, к. 39].

О нарушающих закон методах местных властей с целью добиться требуемого результата голосования во время избирательного акта имеются данные по выборам 1935 и 1938 гг. Местные власти оказывали давление на кандидатов в депутаты, их доверенных лиц и избирателей в ходе выборов. Проправительственный, но нежелаемый местными властями, кандидат из Новогрудского воеводства Г. Шимановский вспоминал о выборах 1935 г.: «После выборов некоторые председатели участковых комиссий рассказывали мне, что во время голосования к ним обращались коменданты местных постов полиции и с глаз на глаз заявляли, что староста говорил им, что правительство только делает вид, что хочет видеть меня в Сейме, а в действительности»

сти желает, чтобы я в выборах не прошёл». Им рекомендовалось после окончания голосования удалить из урны, опущенные туда избирателями бюллетени, и положить «пачку избирательных бюллетеней, на которых моё имя было вычеркнуто». Председатели комиссий отвергли эти предложения, кроме, возможно, одной гмины и там «это мероприятие старосты удалось» [24, s. 231-232]. В документах избирательной комиссии округа 36 (Хелм) в 1935 г. есть свидетельство доверенного лица победившего кандидата Мостовского: в день выборов в 12 часов в избирательный участок прибыл секретарь гмины и комендант полицейского поста, которые проинформировали членов комиссии, «правда, в скрытой форме, что не следует добавлять отметок для кандидата в депутаты п[ана] Ст. Гонсовского» [25, к. 19].

Протесты из двух округов в выборах 1938 г. отмечали попытки подкупа членов избирательных комиссий во время хода выборов. Протест из округа 47 (Вильно-повят) кратко замечал, что имели место попытки подкупить членов одной участковой комиссии, «предлагая им обед с водкой» без сообщения о результатах этой попытки [17, к. 75-76]. На одном же из участков в округе 77 (Санок), согласно протесту, «около 20 часов Председатель Комиссии Габриэль Збегневич пригласил всех членов Комиссии на водку в частную квартиру некоего Кузяна, и комиссия в течение получаса отсутствовала в помещении» избирательного участка [17, к. 152].

Другой протест из этого округа обвинял чиновника повятового староства в Кросно. Тот «заявлял, что за кандидата Пельчарского не следует голосовать, спрашивал «не можно было бы что-то сделать», инструктировал, что следует обязательно устранить доверенное лицо и протокол деятельности комиссии написать in bianco и такой in bianco подписанный протокол доложить до избирательных актов». Староста другого повята, как сообщалось в том же протесте из округа 77, в день голосования прибыл в центр избирательного округа в Санок «с целью забрать из Окружной Избирательной Комиссии избирательные бюллетени, и эти бюллетени фактически забрал» [17, к. 156], что было незаконно.

Протест из округа 68 (Калуш) регистрировал предложения властей местной администрации членам избирательных комиссий фальсифицировать результаты выборов. Накануне выборов вице-староста Рогатинского повята заявил членам участковой комиссии,

что «нужно делать голоса 6/XI1938 г.» Во время голосования на этом участке присутствующий при комиссии солтыс [глава сельской общины – громады] предпринял попытку «договориться по голосам» с членом этой комиссии, на что тот ответил: «...делайте, что сами хотите, и это было сделано» [17, к. 141].

Протесты из трёх округов касались вмешательства местных властей в ход выборов. Протест кандидата в депутаты в округе 47 Таурогиньского констатировал: «В отношении выборов в вышеназванном Округе было в широком масштабе давление со стороны властей государственной администрации, а также массовый террор». В качестве примера приводились действия старосты Свенцянского повята, который выдал рекомендацию «всем нижестоящим властям и органам проведение депутатами из 47 Избирательного Округа двух первых кандидатов» [17, к. 75]. Авторы протеста из округа 30 (Опатов) отмечали, что на территории одного повята кандидат Длугош «использовал во время выборов влияние, которым располагал в самоуправлении» этого повята [17, к. 9].

Члены избирательных комиссий, стражи порядка и представители местных властей во время голосования разными способами воздействовали на волеизъявление избирателей. Протест из округа 82 (Краков-повят) со ссылкой на свидетелей отмечал, что в одном из повятов было восемь случаев принуждения избирателей голосовать за определённых кандидатов. В частности, начальник стражи на одном участке, стоя за ширмой, «каждому из избирателей диктовал, кому тот должен поставить отметку», на другом участке «за ширмой сидела учительница местной школы и всем ставила отметки либо диктовала, за кого должны голосовать», указывая на поддерживаемого властями кандидата Т. Гдулю. Это же на другом участке этого округа делал комендант стражи, вписывая в бюллетенях избирателей отметки в пользу того же кандидата, «несмотря на их протесты», а ещё в одном случае – стражник, который «нес службу в нетрезвом состоянии». Тот же автор протеста сообщал, что на одном из участков округа некий П. Каня «подошёл к столу Избирательной Комиссии и на глазах всех и без протеста Избирательной Комиссии взял более десяти избирательных бюллетеней, вписал на всех них отметки для Гдули и вышел с ними из избирательного участка, со смехом раздавая их входящим избирателям». Как давление на избирателей можно расценивать подсматривание,

за кого избиратели ставят отметки: в одном случае это делал у ширмы чиновник магистрата Хшанува, вероятно, член комиссии, в другом – член избирательной комиссии, который «входил за ширму и подглядывал, как голосуют избиратели». Этот чиновник публично заявил, что «познакомился с содержанием голосов избирателей и громко делился с членами Комиссии своими наблюдениями, какая osoba за кого голосовала» [17, к. 244, 246-248].

На 7 участках уговоры и принуждение голосовать за конкретных кандидатов отмечали два протеста из округа 50 (Лида). Члены участковых комиссий и страж порядка кроме агитации за некоторых кандидатов входили или сидели за ширмами и указывали, за кого следует голосовать, что «также сделали доверенному лицу» другого кандидата [17, к. 89].

В округе 47 на одном из участков некоторые члены стражи порядка «писали избирательные бюллетени для женщин», на другом же член избирательной комиссии в присутствии её председателя «вынул из конвертов два приготовленные для того, чтобы бросить в урну, бюллетеня избирателями... с целью ознакомиться с содержанием их голосов». Проигравший в этом округе кандидат подчёркивал в своём протесте, что вследствие давления старосты «органы гминного и громадского самоуправления, также как и функционеры [Государственной] П[олиции] силой вынуждали избирателей к участию в голосовании, с помощью угроз вынуждали к массовому опусканию незаполненных избирательных бюллетеней» [17, к. 73-75]. Пример принуждения избирателей голосовать отмечал протест из округа 68: некий Шолдык «звал из избирательного участка прохожих и выбегал к ним, и силой вёл их голосовать. Пред[седатель] Изб[ирательной] Ком[иссии] за эти услуги обещал ему хорошую попойку» [17, к. 142].

В трёх протестах доверенных лиц проигравшего кандидата из округа 36 Люблинского воеводства в 1935 г. содержались обвинения членов избирательной комиссии в незаконной агитации, заполнения бюллетеней за избирателей и вмешательства в избирательный акт местных властей. В одном из протестов утверждалось, что «солтыс соответствующей деревни сидел за шторой и заполнял бюллетени». Автор другого протеста утверждал, что солтысы «делали это, имея, вероятно, официальное указание», поскольку войт Никлевский гмины Жмудь велел солтысам влиять на

избирателей, чтобы «голосовали обязательно за Мостовского» [25, к. 6, 10].

О вбросе бюллетеней в урны в выборах 1935 г. упоминал в своих мемуарах лидер СЛ В. Витос. Его однопартиец С. Кот сообщал, ссылаясь на депутата в Вильно, что в Новогрудском воеводстве «вброшено более ста процентов голосов». О вбросах В. Витосу сообщалось также из Познаньского воеводства, Малой Польши, Варшавы [25, s. 87].

В 1938 г. сведений о вбросах бюллетеней в урны, если основываться на протестах, было значительно больше – всего 38 случаев в трёх округах. В округе 82 протест описывал драматическую историю на одном участке. За несколько часов до окончания голосования после отказа доверенного лица одного из кандидатов согласиться на искусственное увеличение явки на выборы «по неизвестным причинам в этот момент погас свет (электрический) и одновременно на избирательном участке возникло искусственное замешательство». Учительница, член комиссии вышла в коридор за керосиновой лампой и когда она «открыла двери, избирательный участок осветила полоса света (в коридоре также был свет, который, однако, не погас) и в этот момент доверенное лицо увидело, что около урны стоит председатель Участковой Комиссии и нервно всовывает большое количество конвертов в урну» [17, к. 273].

В округе 77, вброс бюллетеней регистрировался в протестах в 34 случаях на 33 участках. В 14 случаях не указывалось, какие именно бюллетени (с отметками или без) были вброшены, а в 24 случаях это были незаполненные бюллетени. В Кросненском повяте, согласно протесту, «в отдельных участковых комиссиях добавлены бюллетени без обозначения кандидатов». Наибольшее количество случаев вброса незаполненных бюллетеней было зарегистрировано в Лескском повяте. На одном из таких участков «по официальным результатам голосовало 602 человека, фактически же участие в голосовании приняло 222 человека. Остальные незаполненные бюллетени были вброшены». На другом участке «голосовало по официальным результатам 1604, в то время как фактически отдали голоса 604 избирателя. Из этого следует..., что вброшено 1000 незаполненных избирательных бюллетеней», что было засчитано двум первым в списке кандидатам [17, к. 152-153]. В протесте из округа 30 сообщалось об обнаружении в урне одного участка «89% опущенных незаполненных бюллетеней...» [17, к. 8].

В документах избирательной комиссии округа 54 (Кобрин) имеются данные о наличии в подавляющем большинстве чистых бюллетеней в урнах. В Каширском повете на одном участке из 1190 опущенных бюллетеней 1187 было незаполненными, на другом из 903 – 900; в Косовском повете из 1520 – 1511 [2, л. 165, 188, 203]. В протоколе заседания окружной комиссии округа 55 отмечалось, что на одном участке Лунинецкого повета «опущены все бюллетени чистыми, без отметок», в связи с чем комиссия засчитала по 304 голоса в пользу первых двух в списке кандидатов [3, л. 3 (об.)].

Офицер контрразведки военного округа из Барановичей объяснял своему руководству: в округах 51 (Новогрудек) и 52 (Барановичи) «мужик сам не знал за кого должен голосовать и преимущественно опускал незаполненные бюллетени, будучи уверенным, что таким образом ни за одного кандидата голос не отдал, в то же время, как это было в округе 52, административные власти специально были заинтересованы в этом, и с этой целью они дали специальные директивы войтам, и это для проведения 2-х первых кандидатов» [1, л. 51]. Во всех случаях голосования незаполненными бюллетенями голоса были засчитаны в пользу первых двух кандидатов в списке.

Манипулирование бюллетенями во время выборов включало выдачу избирательных бюллетеней с отметками, что также отражалось в протестах. Доверенное лицо кандидата на участке в округе 49 (Ошмяна) докладывал: «...Некоторые избирательные бюллетени выдавались уже сложенными вчетверо, я заметил в этих бюллетенях отметки. Эти бюллетени выдавались до голосования преимущественно женщинам и старикам» [17, к. 137]. В округе 82 «до начала голосования перед избирательным участком раздавались избирательные бюллетени, снабжённые печатью Окружной Избирательной Комиссии с проставленными отметками у фамилии кандидата Гдули» [17, к. 248].

Для повышения явки на выборы в ходе избирательного акта участковые комиссии разрешали голосовать в 1938 г. с нарушением закона, о чём 15 раз сообщали протесты из семи округов. Протест из округа 68 отмечал 4 случая голосования за других лиц. Заместитель председателя одной из участковых комиссий в этом округе заявил, что такое голосование возможно «если будет полномочия от данного лица», но разрешалось на этом участке «голосовать даже без каких-то полно-

мочий». Председатель избирательной комиссии другого участка этого же округа «принимал оптом избирательные бюллетени» за два дня до выборов [17, к. 141-142]. На нескольких участках округа 86, по данным автора протеста, «значительное количество избирателей голосовали через уполномоченных, а не лично» [17, к. 333]. В протесте в округе 50 говорилось, что на одном из участков члены избирательной комиссии раздавали избирателям бюллетени, не стремясь установить «действительно ли вызванный избиратель присутствовал либо кто-то другой за вызванного отвечал» [17, к. 99]. На участке в округе 77 председатель комиссии «вручая избирателям избирательные бюллетени давал им также дополнительный конверт, в котором находился избирательный бюллетень» [17, к. 152].

В трёх округах выявлено в протестах участие голосование лиц, не имеющих на это право. В протесте из округа 47 утверждалось: «Во многих случаях допускались к участию в голосовании лица, не фигурирующие в списках избирателей» [17, к. 75]. Подобным же образом в округе 82 участковая комиссия допустила «трёх избирателей к голосованию, которые не были помещены в списки избирателей» [17, к. 239]. На одном участке округа 86 в протесте содержалось обвинение, что «за два дня до голосования... самовольно составлен «дополнительный список» избирателей, содержащий более 400 фамилий», который, по мнению автора протеста, был недействителен [17, к. 332]. В протесте в округе 68 было отмечено, что «умершая также отдала свой голос...» [17, к. 143], а в округе 48 (Глембоке) «отдали свои голоса люди, которые в период между голосованием и составлением избирательных списков умерли» [17, к. 128].

В округах 30 и 50 было зарегистрировано 3 случая невнесения отметок в избирательные списки о получении избирателями бюллетеней. На одном участке округа 50 члены комиссии «раздавали избирателям избирательные бюллетени без предварительной проверки их права голосовать» [17, к. 93]. На другом участке округа председатель комиссии принимал отдаваемые избирателями конверты с бюллетенями и, «бросая в урну отданный избирателем голос, не старался, а, впрочем, совсем не имел возможности утверждать был ли избиратель, отдающий голос, отмечен в списке или вообще в нём не фигурирует». Вследствие таких действий один избиратель голосовал два раза, поскольку его голосование в первый раз не было документировано [17,

к. 99]. На двух участках округа 30 «совершенно не отмечались в списках избирателей лица, которые принимали участие в голосовании». На другом участке, согласно протесту «80 % отметок голосующих в списках избирателей сделаны значками, поставленными поспешно» [17, к. 7-8].

Наиболее часто встречающимся в протестах по выборам 1938 г. обвинением было противоречащая закону агитация во время избирательного акта в пользу кандидатов, поддерживаемых властями – 25 случаев в 4 округах. Рекордное количество упоминаний о такой агитации содержится в протестах из округа 50 – всего 11 на 10 участках. Например, вице-председатель одной из комиссии «всё время голосования агитировал избирателей на избирательном участке или же перед участком, указывая на кандидатов, за которых избиратели должны отдать голоса» [17, к. 82]. О 8 случаях таких действий сообщал протест из округа 82, где агитацией занимались на 6 участках председатели и члены избирательных комиссий, страж порядка и другие лица. В округе 47 кандидат в депутаты утверждал в своём протесте, что на территории округа «на избирательных участках проводилась оживлённая предвыборная агитация стражей порядка» за одного из кандидатов [17, к. 75], четыре доверенных лица писали о том же самом на 4 отдельных участках.

Группа обвинений в ходе избирательного акта 1938 г. касалась незаконных действий по отношению к доверенным лицам неугодных властям кандидатов. Чаще всего имело место недопущение или удаление с избирательного участка доверенных лиц – в четырёх округах было зарегистрировано, по крайней мере, 36 таких случаев. На участке в округе 50 протесты доверенных лиц против незаконной агитации привели к тому, что один из них «был силой стрельцами [охранниками] выставлен из избирательного участка...» [17, к. 83] На шести участках удалялись доверенные лица в округе 77: «Доверенное лицо кандидата в депутаты Войцеха Пельчарского удалено с избирательного участка» в тот самый момент, когда члены участковой комиссии покидали избирательный участок, приняв приглашение прийти в частную квартиру на водку...» [17, к. 152] На шести избирательных участках Хшанувского повята округа 82, как правило, не искали причин для удаления доверенных лиц доверенных лиц кандидата К. Туровского: были ссылки, в частности, на приказ или требование по телефону из староства. На одном участке повята дове-

ренное лицо «силой удалил» начальник городской стражи Явожно, заявляя, что «доверенные лица кандидата Туровского являются симулянтами» [17, к. 246].

По отношению к неуступчивым доверенным лицам использовались угрозы и насилие. Кандидат из округа 47 в своём протесте обобщал: «...В отношении к моим доверенным лицам были в широкой мере использованы административные преследования, которые преследовали цель не дать им возможность контролировать избирательный акт...» [17, к. 76] В ответ на замечание доверенного лица из округа 49, что урна открывалась во время голосования, председатель комиссии сказал: «Я пана сейчас выпровожу и лишу полномочий, поскольку пан мешает работать» [17, к. 137]. Доверенное лицо из округа 82 «перед отчётливо враждебным отношением к его личности членов Избирательной Комиссии... покинул участок» [17, к. 243].

После завершения акта голосования участковыми комиссиями составлялись протоколы, которые затем направлялись в окружные комиссии. Впоследних поправлялись ошибки подсчёта голосов в протоколах участковых комиссий, включая арифметические. Эти поправки на ряде участков в выборах 1938 г. возбуждают подозрения. Например, в округе 54 «как очевидную ошибку» было исправлено количество действительных голосов с 1154 до 2307 на одном участке, в других случаях – с 1251 на 2345, 739 на 1478 или 821 на 1560 [2, л. 126, 127 (об.)]. В округе 74 в протоколе избирательной комиссии также есть подозрительные поправки, особенно в Яворовском повяте: 373 исправлено на 744, 575 – на 1150 или же 740 – на 1474 [13, арк. 25].

Окружные комиссии рассматривали замечания по процедуре проведения выборов. В частности, в округе 35 два доверенных лица проигравшего кандидата представили в комиссию замечания об использовании участковой комиссией конвертов для бюллетеней без печатей окружной комиссии, прося признать недействительными результаты голосования на этом участке. Комиссия округа 35, как свидетельствует протокол её заседания, эти и другие замечания «относительно якобы имевших место неправомερных действий во время голосования» на двух участках округа «единогласно признала несущественными» [24, к. 159-160, 164]. В конце заседания окружных комиссий окончательно были подсчитаны голоса, составлены сводки голосования и признаны получившими депутатские мандаты

те по два кандидата в каждом округе, кто получили больше всего голосов и не менее, чем по 10 тыс. в округе.

Официальные результаты выборов 1938 г. в сейм и сенат сообщались в «Мониторе польском» от 18 ноября. По официальным результатам в выборах в сейм 6 ноября приняли участие 67,1% избирателей, имеющих право голоса, что, несомненно, было довольно высоким показателем. Наибольший процент голосующих был в воеводствах Силезском (83,4%) и Тернопольском (82,6%), несколько более низким был этот показатель в Белостокском (76,6%), Волинском (74,9%), Полесском (74,3%), самый низкий же – в Краковском (47,8%), а также в Варшаве (54,7%) и Лодзинском (59,7%) [33, s. 355; 36]. Около 30 % избранных и назначенных сенаторов в 1938 г. вновь получили мандаты верхней палаты парламента [12, s. 385], две трети их представляли проправительственный ОЗН.

Результаты / Results. Выборы в Польше периода действия апрельской конституции дали разные результаты. Это, прежде всего, было обусловлено разными условиями, при

которых они проводились. Эти условия решающим образом повлияли на характер и масштабы злоупотреблений государственных институтов для получения нужных режиму результатов. Неблагоприятные условия проведения выборов 1935 г. ограничили возможности властей, в том числе в использовании злоупотреблений, и дали дискредитирующие для санации результаты. Более благоприятные внутренние и внешние условия в 1938 г. позволили властям активно прибегать к злоупотреблениям и среди прочего обеспечили приемлемые для них результаты. Высшие власти давали директивы относительно желательных результатов на выборах, прежде всего по показателю явки, косвенно поощряя на нарушения нижестоящие власти для достижения цели. Воеводские власти транслировали волю верховных властей на уровень повятов и их главы, старосты в меру сил и способностей стремились своими действиями следовать этим указаниям, обеспечивая, нередко с нарушением закона, требуемые результаты.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (Беларусь, Брест) (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2085.
2. ГАБО. Ф. 493. Оп. 6. Д. 3.
3. ГАБО. Ф. 493. Оп. 7. Д. 11.
4. История Польши. Т. III / Под ред. Ф. Г. Зуева и др. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 668 с.
5. Ким И. К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше // Советское славяноведение. 1986. № 6. С. 31-42.
6. Ким И. К. Парламентские выборы 1935 года в Полесском воеводстве // Гістарычная брама. Гісторыя і культура Палесся. 2009. № 1 (24). С. 42–51.
7. Ким И. К. Парламентские выборы 1935 г. в Волинском воеводстве // Волинь і волиняни у Другій світовій війні: зб. наук. пр. за матеріалами I Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. подіям Другої світової війни на території Волин. обл. / упоряд. М. М. Кучерепа. Луцьк, 2012. С. 54–60.
8. Ким И. К. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936-1939). Волгоград: ООО «Изд-во Волгоград», 2003. 164 с.
9. Ким И. К. Санационные власти в парламентских выборах 1935 года в Польше // Славяноведение. № 5, 2011. С. 3–13.
10. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993. 529 с.
11. Львовський обласний державний архів (Україна, Львів). Ф. 1, оп. 58, спр. 5131. [Львовский областной государственный архив (Украина, Львов). Ф. 1, оп. 58, спр. 5131.].
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Издательство «Индрик», 2012. 952 с.
13. Центральний державний історичний архів України (Україна, Львів) (далее – ЦДІА). Ф. 521. Оп. 1. Спр. 5. [Центральный Государственный исторический архив Украины (Украина, Львов) (далее – ЦДІА). Ф. 521. Оп. 1. Спр. 5.].
14. ЦДІА. Ф. 521. Оп. 1. Спр. 24.
15. Ajnenkiel A. Parlamentaryzm w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975. 412 s. [Айненкиель А. Парламентаризм во Второй Польской республике. Варшава, 1975. 412 с.].
16. Ajnenkiel A. Konstytucje polskie w rozwoju dziejowym. 1791-1997. Warszawa, 2001. 424 s. [Айненкиель А. Польские конституции в историческом развитии. 1791-1997. Варшава, 2001. 424 с.].
17. Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa) (далее – ААН). Zesp. 5, sygn. 129. [Архив актов новых (Польша, Варшава) (далее – ААН). Гр. 5, с. 129.].
18. ААН. Zesp. 8, cz. V, sygn. 3-21. [ААН. Гр. 8, ч. V, с. 3-21].

19. AAN. Zesp. 40, sygn. 39. [AAN. Gr. 40, c. 39].
20. AAN. Zesp. 40, sygn. 42. [AAN. Gr. 40, c. 42].
21. AAN. Zesp. 62, sygn. 39. [AAN. Gr. 62, c. 39].
22. AAN. Zesp. 62, sygn. 40. [AAN. Gr. 62, c. 40].
23. AAN. Zesp. 62, sygn. 42. [AAN. Gr. 62, c. 42].
24. Archiwum Państwowy w Lublinie (Polska, Lublin) (далее – APL). Zesp. 403, sygn. 117. [Государственный архив в Люблине (Польша, Люблин) (далее – APL). Gr. 403, c. 117.].
25. APL. Zesp. 403, sygn. 124. [APL. Gr. 403, c. 124.].
26. APL. Zesp. 403, sygn. 146. [APL. Gr. 403, c. 146.].
27. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Nr 47. 1935. [Вестник законов Республики Польша. № 47. 1935 г.]
28. Gazeta Polska. 08.11.1938. [Польская Газета. 08.11.1938.].
29. Kim I. Nadużycia prawa podczas kampanii wyborczej i wyborów do Sejmu w 1938 roku. Analiza protestów wyborczych // Czasopismo Prawno-Historyczne. Tom LVII. Zeszyt. 1. 2005. S. 257–281. [Ким И. Злоупотребления законом во время избирательной кампании и выборов в Сейм 1938 года. Анализ протестов избирателей // Юридически-исторический журнал. Том LVII. Львов. Тетрадь 1. 2005. С. 257–281.]
30. Kim I. Działania władz administracyjnych województwa lubelskiego podczas wyborów parlamentarnych 1935 i 1938 roku // Z dziejów regionów Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. S. 262–274. [Ким И. Действия административных властей Люблинского воеводства во время парламентских выборов 1935 и 1938 годов // Из истории регионов Центральной и Восточной Европы в XIX и XX веках. Жешува: Издательство Жешувского университета, 2008. С. 262–274.]
31. Kim I. Wybory parlamentarne na Rzeszowszczyźnie w 1935 roku // Historia i dziedzictwo regionów w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 520–536. [Ким И. Парламентские выборы в Жешувском крае в 1935 году // История и наследие регионов Европы. Центрально-Восточный регион в XIX и XX веках. Жешува: Издательство Жешувского университета, 2011. С. 520–536.]
32. Kim I. Obóz proryządowy w wyborach parlamentarnych lat 1935 i 1938 we Lwowie // Львів: місто – суспільство – культура: Збірник наукових праць Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2012. Том 8. Частина 1: Влада і суспільство. С. 163–170. [Ким И. Проправительственный лагерь на парламентских выборах 1935 и 1938 годов во Львове // Львов: город – общество – культура: Сборник научных работ. Львов: Львовский национальный университет имени Ивана Франко, 2012. Том 8. Часть 1: Власть и общество. С. 163–170.]
33. Mały Rocznik Statystyczny. Warszawa, 1939. XXXII, 424 s. [Малый статистический ежегодник. Варшава, 1939 г. XXXII, 424 с.]
34. Monitor Polski. 10.09.1935.
35. Monitor Polski. 24.09.1938.
36. Monitor Polski. 18.11.1938.
37. Szymanowski G. Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927-1939. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałka, 1998. 312 s. [Шимановский Г. Двенадцать лет – воспоминания 1927-1939 гг. Торунь: Издательство А. Маршалка, 1998. 312 с.]
38. Witos W. Moja tułaczka w Czechosłowacji. Warszawa: LSW, 1995. 640 s. [Витос В. Мои странствия по Чехословакии. Варшава: LSW, 1995. 640 с.]

References

1. State Archive of the Brest Region (Belarus, Brest) (further – SABR). F. 1. Inv. 1. D. 2085. (In Russ.)
2. SABR. F. 493. Inv. 6. D. 3. (In Russ.)
3. SABR. F. 493. Inv. 7. D. 11. (In Russ.)
4. History of Poland. T. III. Ed. F. G. Zuyev and others. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 668 p. (In Russ.)
5. Kim IK. The “sanacja” camp and the parliamentary elections of 1938 in Poland. *Sovetskoye Slavyanovedeniye*. 1986;6:31-42. (In Russ.)
6. Kim IK. Parliamentary elections of 1935 in Polesie Voivodeship. *Gistarychnaya Brama. History and culture of Palessia*. 2009;1(24):42-51. (In Russ.)
7. Kim IK. Parliamentary elections of 1935 in the Volyn Voivodeship in Volhynia and Volhynians in the Second World War: collection. of science pr. based on the materials of the First International science and practice conf., dedicate events of the Second World War on the territory of Volyn. region / arranged M. M. Kucherepa. Lutsk; 2012. P. 54-60. (In Russ.)
8. Kim IK. Political struggle in Poland on the eve of the Second World War (1936-1939). Volgograd: Volgograd Publishing House; 2003. 164 p. (In Russ.)
9. Kim IK. Sanacja authorities in the parliamentary elections of 1935 in Poland. *Slavyanovedeniye*. 2011;5:3-13. (In Russ.)
10. Brief history of Poland. Moscow: Science; 1993. P. 285-286, 290.

11. Lviv Regional State Archive (Ukraine, Lviv).
12. Poland in the twentieth century. Essays on political history. Rep. ed. A. F. Noskova. Moscow: Publishing house "Indrik", 2012. 952 p.
13. Central State Historical Archive of Ukraine (Ukraine, Lviv) (further – CSHAU). F. 521. Inv. 1. Spr. 5. (In Ukr.)
14. CSHAU. F. 521. Inv. 1. Spr. 24. (In Ukr.)
15. Ajnenkiel A. Parliamentarism in the Second Polish Republic. Warsaw, 1975. 412 p. (In Pol.)
16. Ajnenkiel A. Polish constitutions in historical development. 1791-1997. Warsaw, 2001. 424 p. (In Pol.)
17. Archive of New Records (Poland, Warsaw) (further – AAN). Complex 5, p. 129. (In Pol.)
18. AAN. Complex 8, part V, p. 3-21. (In Pol.)
19. AAN. Complex 40, p. 39. (In Pol.)
20. AAN. Complex 40, p. 42. (In Pol.)
21. AAN. Complex 62, p. 39. (In Pol.)
22. AAN. Complex 62, p. 40. (In Pol.)
23. AAN. Complex 62, p. 42. (In Pol.)
24. State Archives in Lublin (Poland, Lublin) (further – AAN). Complex, p. 117. (In Pol.)
25. APL. Complex 403, p. 124. (In Pol.)
26. APL. Complex 403, p. 146. (In Pol.)
27. Journal of Laws of the Republic of Poland. No. 47. 1935. (In Pol.)
28. Gazeta Polski. 08.11.1938. (In Pol.)
29. Kim I. Abuse of the law during the election campaign and elections to the Sejm in 1938. Analysis of protests election. Legal and Historical Journal. 2005;LVII(1):257-281. (In Pol.)
30. Kim I. Parliamentary elections in the Rzeszów region in 1935 in History and heritage of regions in Central and Eastern Europe in the 19th and 20th centuries. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2008. P. 262-274. (In Pol.)
31. Kim I. Wybory parlamentarne na Rzeszowszczyźnie w 1935 roku in Historia i dziedzictwo regionów w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2011. P. 520-536. (In Pol.)
32. Kim I. Pro-government camp in the parliamentary elections of 1935 and 1938 in Lviv in Lviv: city – society – culture: Collection of scientific works. Lviv: Ivan Franko Lviv National University, 2012. Volume 8. Part 1: Government and Society. P. 163-170. (In Pol.)
33. Little Statistical Yearbook. Warsaw; 1939. XXXII, 424 p. (In Pol.)
34. Monitor Polski. 10.09.1935. (In Pol.)
35. Monitor Polski. 24.09.1938. (In Pol.)
36. Monitor Polski. 18.11.1938. (In Pol.)
37. Szymanowski G. Twelve years - memories from 1927-1939. Toruń: A. Marszałek Publishing House, 1998. 312 p. (In Pol.)
38. Witos W. My wandering in Czechoslovakia. Warsaw: LSW. 640 p. (In Pol.)

Научная статья

УДК 94 (47)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.10>

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В 1920-е ГГ.

Андрей Анатольевич Панарин

Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, Армавир, 352901, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
panarin.am@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена возможностью использования опыта организации советского государства и межнациональных взаимоотношений в советский период в целях совершенствования национальной политики в современной России. Новизна исследования связана с изучением не получившей должного освещения поставленной проблемы в исторической литературе. Целью исследования является анализ особенностей теории и практики национальной политики большевистской партии в 1920-е гг. **Материалы и методы.** Исследование проблемы национальной политики большевистской партии осуществлено на основе принципов объективности, историзма и системного подхода. При подготовке исследования были использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы. **Анализ.** В соответствии с теорией марксизма предполагалось, что по мере развития капитализма укрупнение производства приведет к процессу объединения наций. При переходе к социализму эти процессы приобретут необратимый характер, ввиду уничтожения эксплуатации человека человеком и разделения людей по классовому и национальному признакам. Считалось, что к этим преобразованиям были готовы развитые западные страны, в которых уже созрели предпосылки для перехода от капитализма к социализму. Однако, в силу исторических обстоятельств социалистическая революция произошла в такой среднеразвитой стране, как Россия. Стараясь упрочить позиции молодого советского государства, со стороны большевиков был проведен ряд преобразований, в том числе осуществление права наций на самоопределение. В то же время, в процессе образования СССР

было обеспечено руководство центральных партийных органов в управлении союзным государством. При реализации сталинской концепции построения социализма в отдельно взятой стране происходило осуществление идеи исторического скачка отсталых народов от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистической формации. **Результаты.** По итогам проведенного исследования был сделан вывод о том, что основной особенностью национальной политики большевистской партии являлась оригинальная интерпретация положений марксизма о национальном вопросе и его решении при социализме. В рамках сталинской концепции социализма происходило государственное моделирование советского общества, что предполагало выравнивание уровней экономического и культурного развития, населяющих СССР народов.

Ключевые слова: национальный вопрос, национальная политика, большевистская партия, теория марксизма, право наций на самоопределение, сталинская концепция построения социализма, Советский Союз

Для цитирования: Панарин А. А. Особенности теории и практики национальной политики большевистской партии в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 97–104. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

SOME THEORETICAL AND PRACTICAL FEATURES OF THE NATIONAL POLICY OF THE BOLSHEVIK PARTY IN THE 1920s

Andrey A. Panarin

Armavir State Pedagogical University (159, Rosa Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
panarin.am@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

Abstract. Introduction. The relevance of the problem considered in the article is due to the possibility to use the experience of the organization of the Soviet state and interethnic relations in the Soviet period in order to improve national policy in modern Russia. The novelty of the research is connected with the study of the problem that has not received proper coverage in the historical literature. The purpose of the study is to analyze the features of the theory and practice of the national policy of the Bolshevik Party in the 1920s. **Materials and Methods.** The study of the problem of the national policy of the Bolshevik Party was carried out on the basis of the principles of objectivity, historicism and a systematic approach. Historical-genetic and historical-comparative methods were used in the preparation of the study. **Analysis.** According to the theory of Marxism, it was assumed that as capitalism developed, the consolidation of production would lead to the process of unification of nations. During the transition to socialism, these processes would acquire an irreversible character

thanks to the destruction of human exploitation by man and the division of people according to class and national characteristics. It was believed that developed Western countries were ready for these transformations, in which the prerequisites for the transition from capitalism to socialism had already matured. However, due to historical circumstances, the socialist revolution took place in such a medium-developed country as Russia. In an effort to strengthen the position of the young Soviet state, a number of transformations were carried out by the Bolsheviks, including the exercise of the right of nations to self-determination. At the same time, during the formation of the USSR, the supremacy of the central party organs in the management of the Union state was ensured. During the implementation of Stalin's concept of building socialism in a single country, the idea of a historical leap of backward peoples from feudalism to socialism was realized, bypassing the stage of capitalist formation. **Results.** The study has determined that the main feature of the national policy of the Bolshevik

Party was the original interpretation of the provisions of Marxism on the national question and its solution under socialism. Within the framework of Stalin's concept of socialism, state modeling of Soviet society took place, which assumed the alignment of the levels of economic and cultural development of the peoples inhabiting the USSR.

Keywords: national question, national policy, Bolshevik Party, theory of Marxism, right of nations to self-determination, Stalin's concept of building socialism, Soviet Union

Введение / Introduction. Прошедший 30 декабря 2022 г. 100-летний юбилей образования СССР актуализировал внимание исследователей к проблемам формирования и осуществления национальной политики большевистской партии. Использование опыта организации советского государства и международных взаимоотношений в советский период может способствовать совершенствованию национальной политики в современной России. Освещению национальной политики большевистской партии в 1920-е гг. посвящено достаточно большое количество работ, подготовленных как в советский, так и в постсоветский период. Вместе с тем, в них преобладают традиционные для советской историографии подходы и оценки, проводимой в 1920-х гг. национальной политики. Лишь в немногих работах, подготовленных в последние десятилетия, предпринят анализ особенностей данной политики с точки зрения оригинальной трактовки марксистского учения о построении социализма. Среди них работы А. Б. Любнина, В. О. Миронова, В. А. Саблина и других авторов [5; 6; 8; 11]. В связи с этим, новизна исследования связана с изучением не получившей должного освещения проблемы в исторической литературе. Целью исследования является анализ особенностей теории и практики национальной политики большевистской партии в 1920-е гг.

Материалы и методы / Materials and methods. Исследование основано на принципах объективности, историзма и системного подхода. Это позволило учесть существующие точки зрения по проблемам национальной политики большевистской партии, рассмотреть основные этапы ее формирования, а также определить место данной политики в процессе строительства социализма в СССР. При подготовке исследования были использованы специально-исторические методы. Историко-генетический метод позволил выявить основополагающие принципы теории национальной политики большевистской партии, а также проанализировать их реализацию в ходе национального строительства. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению

For citation: Panarin AA. Some theoretical and practical features of the national policy of the Bolshevik Party in the 1920s. *Humanities and law research*. 2024;11(1):97-104. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.07.2023.

The article was approved after reviewing: 23.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

положений марксизма о национальном вопросе и условиях формирования социализма с их интерпретациями в представлениях В.И. Ленина и И.В. Сталина. На основе данного метода происходило также сравнение степени решения национального вопроса в СССР на протяжении 1920-х гг.

Анализ / Analysis. Главной особенностью национальной политики большевистской партии, о чем пойдет речь в данной статье, являлась оригинальная интерпретация положений марксизма о национальном вопросе и условиях формирования социализма. Следует отметить, что данные положения сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом достаточно кратко, что не дает возможности в полной мере определить их теоретические воззрения в отношении перспектив решения национального вопроса при переходе к социализму, а затем к коммунизму. В целом, контуры будущего социалистического общества обозначены теоретиками марксизма в самом общем виде.

Как справедливо отмечает А. Б. Любнин, «...в наследии Маркса нет ничего, что могло бы называться «моделью» или «проектом» производственных отношений социализма, ничего, указывающего хотя бы на попытку спрогнозировать посткапиталистическое будущее детальнее, чем требовалось для выражения самой общей, но и наиболее принципиальной фундаментальной идеи: социализм – система, отрицающая частную собственность и рынок как непереносимое экономическое условие ее воспроизводства, эксплуатацию человека человеком; социализм – сознательное и в связи с этим плановое хозяйствование, что возможно лишь при общественной собственности на средства производства» [5, с. 38].

Между тем, на основе отдельных, сформулированных К. Марксом и Ф. Энгельсом положений, можно понять суть их представлений о развитии наций в условиях капитализма и социализма. Основное внимание при этом обращается на консолидирующую роль капитализма и буржуазии, которая «все более и более уничтожает раздробленность средств производства», в результате чего «независимые, связанные почти только союзными отноше-

ями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей» [7, с. 428].

При переходе к социализму, как считали К. Маркс и Ф. Энгельс, эти процессы приобретут необратимый характер, ввиду уничтожения эксплуатации человека человеком и, следовательно, условий для разделения людей по классовому и национальному признакам.

«В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, - писали теоретики марксизма, - уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» [7, с. 445]. Таким образом, окончательное решение национального вопроса, согласно марксизму, должно было начаться в условиях социализма и завершиться при переходе к коммунизму вместе с формированием однородного общества трудящихся.

Следует отметить, что политическая программа российской социал-демократии соответствовала основным положениям марксизма, в том числе и в отношении национального вопроса. Значительный вклад в его дальнейшую разработку внес В. И. Ленин. В особенности это касалось положений о праве наций на самоопределение, раскрытых в целом ряде работ В. И. Ленина. Выдвинув это требование, В. И. Ленин, на первый взгляд, выступил против одной из главных идей марксизма о необходимости объединения пролетариата всех стран в борьбе против буржуазии. Это, в частности, вызвало непонимание со стороны таких видных деятелей большевиков и зарубежных компартий, как Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков, Р. Люксембург и других.

Вместе с тем, объективный анализ работ В.И. Ленина показывает, что право наций на самоопределение рассматривалось им не столько в качестве цели национальной политики, сколько в качестве средства обеспечения прочности союза трудящихся различных стран. Достижение этой прочности могло произойти, по мнению В. И. Ленина, при условии добровольности вхождения тех или иных наций в единое государство и обеспечения возможности выхода. Тем самым обеспечивалась свобода выбора, что свидетельствовало о новых равноправных принципах взаимоотношений между трудящимися всех наций.

В связи с этим, В. И. Ленин уделял большое внимание воспитанию классовой солидарности пролетариата разных наций на основе принципов доверия и осознания общности, стоящих перед ними задач классовой борьбы. Наилучшие условия для этого складывались в крупных централизованных государствах, существование которых В. И. Ленин расценивал как важнейший фактор успешного проведения мировой социалистической революции. «...Мы убеждены, - писал по этому поводу В. И. Ленин, - что при прочих равных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную» [2, с. 70].

Как известно, В. И. Ленину принадлежит творческое развитие марксистского учения в период империализма. Применительно к национальному вопросу, В. И. Ленин отмечал усиление в это время межнациональной экономической интеграции с одновременным разделением наций в мировом масштабе на угнетающие и угнетенные, а также проведение со стороны правящих олигархических кругов реакционной политики, отрицающей демократические принципы, в том числе право наций на свободное волеизъявление. «Империализм, - писал В. И. Ленин, - означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе» [3, с. 62]. Указанные обстоятельства, по мнению В. И. Ленина, должны были способствовать усилению мирового революционного движения и осуществлению мировой социалистической революции.

При этом ведущая роль в ее проведении отводилась пролетариату развитых западных стран, в которых согласно марксистским представлениям, уже созрели необходимые экономические и социальные предпосылки для перехода от капитализма к социализму. В том числе здесь перед коммунистическими партиями не стояла задача осуществления права наций на самоопределение, ввиду завершенности буржуазно-демократических преобразований. Пролетариат этих стран уже прошел стадию межнациональной консолидации и, с точки зрения марксизма, наилучшим образом был подготовлен к выполнению своей исторической миссии.

Для других стран обеспечение права наций на самоопределение, по мнению В. И. Ленина, было актуальным с точки зре-

ния ослабления позиций международного империализма и власти эксплуататорских классов. К числу таких стран В. И. Ленин относил как среднеразвитые страны, в том числе и Россию, так и колониальные страны Востока. Следовательно, угнетенные народы этих стран должны были своей борьбой за независимость способствовать успешному проведению социалистических революций в развитых западных странах.

Далее, как предполагалось, победивший в этих странах пролетариат, объединит вокруг себя все угнетенные ранее народы, на основе чего возникнет мировая социалистическая республика. Главной ее экономической основой вначале должна была стать развитая индустрия западных стран, тогда как остальные страны становились в основном источниками поступления сырья. Россия в данном случае могла бы стать одним из главных поставщиков сельхозпродукции. В дальнейшем передовой пролетариат западных стран должен был помочь другим народам в создании крупной промышленности, что в свою очередь привело бы к увеличению численности рабочего класса и укреплению социальной основы мирового социализма.

Однако в силу исторических обстоятельств социалистическая революция произошла в такой среднеразвитой стране, как Россия.

В первые годы Советской власти она рассматривалась практически всем руководством большевистской партии, как своеобразный дetonатор мировой социалистической революции. Так, в первый же день установления Советской власти 26 октября 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой отмечалось: «Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы» [10, с. 5].

В Декрете о мире, кроме обращения к правительствам воюющих стран с предложением о заключении всеобщего мира, было отдельное воззвание «...к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества..., Англии, Франции и Германии» с надеждой, что «эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации» [1, с. 16].

В то же время, стараясь упрочить позиции молодого советского государства, как отвое-

ванного плацдарма мирового коммунистического движения, со стороны большевиков был проведен ряд преобразований. Среди них осуществление права наций на самоопределение, что должно было способствовать усилению симпатий ранее угнетенных народов к Советской власти, следствием чего явилось бы их желание остаться в составе советского государства.

Между тем, надежды руководства большевиков на осуществление социалистической революции в развитых западных странах не оправдались. После начала новой экономической политики стало происходить формирование концепции построения социализма в России в условиях капиталистического окружения. При отсутствии развитой промышленности и преобладании крестьянского населения, строительство социализма, по мнению

В. И. Ленина, предполагалось вести путем постепенного втягивания в социалистические отношения мелкобуржуазных элементов города и деревни. По верному определению А. Б. Любина, «хотели этого большевики или нет, но социализм при таких обстоятельствах мог получиться и получился с ярко выраженной российской, а не западноевропейской спецификой, чем ему полагалось быть согласно марксистским взглядам» [6, с. 64].

В таких условиях одной из особенностей социалистического строительства в Советской России стало не естественное созревание предпосылок для перехода от капитализма к социализму, что было предусмотрено теорией марксизма, а государственное моделирование этих процессов при ведущей роли партийных структур. Данное обстоятельство в полной мере проявилось в проводимой большевистской партией национальной политике. Так, в процессе образования единого социалистического государства руководство большевистской партии с самого начала стремилось обеспечить свою ведущую роль, указывая на необходимость соблюдения принципа подчиненности со стороны компартий Украины, Белоруссии и закавказских республик, добиваясь от них полной поддержки принимаемых в ЦК РКП(б) решений.

Такой подход соответствовал резолюции, состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) «По организационному вопросу», в которой отмечалось, что существование особых советских республик «...отнодь не значит, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий». Съезд признал необ-

ходимым «существование единой централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП» [9, с. 105].

В связи с этим, можно выразить сомнение по поводу устоявшейся точки зрения в отношении принципиальных расхождений между В. И. Лениным и И. В. Сталиным в вопросах национального строительства. Основным аргументом ее сторонников является противопоставление ленинской идеи создания союзного государства сталинскому проекту «автономизации» наций. На самом деле, данный проект первоначально не вызвал возражений со стороны других руководителей партии, включая В. И. Ленина. 24 сентября 1922 г. с этим проектом согласились представители большинства советских республик, кроме председателя Союзного совета ЗСФСР и члена Президиума ЦК КП(б) Грузии П. Г. Мдивани, который настаивал на вступлении Грузии в состав единого государства как самостоятельной республики.

«Однако, – как отмечает В. А. Саблин, – противоположную точку зрения неожиданно высказал В. И. Ленин, предложивший 26 сентября 1922 г. проект создания новой федерации – Союза Советских Республик Европы и Азии (вскоре название было изменено на СССР). Авторитет вождя сыграл свою роль, и план Ленина был принят» [11, с. 8]. Исходя из анализа сложившейся ситуации, можно предположить, что такой шаг В. И. Ленин предпринял в целях предотвращения дальнейшего обострения конфликта. По мнению В. И. Ленина, было «важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик» [4, с. 212].

При этом И. В. Сталин, как главный автор проекта «автономизации», не выразил никаких возражений по поводу предложенной В. И. Лениным модели союзного государства. Главной причиной этого, на наш взгляд, стало то, что оба руководителя признавали верховенство центральных партийных органов в управлении союзным государством. Соответственно, партийное руководство республик, также, как и партийные комитеты, входивших в состав РСФСР областей, должны были реализовы-

вать на местах политику, определяемую высшим руководством партии. В связи с этим, можно согласиться с В. О. Мироновым в том, что «наличие в СССР единой централизованной правящей партии на протяжении десятилетий сплачивало советскую федерацию, обеспечивало ее результативное развитие и единство республик» [8, с. 8].

В целом позиция И. В. Сталина в области государственно-национального строительства солидаризировалась с концепцией В. И. Ленина и предполагала творческое использование права наций на самоопределение в интересах укрепления единого советского государства как оплота мирового коммунистического движения. Выступая 30 декабря 1922 г. с докладом на I съезде Советов СССР, И. В. Сталин заявил, что вместе с образованием СССР силы Советской власти многократно возрастают и она «думает уже не только о существовании, но и том, чтобы развиваться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся» [12, с. 96].

Ввиду неоправдавшихся надежд на социалистическую революцию в развитых западных странах, И. В. Сталин и его сторонники все большее внимание стали уделять использованию антиколониальных движений в борьбе с мировым капитализмом. В связи с этим, задача гармонизации национальных отношений в СССР рассматривалась И. В. Сталиным как одно из главных условий вовлечения народов Востока в мировое коммунистическое движение. По мнению И. В. Сталина, установление в СССР действительно братских отношений между народами и действительного сотрудничества должно было показать всему Востоку, «что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен идти, и это будет началом краха мирового империализма» [13, с. 112].

Провозгласив в 1925 г. тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, И. В. Сталин большое внимание уделил проблеме выравнивания уровней экономического и культурного развития, населяющих СССР народов. В условиях переходного периода от капитализма к социализму это означало реализацию важнейших требований марксистской теории применительно к социализму, включавших достаточно высокий уровень развития производительных сил, преобладание рабочего класса в общей массе насе-

ления и достижение соответствующего уровня культурного развития.

При этом русский рабочий класс из вспомогательного отряда мирового коммунистического движения превращался в его передовой отряд, который должен был помочь отсталым народам совершить исторический скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистической формации. Данная концепция означала нарушение основополагающего принципа марксизма, связанного с закономерной сменой общественно-экономических формаций и необходимостью достижения каждым народом стадии развитого капитализма, как важнейшего условия для перехода к социализму.

Представив свою концепцию в качестве примера творческого развития марксизма, И. В. Сталин, по сути, выдвинул собственный оригинальный проект строительства социализма, с участием наций и народностей, стоявших на различных ступенях общественного развития. Ликвидация их фактического неравенства предусматривала в конечном итоге формирование единой экономической модели социалистического типа и однородной социальной структуры.

Решение этой задачи в теоретических представлениях И. В. Сталина отличалось характерным схематизмом. Все населяющие СССР народы были разделены на ряд групп, в соответствие с достигнутым уровнем экономического и культурного развития. К каждой из этих групп предполагалось применить особые подходы и методы воздействия, преследующие в конечном итоге общую цель – построение в СССР социалистического общества. В проводимой большевистской партией национальной политике это предполагало прохождение ряда промежуточных этапов, учет конкретно-исторической обстановки и особенностей развития отдельных народов.

В целом, теоретическим построениям И. В. Сталина была свойственна крайняя противоречивость в постановке задач национальной политики большевистской партии, что существенно осложняло возможности их решения в практической деятельности. Так, весьма непросто найти грань между порицаемым И. В. Сталиным великодержавным шовинизмом и необходимостью усиления диктатуры пролетариата, который был представлен, главным образом, русскими рабочими. Вместе с тем, призывы к борьбе с местным национализмом создавали противоречие с задачей подъема национальных культур, реализация

которой сопровождалась инициативами национальной политической элиты и интеллигенции, которые зачастую квалифицировались как проявления местного национализма.

Выступая на XVI съезде ВКП(б), И. В. Сталин признал противоречивость постановки ряда вопросов национальной политики большевистской партии. Объясняя это отражением марксовской диалектики, он вывел следующую формулу развития национальной культуры: «расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире» [14, с. 195]. Сложность восприятия данной формулы, тем не менее, не помешала И.В. Сталину сделать категоричное заявление: «Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма» [14, с. 195].

Последующие события показали, что правильность толкования тех или иных установок в области национально-государственного строительства, как и оценка их практической реализации, все в большей степени становилось прерогативой И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Субъективность восприятия высшим партийным руководством теоретических положений в области национальных отношений являлась одним из определяющих факторов осуществления национальной политики на протяжении всего советского периода.

Результаты / Results. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что основной особенностью национальной политики большевистской партии в 1920-е гг. являлась оригинальная интерпретация положений марксизма о национальном вопросе и его решении при социализме. В условиях отсутствия развитой промышленности и преобладания крестьянского населения, социалистическое строительство в Советской России происходило не в результате естественного созревания предпосылок для перехода от капитализма к социализму, что было предусмотрено теорией марксизма, а путем государственного моделирования этих процессов при ведущей роли партийных структур. Данное обстоятельство в полной мере проявилось в проводимой большевистской партией национальной политике, в том числе в процессе образования СССР. В рамках сталинской концепции социализма государственное моделирование

советского общества предполагало выравнивание уровней экономического и культурного развития, населяющих СССР народов, в результате чего многие из них должны были совершить исторический скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистической формации. Несмотря на отступления от марксистской теории, реализация национально-ориентированного проекта социалистического преобразования российского общества, вошедшего в себя многовековые ожидания вхо-

дивших в СССР народов, способствовала преодолению системного кризиса в стране и дальнейшему развитию российской цивилизации. Советский период следует рассматривать как органичное продолжение истории российской цивилизации, с учетом того, что СССР не только в основном воссоздал ее национальный состав, но и дал начало прогрессивным преобразованиям в сфере межнациональных отношений.

Литература

1. Декрет о мире: принят II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 12–16.
2. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 64–72.
3. Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 61–68.
4. Ленин В. И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 26 сентября 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 211–213.
5. Любинин А. Б. Классический социализм и практика социализма: непреодоленная сложность кажущейся простоты // Российский экономический журнал. 2011. № 1. С. 36–61.
6. Любинин А. Б. Построение социализма в одной, отдельно взятой, стране и критическая эволюция социалистического идеала // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 62–92.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
8. Миронов В. О. К столетию образования СССР: государственно-правовые основы и этапы построения советской федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 6–9.
9. По организационному вопросу: резолюция VIII съезда РКП(б) от 23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 - 1988): в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2: 1917 - 1922. М.: Политиздат, 1983. С.103-108.
10. Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. С. 4–5.
11. Саблин В. А. Столетие образования СССР. Начальные страницы истории // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2022. № 3(26). С.7–9.
12. Сталин И. В. Об объединении советских республик: речь на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М.: Партийное издательство, 1934. С. 96–102.
13. Сталин И. В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Доклад на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М.: Партийное издательство, 1934. С. 111–129.
14. Сталин И. В. Об уклонах в области национального вопроса. Из доклада на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М.: Партийное издательство, 1934. С. 191–198.

References

1. Decree on Peace: adopted by the II All-Russian Congress of Soviets on October 26 (November 8), 1917 in Decrees of Soviet power. Vol. I. Moscow: Gospolitizdat, 1957. P. 12-16. (In Russ.).
2. Lenin V.I. On national policy in Lenin V.I. Full composition of writings. Vol. 25. Moscow: Politizdat; 1969. P. 64-72. (In Russ.).
3. Lenin VI. The Revolutionary proletariat and the right of nations to self-determination in Lenin V.I. Full composition of writings. Vol. 27. Moscow: Politizdat; 1969. P.61-68. (In Russ.).
4. Lenin VI. On the formation of the USSR. A letter to L.B. Kamenev for members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) dated September 26, 1922 in Lenin V.I. Full composition of writings. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. P. 211-213. (In Russ.).
5. Lyubinin AB. Classical socialism and the practice of Socialism: the insurmountable complexity of apparent simplicity. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal*. 2011;1:36-61. (In Russ.).
6. Lyubinin AB. The construction of socialism in one country and the critical evolution of the socialist ideal. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal*. 2022;4:62-92. (In Russ.).

7. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party in Marx K., Engels F. Essays. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat, 1955. P. 419-459. (In Russ.).
8. Mironov VO. To the centenary of the formation of the USSR: state-legal foundations and stages of the construction of the Soviet Federation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;9:6-9. (In Russ.).
9. On the organizational issue: resolution of the VIII Congress of the RCP (b) of March 23, 1919 in CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1988): in 15 volumes / under the general editorship of A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. Vol. 2: 1917-1922. Moscow: Politizdat, 1983. P. 103-108. (In Russ.).
10. Resolution of the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies of October 26, 1917 in Lenin V.I. Full composition of writings. Vol. 35. Moscow: Politizdat, 1969. P. 4-5. (In Russ.).
11. Sablin VA. The centenary of the formation of the USSR. The initial pages of history. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;3(26):7-9. (In Russ.).
12. Stalin IV. On the unification of the Soviet republics: speech at the First Congress of Soviets of the USSR on December 30, 1922 in Stalin I.V. Marxism and the national-colonial question. Collection of selected articles and speeches. Moscow: Party Publishing House, 1934. P. 96-102. (In Russ.).
13. Stalin IV. National moments in party and state building. Report at the XII Congress of the RCP (b) on April 23, 1923 in Stalin I.V. Marxism and the national-colonial question. Collection of selected articles and speeches. Moscow: Party Publishing House, 1934. P. 111-129. (In Russ.).
14. Stalin IV. On deviations in the field of the national question. From the report at the XVI Congress of the CPSU (b) on June 27, 1930 in Marxism and the national-colonial question. Collection of selected articles and speeches. Moscow: Party Publishing House, 1934. P. 191-198. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (470. 6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Руслан Ибрагимович Плиев

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-т Калинина, Пятигорск, 357500, Российская Федерация)
Аспирант
pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу геополитического противостояния России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX в. Автором статьи выявляются основные предпосылки, ставшие поводом для исторического противоборства, формулируются стратегические интересы сторон конфликта, характеризуются экономические, политические и культурные мотивы, усилившие геополитическую конкуренцию на Северном Кавказе в рассматриваемый период. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов отечественных и зарубежных кавказоведов, сборников опубликованных документов и материалов, полученных из фондов центральных архивохранилищ Российской Федерации (АВПР И, РГАДА). В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, историко-генетический, историко-сравнительный и персонально-биографический методы.

Автором анализируются глубинные предпосылки актуализации османского фактора в эскалации событий Кавказской войны, выделяются объективные и субъективные факторы, способствовавшие закономерному столкновению интересов двух стран на Северном Кавказе как регионе, в котором рациональные экономические и геополитические мотивы двух империй были дополнены идеологическими соображениями, направленными на защиту народов, относившихся к исламской и православной цивилизациям. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на глубокие исторические корни русско-турецкого конфликта на Кавказе в XIX в., сформированные смещением баланса сил между государствами в ходе XVIII столетия, когда успешные завоевательные походы русской армии лишили Османскую империю геополитического влияния на обширных пространствах Северного

Кавказа и Северного Причерноморья. Также особое место в исследовании занимает проблема роли западных стран в эскалации конфликта между Санкт-Петербургом и Стамбулом в рассматриваемый исторический период. **Результаты.** Автором подчеркивается тот факт, что антироссийская позиция Великобритании и Франции в кавказском вопросе имела большое значение в контексте развития событий Кавказской войны. При этом проосманская политика Лондона и Парижа была продиктована реалистическими соображениями данных правительств, стремившихся за счет поощрения турецкого реваншизма сдержать экспансию России на территории, представлявшей для них стратегический интерес. С данной точки зрения Кавказская война рассматривается автором как часть «большой игры» России и Великобритании, соперничавших за лидерство на евразийском континенте.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Османская империя, ориентализм, геополитическое противостояние, великие державы, кавказский вопрос, геополитическое сдерживание, ислам, этнополитический ландшафт

Для цитирования: Плиев Р. И. Геополитическое противостояние России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века: основные причины и исторические следствия // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 105-111. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

GEOPOLITICAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE MAIN CAUSES AND HISTORICAL CONSEQUENCES

Ruslan I. Pliev

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)
Postgraduate student
pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Abstract. Introduction. The article analyzes geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the North Caucasus in the first half of the 19th century. The author identifies the main prerequisites that became the reason for the historical confrontation, formulates the strategic interests of the parties to the conflict, characterizes the economic, political and cultural motives that increased geopolitical competition in the North Caucasus during the period under review. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of texts by domestic and foreign scholars studying the Caucasus, collections of published documents and materials obtained from the funds of the central archives of the Russian Federation (AVP RI, RGADA). Retrospective, historical-genetic, historical-comparative and personal-

biographical methods were used as methods of historical and political research.

The analysis of the underlying preconditions for the actualization of the Ottoman factor in the escalation of the events of the Caucasian War is carried out. The study specifies objective and subjective factors that contributed to the natural clash of interests of the two countries in the North Caucasus as the region in which the rational economic and geopolitical motives of the two empires were supplemented by ideological considerations aimed at protecting the peoples, belonging to Islamic and Orthodox civilizations. **Analysis.** Special attention is paid to deep historical roots of the Russian-Turkish conflict in the Caucasus in the 19th century formed by a shift in the balance of power between

states during the 18th century. Successful conquests of the Russian army deprived the Ottoman Empire of geopolitical influence in the vast areas of the North Caucasus and the Northern Black Sea region. Also, a special place in the study is occupied by the problem of the role of Western countries in the escalation of the conflict between St. Petersburg and Istanbul during the historical period under review. **Results.** The author emphasizes the fact that the anti-Russian position of Great Britain and France on the Caucasian issue was of great importance in the context of the development of events of the Caucasian War. At the same time, the pro-Ottoman policy of London and Paris was dictated by realistic considerations of these countries, which sought, by encouraging Turkish revanchism, to restrain Russian expansion in territories of strategic interest to them. From this point of view, the Caucasian War is considered by the author as part of the "great game" of Russia

Введение / Introduction. Одной из главных причин обострения социально-политической, экономической и культурной напряженности на Северном Кавказе в начале XIX в. являлось уникальное геополитическое положение кавказского региона, превратившего его в арену напряженного противостояния, как между крупными региональными государствами, так и между великими державами XIX столетия.

Материалы и методы / Materials and methods. При анализе геополитической ситуации и связанных с ней политических процессов и их участников, автором использовались ретроспективный, историко-генетический, историко-сравнительный и персонально-биографический методы, позволившие обосновать точку зрения на ход и направленность разворачивавшихся событий, а также выявить их причинно-следственные связи и показать степень и характер вовлеченности каждого участника геополитического противоборства, их нацеленность на конкретные результаты.

Рассматривая Северный Кавказ в свете геополитического противостояния ведущих стран мира XIX столетия, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что центральными и наиболее активными игроками на северокавказском пространстве, использовавшими регион для сохранения или расширения своего влияния в зоне Черного и Каспийского морей, а также в Закавказье, являлись Российская и Османская империи. Каждое из двух государств имело жизненно важные интересы в регионе Северного Кавказа, от реализации которых зависели как перспективы их экономического процветания, так и их место в рамках системы международных отношений. На это с разной степенью убедительности и глубины политического анализа указывают З. Ю. Адзинова [1, с. 11], В. В. Дегоев [6, с.124], Н. А. Смирнов [15, с. 4], Л. Д. Федосеева [18, с. 15]. Исследование представленных точек зрения названных авторов, их подходов в опреде-

and Great Britain, which competed for leadership on the Eurasian continent.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Ottoman Empire, Orientalism, geopolitical confrontation, great powers, Caucasian issue, geopolitical containment, Islam, ethnopolitical landscape

For citation: Pliev R.I. Geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the North Caucasus in the first half of the XIX century: the main causes and historical consequences. *Humanities and law research*. 2024;11(1):105-111. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.10.2023.

The article was approved after reviewing: 23.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

лении места и роли Северного Кавказа в их геополитических притязаниях проводилось с учетом исторического контекста и метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, с целью получения новых знаний по рассматриваемой проблематике.

Анализ / Analysis. Автор статьи обращает внимание на то, что Российская империя имела долгую историю попыток утверждения на Северном Кавказе, а также отмечает, что укрепление российского влияния в этой части мира было направлено на достижение двух фундаментальных целей российской внешней политики на южном направлении – обеспечение стабильного выхода страны к черноморскому побережью, а также выведению христианских народов Закавказья – Грузии и Армении – из зоны влияния Османской империи. В этом позиция автора совпадает с мнением З. Ю. Адзиновой [1, с.13].

Присоединение территории Северного Кавказа к Российской империи также в значительной степени отвечало духу внешней политики Российского государства, сама логика, которого исторически носила четко выраженный экспансионистский характер. При этом убеждение в необходимости пространственного расширения России являлось единым для подавляющего большинства представителей российской элиты XIX в. – правящей семьи Романовых, военной аристократии и русского дворянства. Высшее политическое руководство Российской империи видело в территориальном расширении средство укрепления своего международного влияния, военная и дворянская аристократии приобретали в новых землях возможности для усиления феодальной эксплуатации, поскольку экстенсивный путь развития российской экономики и система крепостного права определяла ключевое значение фактора земли в системе существовавших экономических отношений [1, с. 15-16].

Не меньшее значение в начале XIX в. Северный Кавказ имел и для Османской империи

– ведущего геополитического игрока, прямую или опосредованно контролировавшего Северный Кавказ на протяжении нескольких столетий, однако вошедшего во второй половине XVIII в. в эпоху своего исторического заката. Для Османской империи, как и для России, Северный Кавказ был критически важен в силу трех основных факторов – с позиции геополитического влияния, экономического потенциала и цивилизационно-культурного значения [15, с.43].

С точки зрения расклада сил на мировой арене Северный Кавказ имел для Османской империи особое значение не только как ключевой регион, позволявший эффективно контролировать большие части черноморского и каспийского побережья, но и как фундаментально важный транзитный пункт, позволявший проецировать военную силу сразу в нескольких важных направлениях – в направлении Черного моря и Крыма, Закавказья и Переднего Ближнего Востока, Ирана и региона средней Азии [7, с.111]. Утрата контроля над Северным Кавказом означала для Османской империи не только потерю влияния над всеми перечисленными выше частями Евразии, но также и неприемлемое усиление России на этих территориях, что, учитывая исторические амбиции России по восстановлению православной Византийской империи на месте Османской империи, носило для Османской империи характер экзистенциальной угрозы.

С экономической точки зрения Османскую империю интересовали на Северном Кавказе не только его земельные и иные природные ресурсы, но и логистические возможности. Северный Кавказ в начале XIX в., как и в эпоху современную эпоху, позволял твердо контролировать все потоки товаров, направляемых через Черное и Каспийское моря, а также через Кавказ с востока на запад и обратно. На протяжении многих веков контроль над данными товарными потоками обеспечивал Османской империи, а до ее утверждения и Византии, особые экономические преференции.

Наконец, контролирование пространства Северного Кавказа носило для османского военно-политического и религиозного руководства самостоятельное культурно-историческое значение. Как Российская империя стремилась восстановить единство общехристианского пространства через присоединение Грузии и Армении, так и Османская империя, и османский султан как халиф правоверных мусульман не мог допустить ситуации усиления власти

русского императора над народами Северного Кавказа, многие из которых уже находились в орбите исламского мира [16, с.19–34].

Сложное столкновение политических, экономических и культурных интересов Российской и Османской империй в регионе Северного Кавказа в начале XIX в. обуславливало невозможность мирного распределения региона на зоны влияния двух стран, что, в свою очередь, делало перспективу военного противостояния между ними на Кавказе до полного поражения одной из сторон неизбежной [11, с.242].

Основные предпосылки для обострения конфликта между Османской и Российской империями на Северном Кавказе были заложены уже в XVIII в., когда Россия начинала предпринимать первые попытки усиления своих позиций в регионе. Данные попытки вошли в состояние острого противоречия с интересами главного регионального игрока на Кавказе – Османской империи – и контролируемого османами Крымского ханства – исторического противника России, столетиями наносившего значительный экономический ущерб и являвшегося угрозой для безопасности Российского государства. Многочисленные этнические группы на Кавказе, прежде всего, адыгские народы, вынужденным образом балансировали между двумя центрами силы, на протяжении XVIII в. все больше сдвигаясь в сторону российской геополитической орбиты [3, с.76].

Одной из важных причин поступательного укрепления влияния России на Северном Кавказе являлось наличие общей угрозы для адыгских народов Северного Кавказа и России в этот период, представленной в виде Крымского ханства, осуществлявшего многочисленные, набеги на русские, так и на кабардинские земли. Только в период первой половины XVIII века крымским ханом при поддержке Османской империи было осуществлено семи военных походов на кабардинские земли – в 1702, 1705, 1707, 1711, 1720, 1731 и 1745 гг. [12, с.126]. Ликвидация Крымской угрозы стала одной из ключевых задач как для автохтонных народов Северного Кавказа, так и для России, что создало естественные предпосылки для утверждения России на большей части северо-западного Кавказа уже к концу XVIII в. [2, л.11].

Укрепление Российской империи на пространстве Северного Кавказа, одновременно сопровождавшего упадком региональной и международного влияния самой Османской империи, стало основным трендом этнополитического развития Северного Кавказа во вто-

рой половине XVIII века. Две русско-турецкие войны екатерининской эпохи – 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. – сформировали в регионе принципиально новый баланс сил [17, с.18–24]. В результате этих процессов значительные территории северного Причерноморья и Северного Кавказа стали частью Российской империи, Крымское ханство как подчиненное османам геополитическое образование перестало существовать и на его территории была создана новая область Российской империи – Новороссия, а большое количество этнических групп на Северном Кавказе, в том числе часть адыгских и вайнахских народов, приняли Российское подданство [14, с.76].

Мощная трансформация этнополитического ландшафта на Северном Кавказе и на северном берегу Черного моря имела ряд принципиальных следствий для мировой политики и этнополитической стабильности в регионе. Во-первых, Россия окончательно превратилась в важную черноморскую державу и частично реализовала свои исторические амбиции, направленные на получение доступа к теплым морям. Занятие больших пространств на южном фронтире обеспечивало России мощный плацдарм для дальнейшего её продвижения в избранном направлении, а ослабление Османской империи вселяло надежду на присоединение большинства территорий, подконтрольных ранее туркам, в том числе и Константинополя [18, с.18]. Идеологической основой для реализации данных планов должен был стать сформированный императрицей Екатериной Второй «греческий проект» – проект воссоздания Византийской империи за счет ликвидации турецкой государственности [13, л.49].

Во-вторых, чрезмерное усиление России за счет ослабления позиций Османской империи повысило интерес великих европейских государств, прежде всего Великобритании и Франции, к региону Северного Кавказа, увидевших в нем пространство, имевшее мощный потенциал, который можно было бы использовать для сдерживания дальнейшего продвижения России в сторону Османской империи [9, с.41]. Повышение роли Кавказа и его становление в качестве площадки потенциально геополитического конфликта между великими державами также усилил культурный интерес России и европейских стран к данному региону, сформировал предпосылки для изучения Северного Кавказа российскими и западными исследователями в контексте набиравшего силу в начале XIX в. интереса к проблематике ориентализма. Таким образом, полити-

ческий интерес Запада и России к Северному Кавказу превратил его в один из новых центров развития ориентализма [19, с.113].

Наконец, исторические поражения Османской империи от России в двух последовательных войнах создали почву для усиления в Османской империи мощных антирусских настроений, что стало предпосылкой для набиравшего обороты османского реваншизма, эффективно направляемого на протяжении всего XIX в. европейскими державами для реализации собственных геополитических интересов, главный из которых заключался в ослаблении Российской империи. Данные факторы в начале XIX в. сформировали на Северном Кавказе крайне опасную военнополитическую конъюнктуру [8, с.30].

Набиравший ход событий способствовал разжиганию в регионе чрезвычайной нетерпимости к укреплению российских позиций. Готовность европейских и османских политических элит к безграничному повышению ставок в геополитическом противостоянии России на Северном Кавказе, включая такой мощный ресурс стратегии, как использование направляемого османами исламского фактора для противодействия русским, выведившего войну с ними в статус священной войны за веру. Вкупе с решимостью российской стороны утвердить свою власть на Кавказе, усилия её противников стали основой для бескомпромиссной жесткости ведения боевых действий, которая было характерна для Кавказской войны как одной из самых сложных военных кампаний, осуществленных в истории России [10, с. 456].

Жесткий характер российско-турецкого противостояния на пространстве Северного Кавказа в начале XIX в. стимулировал интенсификацию этнополитического противостояния в регионе и привел к эскалации конфликта между локальными этническими группами, не пожелавшими присоединиться к посулам, исходившим от Санкт-Петербурга [10, с. 123]. Параллельно с этим, принципиальная заинтересованность Османской империи и ее западных союзников в ограничении возможностей геополитического влияния России, стало основным фактором, приведшим к использованию османами самого широкого спектра политических, военных и культурных инструментов поддержки любых форм антироссийского движения [12, с.135].

Противостояние России и Турции стало носить как прямой, так и опосредованный характер. Стремление османов вернуть потерянные в ходе предыдущих русско-турецких войн

кавказские территории стало одним из основных мотивов начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг., однако военное поражение Османской империи в этом конфликте не позволило ей достичь поставленных целей. Положения Бухарестского мирного договора 1812 г. не только не ослабили позиции России на Кавказе, но и способствовали повышению легитимности расширения российских владений в регионе, поскольку сама Турция вынуждена была признать в итоговом мире новый региональный статус-кво [18, с.16].

Стремление османской династии вернуть контроль над Северным Кавказом, практически полностью перешедшим в сферу влияния России, обернулось многочисленными военно-политическими эксцессами, сформировавшими условия для сохранения перманентной угрозы новой военной эскалации. Так, в частности, на протяжении двух лет, с 1813 по 1815 гг., турецкая армия предпринимала множественные попытки вытеснения русских частей с территории Сухуми, отошедшего к России по итогам Бухарестского мира, что способствовало поддержанию дополнительной напряженности в регионе. Окончательная ликвидация угрозы иранского влияния на конфигурацию расстановки сил на Кавказе, достигнутая Россией в ходе русско-иранской 1826–1828 гг. и подписанного по ее итогам Туркманчайского мирного договора, также привела к усилению антирусской политики на Кавказе со стороны Османской империи и Великобритании, действовавшей в регионе посредством оказания влияния на официальный Константинополь [6, с.43].

Претензии в конце 20-х гг. XIX в. со стороны России на роль единственного агента, способного эффективно контролировать пространство Северного Кавказа, содействовало сближению мнений в Европе и Турции о необходимости противостояния России всеми возможными способами. С этого момента и на протяжении практически всего XIX в. Османская империя, вдохновляемая и поддерживаемая европейскими союзниками, использовала самые разные механизмы подрыва российской политики на Кавказе. Прежде всего, османы играли основную роль в обеспечении военно-технической, а также идеологической поддержки антирусского движения на Северном Кавказе. При прямой поддержке Османской империи Кавказская война оказалась для России мощным военно-политическим вызовом, поскольку Турция и ее западные союзники подстрекали локальные этнические группы (чеченские и да-

гестанские народности, адыгские народы – кбардинцев, черкесов, ногойцев и так далее) не только осуществлять антирусские вылазки на региональном уровне, но и поддерживали антирусское движение в период русско-иранской войны 1826–1828 гг. [11, с.240].

Принять на вооружение стратегию поощрения антирусской борьбы автохтонных народов, значительно осложнявшей процесс интеграции Северного Кавказа в общерусское цивилизационное поле, вынудило османов отсутствие достаточных средств и сил для прямого противодействия России. В силу отсутствия достаточной военной мощи османское руководство делало ставку на идеологические инструменты, содействовавшие и направлявшие противостояние под лозунгом борьбы с иноверцами, которые уже ранее были апробированы османскими властями в конце XVIII в., во время движения Шейха Мансура [5, с. 54].

Данное движение имело под собой серьезные основания, поскольку усиление российского военного присутствия на Кавказе в этот период, в том числе и строительство мощной линии русских укреплений в регионе, названную позднее Кавказской кордонной линией, естественным образом способствовало росту противоречий между интересами Российской империи и локальных горских сообществ, практиковавших набеги на русские поселения [6, с. 44-45].

Присутствие русской армии ограничивало возможности для ведения горскими народами традиционного образа жизни, привносило в жизни кавказских этносов модернизационные веяния, что вызывало рост напряженности в отношениях между народами. Однако именно турецкое идеологическое влияние в значительной степени перевело данное противостояние русских и горцев в ранг священной борьбы мусульман против иноверцев [7, с.15]. Практика продвижения Турцией идеи газавата на Северном Кавказе, использованная в рамках кейса движения Шейха Мансура, стала основным средством противостояния России на Северном Кавказе на всем протяжении Кавказской войны в XIX в.

Последствия османской поддержки антирусского движения Шейха Мансура, равно как и последовавших за ним другим близким по своим целям и методам борьбы движений, привело к серьезной трансформации этнополитической картины Северного Кавказа и имело преимущественно трагические последствия для региона [4, с.123]. Прежде всего, использование религиозных лозунгов перевело про-

тивостояние между горцами и черкесами с одной стороны, и русской имперской администрацией с другой стороны, на качественно новый уровень. Если сохранение этого конфликта на уровне войны, вызванной социально-политическими и экономическими причинами, сохраняло в себе потенциал для поиска компромиссного для сторон выхода из противостояния, то спровоцированная турками трансформация кавказской войны в столкновение двух антагонистических версий будущего Северного Кавказа – модернизации и вступления в российское цивилизационное поле или трансформации региона в новый самостоятельный центр исламского мира – не оставило воюющим сторонам шанса на компромисс и превратило Кавказскую войну в игру с нулевой суммой [9, с. 12].

Кроме того, придание боевым действиям на Северном Кавказе статуса священной войны со свойственной для нее бескомпромиссностью оказало огромное влияние на методы ведения войны обеими сторонами. Этнические группы Северного Кавказа (чеченцы, дагестанские и адыгские народности) активизировали практику набегов на русские поселения и укрепления, видя в них уже не только экономический резон, но и некую форму религиозной войны. В ответ на это русская армия также взяла на вооружение практику максимально жесткого подавления внешней угрозы, что значительно повысило степень жесткости боевых действий как с точки зрения сопутствующего экономического ущерба, так и с позиции потерь в живой силе [2, л.24].

Наконец, турецкая поддержка антирусского движения на Северном Кавказе значительно усилила продолжительность течения Кавказской войны, неожиданным следствием чего стало повышение интереса русского населения к культуре, традициям и практикам жизни местных народов. Военная необходимость в

познании образа жизни военного противника, неизбежные требования к адаптации русских к непривычным условиям местной среды, а также свойственное людям любопытство привело к своеобразной «ориентализации» русского населения Северного Кавказа. В результате этих процессов, на Северном Кавказе на протяжении XIX в. наметился поступательный процесс сближения русской и горской культур, повысилась степень взаимопонимания между народами, а ряд нравственных ценностей кавказских народов были воспеты в рамках русской классической литературы.

Результаты / Results. На основе проведенного исследования мы можем сделать однозначный вывод о том, что геополитическое противостояние России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века оказало на развитие региона значительное влияние. Высокая интенсивность боевых действий и жесткий характер военного конфликта между локальными народностями Северного Кавказа и поддерживавшей их Турции с одной стороны и Российской империи с другой стороны, привели к трагическому усилению этнополитического противостояния в регионе. Позитивным следствием данного противостояния стала интенсификация ориенталистских исследований, организованных представителями русской армии, политики и культуры. Данные процессы стимулировали рост интереса российских исследователей в самых разных областях науки и культуры – от историков, археологов и этнографов до поэтов, писателей и художников – к культурной жизни и национальной самобытности народов Северного Кавказа. Прямым следствием укрепления России в регионе стало включение его в российский цивилизационный ареал, а также привнесение тематики и эстетики Кавказа в русскую научную и литературную жизнь.

Литература

1. Адзинова З. Ю. Северо-западный Кавказ в контексте геополитических интересов противоборствующих держав в первой трети XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2017. Вып. 1. С. 11–16.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 115 Кабардинские, черкесские и другие дела. Оп. 115/1. 1766–1768 гг. Д. Б./н.
3. Архив Государственного совета. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1869. Т. I. Ч. I-II. 1106 с.
4. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Элиста: Джангар, 2002. 528 с.
5. Виноградов Б. В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII - начала XIX века. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2009. 154 с.
6. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. 367 с.
7. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб.: Типография Департамента уделов, 1872. 432 с.

8. Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007. 294 с.
9. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII - 20-е гг. XIX в. Махачкала: Алеф, 2013. 456 с.
10. Кидирниязов Д. С., Лысенко Ю. М. Влияние Турции на распространение мюридизма на Кавказе (к истории вопроса) // Исламоведение. 2014. № 1. С. 30–37.
11. Митрофанова А. И. К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX веке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2019. № 1. С. 239–243.
12. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1885. Т. 2. 634 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 13. Д. 1157.
14. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М.: Соцэкгиз, 1958. 345 с.
15. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М.: МГУ, 1946. Т. 2. 172 с.
16. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 382 с.
17. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 294 с.
18. Федосеева Л. Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 2. С. 15–18.
19. Шишков В. В. Османская Империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 6. С. 111–115.

References

1. Adzinova ZYu. Northwestern Caucasus in the context of geopolitical interests of warring powers in the first third of the 19th century. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2017;1:11-16. (In Russ.).
2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVP RI). F. 115 Kabardian, Circassian and other affairs. Inv. 115/1. 1766–1768. D. Without a number. (In Russ.).
3. Archive of the State Council. Council during the reign of Empress Catherine II (1768–1796). Saint Petersburg: Printing house of the Second branch of the Own E.I.V. office; 1869. Vol. I. Parts I-II. 1106 p. (In Russ.).
4. Akhmadov ShB. Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries. Elista: Dzhangar; 2002. 528 p. (In Russ.).
5. Vinogradov BV. Integrative projects and disintegrating factors in Russian-North Caucasian relations at the end of the 18th - beginning of the 19th century. Slavyansk-on-Kuban: IC SGPI; 2009. 154 p. (In Russ.).
6. Degoev VV. The Great Game in the Caucasus: history and modernity. Moscow: Russian Panorama; 2001. 367 p. (In Russ.).
7. Dubrovin NF. The history of war and Russian rule in the Caucasus. Saint Petersburg: Printing house of the Department of Appanages; 1872. Vol. 2. 432 p. (In Russ.).
8. Ismailov E, Papava V. Central Caucasus: history, politics, economics. Moscow: Mysl; 2007. 294 p. (In Russ.).
9. Kidirniyazov DS. Dagestan and the North Caucasus in Russian politics in the 18th – 20-s of the XIX century. Makhachkala: Aleph; 2013. 456 p. (In Russ.).
10. Kidirniyazov, DS., Lysenko YuM. The influence of Turkey on the spread of muridism in the Caucasus (on the history of the issue). *Islamovedenie*. 2014;1: 30-37. (In Russ.).
11. Mitrofanova AI. On the issue of the policy of the Ottoman Empire in the Caucasus in the 19th century. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. 2019;1:239-243. (In Russ.).
12. Potto VA. The Caucasian War in selected essays, episodes and persons. Vol. 2. St. Petersburg: Printing house R. Golike; 1885. 634 p. (In Russ.).
13. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 13. D. 1157.
14. Smirnov NA. Russian policy in the Caucasus in the 16th-19th centuries. Moscow: Sotsekiz; 1958. 345 p. (In Russ.).
15. Smirnov NA. Russia and Turkey in the XVI-XVII centuries. Moscow: MSU; 1946. Vol. 2. 172 p. (In Russ.).
16. Sotavov NA. North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century. Moscow: Nauka; 1991. 382 p. (In Russ.).
17. Taki V. Tsar and Sultan. The Ottoman Empire through the eyes of Russians. Moscow: New Literary Review; 2017. 294 p. (In Russ.).
18. Fedoseeva LD. Interests of Russia and Turkey in the North-West Caucasus in the first half of the 19th century. *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;2:15-18. (In Russ.).
19. Shishkov VV. Ottoman Empire: from conquest and integration of peripheries to attempts at modernization. *Socium i vlast'*. 2012;(6):111-115. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(560)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.12>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Эльмира Руслановна Халимбекова

Дагестанский государственный университет (д. 16, пр-т Шамиля, Махачкала, Дагестан, 367026, Российская Федерация)

Преподаватель

elmira_khalimbekova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7603-9317>

Аннотация. Введение. Тема развития сельского хозяйства в Османской империи в значительной мере не нашла широкого отражения в отечественной и отчасти в зарубежной историографии. В большинстве работ уделяется внимание развитию аграрного сектора у народов Балканского полуострова, как проявления нарастающих кризисных явлений в экономике Османской империи. В XIX в. происходит включение сельского хозяйства империи в мировые экономические связи и медленное развитие модернизационных процессов. В данной статье предпринимается попытка анализа основных тенденций и противоречий развития аграрного сектора и роли его отдельных секторов в народном хозяйстве Османской империи. **Материалы и методы.** Основными историческими источниками изучения проблемы являются донесения дипломатов, работавших в Османской империи и труды современников (экономистов и публицистов), стремившихся оценить перспективы развития экономики Османской империи. В теоретико-методологическом плане исследование строится на основе использования принципов экономической истории, предполагающей изучение народного хозяйства под воздействием определенных общественных и государственных институтов. В свою очередь, экономические институты во многом закладывают основы внутривнутриполитического и внешнеполитического развития страны. **Анализ.** Сельское хозяйство Османской империи в значительной степени находилось под воздействием патриархальных форм организации производства и распределения доходов.

Однако нарастающая включенность аграрного сектора империи в мировые экономические связи вносит коррективы в развитие его отдельных секторов и способствует росту товарного производства. Расширение экспорта продукции, строительство железных дорог, проникновение новых технологий приводят к первым позитивным прорывам в аграрном секторе страны. **Результаты.** Мировой экономический кризис в последней трети XIX в. и господство докапиталистических форм хозяйствования существенно тормозили развитие сельского хозяйства Османской империи. В то же время, появление новых технологий и форм организации производства самым позитивным образом сказывалось на состоянии дел в аграрном секторе империи.

Ключевые слова: Османская империя, Анатолия, мировой экономический кризис, сельское хозяйство, капитализм, традиционализм

Для цитирования: Халимбекова Э. Р. Основные тенденции развития сельского хозяйства Османской империи в последней трети XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 112–120. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.01.2024.

Research article

MAJOR TRENDS IN AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE LATE THIRD OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Elmira R. Khalimbekova

Dagestan State University (16, Shamil Avenue, Makhachkala, 367026, Dagestan, Russian Federation)

Lecturer

elmira_khalimbekova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7603-9317>

Abstract. Introduction. The issue of agricultural development in the Ottoman Empire has not been widely reflected in domestic and partly in foreign historiography. Most of the studies focus on the development of the agrarian sector in the peoples of the Balkan Peninsula as a manifestation of the growing crisis phenomena in the economy of the Ottoman Empire. At the same time, the 19th century was marked by the inclusion of the empire agriculture in global economic relations and slow development of modernization processes. The article attempts to analyze the main trends and contradictions in the development of the agrarian sector and the role of its individual sectors in the national economy of the Ottoman Empire. **Materials and Methods.** The main historical sources for the study of the problem are the reports of diplomats working in the Ottoman Empire and the works of contemporaries, economists and publicists who sought to assess the prospects of economic development of the Ottoman Empire. In theoretical and methodological terms, the study is based on the principles of economic history, which implies the study of the national economy under the influence of certain social and state institutions. In its turn, economic institutions in many respects lay the

foundations for the domestic and foreign policy development of the country. **Analysis.** Ottoman agriculture was largely under the influence of patriarchal forms of production organization and income distribution. However, the growing inclusion of the empire's agrarian sector in global economic relations made adjustments in the development of its individual sectors and favoured the growth of commodity production. The expansion of exports, construction of railways, penetration of new technologies lead to the first positive breakthroughs in the agrarian sector of the country. **Results.** The world economic crisis in the last third of the 19th century and the dominance of pre-capitalist forms of economic management significantly hampered the development of agriculture in the Ottoman Empire. At the same time, the emergence of new technologies and forms of production organization had a positive impact on the situation in the agricultural sector of the empire.

Keywords: Ottoman Empire, Anatolia, world economic crisis, agriculture, capitalism, traditionalism

For citation: Khalimbekova ER. Major trends in agricultural development of the Ottoman Empire in the late third of the 19th – early

20th centuries. *Humanities and law research*. 2024;11(1):112-120. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.10.2023.

The article was approved after reviewing: 21.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.01.2024.

Введение / Introduction. Османская империя по преимуществу оставалась аграрным государством. Около 85 % населения страны в той или иной мере было связано с сельским хозяйством [8, с. 43]. В некоторых регионах этот процент был ниже/выше. В начале XX в. почти 59% ВВП Анатолии приходилось на сельское хозяйство [16, р. 302–303]. Кстати, Анатолия давала 55% валового производства сельского хозяйства империи и 48% ее ВВП. По данным на начало XX в. в вилайетах Алеппо, Дамаск, Бейрут и в Ливане на сельское хозяйство приходилось около 700 млн. франков валового регионально продукта (всего он составлял 882 млн. франков), на транспорт и туризм 55 млн. франков, на перечисление денег из-за границы эмигрантами 50 млн. франков, на промышленность и ремесло по 30 млн. франков, 10 млн. на рыболовство, 5 млн. франков на лесное хозяйство и 2 млн. франков на горнодобывающую промышленность [10, с. 25-26]. Правда, в данной статистике отсутствуют сведения о торговле, занимавшей видное место в экономике страны. Данный пример, показывает важнейшую роль сельского хозяйства в народном хозяйстве не только Сирии, но и Османской империи в целом.

После Первой мировой войны, в 1920-1921 гг. проводится перепись населения, показавшая, что в земледелии было занято 62% жителей Сирии, а в животноводстве 12% [9, с. 106]. В Албании около 90% населения занималось сельским хозяйством [11, с. 34]. Часть горожан, проживавших в небольших городах, и имевших плодородные земли охотно развивало земледелие, в частности в Македонии [12, с. 37-38]. В качестве примера можно привести г. Кукуше в Южном Македонии. Летом в городе закрывались ремесленные мастерские, лавки и кафе, а горожане уходили на уборку мака, табака, кунжута и зерновых культур.

В тоже время, несмотря на некоторые положительные сдвиги в сельском хозяйстве страны, его производительность оставалась на низком уровне. В 1912-1913 гг. производство на душу населения в империи составляло 273 лиры, для сравнения в США этот показатель достигает 1509 лиры, а во Франции 939 лир [6, с. 23].

Технологии и методы ведения хозяйства оставались на низком уровне, что негативно сказывалось на производительности труда,

объемах и качестве продукции. Ветеринария, агрономия, селекционная работа находились в зачаточном состоянии. Отсутствие хорошей транспортной инфраструктуры, системы орошения, доступного кредита, а самое главное необходимых рынков сбыта мешало развитию сельского хозяйства страны. Многие крестьяне вели натуральный или полунатуральный тип хозяйства.

Материалы и методы / Materials and methods. В процессе подготовки статьи автор в качестве источников использовал донесения дипломатов и труда экономистов рубежа XIX-XX вв. Работа выполнена на основе использования принципов «исторической экономики», основанной на междисциплинарных подходах. «Историческая экономика» предполагает изучение развития разнообразных факторов, формирующих экономическую систему (модель).

Анализ / Analysis. Различные отрасли сельского хозяйства вносили неодинаковый вклад в формирование регионального продукта. Из 700 млн. франков валовой продукции аграрного сектора Османской империи вначале XX в., 450 млн. франков приходится на производство зерновых культур, овощеводство, выращивание корнеплодов и бобовых культур. Виноградарство давало 35 млн. франков, оливковые плантации 30 млн. франков, шелководство 25 млн. франков, производство цитрусовых 15 млн. франков. На производство технических культур (хлопок, табак, анис, конопля, укроп, тмин) приходилось 10 млн. франков. Продукция животноводства составляла 105 млн. франков [10, с. 24].

В начале XX в. в Османской империи около 80% сельскохозяйственных угодий находилось под посевами зерновых культур, 7% под овощными культурами и 4% угодий занимали сады [17, р. 69-81]. Основной трудовой единицей в сельской местности империи являлась крестьянская семья, как правило, имевшая пару волов для обработки земли и простейшие сельскохозяйственные орудия.

Структура и особенности сельского хозяйства определяли образ жизни населения страны. Фактор внутреннего потребления продукции сельского хозяйства постепенно возрастал и сказывался на объемах производства во многих его секторах. В середине XIX в. основными продуктами питания, как жителей горо-

дов, так и сельской местности, являлись фасоль, ячмень (мука), рожь (мука), чечевица, нут, оливковое масло, дешевые инжир и изюм. Все эти виды продовольствия не шли на экспорт, поэтому они имели стабильные цены, доступные большинству жителей страны. В городах 75-80% семейного бюджета уходило на продукты питания [19, р. 28].

В большинстве вилайетов Османской империи продолжали существовать доиндустриальные формы землевладения. В результате в стране 65,5% сельскохозяйственных угодий находилось в руках 5% крупных землевладельцев, в том числе чиновников. Почти 8% крестьян не имело собственной земли [5, с. 419]. Особенно сложная ситуация складывалась в регионах, где проживали национальные меньшинства, в том числе на Балканах. В Месопотамии существовала специфическая система землевладения. Около 30% угодий принадлежало непосредственно султану, 30% государству, 20% являлось вакуфными землями и только 20% находилось в частной собственности [1, с. 11-12].

Во многих регионах страны сохраняются традиционные формы выстраивания отношений между крестьянами и землевладельцами. Последние, как правило, сдавали крестьянам землю в аренду, за это крестьяне отдавали им часть урожая. Землевладельцы, зачастую получали до 400% прибыли [9, с. 106]. Острая нехватка земли заставляла крестьян соглашаться на кабальные условия ее аренды. Так, в Месопотамии землевладельцы стремились получить от крестьян (феллахов) до половины урожая. Если феллах самостоятельно выплачивал государству десятину, то в таком случае землевладелец получал 20-25% урожая. Наемный труд использовался довольно редко и оплачивался частью урожая. В Месопотамии только рабочие, трудившиеся на плантациях, орошаемых с помощью водяного колеса, получали в начале XX в. фиксированную заработную плату в 60 руб. в год [1, с. 14].

Переход к наследственному владению земли помещиками становится одной из проблем для крестьян. В плодородных районах Македонии основой экономической жизни становится чифтлик. Помещиками-землевладельцами, главным образом, были мусульмане, а зависимыми крестьянами христианское население. Размер чифтлика колебался от 25 до 500 га. В чифтлики входило 20-25% всех сельскохозяйственных угодий Македонии. Они в основном располагались в районах компактного проживания христиан, у дорог и больших

городов, что обеспечивало быстрый сбыт продукции. В мусульманских районах чифтлики отсутствовали [12, с. 39].

В Косовском вилайете система землевладения, как и во многих регионах страны, также имела этнорелигиозную окраску. Крупными землевладельцами, в основном, выступали турецкие и албанские аги. Крестьяне-православные сербы становились арендаторами (чивчиями). Некоторые из арендаторов использовали эту землю на протяжении веков, но они не могли стать ее собственниками. В качестве арендной платы они отдавали землевладельцам от 33% до 50% урожая, в зависимости от того, использовали они собственный скот и семена или аги [13, с. 36]. Чтобы не дробить земельный участок арендаторы предпочитали жить большой семьей (30-40 чел.). После выплаты всех платежей и налогов, семья получала доход в 12-20 лир [13, с. 36]. Этого было недостаточно для жизни. Поэтому зимой после завершения основных сельскохозяйственных работ часть мужчин уходила на заработки в Румелию (в основном в качестве каменщиков) или в другие регионы Косово, в том числе в албанские села, где они занимались ремеслом, включая производство одежды.

В Албании также процветали кабальные формы землевладения. Большая часть земель концентрируется в руках помещиков (беев) и богатых землевладельцев (ага). Это, как правило, были самые плодородные земли, расположенные на равнине и в долинах рек. Безземельные крестьяне (чифчи) должны были на жестких условиях арендовать землю. За аренду они отдавали от трети до половины урожая. В Албании в начале XX в. устанавливается еще одна форма арендной платы (кесим), когда крестьяне выплачивали аренду деньгами или продуктами в зависимости от качества земли [11, с. 34-35]. Постепенно кесим становится основным видом арендной платы. В неурожайные годы крестьяне накапливали недоимки, попадая еще в большую зависимость от землевладельцев. Крестьянское землевладение преобладало только в труднодоступных горных районах Албании. Крупным земельным собственником на Балканах выступала христианская церковь, наряду с мусульманскими организациями и семьей султана.

Политический и правовой хаос в империи приводил к необычным видам повинностей. В сербских селах Косовского вилайета местные албанские банды ставили дередюджи (смотрящего), который за охрану села собирал

от 1 до 2 лир со двора. В некоторых ситуациях они получали неограниченную власть, когда местные жители не могли без его согласия даже вступать в брак, не заплатив за это дополнительную мзду. Они могли привлекать селян на выполнение различных работ и облагать их дополнительными поборами. Законы Османской империи запрещали такие взаимоотношения и находились на стороне сербского населения, но империя не могла добиться исполнения закона. Только в 1903 г., с помощью привлечения значительных сил армии и жандармерии порядок в Косовском вилайете был установлен и с «арнаутским рэкeтoм» временно было покончено, хотя через некоторое время, по свидетельству российских дипломатов, вновь стали проявляться попытки возродить традиционный рэкeт в сербских селах [13, с. 37].

В качестве крупных земельных собственников нередко выступают горожане. В Дамаском вилайете около 60% земли принадлежало данной категории лиц, 15% средним собственникам и 15% крестьянам [10, с. 62]. В районе г.Хама всей землей владели пять семей, которые жили за счет сдачи ее в аренду. Земли около городов принадлежали горожанам крупным землевладельцам и здесь фиксировались высокие размеры арендной платы. В среднем она составляла 20% урожая, но могла доходить до 50%, если крестьянин занимал семена у землевладельца. Кроме этого, они выплачивали земельный налог. Горожане охотно покупали землю, так как это являлось выгодной формой вложения капитала.

Многие крупные землевладельцы таковыми стали относительно недавно. По законам Османской империи, если земля три года не обрабатывалась, то она переходила в руки государства, а затем продавалась относительно по низкой цене (в Сирии – то 11-55 франков за 1 га). Земля, в большинстве случаев, скупалась крупными собственниками. Городская элита редко вела самостоятельное хозяйство, предпочитая сдавать землю в аренду крестьянам.

Лучшим являлось положение крестьян, трудившихся на государственных землях. Они платили арендную плату в 20% и не выплачивали земельный налог. В частности, такие земли занимали долину р.Иордан и окрестности Алеппо. В Сирии одно крестьянское хозяйство данного типа имело земли из расчета обработки ее одной парой валов (от 9 га до 23 га).

Во многих регионах страны сохранялась общинная собственность на землю (Сирия, Месопотамия, некоторые районы Балкан и

др.). Через каждые два года община проводила земельный передел. То есть крестьянин терял свой участок и получал в пользование другой участок земли. Поэтому он не был заинтересован в улучшении качества земли, тем более в серьезных финансовых вливаниях для этих целей. Более того, система земельных переделов мешала развитию таких отраслей как садоводство и виноградарство. В лучшем случае крестьяне могли посадить фруктовые деревья и виноград в своем дворе, как это они и делали. Правительство стремилось бороться с этой системой, пытаясь закрепить землю за отдельной крестьянской семьей, создавая экономические и административные льготы для тех, кто вступал на путь отказа от общественной собственности. Необходимо подчеркнуть, что реформа шла с большими проблемами. Во многих районах страны, например в Сирии накануне Первой мировой войны она даже не началась. Здесь можно провести некоторые параллели с аграрными преобразованиями П.А. Столыпина.

Налоговые сборы становятся большой проблемой для крестьян страны. Крестьянские хозяйства теряли в результате уплаты налогов и поборов посредников значительную часть средств, столь необходимых для модернизации/расширения хозяйства и увеличения собственной покупательной способности. Многие крестьяне в любой момент могли потерять землю, поэтому они мало следили за ее состоянием. Данный фактор тормозил развитие виноградарства и садоводства. На протяжении многих километров на восточном берегу р.Иордан невозможно было найти садов и виноградников, хотя там имелись все условия для развития данных отраслей сельского хозяйства [10, с. 34].

Крестьяне не имели возможность получить ипотечный кредит под гарантии их имущества. Данный фактор серьезно тормозил развитие сельского хозяйства страны. Только в феврале 1913 г. в Османской империи издается временный закон, разрешающий данный вид кредитования. Этой деятельностью в империи занялся французский «Banque Agricole», так в Сирии банк имел отделения в Бейруте, Алеппо и Дамаске. В 1913 г. они выдали 70647 ссуд на 58,7 млн. франков [10, с. 100]. В среднем размер ипотечного кредита составлял 300 франков, то есть к услугам банков прибегали мелкие собственники. В случае невозможности погашения кредита, земля переводилась на баланс банка, и он ожидал погашения кредита. Только когда должник терял любую надежду

на погашение кредита, банк продавал землю с аукциона. В 1913 г. в Сирии из 45 тыс. должников только в 1453 случаев их собственники потеряли землю.

Большой проблемой для сельского хозяйства в ряде районов страны являлась нехватка рабочих рук, особенно в Анатолии. Войны, эпидемии, разорение крестьянских хозяйств вели к запустению многих районов страны [18, р. 183]. В результате в Трабзонском вилайете в сельскохозяйственном обороте находилось только 52,4% пригодных для этого земель, в Ангорском вилайете 43,9%, в Айдынском вилайете 41,1%, в Аданском вилайете 27%. В Западной Армении ситуация выглядела еще хуже. Так, в Ванском вилайете использовалось всего 3,4% сельскохозяйственных угодий [8, с. 34]. По данным послевоенной статистики (1920-1921 гг.) в Сирии обрабатывалось только 28% пригодных земель. В действительно количество, используемой земли в сельскохозяйственных целях было несколько выше, так как официальная статистика, зачастую, не учитывала земли, находившиеся под парами и естественные пастбища. Но в любом случае данная проблема стояла довольно остро. Правительство стремилось решить ее с помощью расселения в пустующих районах мухаджиров из Крымского ханства, Балкан и Кавказа. Однако до самого краха Османской империи эту проблему не удалось решить в полной мере.

В Западной Анатолии возникает проблема другого плана. В условиях переизбытка рабочей силы, крестьяне-арендаторы были готовы работать на любых условиях, в том числе получая за свой труд значительно меньше ресурсов. Данный факт тормозил внедрение капиталистических принципов ведения хозяйства и применение сельскохозяйственной техники. Поэтому первоначальный интерес крупных землевладельцев к ее использованию в значительной степени пропадает [15, р. 73].

Большой проблемой для развития сельского хозяйства страны являлось отсутствие хорошей транспортной инфраструктуры, особенно железных дорог. Их появление, как правило, в два раза повышало производство сельскохозяйственной продукции, и доходы производителей. В районах, удаленных от железной дороги, продукция стоила довольно дешево, так как ее было трудно сбыть и довести до потребителей. В районах близких к железной дороге цены на продукцию постоянно росли, ибо ее можно было быстро и дешево довести до потребителя. Более того, железные

дороги повышали мобильность рабочей силы, в том числе в деле ликвидации ее дефицита [15, р. 74]. В случае отсутствия железных дорог в более выгодном положении оказывались приморские регионы, где для транспортировки продукции можно было задействовать ресурс морских судов.

Правительство понимало необходимость принятия серьезных мер по улучшению ситуации в аграрном секторе страны. Через «Сельскохозяйственный банк» крестьяне получили возможность взять кредиты на выгодных условиях. В 1892 г. по инициативе правительства в Стамбуле создается «Халкалийская сельскохозяйственная школа». После чего такого рода учебные заведения начинают создаваться в крупных городских центрах империи, в том числе в Бурсе и Салониках. Создавались образцовые хозяйства в Анатолии и арабских вилайетах, где крестьяне могли ознакомиться с современными методами ведения хозяйства [22, р. 230-232].

В ряде регионов страны возникают оптовые склады по продаже крестьянам сельскохозяйственной техники, в том числе в Бейруте, Алеппо, Дамаске. Земледельцы знакомились с техникой и при необходимости могли ее приобрести по себестоимости или с рассрочкой платежа. В провинции создаются сельскохозяйственные общества. Одним из таких становится «Сирийское сельскохозяйственное общество». Основными задачами его деятельности являлись привитие населению передовых навыков ведения сельского хозяйства, в том числе проводя селекционную работу, борьбу с эпидемиями, расширяя систему орошения, строя хлебные склады, создавая благоприятные условия для перевозки фруктов и овощей, содействуя развитию кредита и частной собственности на землю [21, р. 451-453].

Состояние дел в сельском хозяйстве Османской империи зависело и от положения дел на мировых рынках. С 1873 по 1894 гг. производство пшеницы в США увеличилось в 3,5 раза, большая ее часть хлынула на мировой рынок, приведя к обвалу цен примерно на 60%, от которого пострадали европейские экспортеры, Россия и Османская империя. На протяжении XIX в. Османская империя наращивала экспорт зерновых культур, особенно пшеницы. На зерновые культуры приходилось около 90% всех пахотных земель и примерно 25% налоговых поступлений [21, р. 451-453]. Данный факт вел к росту доходности сельского хозяйства и увеличению налоговых сборов. Мировой аграрный кризис последней трети XIX

в. негативно сказался на положении дел в сельском хозяйстве страны, способствуя разорению крестьянских хозяйств и сокращению налоговых поступлений.

Земледелие в Османской империи сильно зависело от природно-климатических катаклизмов, в том числе засух, морозов, града. Настоящим бедствием для восточных районов империи становятся нашествия саранчи (итальянской и суданской). В 1910 г. правительство выделяет 450 тыс. франков на борьбу с саранчой, что дает определенные успехи [10, с. 33]. Случались в империи и совсем экзотические происшествия. Так, зимой 1910/1011 гг. на значительной части восточных владений страны выпал снег.

Житницей Османской империи являлись Македония и азиатские вилайеты страны, где под зерновыми культурами были заняты значительные площади сельскохозяйственных угодий. Анатолийское зерно имело высокое качество и пользовалось большим спросом в стране и за ее пределами [4, с. 12]. В частности, одним из центров производства зерновых культур в Анатолии становится Конийский вилайет. Он поставлял зерно в Стамбул, Сирию,

острова Эгейского моря и Смирну для последующего экспорта. Зерновые культуры из Анатолии через порт Самсун шли в Грецию, Великобританию, Францию, Австро-Венгрию, Болгарию и Румынии. Конечно, патриархальные методы ведения хозяйства, не позволяли земледельцам Анатолии в полной мере использовать благоприятные условия для выращивания зерновых культур. При улучшении агрокультуры местного населения, строительства железных дорог и пригодных морских портов, она могла не только обеспечить зерновыми культурами Османскую империю, но и стать крупным экспортером.

В отличие от Анатолии и Сирии в Македонии климат отличался в лучшую сторону, поэтому здесь отмечались высокие урожаи зерновых и других культур. Самая высокая урожайность зерновых культур в азиатских владениях империи фиксировалась в Багдадском вилайете, затем шли Халебский (Алеппо), Ванский, Кастуманский вилайеты. По валовому сбору лидировали Дамасский, Сивасский, Ангорский и Халебский вилайеты.

Таблица 1 / Table 1

Ситуация в земледелии Османской империи в 1909 г. [22, с. 234] /
The situation in agriculture in the Ottoman Empire in 1909. [22, p. 234]

Сельскохозяйственная культура	Рыночная цена (млн. курушей)	Валовый сбор (млн. тонн)	Площадь посевов (млн. акров)
зерновые культуры	5,500	14,0	1190000
оливки	202,9	6,55	701766
шелк	198,1	-	-
орехи	144,5	7,23	741365
хлопок и мак	109,6	4,12	991287
фрукты и овощи	81,6	12,41	130000
виноград	50,2	6,68	743882
табак	-	3,37	119068

В 1913 г. валовое производство в земледелии составило 5 млрд. 310 млн. курушей, что оказалось ниже показателей 1909 г. Здесь объективную роль сыграла потеря Османской империей территорий во время Балканских войн и прежде всего Македонии и Албании. Однако турецкие ученые полагают, что реальный объем валового производства в земледелии составил 6 млрд. 903 млн. курушей [14, р. 99]. К этому следует добавить 882 млн. курушей производства продукции садоводства и 1 млрд. 534 млн. курушей других видов продукции [14, р. 100].

Важную роль в экономике Османской империи играло животноводство, получившее распространение практически по всей территории страны. В 1913 г. в империи производит-

ся мяса на 3 млрд. 856 млн. курушей [14, р. 100]. По оценкам современных турецких ученых в год в Османской империи потребление баранины составляло 51,2 кг. на одного жителя [20, р. 217-235]. Это довольно высокий показатель для начала XX в. Каждая этнорелигиозная группа населения страны имела свои предпочтения в потреблении мяса. Христиане Месопотамии в основном употребляли говядину, она стоила в регионе в среднем 6 коп. за фунт, мусульмане, главным образом, потребляли баранину, но она стоила дороже в среднем 8 коп. за фунт. Бедные слои городского населения употребляли мясо буйволов, стоившее от 2 до 4 коп. за фунт.

Животноводство не требовало значительных трудозатрат в сравнении с растениевод-

ством. Единственным условием являлось наличие пригодных пастбищ. Особенно животноводство получает распространение среди кочевников, проживавших в Западной Армении и в арабских вилайетах. На первом месте по численности поголовья находился мелкий рогатый скот (овцы и козы). В стране разводились козы нескольких пород. Самыми ценными являлись ангорские козы, изначально, выращиваемые в Малой Азии. Однако со временем они появляются и в других регионах страны. На втором месте находилось поголовье крупного рогатого скота (коровы, буйволы). В христианских регионах также получает развитие свиноводство, а в арабских вилайетах выращивание верблюдов. Верблюды в Османской империи использовались только в качестве вьючного животного, в отличие от Египта и Аравии, где их выращивали и для получения мяса. Верблюдов выращивали бедуины, продавая их в другие регионы империи. Важное место в экономике империи занимали ослы и муллы. Они использовались в качестве вьючных животных, иногда в бедных крестьянских семьях их запрягали в плуг для распашки земли. Постепенно в империи набирает силу птицеводство и коневодство. Животноводы получали в удачные годы значительный доход, особенно овцеводы. В частности, одна овца в 1913 г. стоила 74 куруша. Что являлось хорошей ценой [14, р. 100]. Большой доход овцеводам приносила продажа шерсти. Овец, как правило, стригли один раз в год в апреле-мае, в среднем с одной овцы получали 3 кг. шерсти [10, с. 57].

Численность скота в Османской империи трудно достоверно установить, так как местные жители и особенно кочевники, стремились скрыть истинную численность скота, чтобы платить государству меньше налогов [2, с. 6-7]. Поэтому использование статистических сборников Османской империи в этом отношении не позволяет определить реальное положение дел в отрасли.

В Османской империи практически не занимались селекционной работой. В результате производительность местного скота оставалась низкой. В Косовском вилайете корова давала в день всего 400-800 гр. молока [13, с. 36]. В результате мясо и молочная продукция стоили дорого и были недоступны значительной части населения региона. Такая же ситуация складывается и в других районах страны. В Сирии коровы дамасской породы давали 3000-4000 литров молока в год, но их мясо не отличалось качеством. Ливанская (бейрутская)

порода давала меньше молока, но зато больше мяса и хорошего качества. Попытки скрещивания данных пород в начале XX в. дали неплохие результаты. В засушливых регионах коровы не давали более 700-800 литров молока в год. Породистых лошадей в империи было немного, и селекционной работой в этом направлении практически никто не занимался. В результате, даже у бедуинов качество лошадей резко снижается.

Еще одной проблемой для животноводства являлись эпидемии, от которых, особенно страдал крупный рогатый скот. Кроме сокращения поголовья, эпидемии порождали страх у многих животноводов, и они отказывались от расширения поголовья скота, боясь его потерять от эпидемий. В Османской империи на рубеже XIX-XX вв. борьба с эпидемиями делаются только первые шаги. Во многих регионах, в том числе экономических развитых, такого рода мероприятия не проводились.

В начале XX в. правительство предпринимает меры, направленные на улучшение положения дел в животноводстве. В Алеппо создается государственный конезавод для улучшения пород лошадей, имевшихся у животноводов. В 1913 г. впервые в Сирии проводятся скачки. Они становятся одним из методов популяризации коневодства. В Алеппо создается ветеринарный пункт, где бесплатно прививали домашних животных от сибирской язвы и других заболеваний [10, с. 110].

В начале XX в. в сельском хозяйстве происходят позитивные изменения, связанные с развитием капиталистических отношений. Первоначально они зарождаются в европейских владениях страны, где формируются крупные капиталистические хозяйства, использующие труд наемных рабочих и сельскохозяйственную технику. Эти хозяйства имели высокий уровень производительности труда и товарности. Позже такого рода хозяйства начинают появляться в Анатолии. Ведущим регионом развития капиталистических отношений в регионе становится Аданский вилайет. На обработке хлопка в провинции ежегодно в течение 3-4 месяцев трудилось 12-15 тыс. чел. сезонных рабочих [3, с. 64, 70].

Результаты / Results. В последней трети XIX – начале XX вв. на развитие сельского хозяйства Османской империи по-прежнему оказывали существенное влияние наличие пережитков османского варианта феодализма и патриархальных форм хозяйствования. Низкий уровень включенности многих регионов в товарно-денежные отношения снижал уровень

производительности в аграрном секторе страны. Наибольших успехов в развитии достигли отрасли сельского хозяйства, ориентированные на экспорт и удовлетворение растущего спроса городского населения империи и промышленного производства. Мировой экономический кризис и депрессия в конце XIX в. привели к большим потерям в данном секторе народного хозяйства. На рубеже XIX – XX вв. важным фактором, оказывающим положительное влияние на развитие сельского хозяйства, становится строительство железных до-

рог. С их появлением растут объемы производства, товарности хозяйств и повышается уровень благосостояния населения в сельской местности. Однако, капиталистические методы ведения хозяйства в империи очень медленно пробивают себе дорогу, что негативно сказывается на общем положении дел в аграрном производстве. Сельское хозяйство Османской империи нуждалось в модернизации, что невозможно было осуществить без дифференциации производства и увеличения внутреннего потребления.

Литература

1. Адамов А. Земледелие в Арабском Ираке (Донесение консула в Бассоре) // Сборник консульских донесений за 1905. Вып. I. СПб.: Товарищество художественной печати, 1905. С. 3–16.
2. Адамов А. Торговля кожами и шкурами в Месопотамии. Донесение консула в Басре // Сборник консульских донесений за 1904. Вып. I. СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. С. 3–29.
3. Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1977. 313 с.
4. Калантар А. А. Экономические перспективы Восточной Анатолии: (Сообщение, сделанное на заседании общего собрания. Кавказского отделения Императорского Русского географического общества 22 мая 1913 г. под председательством сенатора Э. Ватаци. Тифлис: Типография «Эпоха», 1913. 54 с.
5. Киреев Н. Г. История Турции XX век. М.: Крафт+ИВ РАН, 2007. 608 с.
6. Крюкова А. А. Левчук А. П. Экономическое положение Османской империи накануне Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 121–126.
7. Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории // Экономическая история. 2005. № 1. С. 3-5.
8. Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.: Наука, 1937. 270 с.
9. Ранчинский В. П. Экономические положение Сирии накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 106.
10. Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг.: Кадима, 1919. 376 с.
11. Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 431 с.
12. Струкова К. Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50-70-е гг. XIX в. М.: ИСИБ РАН, 2004. 203 с.
13. Тухолка С. Призренский и Ипекский санджаки. Донесение вице-консула в Призрене // Сборник консульских донесений за 1905. Вып. I. СПб., 1905. С. 34–41.
14. Bulat M., Altay B. The Ottoman Economy (1870-1913): Preliminary Second-Generation Estimates // Turkish Journal of Islamic Economics. 2021. № 8. P. 95–118.
15. Duranoglu E., Okutucu G. Economic Reasons Behind the Decline of the Ottoman Empire. Bergen: Fall. 2009. 93 p.
16. Elkem V. Osmanli Imparatorlugu'nun Iktisadi Sartlari Hakkinda Bir Tetkik. Ankara: Turk Tarih Kurumu Yayinlari, 1970. 258 p.
17. Pamuk Ş. The Ottoman Empire and European Capitalism, 1820–1913: Trade, Investment and Production. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 278 p.
18. Pamuk S. 100 Soruda Osmanli-Turkiye Iktisadi Tarihi 1500-1914. Istanbul: Gercek Yayınevi, 1987. 240 p. [Памук С. Османско-турецкая экономическая история 1500-1914 гг. в 100 вопросах. Стамбул: Издательство Gercek Yayınevi, 1987. 240 с.].
19. Pamuk S. 500 Years of Prices and Wages in Istanbul and Other Cities. Ankara: State Institute of Statistics, 2001. 209 p.
20. Pamuk Ş., Zanden, J.L. Standards of living // Cambridge Modern Economic History of Europe, 1700 to 1870. S. Broadberry, K. O'Rourke (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 217–235.
21. Shaw S. The Nineteenth-Century Ottoman Tax Reforms and Revenue System // International Journal of Middle East Studies. 1975. No. 6. P. 451–453.
22. Shaw S., Shaw K.E. History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 548 p.

References

1. Adamov A. Agriculture in Arab Iraq (Report of the Consul in Bassor) in Collection of consular reports for 1905. Vol. I. St. Petersburg: Association of Artistic Printing; 1905. P. 3-16. (In Russ.).
2. Adamov A. Trade in leather and skins in Mesopotamia. Report of the consul in Basra in Collection of consular reports for 1904. Issue I. St. Petersburg: Art Printing Association; 1904. P. 3-29. (In Russ.).

3. Incikyan OG. The bourgeoisie of the Ottoman Empire. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1977. 313 p. (In Russ.).
4. Kalantar AA. Economic prospects of Eastern Anatolia: (A message made at a meeting of the general meeting. The Caucasian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. The Society was founded on May 22, 1913, under the chairmanship of Senator E. Watatsi. Tiflis: Epoch; 1913. 54 p. (In Russ.).
5. Kireev NG. History of Turkey XX century. Moscow: Kraft+Yvesran; 2007. 608 p. (In Russ.).
6. Kryukova AA. Levchuk AP. The economic situation of the Ottoman Empire on the eve of the First World War. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;1:121-126. (In Russ.).
7. Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Problems of Russian and World Economic History. *Economicheskaya istoria*. 2005;1:3-5. (In Russ.).
8. Novichev AD. Essays on the economy of Turkey before the World War. Moscow: Nauka; 1937. 270 p. (In Russ.).
9. Ranchinsky VP. The economic situation of Syria on the eve and during the First World War. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;1:106. (In Russ.).
10. Ruppin A. Modern Syria and Palestine. Petrofrad: Kadima; 1919. 376 p. (In Russ.).
11. Smirnova ND. The history of Albania in the twentieth century. Moscow: Nauka, 2003. 431 p. (In Russ.).
12. Strukova KL. Socio-political development of Macedonia in the 50-70s of the XIX century. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of RAS; 2004. 203 p.
13. Tukholka S. Prizrensky and Ipeksky sanjaks. The report of the Vice-consul in Prizren in Collection of consular reports for 1905. Issue I. St. Petersburg; 1905. P. 34-41.
14. Bulat M, Altay B. The Ottoman Economy (1870-1913): Preliminary Second-Generation Estimates. *Turkish Journal of Islamic Economics*. 2021;8:95-118.
15. Duranoglu E, Okutucu G. Economic Reasons Behind the Decline of the Ottoman Empire. Bergen: Fall; 2009. 93 p.
16. Elkem V. Osmanli Imparatorlugu'nun Iktisadi Sartlari Hakkinda Bir Tetkik. Ankara: Turk Tarih Kurumu Yayinlari; 1970. 258 p.
17. Pamuk Ş. The Ottoman Empire and European Capitalism, 1820–1913: Trade, Investment and Production. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 278 p.
18. Pamuk S. Ottoman-Turkish economic history 1500-1914 in 100 questions. Istanbul: Publishing House Gercek Yayınevi; 1987. 240 p. (In Turk.)
19. Pamuk S. 500 Years of Prices and Wages in Istanbul and Other Cities. Ankara: State Institute of Statistics; 2001. 209 p.
20. Pamuk Ş, Zanden, JL.. Standards of living in Cambridge Modern Economic History of Europe, 1700 to 1870. S. Broadberry K. O'Rourke (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press; 2010. P. 217-235.
21. Shaw S. The Nineteenth-Century Ottoman Tax Reforms and Revenue System. *International Journal of Middle East Studies*. 1975;6:451-453.
22. Shaw S, Shaw KE. History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975. Cambridge: Cambridge University Press; 1976. 548 p.

Научная статья

УДК 349.23/24

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.13>СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТРУДО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫТатьяна Фёдоровна Вышеслава¹, Светлана Алексеевна Лукинова^{2*}^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Кандидат юридических наук, доцент
vsheslavova_tf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>² Кандидат юридических наук, доцент
lukinova.sa@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1884-3315>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Правовой анализ статуса преподавателя высшей школы невозможен без учета процессов глобализации и усиления мирового финансово-экономического кризиса. Данные процессы определили систему факторов, влияющих в большей или меньшей степени на системы образования безусловно всех стран мира. Эти факторы напрямую влияют на содержание и объем социально-трудовых прав главной фигуры в системе высшего образования – преподавателя. Г. У. Матушанский и Ю. В. Рогов, в частности, в число таких факторов включают процессы, обусловленные глобализацией, интернационализацией образовательных систем стран Европы и всего мира в целом, серьезным уменьшением бюджетного финансирования по причине углубления мирового финансово-экономического кризиса. Кроме того, глобальной тенденцией в сфере высшей школы стала практическая необходимость замены предметно-ориентированного обучения на подготовку выпускников, нацеленных на решение задач, поставленных работодателями, что, в свою очередь обусловлено низким качеством подготовки специалистов – выпускников вузов. Национальный законодатель в таких условиях именно поэтому видит возможность использовать проверенный положительный опыт зарубежных государств в процессе правового регулирования проблем системы образования, включая закрепление правового статуса педагога высшей школы. Дело в том, что зарубежные государства уже адаптировали национальные образовательные системы с учетом всех названных выше факторов, в особенности с учетом серьезного уменьшения финансовых расходов государства на образование. Поскольку в нашей стране сравнительно-правовые исследования применительно к сфере трудовых отношений и образования практически не проводились, постольку серьезный интерес к социально-образовательному праву зарубежных стран сохраняется до сих пор. Однако актуальными как для российского, так и зарубежного исследователя и правотворца остаются вопросы, связанные со спецификой труда преподавателя высшей школы, уровнем его значимости для общества и государства, особенностями правового регулирования содержания трудовой функции, оплаты, охраны, нормирования труда преподавателя вуза. Современные российские ученые, к сожалению, довольно слабо освещают зарубежный правовой опыт регулирования правового статуса педагога высшей школы. Публикации ученых, конференции и круглые столы посвящены, как правило, общим проблемам повышения уровня подготовки выпускников вузов, формированию компетентностного подхода, перспективам преподавательской и студенческой мобильности, психологическим аспектам реформирования высшей школы. Вместе с тем вопросам социально-трудового статуса педагога высшей школы ученые уделяют крайне мало внимания. **Материалы и методы.** Авторы анализируют высказанные в науке точки зрения по поводу проблем, связанных с правовым регулированием труда преподавателя вуза (содержание и срок трудового договора, структура трудовой функции, оплаты труда и пр.), в контексте

особенностей современного российского государства и права. В процессе исследования использовался целый комплекс теоретических принципов, логических приемов и специальных методов и средств познания государственно-правовых явлений (историко-правовой, сравнительно-правовой и пр.). **Анализ.** Авторами анализируются положения действующего трудового законодательства России о труде преподавателя высшей школы в условиях глобализации и усиления мирового финансово-экономического кризиса. Авторы выявили влияние российского законодательства о труде педагогов на правовую систему Республики Южная Осетия. Содержание трудовой функции преподавателя высшего учебного заведения имеет свои существенные особенности, определяющие специфический характер и условия работы. Вместе с тем, до сих пор в нарушение требования Трудового кодекса РФ не разработан и не внедрен профессиональный стандарт преподавателя. Авторами выявлены причины данной ситуации. Анализ правовых гарантий преподавателей вузов показал, что они практически отсутствуют применительно к нормированию и оплате их труда по причине отсутствия четких и прозрачных законодательных актов по данным вопросам. Обращается внимание на положительную роль Конституционного Суда РФ, по отрицательной оценке, сложившейся практики работодателей-вузов заключать краткосрочные трудовые договоры с преподавателями. В статье уделяется внимание системным проблемам в установлении условий труда преподавателей вузов. **Результаты.** По итогам проведено исследования можно сделать вывод, о том, что нормативно-правовые акты, регулирующие труд преподавателей вуза, имеют существенные пробелы, не позволяющие на должном уровне оценить трудовую функцию преподавателя высшей школы, оплатить и нормировать их труд. Авторы отмечают крайне низкую эффективность правового регулирования труда преподавателя высшей школы в социально-трудовой сфере современной России. Решение данных проблем видится авторами в острой необходимости внесения дополнений в действующий закон РФ об образовании и соответствующую главу Трудового кодекса России о содержании трудовой функции преподавателя вуза, оплате и нормировании его труда. Следует повысить и качество локального и договорного регулирования условий труда преподавателя высшей школы, а также усилить государственный надзор и общественный контроль за соблюдением трудовых прав преподавателей вузов.

Ключевые слова: трудовая функция, преподаватель вуза, учебная работа, научная работа, оплата труда, зарубежный опыт

Для цитирования: Вышеслава Т. Ф., Лукинова С. А. Сравнительно-правовой анализ трудо-правового статуса преподавателя высшей школы // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 121–128. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.13>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.
Статья поступила в редакцию: 18.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.10.2023.
Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LABOR LAW STATUS OF A HIGHER SCHOOL LECTURER**Tatiana F. Vysheslavova¹, Svetlana A. Lukinova^{2*}**

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
¹ Cand. Sc. (Law), Associate Professor
vysheslavova_tf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>
² Cand. Sc. (Law), Associate Professor
lukinova.sa@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1884-3315>
* Corresponding author

Abstract. Introduction. A legal analysis of the status of a higher education lecturer is impossible without taking into account the processes of globalization and the intensification of the global financial and economic crisis. These processes have determined a system of factors that influence, to a greater or lesser extent, the education systems of all countries of the world. These factors directly influence the content and scope of social and labor rights of the main figure in the higher education system - the lecturer. G.U. Matushansky and Yu.V. Rogov, in particular, mention among such factors the processes caused by globalization, the internationalization of educational systems in Europe and the world as a whole, and a serious decrease in budget funding due to the deepening global financial and economic crisis. In addition, a global trend in the field of higher education has become the practical need to replace subject-oriented training with the preparation of graduates aimed at solving problems set by employers, which, in turn, is due to the low quality of training of specialists - university graduates. In such conditions, the national legislator, precisely for this reason, sees the opportunity to use the proven positive experience of foreign countries in the process of legal regulation of problems in the education system, including consolidating the legal status of a lecturer. The fact is that foreign countries have already adapted their national educational systems, taking into account all the factors mentioned above, especially taking into account the serious reduction in state expenditures on education. Since comparative legal research in relation to the field of labor relations and education has practically not been carried out in our country, serious interest in the socio-educational law of foreign countries remains. However, issues related to the specifics of the work of a lecturer, the level of its significance for society and the state, the peculiarities of legal regulation of the content of the labor function, payment, security, and standardization of work of a lecturer remain relevant for both Russian and foreign researchers and law makers. Modern Russian scientists, unfortunately, provide rather poor coverage of foreign legal experience in regulating the legal status of a lecturer. Publications of scientists, conferences and round tables are devoted, as a rule, to general problems of increasing the level of training of university graduates, the formation of a competency-based approach, the prospects for teaching and student mobility, and the psychological aspects of reforming higher education. At the same time, scientists pay very little attention to the issues of the social and labor status of a lecturer. **Materials and Methods.** The authors analyze the points of view expressed in science regarding problems related to the legal regulation of the work of a lecturer (the content and term of the employment contract, the structure of the labor function, remuneration, etc.), in the context of the peculiarities of the modern Russian state and law. In the process of research, a whole complex of theoretical principles, logical techniques and special methods and means of cognition of state and legal phenomena

(historical and legal, comparative legal, etc.) was used. **Analysis.** The authors analyze the provisions of the current Russian labor legislation on the work of higher education lecturers in the context of globalization and the intensification of the global financial and economic crisis. The authors identified the influence of Russian legislation on the labor of lecturers on the legal system of the Republic of South Ossetia. The content of the labor function of a lecturer at a higher educational institution has its own significant features that determine the specific nature and conditions of work. At the same time, a professional lecturer standard has not yet been developed and implemented, in violation of the requirements of the Labor Code of the Russian Federation. The authors identified the reasons for this situation. An analysis of the legal guarantees of lecturers showed that they are practically absent in relation to the regulation and remuneration of their work due to the lack of clear and transparent legislation on these issues. Attention is drawn to the positive role of the Constitutional Court of the Russian Federation, in contrast to the negative assessment of the established practice of university employers to enter into short-term employment contracts with lecturers. The article pays attention to systemic problems in establishing working conditions for lecturers. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the legal acts regulating the work of university lecturer have significant gaps that do not allow them to properly assess the labor function of a lecturer, pay and standardize their work. The authors note the extremely low efficiency of legal regulation of the work of lecturers in the social and labor sphere of modern Russia. The solution to these problems is seen by the authors in the urgent need to introduce amendments to the current law of the Russian Federation on education and the corresponding chapter of the Labor Code of Russia on the content of the labor function of a university lecturer, remuneration and standardization of his work. It is necessary to improve the quality of local and contractual regulation of the working conditions of lecturers, as well as strengthen state supervision and public control over compliance with the labor rights of lecturers.

Keywords: labor function, lecturer, academic work, scientific work, remuneration, foreign experience

For citation: Vysheslavova TF, Lukinova SA. Comparative legal analysis of the labor law status of a higher school lecturer. *Humanities and law research*. 2024;11(1):121-128. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.13>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 18.08.2023.

The article was approved after reviewing: 21.10.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. Правовой анализ статуса преподавателя высшей школы в современных условиях невозможен без учета процессов глобализации и усиления мирового финансово-экономического кризиса, влияю-

щих в большей или меньшей степени на системы образования безусловно всех стран мира.

Ученые анализируют процессы, обусловленные глобализацией, интернационали-

зацией образовательных систем стран Европы и всего мира в целом. Глобальная тенденция в системе высшей школы проявляется в замене предметно-ориентированного обучения на подготовку выпускников, нацеленных на решение задач, поставленных работодателями, что, в свою очередь обусловлено низким качеством подготовки специалистов – выпускников вузов.

В таких условиях важен правовой анализ проверенного положительного опыта зарубежных стран применительно к правовому статусу педагога высшей школы. Актуальными остаются вопросы, связанные со спецификой труда преподавателя высшей школы, уровнем его значимости для общества и государства, особенностями правового регулирования содержания трудовой функции, оплаты, охраны, нормирования труда преподавателя вуза.

Публикации ученых, конференции и круглые столы посвящены, как правило, общим проблемам повышения уровня подготовки выпускников вузов, формированию компетентностного подхода, перспективам преподавательской и студенческой мобильности, психологическим аспектам реформирования высшей школы.

Цель публикации видится в освещении современных проблем социально-трудового статуса преподавателя высшей школы.

Материалы и методы / *Materials and methods.* Методологическую основу исследования составили различные общественно-научные и частно-научные методы, в том числе: синтез юридических норм, метод сравнительного анализа, системного, логического анализа и иные методы научного познания, широко применяемые в юридической науке. В качестве общенаучных методов использовались метод структурного анализа, системный. В качестве частно-научного метода выступил конкретно-социологический метод.

Метод сравнительного правоведения используется авторами в процессе анализа регулирования заработной платы преподавателя вуза в России, Республике Южная Осетия и других государствах [11, с.192-193].

Анализ / *Analysis.* Совершенствование системы высшего образования России проходит в соответствии с множественными нормативными актами стратегического характера, которые серьезно изменяют трудовую правовую статус преподавателя высшей школы [5, с.533].

Полагаем, что важнейшим правовым источником реформирования системы высшего образования следует признать федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г.

Измененная система правовых актов об образовании обуславливает необходимость реформирования системы заработной платы, адаптации содержания и структуры трудовой функции преподавателя высшей школы применительно к новым условиям.

В это же время идет процесс разработка проектов правовых актов молодой Республики Южная Осетия, регулирующих труд педагогических работников. Речь идет о проекте закона об образовании Республики Южная Осетия, который должен быть принят в соответствии с государственной программой «Развитие образования и науки на 2016 – 2022 гг.».

Систему высшего профессионального образования в республике представляет Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова. Профессорско-преподавательский состав насчитывает 173 человека, из них профессоров – 7 человек, в том числе утвержденных ВАКом – 3 человека, доцентов – 38 человек, в том числе утвержденных ВАКом – 24 человека. Кроме того, в структуре преподавателей 42 кандидата наук (24,7%) и 5 докторов наук (2,9%).

Очевидным является факт особой значимости в современных условиях роли труда преподавателя высшей школы и необходимости его эффективного правового регулирования как для России, так и для Республики Южная Осетия. Правовые акты о труде педагога высшей школы, в нашей стране постоянно совершенствуется по причинам, указанным ранее.

Особенно интенсивными стали периоды, предшествующие и последующие принятию федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В результате в России был создан довольно большой объем правовых актов разного уровня, регулирующих условия труда преподавателя вуза, что позволяет сделать вывод о том, что в РФ создана необходимая правовая база по закреплению и обеспечению гарантий социально-трудовых прав преподавателя.

Однако, несмотря на громоздкость системы нормативных правовых актов, в теории и на практике актуальными до сих пор остаются вопросы о трудовой функции, рабочем

времени, нормировании, оплаты и охраны труда преподавателя. Проблемы правового статуса преподавателя вуза в сфере труда усугубляются тем обстоятельством, что, к сожалению, законодательство о труде преподавателя высшей школы часто нарушается и не соблюдается вузом-работодателем.

Как полагают ученые, причины кроются прежде всего в несовершенстве или неверном толковании действующего законодательства о труде преподавателя. Прежде всего необходимо осветить роль трудового договора в качестве индивидуального регулятора условий труда преподавателя высшей школы и инструмента по обеспечению баланса интересов преподавателя (работника) и вуза (работодателя).

Вместе с тем с огромным сожалением следует отметить, что сложившаяся в России порочная практика индивидуального регулирования трудовых отношений преподавателя и вуза пошла по пути вытеснения трудового договора и повсеместного активного внедрения работодателями-вузами гражданско-правового подряда.

Как правило, в современных вузах вместо штатных преподавателей учебную работу выполняют преподаватели-почасовики. При этом вуз формирует фонд почасовой оплаты труда за счет сокращения преподавателей, находящихся в штате. В такой ситуации преподаватели в рамках гражданско-правового договора незаконно лишаются работодателем всех социальных гарантий, установленных законодательством о труде: права на ежегодный оплачиваемый отпуск, оплату сверхурочной работы, полноценную охрану труда и пр.

Формально работодатель издает лишь приказ о приеме преподавателя-почасовика на работу. Вместе с тем, Трудовой кодекс РФ закрепил приоритет трудового права и трудового договора в регулировании труда преподавателя высшей школы, поскольку характер его труда имеет все признаки трудовых отношений, указанных в ст. 15 ТК РФ.

Статья 11 Трудового кодекса РФ говорит о том, что в случае установления факта подмены трудового договора гражданско-правовым договором должны применяться нормы трудового кодекса России и предоставляться все предусмотренные социальные права.

Центральной проблемой трудо-правового статуса преподавателя высшей школы, кото-

рая до сих пор не получила решения в трудовом законодательстве России, свидетельствующая о его низком качестве – это проблема заработной платы.

В настоящее время эффективность законодательства о заработной плате преподавателя не только снижается, но и просто игнорируется и не выполняется работодателями. Норма об установлении размера среднего должностного оклада педагога высшей школы на уровне, в два раза превышающем среднюю заработную плату в промышленности, имевшая место в ранее действующем образовательном законодательстве, так и не была реализована на практике.

Не решена проблема эффективного регулирования оплаты труда педагога высшей школы и принятый в 2012 г. федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [9, с.1447]. Проект закона об образовании предусматривал, что размер оплаты труда педагога должен зависеть от уровня его квалификации, сложности, интенсивности, качества и результатов его труда, педагогического стажа (п. 7, ст. 49).

Данная норма порождала у специалистов множество вопросов, которые требовали (в случае принятия этого проекта) быстрого решения путем принятия множества качественных подзаконных актов.

В подзаконных актах должны были быть даны ответы на вопросы о способах оценки степени интенсивности, сложности, количества, качества труда преподавателя. В противном случае практически неизбежными стали бы нарушения трудовых прав преподавателей высшей школы при установлении им заработной платы.

Результат обсуждения оказался очень неожиданным и парадоксальным: российский законодатель вообще не включил в принятый и ныне действующий закон об образовании (ст. 47) каких-либо положений об оплате труда преподавателя высшей школы, что вызывает удивление.

Следовательно, в настоящее время оплата труда преподавателя высшей школы регулируется только общими нормами Основного закона РФ и трудового законодательства.

Каких-либо специальных законодательных актов об оплате труда преподавателя высшей школы так и не принято до сих пор. По этой причине сейчас актуализируется роль подзаконных актов, локальных актов и дого-

воров о труде, что не способствует повышению уровня гарантий прав на оплату труда преподавателей, а прямо ведет к произволу работодателей. Поэтому широкое распространение в вузах получила практика внедрения так называемого «эффективного контракта», не имеющая четкой и прозрачной законодательной правовой базы. Однако до сих пор не реализован важнейший принцип справедливой заработной платы преподавателя вуза, которая обеспечивает ему достойное существование для него самого и его семьи. [12, с. 2-4].

Серьезной проблемой правового регулирования труда преподавателя высшей школы, на наш взгляд, в современный период, которая нуждается в скорейшем урегулировании – это проблема определения содержания его трудовой функции. Без четкого определения трудовой функции преподавателя невозможно выполнить требования трудового законодательства, касающиеся его приема на работу, нормирования и оплаты труда, запрета требовать выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором и др. [1, с.36-37].

В соответствии с требованиями статьи 195-1 Трудового кодекса РФ был разработан и утвержден в 2015 году соответствующий профессиональный стандарт преподавателя. Однако профессиональный стандарт педагога профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования с 2020 г. был признан утратившим силу.

Решение об этом было принято на заседании Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям. Причины отмены профессионального стандарта преподавателя высшей школы, озвученные официальными лицами, кроются прежде всего в том, что данный правовой документ, якобы, ограничивал прием на работу преподавателей, не имеющих ученой степени.

Вызывает недоумение тот факт, что профессиональное сообщество в лице отраслевого профсоюза также поддержало отмену профессионального стандарта. Эксперты сделали прогноз о том, что внедрение профессионального стандарта на практике приведет к оттоку преподавателей-профессионалов по формальным и необоснованным требованиям.

Полагаем, что эти аргументы носят явно надуманный характер и противоречат заяв-

ленным целям повышения качества подготовки выпускников вузов. Более того, квалифицированные кадры сами уходят из вузов по причине низкого уровня оплаты их труда.

Следующий аргумент в обоснование отказа от обязательного применения профессионального стандарта заключается в том, что его применение отрицательно повлияет на сложившуюся систему формирования учебной нагрузки преподавателя высшей школы.

Речь идет о том, что ассистенты, преподаватели и старшие преподаватели не имели право в полной мере быть задействованными в реализации учебных программ бакалавриата и дополнительного профессионального образования.

Более того, указанные преподаватели были полностью исключены из системы специалитета и магистратуры. Поэтому, как отмечают эксперты, в сложившейся ситуации только доценты, кандидаты наук были вправе работать в качестве преподавателя высшей школы.

Следующим слабым местом профессионального стандарта – это его требование к преподавателю вуза иметь в обязательном порядке дополнительное профессиональное образование по преподаваемой дисциплине.

Помимо всего перечисленного внедрение профессионального стандарта приведет в целом к снижению качества образования и подготовки кадров.

Департамент государственной политики в сфере высшего образования Минобрнауки РФ обосновывает отмену профессионального стандарта необходимостью проработки вопросов подготовки проектов профессиональных стандартов преподавателя высшей школы с учетом интеграции образовательной и научной деятельности.

Перечисленные аргументы в пользу отмены профессионального стандарта преподавателя высшей школы, возможно, верны и справедливы, но закономерно возникает вопрос: почему эти возражения не были озвучены этими субъектами на стадии обсуждения проекта указанного профессионального стандарта?

Содержание трудовой функции преподавателя высшей школы в настоящее время, следовательно, определяется локальными актами о учреждении высшего образования (должностными инструкциями, функциональными обязанностями и пр.).

Следовательно, при отсутствии четкого и качественного законодательного регулирования условий труда преподавателя высшей школы первостепенную роль в современных условиях на практике играют локальные акты высших учебных заведений, коллективные договоры и отраслевые соглашения.

В частности, в коллективном договоре ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», заключенном на период 2021 – 2024 гг., включены разделы, посвященные трудовому договору, гарантиям занятости, оплате и нормированию труда, рабочему времени, времени отдыха, охране труда, гарантиям, льготам, компенсациям и пр.

Применительно к содержанию трудовой функции преподавателя высшей школы пункт 2.2.2 коллективного договора обязывает работодателя руководствоваться Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих.

В п. 2.7 коллективного договора перечислены должности профессорско-преподавательского состава. Коллективный договор устанавливает критерии массового высвобождения работников (пункт 2.12), закрепляет меры поощрения работников (п. 2.10).

В третьем разделе коллективного договора, посвященном оплате и нормированию труда, закреплена важная гарантия оплаты труда преподавателя высшей школы: на установление размеров должностных окладов работодатель обязан направить не менее 70% фонда оплаты труда.

Следует подчеркнуть, что содержание коллективного договора данной образовательной организации, как и всех других, коррелируется с теми параметрами социальных гарантий, которые зафиксированы в отраслевом соглашении работников высшего образования, заключенного на тот же период – с 2021 по 2024 гг.

Сложно прогнозировать, что вузы справятся качественно с задачей, которую не смогло решить само государство, а на деле это приведет к массовому нарушению трудовых прав преподавателей высшей школы.

В научных публикациях ученые подвергают серьезной критике недоработки органов исполнительной власти применительно к определению и закреплению в подзаконных актах содержания трудовой функции преподавателя высшей школы [4, с.24-25].

Разработка качественного профессионального стандарта преподавателя высшей

школы позволит достичь целей реформирования системы высшего образования страны и гарантировать защиту трудовых прав педагога высшей школы, защитить его от излишней интенсификации его труда.

Как в теории, так и на практике возникает множество проблем, связанных с нормированием труда преподавателя, отсутствие решения которых приводит к ущемлению прав преподавателей в области оплаты их труда, рабочего времени, времени отдыха, охраны их труда [9, с.1251].

Нормирование творческого процесса представляется довольно трудным процессом, но крайне важным для соблюдения прав педагогов.

В качестве положительной характеристики федерального закона об образовании следует подчеркнуть стремление закона закрепить хотя бы примерный перечень видов работ, выполняемых преподавателем.

В п. 6 ст. 47 ФЗ об образовании включил в этот перечень учебную (преподавательскую), воспитательную, научную, творческую, исследовательскую и другую педагогическую работу.

Полагаем, что следует сделать по возможности полным перечень видов научной работы преподавателя высшей школы. Положительно, что постановление Конституционного суда России от 15 июля 2022 г. № 32-П решило проблему повсеместно и незаконно навязываемых работодателями-вузами срочных трудовых договоров.

Конституционный суд признал неконституционным и недопустимым ситуации, когда вуз произвольно определяет срок трудового договора преподавателя. Заключение с преподавателем высшей школы краткосрочных трудовых договоров не оправдывается ни спецификой трудовой функции педагога, ни особым правовым статусом данного работника, избранного по конкурсу. Краткосрочные трудовые договоры, кроме того, ограничивают конституционную свободу научного творчества и преподавания, а также право на отдых. Конституционный Суд России признал, что трудовой договор с преподавателем высшей школы может быть заключен как на неопределенный срок, так и на определенный срок, но не менее трех лет и обязал федерального законодателя внести соответствующие изменения в трудовое законодательство.

Эффективно реализовать нормы Основного закона страны и ФЗ «Об образовании в

РФ» можно только при наличии добротной, адекватной современным требованиям системы правовых актов о правовом статусе преподавателя высшей школы, который способен на высоком профессиональном уровне осуществлять подготовку молодых специалистов [9, с. 55].

Анализ международно-правовых актов показал, что каких-либо специальных правовых норм о труде преподавателя высшей школы, которые могли бы стать правовым ориентиром для национального законодателя, не существует. В огромном массиве правовых актов Международной организации труда существует лишь правовой акт рекомендательного характера 1966 г. о заработной плате учителей, который нацеливает на установлению заработной платы в расчете за год и постепенному росту оплаты труда учителя в течение десяти-пятнадцати лет [7, с. 256].

Результаты / Results. Проведенный анализ проблем правового статуса преподавателя высшей школы в сфере труда позволяет сделать вывод о том, что для восстановления статуса России как социального государства и принципа верховенства закона назрела острая необходимость внести до-

полнения в действующий закон об образовании и соответствующую главу Трудового кодекса России, касающиеся содержания трудовой функции преподавателя вуза, оплаты и нормирования его труда и пр.

Далее для реализации положений закона должны быть приняты качественные подзаконные акты. Более того, даже в случае наличия качественной правовой основы деятельности преподавателя высшей школы, но без его практической реализации и повсеместного нарушения, все изложенные проблемы останутся актуальными.

Следовательно, при отсутствии четкого и качественного законодательного регулирования условий труда преподавателя высшей школы первостепенную роль в современных условиях на практике должны играть локальные акты высших учебных заведений, коллективные договоры и отраслевые соглашения.

Особо необходима защита трудовых прав преподавателей высшей школы путем усиления государственного надзора и контроля, активизации профсоюзного (общественного) контроля. В противном случае цели реформирования высшего образования в нашей стране достигнуты быть не могут.

Литература

1. Бриллиантова Н. А., Архипов В. В. Некоторые проблемы регулирования труда педагогических работников // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С.34–40.
2. Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право: учебник для вузов. М.: Дело, 1999. 533 с.
3. Матушанский Г. У. Профессионально важные качества преподавателя высшей школы // Психологическая наука и образование. URL: www.psyedu.ru. (дата обращения: 21.08.2023).
4. Михалкина Н., Гапоненко Л., Скачкова Л. Нормирование труда в вузах: анализ норм труда профессорско-преподавательского состава // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2012. № 7. С. 24–29.
5. Baieva N. A., Burkin D. O., Vysheslavova T. F., Lukinova S. A. Conception social states realization of the Russian Federation // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. No. 5(27). P. 1446–1455.
6. Baieva N. A., Vysheslavova T. F., Lukinova S. A. The principle of justice in social security law // Journal of Dynamic Control and Control Systems Research. 2019. No. 8. P. 2754–2759.
7. Collins H., Ewing K. D., McColgan A. Labour Law. Text and Materials, Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing. 2005. 302 p.
8. Klyukovskaya I. N., Cherkashin E. Y., Gabrilyan R. R., Semenov V. Y., Melekayev R. K. Methodological Basis of the Theoretical and Legal Research of Integration Processes in Modern States // International Journal of Engineering and Technology. 2018. Vol 7, No. 4(38). P. 261–264.
9. Lukinova S. A. Comparative and legal analysis of the labor-legal status of a higher school teacher // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. No. 3(13). Winter 2015. P.1247–1255.
10. Navasardova JS, Nutrihin RV, Zinov'eva TN, Shishkin VA, Zholudeva JV. Codification of the natural Resource legislation of the Russian Empire // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. No. 9(1). P. 183–193.
11. Paying the Professoriate. A Global Comparison of Compensation and Contracts. New York: Routledge, 2012. 223 p.
12. Smirnov D. A., Strus K. A. General Scientific Analysis of Implementation of Principles of Law in the Contemporary Russian Legal Basis// Indian Journal of Science and Technology. 2015. Vol 8(S10). P. 2–10.

References

1. Brilliantova NA, Arkhipov VV. Some problems of labor regulation of teaching staff. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 2008;3:34-40. (in Russ.).

2. Kiselyov I.Ya. Comparative and international labor law: textbook for universities. Moscow: Delo; 1999. 533 p. (in Russ.).
3. Matushansky GU. Professionally important qualities of a high school teacher URL: www.psyedu.ru (accessed: 08/21/2023). (in Russ.).
4. Mikhalkina N, Gaponenko L, Skachkova L. Labor rationing in universities: an analysis of the labor standards of the teaching staff. *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika*. 2012;7:24-29. (in Russ.).
5. Baieva NA, Burkin DO, Vysheslavova TF, Lukinova SA. Conception social states realization of the Russian Federation. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017;5(27):1446-1455.
6. Baieva NA, Vysheslavova TF, Lukinova SA. The principle of justice in social security law. *Journal of Dynamic Control and Control Systems Research*. 2019;8:2754-2759.
7. Collins H, Ewing KD, McColgan A. Labour Law. Text and Materials, Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing; 2005. 302 p.
8. Klyukovskaya IN, Cherkashin EY, Gabrilyan RR, Semenov VY, Melekayev RK. Methodological Basis of the Theoretical and Legal Research of Integration Processes in Modern States. *International Journal of Engineering and Technology*. 2018;7;4.38:261-264.
9. Lukinova SA. Comparative and legal analysis of the labor- legal status of a higher school teacher. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2015;3(13). Winter 2015:1247-1255.
10. Navasardova JS, Nutrihin RV, Zinov'eva TN, Shishkin VA, Zholudeva JV. Codification of the natural Resource legislation of the Russian Empire. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018;9(1):183-193.
11. Paying the Professoriate. A Global Comparison of Compensation and Contracts, New York: Routledge; 2012. 223 p.
12. Smirnov DA. and Strus KA. General Scientific Analysis of Implementation of Principles of Law in the Contemporary Russian Legal Basis. *Indian Journal of Science and Technology*. 2015;Vol 8(10):2-10.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.14>

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Бэла Юнусовна Джамирзе

Майкопский государственный технологический университет (д. 191, ул. Первомайская, Майкоп, 385000, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
bella901@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3536-8986>

Аннотация. Введение. Современная отечественная практика применения законодательства об административных правонарушениях характеризуется рядом вопросов, обусловленных постоянным совершенствованием законодательства, которое проводится для эффективного противодействия внутренним и внешним вызовам Российскому государству и обществу. Среди таких вопросов принцип справедливости сохраняет свое главенствующее значение, определяя статус механизма административной ответственности именно как средства государственного управления. Особенности практической реализации данного принципа находят выражение, помимо прочего, в институте освобождения от административной ответственности, одним из оснований которого выступает малозначительность административного правонарушения – категория оценочная и весьма значимая для практики применения законодательства об административных правонарушениях. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе положений действующего законодательства об административной ответственности, материалах соответствующей судебной практики и работах исследователей по данному вопросу. **Анализ.** Положения действующего законодательства и решения высших судов, содержащие разъяснения данных положений, не дают исчерпывающего представления об особенностях применения норм о малозначительности административного правонарушения, в том числе, касательно

соответствующих категорий дел и субъектного состава. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что нормы об освобождении от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения требуют дополнительных разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации для определения категорий нарушений, на которые распространяются данные нормы, а также круга субъектов, к которым они применимы. Формулируется авторская позиция по возможным ответам на поставленные вопросы.

Ключевые слова: административная ответственность, административное принуждение, принцип справедливости, освобождение от административной ответственности, малозначительность административного правонарушения, судебная практика, практика применения законодательства об административной ответственности

Для цитирования: Джамирзе Б. Ю. О некоторых вопросах освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 129–135. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.10.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

ON EXEMPTION FROM ADMINISTRATIVE LIABILITY IN CASE OF A MINOR ADMINISTRATIVE OFFENSE

Bela Yu. Jamirze

Maykop State Technological University (191, Pervomayskaya St., Maykop, 385000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
bella901@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3536-8986>

Abstract. Introduction. A number of specific issues are central to modern national practice of application of legislation on administrative. It is preconditioned by constant improvement of legislation, which is carried out to effectively counter internal and external challenges to the Russian state and society. The principle of justice retains its paramount importance, determining the status of the mechanism of administrative responsibility precisely as a means of public administration. The peculiarities of the practical implementation of this principle are expressed, among other things, in the institution of exemption from administrative liability, one of the grounds of which is the insignificance of an administrative offense - an evaluative category that is significant for the practice of applying legislation on administrative offenses. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of provisions of the current legislation on administrative liability, materials from relevant judicial practice and the work of researchers on this issue. **Analysis.** The provisions of the current legislation and rulings of higher courts containing explana-

tions of these provisions do not provide a comprehensive picture of the specifics of the application of the rules on the insignificance of an administrative offense, including the relevant categories of cases and the subject composition. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that the rules on exemption from administrative liability in the event of a minor administrative offense require additional clarification from the Supreme Court of the Russian Federation to determine the categories of violations to which these rules apply, as well as the range of subjects to which they apply. The author's position on possible answers to the questions posed is formulated.

Keywords: administrative responsibility, administrative coercion, principle of fairness, exemption from administrative liability, insignificance of an administrative offense, judicial practice, practice of applying legislation on administrative liability

For citation: Jamirze BYu. On exemption from administrative liability in case of a minor administrative offense. *Humani-*

ties and law research. 2024;11(1):129-135. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.08.2023.

The article was approved after reviewing: 21.10.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. В эпоху многочисленных вызовов, с которыми сталкивается правовая система современной России, эффективное и справедливое правосудие объективно выступает важнейшим институтом, с одной стороны, обеспечивающим защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а с другой стороны – формирующим и поддерживающим авторитет власти. В условиях агрессивного геополитического давления со стороны ряда государств Запаदा актуальность данной задачи сложно переоценить. Следует согласиться с А. И. Бастрыкиным, что «доверие общества к суду, к его решениям – это, по существу, доверие к закону. Одно неверное, незаконное, несправедливое решение, единственная судебная ошибка, могут серьезно подорвать то доверие, которое суд приобретал в течение значительного периода времени» [5, с. 187]. Принимая во внимание сложный путь в развитии российской государственности даже в период новейшей истории, вопросы доверия к власти, в значительной степени обеспечиваемые общеправовыми принципами и гарантиями прав и свобод граждан, относятся к числу приоритетных направлений правовой политики любого развитого государства, в том числе и Российской Федерации. В условиях современного технологического уклада и общества, которое некоторыми исследователями характеризуется даже не как информационное, а как постинформационное [11], верховенство права и справедливость правосудия являются собой категории, особо нуждающиеся в правовой охране и правовом обеспечении, принимая во внимание, в том числе, проводимую против Российского государства информационную войну, направленную, помимо прочего, на ослабление государственного суверенитета.

Одним из значимых рычагов механизма публичного управления выступает институт административной ответственности, в котором соблюдение общеправовых норм-принципов играет значительную роль, принимая во внимание широкий спектр субъектов публичной власти, реализующих данную меру административного принуж-

дения. Говоря об административной ответственности и ее неразрывной связи с принципом справедливости правосудия, нельзя не отметить актуальность данного принципа не только, собственно, при осуществлении правосудия, но и при рассмотрении дел об административных правонарушениях многочисленными субъектами, наделенными соответствующими полномочиями.

Административная ответственность призвана решать задачи законодательства об административных правонарушениях, установленные в ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и содержащие, помимо прочего, защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, здоровья граждан, защиту общественной нравственности, предупреждение административных правонарушений и другие [1]. Как отмечает Н. В. Макарейко, среди прочих разновидностей административного принуждения административная ответственность характеризуется детализацией процессуального порядка реализации, который играет роль важнейшей гарантии законности применения соответствующей разновидности юридической ответственности [9, с. 139]. Данный тезис логично выражает общеправовое требование к любому нормативно-правовому акту, ограничивающему права человека, в виде полной определенности относительно случаев и порядка таких ограничений, что должно обеспечить роль правовых средств в достижении социальной справедливости при недопустимости недобросовестного и произвольного его применения.

Один из примеров важности правовой определенности и должной детализации порядка реализации можно увидеть в числе оснований освобождения от административной ответственности.

Материалы и методы / Materials and methods. Исследование основано на использовании метода формально-правового анализа. Обращение к недавним трудам исследователей позволило учесть мнения научной общественности по поводу поднимаемых в работе проблем и сформировать

авторский вывод, содержащий ориентировочные пути решения таких проблем.

Анализ / Analysis. Среди значимых гарантий справедливости при применении данной меры административного принуждения следует обратить внимание на возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, закрепленную ст. 2.9 КоАП РФ и предусмотренную уже в первой редакции кодекса 2001 г. В этой связи следует согласиться с исследователями, что «правовой институт малозначительности административных правонарушений выступает гарантом соблюдения принципа соразмерности государственного принуждения негативным последствиям противоправного деяния, выводя на первый план превентивную, а не репрессивную функцию законодательства об административных правонарушениях» [10, с. 142]. Так, при наличии состава административного правонарушения, но при его малозначительности, нарушитель может быть освобожден от ответственности и быть подвергнутым лишь устным замечаниям. Как и ряд иных гарантий реализации принципа справедливости, данная конструкция основана на оценочной категории малозначительности, которая не регламентирована федеральным законодательством, так как очевидно сложна в регламентации в принципе.

Ответы на неизбежно возникающие при правоприменении вопросы отчасти дало постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» [4]. П. 18 указанного документа указывает, что «при квалификации правонарушения в качестве малозначительного судам необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о мало-

значительности правонарушения». При этом, п. 18.1 отмечает отсутствие исключений в применении положений о малозначительности, а значит, об относимости ко всем статьям кодекса. Вместе с тем, этим же пунктом подчеркивается, что квалификация правонарушения в качестве малозначительного должна осуществляться «только в исключительных случаях» и должна быть мотивированной.

Менее, чем через год Верховный Суд Российской Федерации продолжил уточнение квалификации нормы о малозначительности. Так, в п. 21 указывается, что «малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений» [2]. Однако в 2013 г. позиция по поводу относимости нормы о малозначительности ко всем статьям КоАП РФ изменилась. В новом постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации обратил внимание, что «необходимо иметь в виду, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. К ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8, 12.26 КоАП РФ» [3]. Закрепленные данными статьями составы административных правонарушений посягают на безопасность дорожного движения и представляют собой опасные формы злоупотребления правом (в данном случае – правом управления транспортным средством), выражающиеся в создании риска для окружающих посредством управления транспортным средством в состоянии опьянения (либо отказа от медицинского освидетельствования, логично приравняемого к наличию состояния опьянения). Представляется, что данные административные правонарушения отличает особый уровень общественной вредности, являя собой достаточно убедительный пример для сто-

ронников мнения о том, что административным правонарушением, подобно преступлениям, присущ признак общественной опасности. Действительно, перемещение по населенному пункту автомобиля с пьяным водителем за рулем причиняет вред соответствующим общественным отношениям, однако более примечательна здесь высочайшая опасность для всех, кто встретится на пути такого неосознательного водителя. И грань между административным правонарушением и тяжким преступлением тут выражается, зачастую, в простой случайности. Все это безусловно свидетельствует об оправданности приведенного уточнения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о неприменимости положений о малозначительности. Однако дает основания полагать, что разъяснение соответствующих положений далеко от своего завершения, так как на поверхности остается вопрос, какие же еще категории административных правонарушений «ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными».

В частности, Первый кассационный суд общей юрисдикции в обзоре судебной практики обращает внимание на недопустимость применения положений о малозначительности при квалификации кражи со взломом в случае низкой стоимости краденых предметов, в противовес позиции нижестоящих судов. По иной категории дел суд указал на пример пенсионера, дважды трудоустроивающегося, не сообщавшего об этом в Пенсионный фонд и необоснованно получившего доплату к пенсии в общем размере 10 тысяч рублей. Кассационный суд отменил решения нижестоящих инстанций о присуждении нарушителю значительного штрафа, справедливо указав на «отсутствие существенного вреда охраняемым законом общественным отношениям и государственным интересам» и прекратив дело по малозначительности [15]. Не внося путаницу между квалификацией административных правонарушений и преступлений, нельзя не отметить внимание судебной системы не столько к рассмотрению индивидуальных практических случаев, сколько к определению категорий дел, при квалификации которых применение положений о малозначительности является неприемлемым. Обращает на себя внимание и значительная гибкость рассматрива-

емых нормативных положений, которая, с одной стороны, объективно обусловлена лежащими в основе оценочными категориями, но, с другой стороны, создающая риски ошибочного применения и злоупотребления правом, что является негативным проявлением широкого судебного и административного усмотрения, на что указывают исследователи [8, с. 49].

В результате можно видеть институт малозначительности, основанный на оценочной категории, содержание которой не раскрывается законодательно, а соответствующие разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации не лишены противоречий и нерешенных вопросов. Вместе с тем определенность в вопросе применения норм о малозначительности прямо влияет на реализацию принципа справедливости при рассмотрении дел об административных правонарушениях, так как не просто влияет на объем ответственности, а на сам ее факт. В связи с этим авторами высказываются различные мнения в поддержку пересмотра существующего подхода к правовому регулированию малозначительности административных правонарушений.

Следует отметить различные точки зрения по поводу возможных вариантов уточнения применения норм о малозначительности. Так, Д. С. Чукин предлагает сузить пределы судебного усмотрения и круг диспозитивных норм, что должно позитивно отразиться на справедливости принимаемого решения [14, с. 87].

Т. А. Хмелевская приводит доводы в пользу уточнения субъекта правонарушения, а именно, установления более строгой ответственности по отношению к лицам, имеющим судимость и подвергнутым административной ответственности [13, с. 98].

К. А. Струсь и И. А. Дорофеев предлагают классификацию правонарушений в сфере экологии с точки зрения определения объема потенциального ущерба, одной из категорий которой выступают малозначительные правонарушения, не влекущие «применение принудительных мер публичного администрирования к правонарушителю» [12, сл. 26].

А. А. Беженцев и Н. Н. Паук указывают на необходимость дополнения общей части КоАП РФ списком малозначительных административных правонарушений с указанием

категорий составов правонарушений, в отношении которых будут применяться нормы о малозначительности противоправных действий/бездействий. При этом, принимая во внимание правовое содержание некоторых видов правонарушений административного характера, авторы высказывают предположение, что большинство административных составов с формальным составом малозначительны, несмотря на ряд исключений. Кроме того, ст. 2.9 КоАП РФ предлагается дополнить примечанием, содержащим основные признаки малозначительности, такие как «минимальный материальный ущерб, размытость мотивов, неустановленные цели действия, незначительный размер вины и особенности личности правонарушителя, добровольность при устранении последствий деяния» [6, с. 34].

С. Н. Керамова также указывает на необходимость законодательного закрепления понятия, признаков и критериев малозначительности, а также отмечает необходимость установления признака общественной опасности в качестве атрибута административного правонарушения [8, с. 50].

А. В. Попов и И. А. Фомина предлагают ряд мер по уточнению правового регулирования малозначительности, среди которых установление и использование в качестве критерия малозначительности по административным правонарушениям, «связанным с получением дохода или получением ущерба, порядка расчета и сумма такого дохода или ущерба»; установление неприменимости положений о малозначительности к отдельным категориям административных правонарушений, в том числе тех, «объективная сторона которых характеризуется существенным нарушением охраняемых общественных правоотношений, вне зависимости от обстоятельств», включая нарушения, совершенные при отягчающих обстоятельствах и квалифицированные составы административных правонарушений. Также авторами предлагается изъятие из применимости положений о малозначительности к лицам, отсутствующим при рассмотрении дела о соответствующем административном правонарушении [10, с. 142–143].

Представляется недостаточно аргументированным довод в пользу целесообразности ограничения судебского усмотрения с целью более полного обеспечения справедливости принимаемых решений

ввиду того, что даже самый совершенный нормативно-правовой акт, регламентирующий применение государственного принуждения не способен охватить каждый индивидуальный случай со всеми особенностями, должными приниматься во внимание при квалификации правонарушения, ввиду чего усмотрение судьи или иного уполномоченного лица необходимо, прежде всего, для вынесения справедливого, законного решения по делу. Влияние субъекта правонарушения (в части раннего совершения им правонарушения), равно как и объективной стороны (в частности, ее относимости к квалифицированным составам), представляется, могут и должны влиять на принятие решения о применимости норм о малозначительности. Вместе с тем следует согласиться с приведенным выше тезисом Верховного Суда Российской Федерации о том, что личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Однозначной поддержки заслуживают доводы о необходимости более полного нормирования малозначительности административных правонарушений как в части понятия, так и его содержания.

Результаты / Results. Различие приведенных подходов также указывает на актуальность поставленной проблематики, а ее суть в виде априорной сложности применения оценочных категорий указывает на необходимость более полного нормативного регулирования, первым этапом которого могут стать дополнительные разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации по вопросам освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. Ключевой позицией, требующей прояснения, являются понятие и критерии малозначительности, а также категории правонарушений, при квалификации которых соответствующие положения не могут быть использованы. Представляется, что, наряду с правонарушениями в области дорожного движения и сопряженные с вождением в состоянии опьянения, это могут быть правонарушения способные причинить вред здоровью человека или

быть направленными против государственного суверенитета. Кроме того, нельзя не учитывать факт привлечения правонарушителя к ответственности по аналогичной либо смежной категории дел, на что также резонно сделать необходимый акцент. Данные уточнения, представляется, способны повысить эффективность и справедливость применения норм об административной ответственности и повысить уро-

вень правовой защищенности граждан и организаций. Только в случае своего непрерывного развития нормы о малозначительности административного правонарушения являют собой важное средство реализации общеправового принципа справедливости, задающего четкий ориентир для правоприменителя, ограничивающего возможность злоупотребления правом и проявления правового произвола [7, с. 52].

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. 2023. № 21. Ст. 3794.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. Февраль.
4. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. № 8, 2004; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3. Март.
5. Бастрыкин А. И. Лекция: «Актуальные проблемы совершенствования судебной системы и деятельности судов Российской Федерации» // Юридическая мысль. 2022. № 3 (127). С. 164–210.
6. Беженцев А. А., Паук Н. Н. Малозначительность административного правонарушения: возможность освобождения от административной ответственности // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 31–35.
7. Воропаев Д. А. Справедливость как нравственно-правовая категория и ее формализация в национальном законодательстве // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 2 (44). С. 46–53.
8. Керимова С. Н. Некоторые проблемы законодательства об административных правонарушениях в России // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 45. № 1. С. 48–51.
9. Макарейко Н. В. Законодательная экспертиза пределов административной ответственности // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 136–139.
10. Попов А. В., Фомина И. А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Том 20. № 2. С. 132–144.
11. Прохоров-Малясов Г. С. Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 137–147.
12. Струсь К. А., Дорофеев И. А. К вопросу о малозначительности экологических правонарушений // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 8 (107). С. 22–27.
13. Хмелевская Т. А. Мелкое хищение чужого имущества и малозначительное деяние: вопросы судебного и доктринального толкования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 1 (55). С. 94–98.
14. Чукин Д. С. Справедливость как правовая категория и ее виды в контексте судебного усмотрения // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (6). С. 82–88.
15. Кассационный суд запретил прощать людей за кражи со взломом // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/09/28/gostem-ne-schitat.html> (дата обращения: 19.10.2023).

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 № 195-FL in Collection. Russian legislation Federation. 2002. Vol. 1 (part 1), Art. 1; 2023. Vol. 21. Art. 3794. (In Russ.).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2005 № 5 “On some issues that arise for courts when applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” in Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. Vol. 6. (In Russ.).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 40 “On amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2005 № 5 “On some issues that arise for courts when applying the Code of the Russian

- Federation on Administrative Offenses” in Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. Vol. 2. February. (In Russ.).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 2, 2004 № 10 “On some issues that arose in judicial practice when considering cases of administrative offenses” in Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Vol. 8, 2004; Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. Vol. 3. March. (In Russ.).
  5. Bastrykin A.I. Topical problems of improving the judicial system and the activities of the courts of the Russian Federation: a lecture. *Yuridicheskaya mysl'*. 2022;3(127):188-210. (In Russ.).
  6. Bezhentsev AA, Pauk NN. The insignificance of an administrative offense: the possibility of exemption from administrative liability. *Kriminologicheskij zhurnal*. 2023;3:31-35. (In Russ.).
  7. Voropaev DA. Justice as a moral and legal category and its formalization in national legislation. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2022;2(44):46-53. (In Russ.).
  8. Keramova SN. Some problems of legislation on administrative offenses in Russia. *Yuridicheskij vestnik DGU*. 2023;45(1):48-51. (In Russ.).
  9. Makareiko NV. Legislative examination of the limits of administrative responsibility. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2022;16:136-139. (In Russ.).
  10. Popov AV, Fomina IA. The concept and criteria of insignificance of a committed administrative offense. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. 2023;20;2:132-144. (In Russ.).
  11. Prokhorov-Malyasov GS. Post-information society is a key stage of social transformation. Prognostic aspect. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2022;11;6A:137-147. (In Russ.).
  12. Strus KA, Dorofeev IA. On the issue of the insignificance of environmental violations. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*. 2023;8(107):22-27. (In Russ.).
  13. Khmelevskaya TA. Petty theft of someone else's property and a minor act: issues of judicial and doctrinal interpretation. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2023;1(55):94-98. (In Russ.).
  14. Chukin DS. Justice as a legal category and its types in the context of judicial discretion. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2022;1(6):82-88. (In Russ.).
  15. The Court of Cassation prohibited forgiving people for burglary. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2023/09/28/gostem-ne-schitat.html> (accessed: 10.19.2023). (In Russ.).

Научная статья

УДК 347.67

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.15>**ПРАВОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ****Марина Александровна Мельничук^{1*}, Оксана Николаевна Савченко²**^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Кандидат юридических наук, доцент
melsi.76@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0423-4720>² Старший преподаватель кафедры
Saw4encko.xenia@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9816-6919>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Изучение роли искусственного интеллекта и его влияния на гражданское судопроизводство представляет собой активно исследуемую проблему, поскольку его внедрение становится повсеместным. **Материалы и методы.** Исследование построено на научных работах как российских, так и зарубежных ученых. Обращение к научным взглядам конкретных ученых позволило обобщить взгляды на сущность искусственного интеллекта, провести анализ форм его использования. Исследование вопроса обусловило применение общенаучных, логических, сравнительно-правовых методов, а также методов системного и комплексного анализа, позволивших всесторонне и полно изучить современное состояние исследуемого явления. **Анализ.** Исследование различных научных разработок позволяет говорить о формировании новой научно-технологической среды, появлении новой области правоотношений с использованием технологий искусственного интеллекта. **Результат.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости формирования специальных норм законодательства по созданию и использованию искусственного интеллекта. Авторы обосновывают необходимость формирования принципиально нового ин-

струментария правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве, что связано со спецификой электронных лиц, характеризующейся прежде всего трудностями локализации их юридически значимого поведения.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровизация, судопроизводство, искусственный интеллект, интеллектуальная система, анализ данных, правоотношение, роботизированные механизмы

Для цитирования: Мельничук М. А., Савченко О. Н. Правовая идентификация искусственного интеллекта в гражданском процессе // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2024. Т. 11 (1). С. 136–143. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.15>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 13.10.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

LEGAL IDENTIFICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL PROCEEDINGS**Marina A. Melnichuk^{1*}, Oxana N. Savchenko²**^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Cand. Sc. (Law), Associate Professor
melsi.76@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0423-4720>² Senior Lecturer
Saw4encko.xenia@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9816-6919>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The study of the role of artificial intelligence and its impact on civil proceedings is an actively researched problem, since its implementation is becoming widespread. **Materials and Methods.** The research is based on the scientific works of both Russian and foreign scientists. The appeal to the scientific views of specific scientists made it possible to generalize views on the essence of artificial intelligence, to analyze the forms of its use. The study of the issue led to the use of general scientific, logical, comparative legal methods, as well as methods of systematic and complex analysis, which made it possible to comprehensively and fully study the current state of the phenomenon under consideration. **Analysis.** The study of various scientific developments allows us to talk about the formation of a new scientific and technological environment, the emergence of a new field of legal relations using artificial intelligence technologies. **Results.** Based on the results of the conducted research, it can be concluded that it is necessary to form special norms of legislation on the creation and use of artificial intelligence. The authors substantiate the need to form

a fundamentally new toolkit for the legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in legal proceedings, which is associated with the specifics of electronic persons, characterized primarily by difficulties in localizing their legally significant behavior.

Keywords: civil procedure, digitalization, legal proceedings, artificial intelligence, intelligent system, data analysis, legal relationship, robotic mechanisms

For citation: Melnichuk MA, Savchenko ON. Legal identification of artificial intelligence in civil proceedings. *Humanities and law research*. 2024;11(1):136-143. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.15>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 12.08.2023.

The article was approved after reviewing: 13.10.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. В настоящее время в мире искусственный интеллект (далее – ИИ) стремительно становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, активно внедряясь в науку, медицину, финансы, в производство, сельское хозяйство, розничную торговлю, образование, судопроизводство.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды зарубежных и российских исследователей в области искусственного интеллекта. Значительный вклад в развитие научного обоснования применения искусственного интеллекта внесли такие ученые, как: А. А. Карцхия, М. П. Морхат, И. В. Понкин, Джон Маккарти, Гарри Сурден. Авторы фокусируют внимание на особенностях применения технологий искусственного интеллекта в различных сферах с учетом тенденций XXI в.

Исследование вопроса обусловило применение общенаучных, логических, сравнительно-правовых методов, а также методов системного и комплексного анализа, позволивших всесторонне и полно изучить исследуемое явление.

Анализ / Analysis. Понятие «искусственный интеллект» представляет собой структурно сложное и многозначное определение, поскольку включает в себя основные технологические признаки и правовые конструкции, обуславливающие его назначение и реализацию. С технологической точки зрения искусственный интеллект представляет собой запрограммированный код, направленный на выполнение заданных функций.

Искусственный интеллект – это достаточно многогранное явление, сочетающее в себе результаты многих наук, в связи с чем принято выделять два основных вида искусственного интеллекта: сильный и слабый.

Слабый искусственный интеллект действует в рамках ограниченного диапазона, то есть выполняет небольшой перечень функций для достижения конкретного результата. Например, онлайн-игра в шахматы, где противником является не человек, а искусственный интеллект, запрограммированный на ходы и приемы известные шахматной тактике, системы умных домов, колонка Яндекс «Алиса», выполняющей функции голосового поиска и оперативном предоставлении информации. Искусственный интеллект называется в данном случае слабым, поскольку очень далек от самостоятельной деятельности.

Сильный же искусственный интеллект способен выполнять широкий спектр задач, которые свойственны человеческому интеллекту, а также он имеет способность самообучаться. Очевидно, что в данном случае искусственный интеллект подобно человеку способен создавать произведения творчества, выдвигать научные концепции и создавать изобретения, что в итоге является результатом интеллектуальной деятельности.

К судопроизводству можно применить аналогичную логику. Так, используя определенную базу данных для поиска необходимой информации, человек самостоятельно формирует запрос для получения, например, необходимой судебной практики, выступая при этом эксплуатантом программного обеспечения, автоматизирующего работу. Если же пользователь загружает в систему сведения об обстоятельствах, фактах, имеющихся доказательствах и т.д., а программа после обработки информации выдает правовое заключение, основанное на законе, налицо самостоятельная работа искусственного интеллекта.

Попытки правоприменителей разных стран, в том числе и России формально закрепить и урегулировать отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта, не дали желаемого результата: четкое и подробное описание термина «искусственный интеллект» отсутствует, несмотря на активное использование ИИ. [11, р.315–328].

Считаем, что такая ситуация может объясняться отсутствием как в странах Европы, так и в США, Китае, Японии и др. однообразного правового подхода к самому понятию «искусственный интеллект» и его основным (базовым, ключевым) характеристикам.

Очевидно, что определение максимально четкого и единого определения искусственного интеллекта проблематично по причине происходящих процессов практически ежедневного внедрения новых видов роботизированных систем, обладающих признаками интеллектуального разума. [3, р. 25–28].

В этой связи интересной видится позиция американских ученых, предлагающих несколько типов искусственного интеллекта:

1). Реактивные машины не могут накапливать информацию, обладают простейшим набором функций, состоящих в идентификации объекта и прогнозировании некоторых действий.

2). Интеллектуальные системы с ограниченной памятью заранее запрограммированы

на выполнение конкретных задач, идентификацию объектов.

3). Роботизированные механизмы, обладающие разумом, способны читать эмоции, чувства, предполагать варианты развития событий.

4). Искусственный интеллект, обладающий самосознанием, может формировать представление о себе, предчувствовать поведение и эмоции других. Полагаем, в скором будущем будут использоваться подобные умные системы, направленные на решение сложных задач, возникающих в социальной, правовой, финансовой, медицинской и иных сферах [5].

Указанная позиция отражает виды искусственного интеллекта, существующие в настоящее время и доступные функциональному описанию. То есть к основным чертам и характеристикам искусственного интеллекта причисляют работу по заранее определённым кругу задач и знаний, автономность. Таким образом, сделан акцент на том, что есть технология, позволяющая выполнить определённые задачи (запрограммированные человеком), а в идеале – и вовсе заменить собой человека.

Если когда-нибудь искусственный интеллект будет иметь свой закреплённый статус субъекта права наравне с физическими, юридическими лицами и государством, то встанет вполне очевидный вопрос о том, какие у него права и обязанности.

Концепция об искусственном интеллекте как о субъекте права выделяет следующие права, которыми может обладать искусственный интеллект и которые могли бы защищаться и гарантироваться государством.

Во-первых, это право на функционирование, что предполагает отсутствие создаваемых препятствий кем-либо искусственному интеллекту в осуществлении им деятельности, для которой он был создан. В право на функционирование также входит право на энергообеспечение, то есть право не быть отключенным от электросети.

Во-вторых, право на самообучение, то есть искусственный интеллект имеет право на усвоение и обработку информации, расположенной в открытом доступе, а также на применение общенаучных методов для получения научного знания.

В-третьих, право на неприкосновенность носителя искусственного интеллекта, означающее, что никто не может посягать на но-

ситель, проводить с ним такие операции как, например, форматирование, удаление файлов, ликвидация носителя и тому подобное, за исключением случаев, специально указанных в законодательных или судебных актах.

При этом следует помнить, что статус искусственного интеллекта не может быть полностью отождествлен со статусом юридического или физического лица. Скорее речь может идти об использовании отдельных положений из концепций правосубъектности физических и юридических лиц, заимствовании определённых элементов.

Так, например, можно позаимствовать из теории правового статуса юридического лица элементы регистрации искусственного интеллекта и присвоения ему учетного номера, конкретизацию полномочий, соответствующих целям его деятельности.

Но все же искусственный интеллект невозможно представить с современным правовом поле как классический субъект права. Помимо раннее перечисленных схожих особенностей с физическими и юридическими лицами, следует назвать основные отличия искусственного интеллекта: искусственный интеллект не может соперничать с физическим лицом ввиду физиологии: когнитивные способности искусственного интеллекта пока ограничены диапазоном, заданным человеком, в искусственных нейронных сетях слои нейронов срабатывают последовательно, а в человеческом мозге обмен информацией между нейронами идет параллельно и синхронно.

Говоря об искусственном интеллекте как об объекте права, правоведы имеют в виду результат интеллектуальной деятельности, на которое распространяется право авторства и право правообладателя. Искусственный интеллект является предметом того, по поводу чего складываются отношения в области машинного права или права роботов. Классифицировать вещи как объекты гражданских прав можно по нескольким различным критериям, но в качестве основных следует выделить оборотоспособность, подвижность и индивидуализацию.

По критерию оборотоспособности можно выделить искусственный интеллект двух уровней:

1) искусственный интеллект, свободно обращаемый в обороте;

2) искусственный интеллект, ограниченный в обороте.

По критерию индивидуализации также можно применить классификацию high safety, middle safety, low safety искусственного интеллекта. В данном случае high safety искусственный интеллект будет представлять в теории программу или код, применяемый почти во всех сферах и обладающий родовыми признаками, то есть признаками, присущими всем видам искусственного интеллекта.

Модели middle safety и low safety будут являться индивидуально-определенными вещами с присущим уникальным производственным кодом и регистрационным номером [4].

По критерию подвижности искусственный интеллект также можно разделить на движимые и недвижимые. Техническая конструкция искусственного интеллекта предполагает, что он является вещью движимой, исключение может быть указано в законодательном акте. Так, например, недвижимым можно признать искусственный интеллект, используемый в целях обеспечения национальной безопасности, при секретных разработках, в том числе деятельности закрытых НИИ, который неотделим от какой-либо технологичной или технической конструкции. Движимый искусственный интеллект по определению может быть свободно перемещён в пространстве и не будет требовать применения норм о недвижимых вещах.

В рамках исследуемого вопроса нельзя обойти вниманием проблему, тесно связанную с регулированием искусственного интеллекта – проблему качества данных.

Одним из ключевых элементов любой системы искусственного интеллекта является сбор и подготовка наборов данных. Обычно они поступают из разных источников, поэтому их приходится интегрировать, очищать, фильтровать и преобразовывать в удобный формат (нормализованный) для обработки имеющимися средствами машинного обучения. Некоторые наборы рабочих данных используются для создания моделей алгоритмов обучения. При использовании этих моделей должна быть полная уверенность в том, что они правильно выполняют заложенные функции и свойства, такие как когерентность, согласованность и т. д., то есть они должны пройти верификацию [1, р. 41—48].

Модель с наилучшей производительностью выбирается для производства, обычно подвергающегося предварительному тестовому сеансу с другим набором данных. Си-

стемы искусственного интеллекта уже способны принимать трудные решения, которые до сих пор основывались на человеческой интуиции или законах и судебной практике. Диапазон решений ИИ варьируются от простейших вопросов до вопросов экономической, правовой, социальной и иной важности.

Если бы эти решения принимал человек, то он всегда подчинялся бы закону и принципу справедливости, поскольку судебное решение должно сопровождаться правовой мотивацией, т. е. иметь обоснование решения в соответствии с законом. В настоящее время для искусственного интеллекта таких правил нет.

Благодаря более быстрым специализированным процессорам, лучшему программному обеспечению и большим наборам данных искусственный интеллект может делать больше и доступнее, чем когда-либо. В результате искусственный интеллект становится всепроникающим и всеобщим, что, в свою очередь, привлекает все большее внимание регулирующих органов. Регулирование искусственного интеллекта является конкурентным инструментом на геополитическом уровне. Если одна страна или регион смогут установить глобальный стандарт регулирования искусственного интеллекта, это может дать конкурентное преимущество компаниям, работающим в этой стране или регионе.

Но выяснить, как эффективно регулировать искусственный интеллект, будет непросто, т.к. многие вычисления искусственного интеллекта «необъяснимы»: алгоритм принимает решения, но мы не знаем, почему он его принял. Это отсутствие прозрачности делает регулирование деятельности искусственного интеллекта более сложным.

Несомненно, ИИ способен значительно улучшить качество и эффективность работы судов и юристов, ускорить рассмотрение дел и повысить качество принимаемых решений. Однако внедрение ИИ в эту область сталкивается с рядом вызовов, связанных с этическими, юридическими и технологическими аспектами, которые необходимо решить прежде, чем искусственный интеллект станет неотъемлемой частью судебной системы.

Развитие судебной системы, а также повышение эффективности при осуществлении правосудия на должном уровне полностью зависит от оптимизации и внедрения цифровых технологий, которые позволяют улуч-

шить результативность при разрешении разного рода споров. Сказанное дает возможность предположить, что в скором времени будет автоматизирован весь процесс правосудия [11, р.315 – 328].

Следует отметить, что обозначенный вопрос интересует правоприменителей не только России, но и других стран.

В связи с этим в 2018 г. появился первый международный акт, посвященный вопросам применения ИИ в правосудии – Европейская этическая хартия о применении ИИ в судебных системах.

В Хартии выделены следующие принципы использования ИИ:

1) Принцип уважения основополагающих прав, направленный на обеспечение, разработку и внедрение инструментов и услуг, имеющих в основе искусственный интеллект, и закрепляющий гарантии на осуществление справедливого правосудия.

2) Принцип недискриминации, провозглашающий запрет любой дискриминации между субъектами;

3) Принцип качества и безопасности, состоящий в означении, что обработка судебных решений и данных должна осуществляться с использованием сертифицированных источников и безопасной технологической среды;

4) Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности, направленный на создание доступных методов обработки данных, соответствующих требованиям прозрачности, нейтральности, лояльности, достоверности;

5) Принцип контроля пользователем, означющий возможность специалистов системы правосудия в любой момент пересмотреть судебные решения, принятые искусственным интеллектом. Суть данного принципа состоит в закреплении права судьи не согласиться с решением ИИ и принять собственное решение.

6) Участнику спора должно быть предоставлено право обращения к суду без использования ИИ и возможность оспорить решение, принятое ИИ. [10].

Исходя из основ правового регулирования гражданского судопроизводства, суть которого заключается в совокупности процессуальных действий и гражданско-процессуальных правоотношений, складывающихся между судом и иными субъектами при рассмотрении и разрешении гражданского дела

судом, необходимость оптимизации с привлечением информационных технологий увеличивается.

Судебная система России активно развивает свои собственные электронные системы, в основе которых лежит искусственный интеллект и его огромные возможности.

В ближайшем будущем планируется запустить суперсервис «Правосудие онлайн», представляющий собой основу цифрового правосудия. [6]

Главная задача платформы – автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела.

Таким образом, «Правосудие онлайн», станет новым инструментом, позволяющим обработать с минимальными временными затратами сложившуюся в стране судебную практику и предложить судьям проекты решений при рассмотрении и разрешении того или иного судебного дела.

Кроме того, можно будет воспользоваться следующими услугами: ознакомление с материалами дела онлайн, запрос и получение сведений о движении дела, получение судебных решений, заверенных усиленной квалифицированной подписью.

Названные сервисы предоставляют гражданам возможность самостоятельно сформировать иск, ознакомиться с информацией, получить документы, не обращаясь к помощи специалистов.

Электронное правосудие позволяет значительно упростить и ускорить подачу документов, представление определенных материалов, ознакомление с ними.

Следовательно, автоматизация судопроизводства позволит снизить нагрузку на судебный аппарат, в том числе на секретарей судов и даст судьям возможность работать при помощи искусственного интеллекта, который за считанные секунды подготовит проект документа, создаст шаблон, предоставив судье возможность не тратить время на составление документа, а только лишь проанализировав подготовленные материалы, вынести решение по существу, тем самым повысить качество работы судьи и его эффективность.

Кроме того, использование искусственного интеллекта может способствовать устранению некоторых ошибок и предубеждений, присутствующих при принятии человеком

решений. Алгоритмический подход к принятию решений может быть более объективным и не зависеть от эмоциональных факторов, что в свою очередь способно обеспечить более справедливый и надежный процесс судопроизводства.

Искусственный интеллект также может оптимизировать работу судов, автоматически распределяя дела в зависимости от занятости и специализации судей, отслеживая процессуальные сроки, составляя наиболее удобное расписание исходя из загруженности судьи, сложности рассматриваемого дела и сроков его рассмотрения. В данном случае ИИ представляет собой систему, выполняющую административную функцию, увеличивающую эффективность работы суда в целом [3, p.25–28].

Помимо этого, самым очевидным видится применение искусственного интеллекта в качестве помощника или секретаря, т. к. именно указанные лица выполняют большинство вспомогательных функций, обеспечивающую работу судьи.

Так, именно система на базе искусственного интеллекта может самостоятельно оповещать участников процесса о дате судебного заседания, вести протокол судебного заседания, расшифровывая аудио протокол, заносить процессуальные документы в общую базу данных, делать опись оцифрованных документов [8].

Кроме того, интеллектуальный разум можно использовать при рассмотрении аналогичных дел, имеющих в основе похожие исковые требования.

Однако применение искусственного интеллекта в гражданском процессе имеет свои ограничения и проблемы.

Во-первых, необходимо решить технические вопросы, связанные с разработкой и внедрением ИИ-систем, а также обеспечением конфиденциальности и защитой персональных данных.

Если оцифровка всех поступающих в суд текстовых документов в электронную машиночитаемую форму с соблюдением единого формата решается при помощи специального программного обеспечения и правильно выстроенной архитектуры, то для защиты персональных данных необходимо наличие четких правил и регламентов, направленных на их сбор, хранение, использование, а также внедрения специального софта, препятствующего их утечки от несанкционированного доступа и

кибер-атак, что требует значительных материальных затрат со стороны государства.

Во-вторых, существуют этические вопросы. Принято, что правосудие осуществляется судьей - человеком, обладающим высокими моральными и нравственными качествами и являющимся высоким специалистом в области права. Искусственному интеллекту - машине, работающей по прописанному алгоритму, чужды такие нравственные ценности как совесть, справедливость, милосердие [11].

Результаты / Results. Таким образом, внедряя ИИ в суды требуется учитывать следующие факторы:

1) ИИ не обладает сознанием, позволяющим глубоко проникнуть в суть проблемы, анализируя не только нормативно-правовые акты, но и определённые категории, дающие понимание о добросовестности, нравственности, справедливости.

2) В процессуальном законодательстве закреплён специальный статус судьи, гарантирующий самостоятельность, независимость и подчинение только закону. Невозможно говорить о независимости и самостоятельности ИИ, так как его работоспособность поддерживают программисты.

3) Сложно будет применить ИИ при оценке доказательств, так как распознавание им предмета далеко не всегда является точным.

Системы ИИ, применяемые сейчас умеют самостоятельно обобщать информацию, выступать своего рода консультантом при подаче иска, жалобы, автоматически регистрируют и ведут реестр поступивших дел.

То есть налицо деятельность ИИ, выражающаяся в способности осуществлять определённые действия по обработке информации без вмешательства человека.

Постоянное изменение законодательства, расширение правоприменительной практики, сопровождается увеличением нагрузки на работников судебного аппарата и как следствие, возникновению ошибок. Сказанное лишнее раз подтверждает необходимость внедрения в судопроизводство интеллектуального разума, способного быстро обрабатывать информацию, принимать объективные решения.

Но любые цифровые технологии могут применяться не только для достижения благой цели, но и для совершения противоправных действий.

Уже сейчас ИИ научили подделывать некоторые биометрические данные человека,

позволяющие получить доступ к информации или активам, проникать в личные данные человека в целях мошенничества.

То есть очевидна необходимость установления ограничений, пределов взаимодействия ИИ и человека во избежание негативных результатов и их последствий.

Несмотря на эти проблемы, перспективы развития ИИ в гражданском процессе очень велики. С развитием технологий и доступности данных ИИ-системы рано или поздно станут неотъемлемой частью нашей судебной системы, повышая эффективность, доступность и прозрачность правосудия для граждан.

В целом, использование искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве имеет большой потенциал и может значительно улучшить процесс рассмотрения дел и оказания юридических услуг. Однако для этого необходимо решить ряд проблем, связанных с этикой, конфиденциальностью и доступностью данных.

В этой связи, наиболее правильным и эффективным представляется разработка единого, стандартизированного подхода в области терминов и определений, которые характеризуют как само понятие «искусственного интеллекта», так и иных условий его применения.

Литература

1. Карцхия А. А. Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–32.
2. Карцхия А. А. Цифровые технологии в процессе «цифровой» адаптации права // ИС. Промышленная собственность. 2019. № 5. С. 41–48.
3. Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.
4. Маккарти Дж. Что такое искусственный интеллект? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
5. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. М.: Буки Веди, 2017. 258 с.
6. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий»: распоряжение Правительства РФ от 30 дек. 2013 г. № 2602-р : (ред. от 5 дек. 2014 г.). URL: <http://base.garant.ru/70555876>. (дата обращения: 28.11.2023 г.)
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://base.garant.ru/70555876>. (дата обращения 11.11.2023 г.)
8. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 28.11.2023 г.)
9. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
10. Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://www.rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043. (дата обращения: 22.11.2023).
11. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
12. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. P.1306–1337.

References

1. Kartskhiya AA. Artificial intelligence: "Pandora's box" or a new hope? *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2017;4:23-32. (In Russ.).
2. Kartskhiya AA. Digital technologies in the process of "digital" adaptation of law. *IS. Promyshlennaya sobstvennost'*. 2019;5:41-48. (In Russ.).
3. Kartskhiya AA. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign regulatory experience. *Grazhdanskoe parvo*. 2019;3:25-28. (In Russ.).
4. McCarthy J. What is artificial intelligence? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (accessed: 11.11.2023). (In Russ.).

5. Morkhat PM. Artificial intelligence: a legal view: monograph. Moscow: Buki Vedi; 2017. 258 p. (In Russ.).
6. On the approval of the action plan ("roadmap") "Development of the information technology industry": Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2013 No. 2602-r: (ed. from 5 Dec. 2014). URL: <http://base.garant.ru/70555876>. (accessed: 11.11.2023). (In Russ.).
7. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203. URL: <http://base.garant.ru/70555876>. (accessed: 11.11.2023). (In Russ.).
8. On the approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation": Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-R. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/>. (accessed: 11.11.2023). (In Russ.).
9. Ponkin IV, Redkina AI. Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Series: Legal Sciences. 2018;22;1:91-109. (In Russ.).
10. The Council of Europe adopted the Charter on the judicial application of artificial intelligence. URL: <http://www.rapsinews.ru/intern> (accessed: 11.11.2023)
11. Yastrebov OA. Artificial intelligence in the legal space. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Series: Legal Sciences. 2018;22;3:315-328. (In Russ.).
12. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview. *Georgia State University Law Review*. 2019;35:1306-1337.

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.16>**ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛИ – ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА****Никита Михайлович Новик**

Северо-Кавказский социальный институт (д. 59А, ул. Голенева, Ставрополь, 355012, Российская Федерация)
Аспирант
novik-nikita@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4304-9136>

Аннотация. Введение. Актуальностью исследования исследование является рассмотрение вопроса квалификации заведомо ложных сообщений о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти, число которых кратно увеличилось за последние годы, и влияние действующей редакции ст. 207 УК РФ на повышение общей превенции в отношении указанного преступления. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе научной литературы и судебной практики, сложившейся с применением новой редакции ст. 207 УК РФ, начиная с 2018 г. **Анализ.** В исследовании представлен авторский анализ изменений, внесенных с 11.01.2018 ст. 207 УК РФ, направленных, по мнению законодателя, на усиление ответственности за данное преступление, однако, сузивших применение данной нормы и смягчивших ответственность за указанное преступление. В статье приведены примеры судебной практики, свидетельствующие о неоднозначном применении ст. 207 УК РФ, отсутствии точного определения термина «дестабилизация деятельности органа власти» и единообразного установлении судами указанной цели, применительно к ст. 207 УК РФ. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сде-

лать вывод о том, что новая редакция ст. 207 УК РФ сужает число деяний, формально подпадающих под признаки данного преступления, однако не образующих его состава, в связи с чем преследуемые законодателем цели при внесении изменений в указанный состав преступления, направленные на усиление ответственности за совершение заведомо ложных сообщений об акте терроризма и повышение общей превенции в отношении указанного преступления, не могут быть достигнуты.

Ключевые слова: терроризм, акт терроризма, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, дестабилизация деятельности органов власти, дезорганизация деятельности органов власти, общественный порядок, нарушение общественного порядка

Для цитирования: Новик Н. М. Значение цели – дестабилизации деятельности органов власти при квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 144–151. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.10.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

THE MEANING OF THE AIM TO DESTABILIZE THE ACTIVITY OF OFFICIAL AUTHORITIES IN QUALIFYING A KNOWINGLY FALSE REPORT ABOUT AN ACT OF TERRORISM**Nikita M. Novik**

North Caucasus Social Institute (59A, Goleneva St., Stavropol, 355012, Russian Federation)
Postgraduate student
novik-nikita@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4304-9136>

Abstract. Introduction. The relevance of the study is to consider the issue of qualifying deliberately false reports about an impending explosion, arson or other actions that create a danger of death, causing significant property damage or other socially dangerous consequences in order to destabilize the activities of government bodies, the number of which has increased exponentially in recent years, and influence of the current version of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation to increase general prevention in relation to this crime. **Materials and methods.** The study analyzes scientific literature and judicial practice that has developed with the use of the new edition of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation, starting from 2018. **Analysis.** The article provides examples of judicial practice indicating the ambiguous use of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation, the absence of a precise definition of the term “destabilization of the activities of a government body” and the uniform establishment by the courts of this goal, in relation to Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that the new version of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation narrows the number of acts that formally fall under the elements of this crime, but do not form

its constituent elements, and therefore the goals pursued by the legislator when amending the specified corpus delicti are aimed at strengthening liability for committing knowingly false reports about an act of terrorism and increasing the overall prevention in relation to this crime cannot be achieved.

Keywords: terrorism, act of terrorism, deliberately false report about an act of terrorism, destabilization of the activities of official authorities, disorganization of the activities of official authorities, public order, violation of public order

For citation: Novik NM. The meaning of the aim to destabilize the activity of official authorities in qualifying a knowingly false report about an act of terrorism. *Humanities and law research*. 2024;11(1):144-151. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.08.2023.

The article was approved after reviewing: 18.10.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение. Федеральным законом от 31.12.2017 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 501-ФЗ), вступившим в силу 11.01.2018, в ст. 207 УК РФ были внесены существенные изменения.

Так, например, диспозиция ч. 3 ст. 207 УК РФ включает в себя цель дестабилизацию деятельности органов власти. Санкция ч. 3 ст. 207 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 8 лет, тогда как ч. 1 ст. 207 УК РФ лишение свободы не предусмотрено. Получается, что от установления цели дестабилизации деятельности органа власти будет зависеть совершено ли преступление небольшой тяжести, либо тяжкое, и, соответствующее наказание.

Совокупность каких признаков должна свидетельствовать о наличии указанной цели у субъекта преступления? В связи с этим важное значение имеет четкое определение понятия дестабилизации деятельности органа власти и верное установление данной цели в действиях виновного лица. В противном случае величина ошибки будет стоить, предусмотренному ч. 3 ст. 207 УК РФ наказанию.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе научной литературы и судебной практики, сложившейся с применением новой редакции ст. 207 УК РФ, начиная с 2018 г.

Анализ. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Пояснительная записка) [3], направленного на усиление уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, не раскрывает понятие «дестабилизации деятельности органов власти», тогда как указанная цель является обязательным квалифицирующим признаком состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 207 УК РФ.

Впервые цель «дестабилизация деятельности органов власти» была закреплена в УК РФ в 2014 году в ст. 205 УК РФ. Согласно п. 1 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики

по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее – Пленум) «...при решении вопроса о направленности умысла виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, время, место, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления, характер и размер наступивших или предполагаемых последствий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного...» [2]. Однако, анализом судебной практики установлено, что указанные в п. 1 Пленума обстоятельства, свидетельствующие о направленности умысла виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти не способствуют установлению указанного умысла, поскольку время сообщения об акте терроризма принципиального значения не имеет, ввиду того, что в любое время суток это влечет одни и те же последствия в виде паники, стресса, эвакуации работников в рабочее время, эвакуация дежурных, охраны и иных лиц в нерабочие дни, и в конечном итоге нарушение нормальной деятельности органа. Место, если это не непосредственно орган власти, то последствия одни и те же: выезд специальных служб, необходимых для проведения проверочных мероприятий. Способ совершения анализируемого преступления в подавляющем большинстве случаев это сообщение по телефону и иным мобильным средствам связи о готовящихся противоправных действиях. Обстановка: за исключением случаев, когда в населенном пункте действует режим ЧС, чаще всего одинаковая. Орудия и средства совершения преступления: средства связи, по которым передается сообщение, которые также всегда похожи.

Таким образом, согласно п. 1 Пленума только характер и размер предполагаемых (или даже точнее будет сказать желаемых) последствий, а также предшествующее преступлению (например, повод) и последующее поведение виновного (например, получение определенной выгоды от произошедшего) могут тем или иным образом свидетельствовать о цели субъекта преступления. В связи с чем, в каждом конкретном случае органами предварительного следствия и в последующем судом должны быть проведен анализ и оценка всех обстоятельств содеянного для решения вопроса о направленности умысла

виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти.

Системный подход в установлении судами цели «дестабилизация деятельности органа власти» в действиях подсудимых, отсутствует, как и отсутствует единообразие в определении и понимании самого термина «дестабилизация деятельности органа власти».

Приговором Зеленодольского городского суда Республики Татарстан И. осужден по ч. 3 ст. 207 УК РФ, поскольку, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сообщил по телефону, что в школе, в которой в период проведения выборов Президента Российской Федерации были размещены избирательные участки, установлено взрывное устройство, которое взорвется в день проведения выборов. Как указал суд, своими действиями И. нарушил режим функционирования правоохранительных и иных государственных органов и причинил имущественный вред, связанный с понесенными затратами на проверку указанного сообщения [6].

Исходя из логики Зеленодольского городского суда Республики Татарстан, любое заведомо ложное сообщение об акте терроризма необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 207 УК РФ, поскольку они сопровождаются незамедлительной проверкой объекта на наличие взрывных устройств, взрывчатых веществ и т.д.

В приговоре Калининского районного суда г. Тюмени под дестабилизацией деятельности органа власти суд понимает «нарушение нормальной деятельности сотрудников филиала ФКУ УИИ УФСИН России по Тюменской области» [5], тогда как в приговоре Южноуральского городского суда Челябинской области под дестабилизацией деятельности органов власти понимается наступление последствий в виде нарушения режима либо полного прекращения работы специальных служб. Суд указывает, что выезд указанных служб на место совершения преступления не может признаваться дестабилизацией деятельности органов власти, поскольку он осуществляется в соответствии с теми задачами, для которых и были созданы данные службы, а именно предотвращение преступлений, установление лиц, совершивших преступления, предотвращение возгорания и иных происшествий, в результате которых возникает опасность гибели людей, и никак не повлияет на установленный трудовой порядок несения службы [7].

Обращаясь к толковым словарям, значение термина «дестабилизация» можно интерпретировать как: нарушение устойчивого хода, течения какого-либо процесса [8]; нарушение привычного образа жизни, равномерности и постоянства каких-либо процессов, величин, свойств и т.п., действие, направленное против порядка и устойчивого состояния [10]; нарушение стабильности чего-либо [9]. Таким образом, в самом общем понимании значение термина «дестабилизация» заключается в «нарушении устойчивого (привычного) хода (течения) какого-либо процесса».

Устойчивое течение процесса в органах власти – это исполнение указанным органом своих полномочий (обязанностей), в связи с чем нарушение устойчивого течения процесса в органах власти возможно вследствие полного прекращения деятельности указанного органа и невозможности осуществления им своих полномочий. Иными словами, совершение анализируемых действий в целях дестабилизации органа власти тождественно совершению указанных действий в целях воспрепятствования осуществлению органом власти своих полномочий, которое возможно при полном прекращении деятельности данного органа.

При этом, намного чаще (по данным отдельных исследователей – в 18% случаев) следственными органами и судами устанавливается цель не дестабилизация, а дезорганизация органов власти и охраны правопорядка, отвлечения сил и средств правоохранительных органов на проверку ложного сообщения [1].

Термин «дезорганизация» совершенно неприменим к анализируемому составу преступления, поскольку согласно определению С.И. Ожегова дезорганизация – это нарушение порядка, дисциплины, организованности [11], а согласно словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой – нарушение, расстройство порядка, нормальной деятельности в каком-либо деле, предприятии, работе и т.д. [12] Представляется, что дезорганизация любой деятельности, в том числе и деятельности органов власти заключается в нарушении порядка в работе, дисциплины, ненадлежащего исполнения возложенных задач и функций, отсутствие организованности при исполнении отдельных поручений, нарушение порядка и сроков исполнения требований, предусмотренных внутренними

регламентами, приказами и иными локальными актами, что не свидетельствует о дестабилизации деятельности, в связи с чем применение термина дезорганизация деятельности органа к ч. 3 ст. 207 УК РФ ни с точки зрения уголовно-правового характера, ввиду его отсутствия в диспозиции данной нормы, ни с точки зрения его значения и содержания.

Фактически же дестабилизация органа власти выражается в последствиях сообщения об акте терроризма, а именно в полном отсутствии возможности выполнять свои функции. Причем, как следует из анализа судебной практики, в некоторых случаях лица, осуществляющие заведомо ложные сообщения об акте терроризма, данную цель не преследовали несмотря на то, что своими действиями привели к указанным последствиям.

Неизбежным последствием любого заведомо ложного сообщения об акте терроризма является восприятие данной угрозы как реальной опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных общественно опасных последствий. В каждом случае это, безусловно, приводит к возникновению страха и паники среди людей, непосредственно находящихся на объекте посягательства, а также волнение и напряженность работников специальных служб, призванных осуществлять проверку указанных сообщений, быть готовыми оказать неотложную помощь пострадавшим, а также ликвидировать, причиненный предполагаемыми последствиями вред.

Проверка любого заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного не в отношении органа власти, предполагает принятие мер, включающих в себя выезд следственно-оперативной группы, привлечение бригады экстренной медицинской помощи, противопожарно-спасательной службы, кинолога со служебной собакой, сотрудников полиции и Росгвардии, эвакуации здания, сотрудников ФСБ. Проверка заведомо ложных сообщений об акте терроризма сопровождается не только мероприятиями по раскрытию и расследованию преступления, охране общественного порядка и эвакуации объекта посягательства, оказанием медицинской помощи, устранения очагов возгорания, установления взрывных устройств и др., но и материальными затратами, понесенными в связи с данными выездами. При этом, каким бы масштабным не был объект посягательства,

каким бы особенностями, усложняющими принятие всех необходимых мер по обеспечению общественной безопасности, он не обладал, к дестабилизации деятельности органов власти, задействованных в проверке указанного сообщения это не приводит по одной простой причине, что в любом случае данный орган продолжает функционировать.

В данном случае речь может идти как раз-таки об уже упомянутой дезорганизации работы органа власти, ввиду нестандартных проявлений анализируемых деяний, что потребует кратное увеличение сил и средств, направленных на выполнение перечисленных выше мероприятий.

Неизбежна дестабилизация деятельности органа власти в случае, когда сам орган власти становится объектом посягательства заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Изучением судебной практики по данному вопросу установлено, что любое заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в отношении органа власти, непременно влекло блокирование его деятельности в связи с полной эвакуацией сотрудников, проведением мероприятий по обнаружению взрывного устройства или иных устройств, способных причинить вред жизни и здоровью работников данного органа, обеспечением общественной безопасности, что приводило к полной остановке работы органа власти. Так при получении ложных сообщений об акте терроризма в суд, неизбежным последствием являлся срыв всех назначенных судебных заседаний, в администрации – прием граждан по актуальным вопросам, оказания социальных услуг, принятия незамедлительных мер организационно-хозяйственного характера в границах муниципального образования, в полиции – отсутствие возможности принимать сообщения о преступлениях и правонарушениях, нарушениях общественного порядка и незамедлительно реагировать на них, нарушение режима содержания и охраны задержанных, и т.д.

Как нами уже отмечалось ранее общественная опасность, являясь основным признаком, характеризующим преступление, выражается, прежде всего, в направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред и зависит от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий. Учитывая, что заведомо ложное сообщение об акте

терроризма, совершенное в отношении органа власти, в каждом случае неизбежно влечет дестабилизацию данного органа, и как следствие невозможность исполнения им своих функций и полномочий, в том числе по защите интересов и прав граждан Российской Федерации, представляется, что под дестабилизацией деятельности органов власти следует понимать действия, совершенные непосредственно в отношении данных органов. В данном случае цель виновного, выраженная в желании дестабилизировать деятельность органа власти, представляется менее общественно опасной, в сравнении с имеющимися последствиями в виде фактического наступления указанной дестабилизации, не говоря уже о том, что совершенно аналогичные действия, совершенные в каких-либо других целях, ч. 3 ст. 207 УК РФ не охватываются, при этом в случае отсутствия хулиганских побуждений, преступными и вовсе не являются.

Таким образом, отсутствует как четкое понимание «дестабилизации деятельности органов власти», а так и единообразие в установлении указанной цели, применительно к ст. 207 УК РФ.

Однако, наиболее вероятным представляется, что дестабилизацией деятельности органов власти является полное отсутствие возможности исполнения им своих функций, ввиду чего указанная цель в большей степени может прослеживаться в случаях совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма в непосредственно отношении данных органов.

Проведенным анализом судебной практики установлено, что зачастую судами цель «дестабилизация деятельности органов власти» устанавливается путем констатации факта осознания подсудимым последствий его действий, а именно что совершенное им заведомо ложное сообщение об акте терроризма, приведет к дестабилизации деятельности органа власти, поскольку будет воспринято как реальная опасность гибели большого количества людей, причинения значительного имущественного ущерба, что повлечет эвакуацию граждан, привлечение сил и средств специальных служб на проверку данного сообщения.

Причины вынесения судами обвинительных приговоров, в которых преступная цель обосновывается путем указания на осознание последствий, могут быть самыми разными,

в частности понимание судом фактической общественной опасности, совершенного подсудимым деяния, и необходимости привлечения лица к уголовной ответственности в целях исправления и предотвращения подобных фактов в дальнейшем, даже не смотря на отсутствие субъективной стороны состава преступления.

Исходя из того, что цель преступления – это мысленная модель (идеальный образ) будущего результата, представление о результате, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления, это те фактические результаты, которых желает достичь виновный посредством совершения преступления. Применительно к диспозиции ч. 3 ст. 207 УК РФ желаемым результатом заведомо ложного сообщения об акте терроризма должна быть именно дестабилизация деятельности органов власти.

Сама по себе цель дестабилизация деятельности органов власти должна быть продиктована какими-либо интересами лица, связанными с воспрепятствованием деятельности органов власти, в противном случае само по себе наличие указанной цели, не сопровождающейся наступлением в связи с ее достижением конкретного результата необходимого (выгодного) лицу, а именно дестабилизации ради дестабилизации, будет свидетельствовать о наличии хулиганских побуждений, поскольку напоминает лишнее, бессмысленное, беспричинное, ничем не оправданное поведение. Ни осознание лицом того факта, что его действия приведут либо могут привести к дестабилизации деятельности органа власти, ни непосредственное наступление указанных последствий не могут служить основанием для квалификации деяния по ч. 3 ст. 207 УК РФ, а отсутствие указанной цели у подсудимого, свидетельствует об отсутствии в его действиях состава данного преступления.

При этом необходимо отметить, что полное исключение из диспозиции ч. 3 ст. 207 УК РФ цели как квалифицирующего признака представляется преждевременным, поскольку невозможно предугадать, что конкретно виновный подразумевает под «дестабилизацией органа власти», в связи с чем в случае установления судом цели подсудимого на дестабилизацию деятельности органа власти, а также наличия доказательств, подтверждающих, желание подсудимого дестабилизировать своим сооб-

щением деятельность органов власти, совершенные при этом не в отношении непосредственно органа власти, представляется справедливым такие действия квалифицировать по ч. 3 ст. 207 УК РФ.

Результаты. Таким образом, можно сделать вывод, что действующая редакция ч. 3 ст. 207 УК РФ вызывает не только трудности в ее применении, ввиду как неоднозначного толкования правоприменителями понятия «дестабилизация деятельности органов власти», так и ненадлежащего ее установления в действиях виновного, тогда как общественная опасность данного преступления в действительности состоит в неизбежно наступающих последствиях в виде дестабилизации деятельности органа власти, в случае совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма в отношении данного органа.

Преследуемые законодателем цели при принятии Закона № 501-ФЗ, направленные на усиление ответственности за совершение заведомо ложных сообщений об акте терроризма и повышение общей превенции в отношении указанного преступления, не могут быть достигнуты, поскольку действующая редакция ст. 207 УК РФ не охватывает все случаи заведомо ложных сообщений об акте терроризма, встречающиеся на практике, поскольку наличие квалифицирующих признаков в виде хулиганского мотива и цели дестабилизации деятельности органов власти сужает сферу применения данной нормы, в результате чего в значительной части противоправных деяний, направленных против общественной безопасности и общественного порядка, состав анализируемого преступления будет отсутствовать, и как следствие достижение цели законодателя по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, и наступления уголовной ответственности за его нарушение, пред-

ставляется сомнительным, в связи с чем в целях охраны общественных отношений, связанных с нормальным функционированием органов власти, обеспечения безопасности социальных объектов и исключения посягательств на иные (не социальные) объекты, а также исключения фактов необоснованного ухода от уголовной ответственности ввиду отсутствия хулиганского мотива или цели дестабилизации органов власти, необходимо исключить из данного состава преступления квалифицирующий признак «хулиганские побуждения», разделив указанную норму по объектам посягательств.

Изложение ч. 3 ст. 207 УК РФ в редакции «Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий в отношении органов власти либо в целях их дестабилизации» не только позволит охватить максимальное число преступлений данной категории, но и способствует соблюдению принципа справедливости, установленного ст. 6 УК РФ, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Изменения, внесенные в ст. 207 УК РФ привели к тому, что совершение одинаковых по степени общественной опасности действий (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) с целью дестабилизации деятельности органа власти либо из хулиганских побуждений, влечет уголовную ответственность, а совершение аналогичных действий по иным мотивам, либо в иных целях – преступным не является.

Литература

1. Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52–60.
2. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2024).
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2024).
4. Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2024).

5. Приговор Калининского районного суда г. Тюмени от 26 февраля 2020 г. по уголовному делу № 1-128/2020. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32848&ts=106430473408762336223463372&base=AOUR&n=5474811&rnd=0.1052480606765922#5v4urmbah1s>. (дата обращения: 21.09.2024).
6. Приговор Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 10 октября 2018 г. по уголовному делу № 1-356/2018. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32838&ts=348112097019018348119261108&base=AOPV&n=8942661&rnd=0.9859284457087385#0979778599496846>. (дата обращения: 21.09.2024).
7. Приговор Южноуральского городского суда Челябинской области от 01 июля 2019 г. по уголовному делу № 1-75/2019. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32848&ts=131114613605602541071742722&base=AOUR&n=4920345&rnd=0.6250089461584485#1idculrux7>. (дата обращения: 21.09.2024).
8. Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: СПб.: Норинт С.А. Кузнецов. 1998. URL: <http://www.endic.ru/kuzhecov/Destabilizacija-3772.html>. (дата обращения: 21.09.2024).
9. Значение термина «дестабилизация» // Википедия. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (дата обращения: 21.09.2024).
10. Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г., 2006. URL: <http://www.endic.ru/legal/Destabilizacija-4898.html>.
11. Сборник словарей: Ефремовой, Ожегова, Шведовой. URL: <http://xn----8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (дата обращения: 21.09.2024).
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (дата обращения: 21.09.2024).

References

1. Kostyleva OV. Knowingly false report of an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the threat of committing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo*. 2018;2:52-60. (In Russ.).
2. Resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/09/2012 № 1 “On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes”. ATP “ConsultantPlus” (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
3. Explanatory note to the draft federal law “On amendments to Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. SPS “ConsultantPlus”. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
4. Federal Law of December 31, 2017 No. 501-FZ “On Amendments to Articles 205 and 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. SPS “ConsultantPlus”. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
5. Verdict of the Kalininsky District Court of Tyumen dated February 26, 2020 in a criminal case № 1-128/2020. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32848&ts=106430473408762336223463372&base=AOUR&n=5474811&rnd=0.1052480606765922#5v4urmbah1s>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
6. Verdict of the Zelenodolsk City Court of the Republic of Tatarstan dated October 10, 2018 in criminal case № 1-356/2018. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32838&ts=348112097019018348119261108&base=AOPV&n=8942661&rnd=0.9859284457087385#0979778599496846>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
7. Verdict of the Yuzhnouralsk City Court of the Chelyabinsk Region dated July 1, 2019 in criminal case № 1-75/2019. URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=1B0B27B7450FEF0D2560F5F202334546&SORTTYPE=0&BASENODE=32848&ts=131114613605602541071742722&base=AOUR&n=4920345&rnd=0.6250089461584485#1idculrux7>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
8. Large explanatory dictionary of the Russian language. - 1st ed.: St. Petersburg: Norint S.A. Kuznetsov. 1998. URL: <http://www.endic.ru/kuzhecov/Destabilizacija-3772.html>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
9. The meaning of the term “destabilization”. Wikipedia. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
10. Dictionary of foreign words. Komlev NG. 2006. URL: <http://www.endic.ru/legal/Destabilizacija-4898.html>. (accessed: 21.09.2024).

11. Collection of dictionaries: Efremova, Ozhegov, Shvedova. URL: <http://xn----8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).
12. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. Research. Ed. AP Evgenieva. 4th ed., revised. Moscow: Rus. language; Polygraph resources, 1999; (electronic version): Fundamental electronic library). URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (accessed: 21.09.2024). (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17>**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ АНАЛИЗЕ, ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ****Елена Анатольевна Пащенко**

Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 70, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
pashenkoea@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7482-9390>

Аннотация. Введение. Нормы советского и российского уголовного законодательства о преступлениях террористической направленности, проанализированные в историческом и современном ракурсах, позволяют рассматривать влияние юридической техники и качества уголовно-правового запрета на состояние уровня преступности. **Материалы и методы.** В работе исследован уголовно-политический метод криминализации, но с позиции изменения его объема во времени. Методологическую основу составили системный метод, анализ и синтез, сравнительно-исторический метод. **Анализ.** Проанализированы количественные и качественные изменения уголовно-правовых норм террористической направленности и соотнесено состояние уголовного законодательства со статистическими показателями преступлений данного вида. Основной целью является формирование с учетом причин террористической активности действенных правовых решений антитеррористической направленности. **Результаты.** Выводные положения, предложенные автором, сводятся к тому, что содержание уголовно-правовых запретов террористической направленности исторически подвергается кардинальному качественному изменению и включает деяния, различные по объекту посягательств. При этом именно расширение перечня составов преступлений влекло за собой положительную динамику данной преступности. В связи с чем целесообразно рассматривать изменение количества совершенных преступлений терро-

ристического характера в соотношении с разновидностью посягательств преступлений и их терминологической корректностью. В статье рассмотрены вопросы этапности формирования правовых запретов за совершение преступлений террористической направленности, на этом фоне выделены качественные конструктивные недоработки в уголовных законах 1922, 1926 и 1960 года. Формирование уголовно-правовых запретов не было лишено конструктивных и содержательных проблем. Автор обращает внимание на понятийный аппарат с присущей ему терминологической невыдержанностью, в том числе используемые ранее законодателем понятия терроризма, террористического акта, террористической акции.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, меры предупреждения, уголовно-правовое реагирование

Для цитирования: Пащенко Е. А. Преступления террористической направленности в ретроспективном анализе, их эффективность и самостоятельность // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 152–159. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

TERRORIST CRIMES IN A RETROSPECTIVE ANALYSIS, THEIR EFFECTIVENESS AND SELF-SUFFICIENCY**Elena A. Pashenko**

South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
pashenkoea@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7482-9390>

Annotation. Introduction. The norms of the Soviet and Russian criminal legislation on terrorist crimes analyzed in historical and modern perspectives allow us to consider the impact of legal technique and the quality of the criminal law prohibition on the state of crime rate. **Materials and Methods.** The paper investigates the criminal-political method of criminalization, but from the position of changing its volume over time. The methodological basis was the system method, analysis and synthesis, and the comparative historical method. **Analysis.** Quantitative and qualitative changes in the criminal law norms on terrorist crimes are analyzed and the state of criminal legislation is correlated with the statistical indicators of the crimes under consideration. The main goal is to form, taking into account the causes of terrorist activity, effective legal solutions of an anti-terrorist orientation. **Results.** The concludes that the content of criminal law prohibitions of terrorist activity historically underwent a fundamental qualitative change and currently includes acts that are different in terms of the object of encroachment. At the same time, it was the expansion of the list of offenses that led to the positive dynamics of this crime. In this connection, it is advisable to consider the change in the number of committed

crimes of a terrorist nature in relation to the type of crimes committed and their terminological correctness. The article deals with the issues of the stages of forming legal prohibitions for terrorist crimes, against this background, qualitative design flaws in the criminal laws of 1922, 1926 and 1960 are highlighted. The formation of criminal law prohibitions was not devoid of constructive and substantive problems. The author draws attention to previously used conceptual apparatus including the concepts of terrorism, a terrorist act, a terrorist action, and its inherent terminological inconsistency.

Keywords: terrorism, terrorist act, preventive measures, criminal law response

For citation: Pashenko EA. Terrorist crimes in a retrospective analysis, their effectiveness and self-sufficiency. *Humanities and law research*. 2024;11(1):152-159. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.09.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. Проблема терроризма настолько не нова, насколько не вчера появились мнения о причинах любого неконструктивного поведения. Исследования причин терроризма сводятся к политическим и историческим попыткам сопоставить народное недовольство государственным управлением и ответным реагированием населения. Такие мнения, безусловно, авторитетны и уважаемы, это позиции, которые выработаны на платформе анализа мотивов, побуждающих террористов всех времен и территорий, действовать с целью оказания влияния на государственные институты.

Террористические атаки, известные истории – это как акции отмщения, так и акции предупреждения или влияния на последующие решения, принимаемые государственной властью. Политические настроения в террористической деятельности выступают обязательным атрибутом и в случае отсутствия – исключают в деянии наличие террористического содержания.

С 2010 г. по настоящее время фиксируется последовательное увеличение преступлений террористического характера. Значение показателей, приведенных на Портале правовой статистики следующее: в 2010 г. зарегистрировано 581 преступление, в 2022 г. – 2233 преступления [7]. Такой прирост свидетельствует о необходимости поиска либо обновленных законодательных конструкций, которые выступают барьером совершения преступлений террористического характера, либо криминологических мер противодействия данной преступности.

Материалы и методы / Materials and methods. Объяснение интереса к вопросу повышения эффективности противодействия угрозам террористического характера в настоящее время оправдано их увеличением. Сопоставление уголовно-политического усмотрения, уголовно-правовых запретов и статистических данных преступности террористической направленности позволяет говорить в срезе анализа нормативного материала о том, какое направление противодействия является наиболее результативным.

Автором исследованы нормативные материалы в области противодействия преступности советского и российского периодов. Синхронно автором предложено мнение об особенностях преступлений террористической направленности и возможности отнести их к идеологическому политическому

негативному явлению, что требует исключительно комплексной системы противодействия, в которой определяющая роль не принадлежит уголовному закону.

Анализ / Analysis. В историческом движении рассматриваемого негативного явления, вычленяются этапы раннего терроризма, терроризма новой и новейшей истории. Если присмотреться к каждому периоду и выявить глобальные причины этапного терроризма, то обнаружение политических причин не заставит себя ждать.

Присутствуют мнения о разделении политического и экономического детерминанта терроризма, по-нашему же мнению, рафинирование этих причин достаточно сложно и в системе любого государства политические и экономические условия взаимосвязаны. Ю. С. Горбунов высказался о главном отличии этапов развития раннего терроризма, заключающемся в том, что насилие, лежащее в основе государственного терроризма, кроме политической, имело еще и экономическую мотивацию. Как представляется, именно эта историческая особенность раннего терроризма - частичная его экономическая мотивация - послужила причиной квалификации уже всего терроризма после Великой французской революции исключительно как политического, что, по мнению некоторых исследователей, и послужило отправной точкой в его истории [1, с.14].

Можно позволить себе говорить о терроризме в его подвидовой характеристике, но в любой религиозной фанатичности или подготовке смертников с помощью формирования наркотической зависимости (метод хашашин), использования крайних причин и способов терроризма, на поверхности окажутся политические несогласия с отдельными решениями или системой политических взглядов. Ретроспективное наблюдение позволяет констатировать глубочайшие политические разногласия, выступившие первопричиной террористической активности.

Упрощение оценки или причин терроризма – это не позиция автора, но в этом сложном, многогранном негативном явлении можно установить закономерности. Выявление закономерностей не относится к примитивному видению явления, реализация данного подхода дает возможность оценить существующие террористические угрозы и прогнозировать эффективность противодействия.

Видение терроризма происходит через призму этапов правового регулирования противодействия. Этапность позволяет выделять досоветское правовое реагирование, советское правовое реагирование и постсоветский период правового противодействия. В каждом периоде следует говорить о комплексном уголовно-правовом и криминологическом противодействии и отражении результатов такого противодействия на показателях уголовно-правовой статистики. Неизбежность сопоставительных оценок заключается во внимательном отношении к причинному комплексу преступности террористической направленности. Определенно, у каждого исторического периода социально-психологический портрет террориста имеет свой набор признаков, и в отрыве от политико-экономических причин этот портрет не формируется.

Ю. С. Горбунов отмечает надуманность выделения в качестве разновидности терроризма политический терроризм, полагая, что вся террористическая практика свидетельствует, что терроризм с момента своего возникновения является исключительно политическим явлением. Как только в терроризме исчезает политическая цель, этот вид насилия перестает быть терроризмом [1, с.11].

Обратимся к анализу правовых мер противодействия терроризму и проведем обязательную параллель с количеством посягательств террористической направленности в каждом историческом этапе. При этом, можно много и долго обсуждать конструктивные особенности правовых запретов, их качественное несовершенство, а, иногда, даже дефектность, но, по нашему мнению, речь должна идти о другом. Пора задумаемся над эффективностью противодействия терроризму мерами уголовно-правового характера с позиции видения терроризма на разных этапах совершенно особенными деяниями. Не в предмете сегодняшнего разговора спор о понятии терроризма, его историческом разнообразии и терминологическом наполнении. Хотя несколько слов и об этом. Понятие терроризма в сегодняшнем содержании сформировалось, относительно исторических интервалов, недавно, только в уголовном законе 1960 года, когда в нем появилась ответственность за терроризм. От примеров индивидуального насилия, которым являлся террористический акт на протяжении почти столетия, законодатель пришел ко взрывам, поджогам, другим

атакам на общественную безопасность. Небезупречно выглядело наличие собирательного существительного в правовом акте, но другая конструкция не использовалась законодателем вплоть до 2006 г., до изменения законодателем конструкции Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ [19].

Не будем заблуждаться относительно объективно высокого уровня террористической активности. При условии постоянства террористических угроз в обществе, а они зафиксированы с I в. н.э, сегодняшнее состояние опасности соответствует массовой вовлеченности общества в деяния, посягающие на общественную безопасность. Причины такого уровня опасности заключаются в появлении новых технических, технологических способов совершения преступлений террористической направленности, расширения идей, которым следуют террористы.

Рассмотрим исторические этапы уголовно-правового противодействия преступности террористической направленности. Внимание следует обратить не только на содержание правового запрета, но и на пенализационные критерии. Преодоление высокого уровня террористических угроз силами только максимально строгих наказаний невозможно, а реалистично при объединении двух составляющих: выверенных конструкций уголовного закона и научно обдуманной криминологической работе.

История правового противодействия терроризму знает примеры принятия категоричных мер. Для каждого исторического этапа, в котором усиливалась террористическая деятельность, характерны наборы своих правовых барьеров. Сложный политический и социальных период для России начала XX в. заставил отыскивать такие способы снижения террористической активности, которые имеют резко ультимативный оттенок. Так, комплекс средств в границах 1903 – 1906 гг. включал в себя «законы об усилении уголовной ответственности военнослужащих за государственные преступления, об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче дел по данным преступлениям в ведомство военных и военно-морских судов, а также о предоставлении генерал-губернаторам права создавать особые военно-полевые суды, рассматривавшие дела без производства предварительного дознания, без допроса свидетелей, без права

кассации и без подтверждения (утверждение высшей властью судебного приговора) приговора» [2].

После революции 1917 г. меры противодействия терроризма также не уходили в криминологическую или доктринально-правовую плоскость. Необходимо было отсекал террористические настроения, и законодатель избрал чрезвычайные формы нормативного противостояния, Постановление Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» допускало террористическую деятельность как способ реагирования на инициативный шаг, объяснив право на террор как «прямую необходимость» [12].

Дальнейший период представлен первым советским кодифицированным актом - УК РСФСР 1922 года [15], кодекс включал Общую и Особенную части и глава «О государственных преступлениях» содержала ст. 64 УК РСФСР об ответственности за организацию и участие в террористических актах в контрреволюционных целях, направленных против советской власти в лице ее представителей и деятелей революционных рабочих-крестьянских организаций. И ст. 68 УК РСФСР, определяющую ответственность за укрывательство и пособничество в совершении теракта при отсутствии непосредственного участия в нем. По мнению М. Ф. Мусаеляна [5, с. 39] в кодификаторе 1922 г. впервые введено понятие террористического акта, однако, при анализе текста содержание понятия не определяется, а имеет место только его упоминание без содержательного раскрытия.

Т. Б. Исаева [4] приводит мнение о прецедентном характере юридических документов и отсутствии обобщающих норм. Советское законодательство рядом постановлений высших органов государственной власти указало круг лиц, посягательство на которые при определенных условиях должно быть признано террористическим актом. Как террористический акт должно быть квалифицировано убийство корреспондентов рабочей и крестьянской печати, совершенное в связи с их корреспондентской деятельностью [8], посягательство на учителей-общественников с целью противодействия культурной и общественной деятельности учителя со стороны кулачества и других классовых врагов [6], посягательство на членов комиссий содействия проведению хлебозаготовок [10],

убийство женщин Востока за снятие чадры, расторжение религиозного брака, за участие в общественной работе [11] и т.д. К террористическим актам советское законодательство данного периода относит также «повреждение или уничтожение путем поджога имущества, принадлежащего представителю Советской власти или общественному работнику, совершенное в виде акта классовой мести» [12].

В УК РСФСР 1926 г. [16] традиции построения системы не изменились, Особенную часть открывали государственные контрреволюционные преступления. Ст. 58 УК РСФСР 1926 г. содержала признаки деяния об ответственности за совершение терактов против представителей советской власти или деятелей, революционных рабочих и крестьянских организаций. С кодификатора 1926 г. начинается период как расширения норм террористической направленности, так и повышения внимания к качеству правовых конструкций.

Следующим этапом нормативного закрепления составов преступлений террористической направленности стало принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [14]. В кодексе определение терроризма отсутствовало, но появились описательные диспозиции, например, ст. 66 – Террористический акт, ст. 67 - Террористический акт против представителя иностранного государства.

В 1994 г. законодатель, дополняет УК РСФСР 1960 г. ст. 213.3 - Терроризм и ст. 213.4 – Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Таким образом, в законе находятся нормы ответственности за террористический акт и терроризм. Террористическим актом, по-прежнему, выступает убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти, совершенное по политическим мотивам. Понятие терроризма, в созвучном с современным содержанием, в уголовном законе стартует с принятия Федерального закона от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [17]. Законодатель сформулировал понятие терроризма как совершение многообъектного деяния в виде взрыва, поджога или иного акта, угрожающего жизни, имуществу или иным отношениям.

Обратимся к новейшему периоду уголовно-правового противодействия терроризму. Безупречным правовое регулирование

назвать сложно, вывод такой следует из анализа хронологических рамок, в 1996 г. законодатель принимает действующий уголовный закон [13], который вступил в силу с 1 января 1997 г., а в 1998 г. принят закон «О борьбе с терроризмом» [18]. С 1998 г. в Российской Федерации в равнозначных законах используются два разных понятия терроризма, в УК РФ так называлась до 2006 г. статья 205 УК РФ, устанавливающая ответственность за устрашающие население взрывы, поджоги и иные действия, совершенные со специальной целью. Терроризм же в законе о борьбе с таковым – это насилие или угроза в отношении лиц или организаций [18].

Сложно не упомянуть и такое терминологическое противоречие как понятие в уголовном законе террористического акта, и с аналогичным наполнением использование в законе «О борьбе с терроризмом» понятия террористической акции.

Что же стоит за некорректностью законодательства о противодействии терроризму? Помимо упоминаний о нарушении требований к качеству законодательной техники на всем протяжении XX в., предлагаю обратить внимание на тенденции развития уголовного антитеррористического законодательства. При сопоставлении кодификаторов 1922, 1926, 1960 и 1996 гг. на первый план выходит последовательная криминализация и пенализация. Обоснованием такой политической воли законодателя выступает повышение количества и качества террористических угроз, это увеличение объективно, пропорционально развитию цифровых технологий и вовлеченности в них общества, возрастает использование преступниками информационных методов.

В террористическую деятельность вовлечено большое количество людей, но с этого аргумента начинаем сопоставление правовых запретов и данных о количественной причастности к преступлениям террористической направленности. Террористические всплески наблюдались в начале XX в., в период Второй мировой войны (территории Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины). К периоду 1970 – 1980-х гг. наблюдается снижение террористической активности, но в этот период информация о террористической деятельности была засекречена, поэтому рассматривать существующие показатели как объективные сложно. Террористические акты совершались, их, безусловно, было ма-

ло, но и о единичных случаях информация не сообщалась. Террористические агрессии коснулись Л. И. Брежнева, и по случайности оказавшегося на его месте космонавта А. А. Леонова в 1969 г., в 1970 г. угона самолета в Турцию; и пассажиров московского метро 1977 г., когда на станции «Измайловская» от совершенного членами армянской сепаратистской группы погибли 7 человек. «Громкое» дело, а потом даже экранизированное преступление в 1988 г. было совершено семьей Овечкиных при совершении полета Иркутск – Ленинград и в том же 1988 г. еще один теракт – захват заложников школьного автобуса в г. Орджоникидзе с требованием о предоставлении самолета и полетом на нем в Израиль.

Следующий период активизации террористической деятельности приходится на 90-е гг. XX в. Государство столкнулось с религиозно-политическим терроризмом, вовлеченность в его совершение крайне высокая, наблюдаются региональные особенности, проявления национальной, конфессиональной, социальной обостренности. Самые громкие, резонансные, циничные и кровопролитные теракты пришлось на 90-е и начало 2000-х гг., это Буденновск, Кизляр, Москва, Беслан и многие другие.

С началом увеличения количественной причастности к террористической деятельности законодатель зеркально увеличивает ответственность за преступления террористической направленности. Первые криминализационные решения касались действий, выражающих прямое содействие террористам. Далее косвенная причастность к деяниям террористического характера также становится уголовно-наказуемой.

Доля преступлений террористической направленности, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, имеет преимущественно положительную динамику. 2009–654, 2010–581, 2011–622, 2012–637, 2013–661, 2014–1128, 2015–1538, 2016–2227, 2017–1871, 2018–1679, 2019–1806, 2020–2342, 2021–2136, январь-август 2022 – 1647. При парном соотношении уровня преступности и числа правовых запретов выявляется обоюдное увеличение показателей.

Условия, которые предлагают населению новые политические и социальные ребусы, требуют подготовки для возможности качественной оценки всех решений, принимаемых на высшем уровне государственного

управления. Население должно быть к таким решениям готово, и сейчас все усилия направлены на исключение необдуманных, спонтанных оценок. Чаще всего такие оценки объясняются дефицитом исторического, общественного, правового знания. Без восполнения таковых пробелов со сложностями в противодействии социальным причинам преступности террористической направленности государство будет сталкиваться.

Результаты / Results. Итожим, соотношение составов преступлений террористической направленности и показателей преступности этого вида находится в прямой корреляции. Увеличение количества запретов пропорционально увеличивает количество зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших. И от того, чем наполняет законодатель понятие террористического акта, зависит какое объективное поле будет находиться во внимании правоохранителей. В исторической ретроспективе, когда в определении террористического акта было только насилие над личностью государственного или общественного деятеля, число терактов было значительно ниже, а политическое противостояние очевидней. Когда к террористической деятельности относятся все виды информационной, финансовой, интеллектуальной, организационной поддержки, количество террористически направленных деяний резко возрастает, и политическая мотивационная направленность сокращается.

По мнению Никиты Георгиевича Иванова: «терроризм является не уголовным преступлением, а преступлением политическим,

и негативный оттенок явления зависит исключительно от восприятий этого средства упрочения режима или установления торжества намеченных целей от позиции правящего демиурга» [3, с. 32 – 37]. Присоединившись к этой точке зрения, средством эффективного противодействия террористической активности является не замкнутое пространство уголовного закона. Терминологическая чистота, конечно, должна быть, требования юридической техники должны соблюдаться, но только решением этих вопросов мы не повлияем на количественные показатели террористической деятельности.

Поможет ли в поиске истины рассмотрение частных вопросов юридической техники? Спорно. Рассмотрение и направление ожиданий в сторону законодателя, безусловно, необходимо. Но помощи в этом направлении ждет только правоприменитель, измученный ребусами квалификации и постоянно взывающий высшую судебную инстанцию к разъяснению и толкованию существующих спорных конструкций. Ни деформация системы норм Особенной части, ни ее противоречие положениям части Общей не нарушает комплексности противодействия терроризму. Видение терроризма как идеологического политического негативного явления и умение применять комплексное противодействие, которое не «замкнется» на уголовном законе, возможность в преддверии веховых политических и экономических событий криминалистическими, криминологическими, уголовно-политическими силами реализовать предупредительный барьер.

Литература

1. Горбунов Ю. С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11–15.
2. Горбунов Ю. С. Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория и практика // Журнал российского права. 2006. №12. С. 98–107.
3. Иванов Н. Г. Рассуждения о терроризме в рамках андеграунда // Уголовное судопроизводство. 2021. №1. С. 32–37.
4. Исаева Т. Б. Законодательство и наука советского государства о терроризме // История государства и права. 2009. №1. С. 34–36.
5. Мусаелян М. Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX в. // История государства и права. 2009. №14. С. 39–42.
6. НКЮ РСФСР. Циркуляр N 101 от 1929 г. URL: <https://istmat.org/node/30617> (дата обращения: 15.05.2023).
7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения 10.05.2023).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 ноября 1924 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 марта 1931 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 8 марта 1930 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).

11. Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 февраля 1930 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
12. Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» // СУ РСФСР, 1918, № 65, ст. 710. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
14. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2023).
15. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст. 153. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
16. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
17. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ (ред. от 18.12.2001) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ, 04.07.1994, № 10, ст. 1109. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
18. Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ (ред. от 21.11.2002) «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3808. Утратил силу. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2023).
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Gorbunov YuS. The origin of terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2007;(17):11-15. (In Russ.).
2. Gorbunov YuS. Criminal Law Qualification of Terrorism: History, Theory and Practice. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2006;(12):98-107. (In Russ.).
3. Ivanov NG. Reasoning about terrorism within the framework of the underground. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2021;(1):32-37. (In Russ.).
4. Isaeva TB. Legislation and science of the Soviet state on terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(1):34-36. (In Russ.).
5. Musaelyan MF. Historical and legal development of criminal legislation on liability for terrorism in Russia in the 20th century. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(14):39-42. (In Russ.).
6. NKJ RSFSR. Circular N 101 of 1929. URL: <https://istmat.org/node/30617> (accessed: 15.05.2023). (In Russ.).
7. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (accessed: 05.10.2023). (In Russ.).
8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of November 1, 1924. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 26, 1931. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 8, 1930. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
11. Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR of February 16, 1930. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
12. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 09.05.1918 "On the Red Terror". SU RSFSR, 1918;65(710). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
13. Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 No. 63-FZ in Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996;25(2954).
14. Criminal Code of the RSFSR in Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet. 1960;40(591). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 10.05.2023).
15. Criminal Code of the RSFSR in Collection of legalizations and orders of the RCP RSFSR. 1922;80(153). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
16. Criminal Code of the RSFSR. SU RSFSR. 1926;80(600). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
17. Federal Law of July 1, 1994 No. 10-FZ (as amended on December 18, 2001) "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR". Collected Legislation of the Russian Federation, 1994;10(1109). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).
18. Federal Law No. 130-FZ of July 25, 1998 (as amended on November 21, 2002) "On Combating Terrorism". Collection of Legislation of the Russian Federation, 1998;31(3808). Lost strength. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 15.05.2023).

19. Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 (as amended on December 21, 2021) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On the Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism" and the Federal Law "On countering terrorism". URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 20.05.2023).

Научная статья
УДК 378

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.18>

ВЫПОЛНЕНИЕ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИЛИ ОРИГИНАЛЬНОЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ?

Мария Ивановна Третьяк^{1*}, Игорь Васильевич Горячий²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
mariya62@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1817-1804>

² Акционерное общество «Электроавтоматика» (д. 9, ул. Заводская, Ставрополь, 355000, Российская Федерация)
Начальник отдела опытно-конструкторских работ
lgorgoryachiy@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-8074-0127>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Технологии искусственного интеллекта всё больше и больше проникают в различные сферы жизнедеятельности. Академические исследования не стали исключением. Ввиду этого возникает необходимость изучения самостоятельности (оригинальности) дипломного исследования, выполненного с помощью нейронной сети, как основного критерия его качества. **Материалы и методы.** Исследование, в первую очередь, построено на анализе, оценки мнений различных специалистов в сфере разработки систем искусственного интеллекта, науки и образования. Изучение разных способов проведения исследований в современных условиях осуществлялось с помощью применения описательного, сравнительного методов научного познания. **Анализ.** В процессе разрешения проблемы проводится оценка факта признания работы, написанной с использованием технологий искусственного интеллекта, как самостоятельно выполненное исследование. Приводятся мнения различных специалистов в сфере разработки систем искусственного интеллекта, науки и образования. Анализируются различные способы проведения исследований в современных условиях. **Результаты.** Автор считает, что написание нейросетью оригинального исследования особенно в правовой сфере без активного участия человека, невозможно. Поскольку оригинальность исследования означает проведение его впервые с применением новых методов, инструментов и получением новых результатов и выводов. Нейронная сеть (система чат-GPT) не способна создавать новую информацию (изобретать что-то новое), поскольку

основана на текстах, которые были написаны ранее людьми, а, следовательно, она не сможет провести свое собственное исследование. Делается итоговый вывод о возможности использования системы искусственного интеллекта в качестве инструмента (средства) при решении только стандартных задач (например, при проверке ошибок, переводе иностранной литературы, сборе обобщенного научного материала, оформлении работы и др.) в процессе написания дипломной работы студентом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, оригинальность, новизна, исследование, самостоятельность, алгоритм, нейронная сеть, инструмент, активный участник, большой объем информации

Для цитирования: Третьяк М. И., Горячий И. В. Выполнение дипломной работы с помощью технологий искусственного интеллекта в современных условиях: фальсификация или оригинальное самостоятельное исследование? // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 160–167. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.18>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

DIPLOMA PAPER WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: FALSIFICATION OR ORIGINAL INDEPENDENT RESEARCH?

Maria I. Tretiak^{1*}, Igor V. Goryachiy²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor

² Joint-stock company "Electroautomatic" (9, Zavodskaya St., Stavropol, 355000, Russian Federation)
Chief of development work

^{*} lgorgoryachiy@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-8074-0127>
Corresponding author

Abstract. Introduction. Artificial intelligence technologies are increasingly finding way into various spheres of life. Academic research is no exception. In view of this, there is a need to study the independence (originality) of the thesis research, performed using a neural network, as the main criterion for its quality. **Materials and Methods.** The study, first of all, is based on the analysis and assessment of the opinions of various experts in the field of development of artificial intelligence systems, science and education. The study of different ways of conducting research in modern conditions was carried out using descriptive and comparative methods of scientific

knowledge. **Analysis.** The study suggests an assessment of the fact that a work written with artificial intelligence technologies is recognized as an independently performed study. The opinions of various experts in the field of development of artificial intelligence systems, science and education are given. Various methods of conducting research in modern conditions are analyzed. **Results.** The authors believe that it is impossible to write an original study with a neural network, especially in the legal sphere, without active participation of a person. Since the originality of the study means conducting it for the first time using new methods, tools and obtaining new results and conclusions. A neural

© Третьяк М. И., Горячий И. В., 2024

network (chat-GPT system) is not capable of creating new information (inventing something new) because it is based on texts that have been written by people before, and therefore it will not be able to conduct its own research. The final conclusion is made about the possibility of using an artificial intelligence system as a tool (means) to solve only standard problems (for example, checking errors, translating foreign literature, collecting generalized scientific material, designing work, etc.) in the process of writing a thesis.

Keywords: artificial intelligence, originality, novelty, research, independence, algorithm, neural network, tool, active participant, large amount of information

Введение / Introduction. Использование при осуществлении академических исследований технологий искусственного интеллекта свидетельствует о всё более широком их внедрении в нашу жизнь. В связи с этим приобретает особое значение традиционные способы выполнения студентом (аспирантом) дипломных (диссертационных) работ, обладающих определенной степенью оригинальностью (самостоятельностью). На сегодняшний день в соответствии с п. 1.2. Регламента использования системы «Антиплагиат» вузов установлено, что увеличение уровня самостоятельности выполнения научных работ студентов прежде всего направлено на соблюдение прав интеллектуальной собственности граждан, юридических лиц и повышение качества образования выпускников. Самостоятельность дипломной работы, выполненной студентом, определяется: а) оригинальностью исследования вопроса, которое в установленном объеме или контексте не было ранее проведено; б) новизной исследования проблемы, получающей отражение в выбранной теме, применяемых методах, инструментах, подходах, полученных результатах и выводах; в) обоснованностью полученных результатов; г) умением студента представлять и защищать свои результаты, аргументированно отвечать на вопросы и возражения членов комиссии. Считается, что проявление умений, инициативы, знаний, расширение профессиональных навыков (знаний), развитие критического мышления и самоорганизации возможно у студента только при самостоятельном проведении исследования. Необходимо учитывать, что выполнение дипломной работы студентом осуществляется при поддержке научным руководителем, при осуществлении которой он приобретает академические исследовательские навыки, включающие в умение постановки гипотезы, сбора данных, анализа результатов и письменного оформления работы, главное, преодоления возникающих трудностей.

For citation: Tretiak MI, Goryachiy IV. Diploma paper with the help of artificial intelligence technologies: falsification or original independent research? *Humanities and law research*. 2024;11(1):160-167. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.18>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.09.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Материалы и методы / Materials and methods. В представленном исследовании применяется всеобщий диалектический метод научного познания, выступающий основой использованной методологии. Указанный метод дополняют и конкретизируют методы описания, анализа, оценки мнений, сравнения. Обращение к разработкам специалистов в сфере информационных технологий с целью получения их оценки факта выполнения дипломного исследования с использованием системы искусственного интеллекта обусловило применение метода анализа мнений. Освещение критериев самостоятельности проведения дипломного исследования проводилось с привлечением метода оценки требований, предъявляемых в настоящее время к данному роду работ. Описательный метод использовался при анализе имеющегося факта выполнения дипломного исследования с применением искусственного интеллекта. Изучение различных способов проведения исследований в современных условиях осуществлялось с помощью применения сравнительного метода научного познания.

В число материалов, которые были использованы при проведении исследования, входят научные статьи, опубликованные в периодических изданиях (журналах) и сборниках конференций (круглых столов, научных школ) различных уровней и разной тематической направленности, в которых освещается проблема оценки самостоятельности при проведении научного исследования, а также Интернет-источники и источники из электронных справочных правовых систем, посвященные вопросам оценки контента, подготовленного с помощью технологий искусственного интеллекта.

Анализ / Analysis. Как известно, до настоящего момента времени на практике получает широкое распространение среди обучающихся университетов использование научных работ, написанных другими лицами либо опубликованных авторами ра-

нее, без указания сведений о них в выполнении ими исследовании. В этом случае происходит копирование без авторского разрешения определенных идей либо приобретение за определенную плату чужой работы для дальнейшего представления их в качестве своих собственных. Как правильно отмечается в литературе при таком подходе написания работы фактически создаются негативные последствия как для самого студента, так и для системы образования в целом, потому что выпускники, которые фактически обучались по такой «схеме», не обладают при выпуске из университетов нужным набором знаний по своей специальности [2, с.32 – 36]. Поэтому в целях установления необходимого процента оригинальности такой работы обязательно осуществляется проверка с использованием системы «Антиплагиат» на наличие в ней заимствований. На сегодняшний день самостоятельность выполнения студентом дипломных (курсовых) работ остаётся основным критерием допуска к защите и получения положительной оценки. Каждый студент в случае написания дипломной работы обязан оформить документ в виде заявления о самостоятельном ее характере. В свою очередь научный руководитель в течении всего процесса написания работы осуществляет контроль за самостоятельным ее выполнением и принимает активное участие в ее корректировке.

Однако в современных условиях развития технологий искусственного интеллекта¹ (его моделей, как ChatGPT, Kandinsky, Midjourney) возникает возможность в использовании таких систем в процессе напи-

сания студентом дипломной работы². Появляются, если можно так их назвать «новые авторы» – алгоритмы (роботы). Будет ли в таких условиях иметь значение установления критерия самостоятельности выполнения работы? Оценка самостоятельности проведения исследования в этом случае будет зависеть от того, насколько его автор контролирует работу искусственного интеллекта, насколько алгоритмы и модели искусственного интеллекта используются в рамках предложенной автором методики (подходов), а также на каком этапе его выполнения происходит более активное их применение? Возникает главный вопрос, можно ли дипломную работу, написанную с помощью нейросети, оценивать, как уникальное самостоятельное исследование? Известен факт защиты студентом – Александром Жадан диплома, написанного при помощи нейросети, в январе 2023 г. в Российском государственном гуманитарном университете. При его написании давалась определенная инструкция нейросети для сбора данных из больших объемов информации, систематизация полученных данных, определения наиболее релевантных источников данных. Затем диплом для проверки отправлялся научному руководителю, после его правок студент при помощи другой нейросети осуществлял исправление орфографических ошибок, производил логическое выстраивание и редактирование излагаемого текста. На весь процесс выполнения работы ушло 23 часа, оригинальность работы составила 82% (См.: «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?»: круглый стол в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>). Приведенный пример в большей степени свидетельствует о том, что нейросеть выполняла роль только инструмента (средства) сбора и систематизации информации. В определении цели работы, способов ее реализации, формулировании выводов по тексту работы искусственный интеллект не принимал участие, они были сделаны самим автором работы

¹ Несмотря на стремительное развитие цифровых технологий в настоящее время отсутствует целостная система нормативных документов, регламентирующих использование искусственного интеллекта в сфере образования. Имеют место лишь те положения, которые содержатся в документах федерального значения. Например, Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») и Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, добровольно подписанный многими компаниями, которые обязуются соблюдать его положения при работе с искусственным интеллектом.

² Можно предположить, что в ближайшее время может отпасть необходимость обращения студента к другим лицам для написания ему разного рода научных работ.

(См.: Выступление студента РГГУ Александра Жадана: круглый стол «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?» в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>). Поэтому получается, что представленная студентом к защите работа научным руководителем с использованием им системы «Антиплагиат», кафедрой и вузом, в котором она выполнялась, в итоге была признана как уникальным, оригинальным исследованием.

Может возникнуть и другая ситуация, когда искусственный интеллект, например, принимает активное участие в выборе темы, формулировке задач, разработке методологии исследования, анализе данных и формулировке выводов, то есть вносит существенный вклад в написание работы. Есть ли вероятность оценки такой работы как оригинального самостоятельно выполненного исследования?

Для разрешения поставленного вопроса имеет важное значение мнение специалистов в области разработки технологий искусственного интеллекта. В частности, по словам предпринимателя³ в сфере информационных технологий, искусственного интеллекта и разработки программного обеспечения И. С. Ашманова цель создания технологий искусственного интеллекта (бредогенератора) (См.: Выступление предпринимателя И.С. Ашманова: круглый стол «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?» в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>) в начале 1990 гг., а затем в 2000-х гг. являлась фальсификация какого-либо информационного продукта⁴,

³ Является генеральным директором компании «Ашманов и партнеры», президентом компании «Крибрум».

⁴ В 2005 году программой-генератором квазинаучных англоязычных текстов SC1gen была написана статья (оригинальное название статьи «Router: A Methodology for the Typical Unification of Access Points and Redundancy»), которая была переведена на русский язык с использованием машинного переводчика, а в

например, спам письма, копии сайта, то есть создать письмо, сгенерировать сайт, которые не распознаются фильтрами спама либо поисковыми системами «Google», «Yandex» как их копии. В современных условиях к чему прикасается искусственный интеллект также является своего рода фальсификацией какого-либо продукта, производимого качественным трудом человека. Искусственный интеллект воспитывает у массы людей, так называемую невзыскательность ко всему, созданному с его участием, в частности, сейчас видим огромный поток низкокачественного контента: новостей, музыкальных произведений, перевода текстов и др. Поэтому И. С. Ашманов считает, что написанная дипломная работа с помощью нейросети является ничем иным, как фальсификация (фейк). Такое не допустимо, для распознавания подобной подделки требуется создание специальной антивирусной программы – семантического антивируса. Также несмотря на то, что на данный момент времени уже имеется Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, добровольно подписанный многими компаниями, которые обязуются соблюдать его положения при работе с искусственным интеллектом, возникает необходимость принятия цифрового кодекса⁵. Кроме этого, обязательно должна быть

2008 году была принята к публикации в российском научном журнале «Журнал научных публикаций докторантов и аспирантов», входившем в список признанных государством научных журналов. Автором идеи перевода этой статьи на русский язык был доктор биологических наук, профессор Михаил Гельфанд. Публикация привела к скандалу в научном сообществе России, после которого последовало исключение обозначенного журнала из списка ВАК и ужесточение требований к журналам, претендующим на попадание в ВАК (См.: Корчеватель (статья). Свободная энциклопедия: Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.07.2023).

⁵ Как известно, в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека идет доработка проекта такого цифрового кодекса – Концепции защиты прав граждан в цифровом пространстве РФ (См.: СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ: официальный сайт Совета по правам человека. URL: http://www.president-совет.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhении_del_s_pravami_i_s_vobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 14.07.2023).

установлена ответственность в административном и уголовном законодательстве за некоторые деяния, в первую очередь, за утечку персональных данных, фальсификацию значимой для личности и общества информации и др.

Проректор по цифровизации, директор Инженерной школы информационных технологий и робототехники Томского политехнического университета А. С. Фадеев, выступая на XIII летней школе преподавателя – 2023 г. с докладом на тему «Эффективность цифрового образования: от целей к результатам», пояснил, что искусственный интеллект является системой, которая создает обобщенное мнение. Однако необходимо знать, что полностью доверять такой технологии нельзя. Как преподавателям, так и студентам следует научиться фильтровать получаемую информацию. Необходимо определять границу, где система предоставляет достоверные данные, а где начинает использовать недостоверные (неправдивые) сведения? Как можно проверять и подтверждать предложенные системой данные? Где им можно доверять, а где нет? Нам, преподавателям и студентам, самим нужно осознать и ощутить это. Ведь искусственный интеллект теперь будет постоянно с нами и никуда не исчезнет. Со временем количество ошибок и лжи будет уменьшаться, но это не должно стать препятствием для использования этого инструмента» (См.: Фадеев А.С. Эффективность цифрового образования: XIII летней школе преподавателя – 2023 «Эффективность цифрового образования: от целей к результатам». Образовательная платформа: Академия Юрайт.. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bRNsBDPwgCk&list=PLihbl0J69DrQvjLZ_Ux4Hci4ZHeJl-UWg&index=1).

Представляет особый интерес в решении обозначенного вопроса мнения представителей законодательной власти в сфере науки и высшего образования. В частности, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по науке и высшему образованию О. Н. Смолин отмечает, что в последнее время достаточно распространено написание дипломных работ студентами (не студентами) за других лиц. Теперь вместо них дипломные работы будет писать нейросеть. Речь идет о ситуации, когда система искусственного интеллекта выдает готовый текст, а студент должен только его отредактировать, при этом

изменений по тексту работы сравнительно мало. На наш взгляд, возникшая проблема в современных условиях стремительного развития цифровых технологий [6, р. 41-44; 1, с. 80-88; 3, с. 156-159] решается достаточно просто. Нам сегодня нужно уходить от стандартных процедур защиты дипломов, а затем вероятно и диссертаций. Например, процедура защиты дипломов (диссертаций) должна выглядеть следующим образом. Традиционно вначале с докладом выступает дипломник (диссертант), затем зачитываются отзывы руководителя, оппонентов по работе, а потом начинается самая важная часть защиты – ответы на многочисленные вопросы и возражения членов комиссии. При такой защите, главным будет являться оценка качество ответов на вопросы, уровня владения теоретическим и практическим материалом. Если при защите дипломник (диссертант) демонстрирует слабое владение материалом, то нет оснований для вынесения положительного решения по его работе, даже и в тех случаях, когда к содержанию самого исследования нет вопросов. С учетом того, что нельзя остановить прогресс, всё больше и больше будет студентов, стремящихся использовать цифровые технологии для быстрого написания научной работы, поэтому они должны оцениваться ни по тому тексту работы, который был ими представлен и возможно написан нейросетью, а умением аргументированно отвечать на вопросы и возражения, успешно представлять и защищать свои полученные результаты (См.: Выступление Первого заместителя председателя Комитета Госдумы по науке и высшему образованию О.Н. Смолина: круглый стол «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?» в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>).

О. В. Пилипенко – член Комитета Государственной думы РФ по науке и высшему образованию обращает внимание на то, что ничего революционного, неординарного не происходит при применении системы искусственного интеллекта в процессе написания дипломной работы (См.: Выступление члена Комитета Госдумы по науке и высшему образованию О.В. Пилипенко: круг-

лый стол «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?» в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>). Студент, если он хороший студент всегда будет пользоваться прогрессивными технологиями, такое было в 1970-е, 1980-е, 2000-е годы, такое происходит и сегодня. Если предъявляются требования к качеству работы с элементами науки, то должны быть, в первую очередь, созданы необходимые условия (обозначено место прохождения практики, предоставлено специальное оборудование, снабженное соответствующей компьютерной программой, доступ к архивным материалам, документам, имеется возможность осуществления расширенного поиска и сбора информации о нужном объекте и т.д.) для ее написания, при которых непременно такая работа станет обладать новизной, оригинальностью, действительно будет авторской работой. Если такой возможности студенту не было предоставлено, то он использует те механизмы, которые для него стали более доступны и позволяют с меньшими усилиями достигнуть цели. О. В. Пилипенко особо акцентирует внимание на то, что процесс развития технологий искусственного интеллекта стремительный, остановить который невозможно, он начинает пронизывать все сферы жизни. Вследствие этого возникает необходимость адаптации к новым условиям путем обновления требований к выполнению дипломной работы, прежде всего к ее содержанию, объему, экспертной оценке результатов. Она считает, что экспертная оценка достижений студента должна осуществляться не только сообществом преподавателей, но и группой высококвалифицированных специалистов в области соответствующих знаний (См.: Выступление члена Комитета Госдумы по науке и высшему образованию О.В. Пилипенко: круглый стол «Можно ли искусственному интеллекту писать диплом за студента?» в пресс-центре «Парламентской газеты». Официальный сайт: 25 лет – Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/mozhno-li-iskusstvennomu-intellektu-pisat-diplom-za-studenta.html>).

Как видно, среди специалистов существует единодушное мнение о неизбежно-

сти внедрения технологий искусственного интеллекта в исследовательскую (научную) сферу высшего образования. При этом каждый из них предлагает необходимые условия при их применении:

- пересмотр существующих требований к содержанию, структуре, объему дипломного исследования, процедуре его защиты, проведению соответствующей экспертной оценки его результатов;
- получение преподавателями соответствующего дополнительного образования по освоению технологий искусственного интеллекта;
- создание новых антивирусных программ;
- принятие цифрового законодательства;
- установление административной и уголовной ответственности.

Однако, не совсем ясно, при таком внедрении, как определять степень использования алгоритмов (моделей) искусственного интеллекта в процессе выполнения исследования? Рассмотрим несколько ситуаций.

Во-первых, возможно системе искусственного интеллекта задаются некоторые параметры, она в соответствии с ними выдает готовый текст, а студент только слегка редактирует его, сравнительно мало внося изменений по тексту предоставленного нейросетью материала.

Во-вторых, возможно технология искусственного интеллекта используется только в качестве средства редактирования текста чужой готовой дипломной работы, введенной в систему студентом с целью изменить ее содержание (либо повысить низкий процент оригинальности работы, собственно выполненной студентом) и затем в дальнейшем представить в качестве своей собственной.

Получается, что в первом случае работа написана с активным участием нейросети, в которой определены задачи, разработана методология исследования, осуществлен анализ данных и сформулированы выводы, а во втором, – нейросеть только выступала в качестве средства редактирования уже готового текста, кардинальным образом его изменяя. В целом, и в первом, и во втором случаях выполнение дипломного исследования происходило без активного участия лица, его осуществляющего.

Вследствие этого полагаем, что вопрос о возможности применения нейросети в качестве инструмента (средства) выполнения научной работы может в практике иметь неоднозначные решения.

Что же касается написания нейросетью уникального, оригинального дипломного (диссертационного) исследования особенно в правовой сфере без активного участия человека, то считаем, что такое невозможно. Поскольку самостоятельность (оригинальность) дипломного (диссертационного) исследования, заключается в осуществлении его впервые, обладающего новизной, получающей отражение в выбранной теме, применяемых новых методах, инструментах, подходах, обоснованных результатах и выводах. А, любая система чат-GPT основана на текстах, которые были написаны людьми, поэтому никогда такая технология не сможет предложить что-то новое, что не разработано человеком. Всё, что она умеет, это с быстрой скоростью качественно обрабатывать (запоминать) огромный объем информации, а затем нам предлагать выполненное её задание или ответ на поставленный вопрос [4, с. 66]. Получается, что она не способна создавать новую информацию, а, следовательно, проведение собственного исследования. Новизна дипломной работы состоит в формулировании оригинальной темы, с учетом именно ее уникальности осуществляется выбор определенной цели, разработка плана. Раскрытие содержания такой уникальной темы невозможно без проведения традици-

онного анализа, детального обзора литературы, сбора большого объема данных, применение статистических методов, выполнение экспериментов и обработку результатов. Технология чат-GPT может быть полезной в процессе генерации идей, но, она не заменит исчерпывающего глубокого исследования и тех особенных усилий (критического восприятия), применяемых человеком в процессе поиска, обзора, обработки (анализа) собранного научного материала. Поэтому, хотя система чат-GPT может быть полезным инструментом на разных стадиях исследования, однако, оно не может полностью заменить традиционные методы и подходы, особенно для создания уникальных, оригинальных, обладающей новизной исследований [5; 7; 8].

Результаты / Results. Исходя из сказанного полагаем, что искусственный интеллект при проведении исследования возможно использовать на сегодняшний день в качестве инструмента (средства) для поиска обобщенного научного материала, проверки текста на наличие различных ошибок (орфографических, грамматические, пунктуационные и др.), систематизации собранного самим студентом научного материала, оформления самой работы и другое, то есть выполнять роль помощника по осуществлению деятельности, не связанной со содержательной стороной исследования. Применение в других случаях искусственного интеллекта будет затруднительно и свидетельствовать о фальсификации содержания научной работы.

Литература

1. Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80–88.
2. Мищенко М. В. Юридическая ответственность за оказание услуг по написанию научных работ: проблемы и перспективы // Социальные нормы и практики. 2021. № 1. С. 32–36.
3. Славянов А. С., Фешина С. С. Технологии искусственного интеллекта в образовании как фактор повышения качества человеческого капитала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 156–159.
4. Шотыло Д. М., Крайнова В. Е., Скурыдин А. В. Тенденции развития искусственных нейронных сетей в цифровой экономике // Информационные технологии в управлении предприятием. 2018. Т. 15. № 4. С. 65–69.
5. Alzbeta K. Intersections between Law and Artificial // Intelligence. International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. No. 1. 55–68. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/229656008.pdf> (дата обращения: 14.07.2023).
6. Purnova O. A., Zaripova R. S. Artificial intelligence technologies in education // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 41–44.
7. Richard E. S. Artificial Intelligence, Expert Systems, and Law // Denning Law Journal. 1990. Vol. 5. No. 1. P. 105–116. URL: <http://bjll.org/index.php/dlj/article/view/196> (дата обращения: 14.07.2023).

8. Nachshon S. G., & Giulia, D. A Note on Science, Legal Research and Artificial Intelligence // *Information & Communications Technology Law*. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 239–251. URL: <https://doi.org/10.1080/13600834.201.1644065> (дата обращения: 14.07.2023).

References

1. Amirov RA, Bilalova UM. Prospects for the implementation of artificial intelligence technologies in higher education. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2020;(3):80-88. (In Russ.).
2. Mishchenko MV. Legal liability for the provision of scientific writing services: problems and prospects. *Sotsial'nye normy i praktiki*. 2021;(1)32-36. (In Russ.).
3. Slavjanov AS, Feshina SS. Artificial intelligence technologies in education as a factor in improving the quality of human capital. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*. 2019;(7):156-159. (In Russ.).
4. Shotylo DM, Krajnova VE, Skurydin AV. Trends in the development of artificial neural networks in the digital economy. *Informacionnye tehnologii v upravlenii predpriятиem*. 2018;(4):65-69. (In Russ.).
5. Alzbeta K. Intersections between Law and Artificial. *Intelligence. International Journal of Computer*. 2017;1(27)55-68. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/229656008.pdf> (accessed: 14.07.2023).
6. Purnova OA, Zaripova RS. Artificial intelligence technologies in education. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019;3(10):41-44. (In Russ.).
7. Richard ES. Artificial Intelligence, Expert Systems, and Law. *Denning Law Journal*. 1990;1(5)105-116. URL: <http://bjll.org/index.php/dlj/article/view/196> (accessed: 14.07.2023).
8. Nachshon SG, Giulia D. A Note on Science, Legal Research and Artificial Intelligence. *Information & Communications Technology Law*. 2019;3(28):239-251. Available from: <https://doi.org/10.1080/13600834.201.1644065> (accessed: 14.07.2023).

Научная статья

УДК 81'23 + 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.19>ПРОСТРАНСТВО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ КАК ФОРМА УЧЕТА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ (ПЕРТИНЕНТНОСТЬ VS РЕЛЕВАНТНОСТЬ)

Юлия Игоревна Бредихина

Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)
Аспирантbredichinajulia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Аннотация. Введение. Современные коммуникативно-прагматические исследования ставят во главу угла значимые характеристики интеракции, т.е. необходимость экспликации/импликации ценностей и целей как дискретных участников взаимодействия, так и общего пространства целеполагания и когнитивных активов контркоммуникантов, что детерминирует адекватность и ценность компонентов информационного потока. Цель нашего исследования – анализ базовых характеристик коррелятов в ценностно-ориентационном и целевом пространстве социально-значимой коммуникации. **Материалы и методы.** Ключевым методом предпринятого исследования послужил инференциальный синтез различных форм пертинентности (частной субъективной релевантности) как синергетического взаимодействия при создании коллективной релевантности как intersubjective пространства понимания и интерпретации, а также дискурс-анализ ситуаций взаимодействия для определения способов соотношения ценностных и целевых пространств участников коммуникативного взаимодействия. **Анализ.** В статье рассмотрены механизмы соотношения пертинентностей (личностных целей) с релевантностью (коллективными ценностями) в рамках гармонизации институциональной пограничной коммуникации. В рамках инференциального анализа дискурсивных практик социальной работы автор приходит к выводу о связующей и модерерирующей роли «третичного агента» социально-значимой коммуникации. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые релевантность определяется не только как совокупность пертинентностей всех участников ком-

муникативного взаимодействия, но и постулируется обязательность интенционального соотношения их с ценностями социума и общей целью коммуникации. **Результаты.** В результате исследования установлено, что сравнение собственных целей с ценностями, а, значит, и выбор средств экспликации имеет ретроспективный характер, в то время как ориентация на реализацию общей цели – прокурсивный. Реализация частных целей социально-значимых дискурсивных практик при модерировании коммуникации «третичным агентом» нивелирует утилитарный характер манипуляции и способствует реализации основного принципа сотрудничества, т.е. гармонизирует пограничное общение.

Ключевые слова: целеполагание, ценностно-ориентационная система, дискурс социальной работы, релевантность, пертинентность, рекурсивно-прокурсивный характер, третичный агент, деперсонализация

Для цитирования: Бредихина Ю. И. Пространство целеполагания как форма учета ценностных ориентаций в дискурсе социальной работы (пертинентность vs релевантность) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 168–174. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

THE GOAL-SETTING SPACE AS A FORM OF VALUE ORIENTATION WITHIN
THE DISCOURSE OF SOCIAL WORK (PERTINENCE VS RELEVANCE)

Yulia I. Bredikhina

Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Postgraduate student

bredichinajulia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Abstract. Introduction. Modern communicative and pragmatic research focuses on relevant characteristics of interaction, i.e. the need for explication / implication of values and goals of both discrete participants in interaction and the common goal-setting space and cognitive assets of counter-communicants, which determines the adequacy and value of the components of the information flow. The purpose of our study is to analyze the basic characteristics of correlates in the value-orientation and aim spaces of socially concerned communication. **Materials and Methods.** The key method of the undertaken research is the inferential synthesis of various forms of pertinence (private subjective relevance) as a synergetic interaction in creating collective relevance as an intersubjective space of understanding and interpretation, as well as a discourse analysis of interaction situations to determine ways to correlate value and target spaces of participants in communicative interaction. **Analysis.** The article considers the mechanisms of correlation of pertinences (personal goals) with relevance (collective values) within the

framework of institutional borderline communication harmonization. Within the framework of the inferential analysis of social work discursive practices, the author comes to the conclusion about the binding and moderating role of the “tertiaris agens” of socially concerned communication. The scientific novelty of the study consists in the fact that the relevance is defined not only as a set of pertinences of all communicative interaction participants, but also in the positing of intentional correlation necessity of pertinences with the values of society and the general purpose of communication. **Results.** As a result of the study, it may safely be said that the comparison of one's own goals with values, and, therefore, the choice of means of explication, has a retrospective character, while the orientation towards the realization of a common goal is procurive. The realization of private goals of socially concerned discursive practices when moderating communication by a “tertiaris agens” levels the utilitarian nature of manipulation and contributes to the implementation of basic principle of cooperation, i.e. harmonizes borderline communication.

© Бредихина Ю. И., 2024

Keywords: goal setting, value-orientation system, social work discourse, relevance, pertinence, recursive-procursive character, tertiaris agens, depersonalization

For citation: Bredikhina Yul. The goal-setting space as a form of value orientation within the discourse of social work (pertinence vs rele-

vance). *Humanities and law research*. 2024;11(1):168-174. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

Введение / Introduction. Актуальность предпринятого исследования состоит в выявлении и описании механизмов взаимодействия конвергентного пространства целеполагания в институциональном пограничном дискурсе социальной работы с разделенной системой ценностей всех участников коммуникации и анализе роли «третичного агента» как деперсонализированного агента, нормирующего формы внедрения пертинентных (лично значимых целей) в общую релевантность (коллективную значимость). Необходимость постоянной сверки собственных личных целей в осуществлении коммуникативного действия с общим пространством значимости и ценностно-ориентационной системой, выработанной в результате социально-исторического развития как область регулирования и детерминирования социально-значимой интеракции, отличает каждый коммуникативный акт при условии его осознанности (интенциональности осуществления и намеренности выбора средств реализации).

В каждой системе интеракции ценность тех или иных компонентов (информационных или знаниевых) определяется потребностью участников взаимодействия в аспекте не только их применения, но и трансфера, т.е. главным вопросом взаимодействия людей является адекватность и ценность компонентов информационного потока. Отсюда ключевым представляется семиотическое понимание релевантности как коллективной «ценности». Ситуация семиозиса в данном случае неизбежно сталкивается с ситуацией ноэзиса, коллективные значения и ценности вступают в различные типы отношений (диссонансные, ассонансные, консонансные и резонансные) с частными субъективными смыслами и значимостями отдельных участников коммуникативного взаимодействия. При условии нивелировки диссоциирующих компонентов, которые чаще всего находятся на периферии ценностного поля, возникает пространство общей (в конкретной ситуации) релевантности, что обеспечивает гармоничную и относительно устойчивую к девиациям коммуникацию и реализацию ей целей в объективной реальности. Ещё одним базовым принципом формирования релевантных характеристик высказывания представляется референциаль-

ная смыслодеривация и адекватная интерпретация. Теория релевантности в отечественной когнитивной и психолингвистике давно известна и разделяется, ценность данной концепции связана не только с решением одного из ключевых вопросов о корреляциях семантики и прагматики, семантической и эпизодической памяти в их вербальной репрезентации [3], но и с трактовкой значения как генерализованного смысла, способов и механизмов взаимных переходов смысла и значения и т.д. В дискурсе социальной работы, который представляется одним из наиболее репрезентативных пространств адаптации инициального целеполагания к условиям дискурсопорождения, прослеживается последовательное обращение к ценностно-ориентационной системе лингвокультуры, или отдельно взятой социумной группы для создания гармоничной коммуникации, следующей принципу кооперативности Г. П. Грайса.

Главной **целью** данного исследования является выявление и анализ базовых механизмов корреляции практической личностных целей с коллективными ценностями как основы гармонизации институциональной пограничной коммуникации.

В качестве частных **задач** анализа можно выделить:

- 1) анализ пространства целеполагания в аспекте симпрактической пертинентности;
- 2) описание аксиологического пространства как базиса целеполагания в условиях институциональной коммуникации;
- 3) выявление и анализ ключевых характеристик ценностей и целей как коррелирующих пространств в рамках обеспечения гармоничной коммуникации в дискурсе социальной работы.

Материалы и методы / Materials and methods. Методологическую базу нашего исследования составляет критический анализ теоретических работ по различным аспектам теории релевантности, инференциальный синтез ключевых принципов понимания релевантности как интерсубъективного пространства понимания и интерпретации, а также дискурс-анализ ситуаций взаимодействия для определения способов соотношения ценностных и целевых пространств участников коммуникативного взаимодействия.

Теоретической базой предпринятого исследования послужили работы основоположников теории релевантности в современном её понимании, Дэна Спербера и Дейдры Уилсон [13], которые достаточно успешно классифицировали релевантности на актуальные, интерпретативные и мотивационные, которые, однако, представляют скорее личностные пертинентности, соотносимые с единицами проблематизации, тематизации и мотивации отдельных контркоммуникантов. Бесспорно важным для проводимого исследования является также комплексное понимание значимости как ценностно-целевой корреляции не только в классическом коммуникативно-логическом представлении Ричарда Монтегю [12], но и действительном словоупотреблении, абсолютизирующем коннотативные и контекстуальные характеристики, по Питеру Стросону [14].

Анализ / Analysis. Ключевой проблемой в процессе объединения личностных пертинентностей в общее пространство релевантностей является переход от сферы психоэмотивного в сферу практического. Человеческая коммуникация даже в случае её ментального оформления (ср. внутренний монолог) всегда имеет симпраксический в широком понимании этого слова характер – в нашем исследовании термин «симпраксический» демонстрирует большее сходство с понятием «утилитарного», т.е. «потенциально применимого» вне зависимости от того, производятся ли действия в объективной или рефлексивной реальности. Преобразование ценностей как имманентно приданных (понимаемых и разделяемых всеми участниками коммуникации до самого коммуникативного события) ориентиров в жизни, и ориентировка их на ретроспекцию зачастую не позволяет человеку в коммуникативной деятельности поставить конкретную симпраксическую цель, которая должна быть реализована в ситуации обращения клиента в социальные службы. Именно в связи с этим появляется достаточно серьезное расхождение между иллюкцией и перлюкцией, когда целеполагание и исходные посылки гражданина не только не находят пути ассеквенции (реализации в объективном мире). Контroversные отношения целей и ценностей, по сути, сводятся к импликации аналогичной контрарности в стратежно-тактическом варьировании реального и коммуникативного действия, где в стратегия как общий план ассеквенции будет детерминирована сверхзадачей – общей целью агентов и клиентов по «правилосообраз-

ному» осуществлению желаний (обоснованных и аргументированных) граждан, обратившихся за помощью. Следует подчеркнуть, что любое социальное действие необходимо анализируется (сравнивается) не только с паттернами ситуативной и индивидуальной значимости, но и в аспекте соответствия общепринятым нормам, правилам и «высшим целям», которые, по мнению большинства современных ученых, исследующих аксиологические основы социальной стабильности [11, р. 135], априори являются тем аксиосемиотическим кодом, который призван обеспечить взаимодействие и взаимопонимание, создать гармоничную интеракцию.

Целеполагание играет ведущую роль в институционализации дискурсивных практик. Исходные цели каждого из контркоммуникантов диктуют избрание коммуникативных стратегий, связанных с выражением деонтической модальности желательности их реализации, т.е. перевода деонтических компонентов в алетические, причем не просто в сферу возможно реализуемого, но в область истинностного как достигнутого на практике. При этом для достижения целей каждый участник институционального общения просто обязан соотносить свои цели с коллективным пространством значимости, релевантности. Если транслируемые одним из коммуникантов цели не будут соответствовать общим разделенным установкам, т.е. доминантной цели сферы общения, – в институциональной коммуникации этой целью является сохранение возможностей функционирования социального института, – то иллюктивный план никогда не будет реализован в перлюкации, коммуникация, как и социальное взаимодействие будут разрушены.

Целеполагание представляет собой практикоцентрическое осмысление своей объективной и коммуникативной деятельности человеком с точки зрения формирования (постановки) целей и их реализации (достижения) в рамках трансляции (вербализации) наиболее адекватными (ситуативно и контекстуально релевантными) средствами. Процесс формирования и трансляции индивидуальных целей в рамках конситуативно детерминированных коммуникативных стратегий и тактик не есть простое исчисление компонентов области «желательного» в той или иной ситуации, но установление корреляций и параметров допустимых отклонений (иллюктивных девиаций) для реализации их в объективной реальности [5, с. 9].

Рассмотрим пример экспликации подобного соотношения доминантной индивидуальной цели клиента с общим пространством значимости (сверхцели) социального института, обеспечение которой реализуется персонализированными агентами и деперсонализированным «третичным агентом» в его прескриптивных актах нормирования:

Клиент: *Добрый день, мне необходимо подать заявление на выплаты по потере кормильца на сына, он у меня студент, а я слышала, что с июня 2022 года уже можно подавать тем, кому больше 18 лет. А ещё одно дело, нужно пересчитать компенсацию за ЖКХ, там же по полгода по летнему и зимнему периоду рассчитывается, да?*

Агент: *Присаживайтесь, да правда по ФЗ-136, я в курсе, но, наверное, не обрадую Вас, рассмотрением вопроса о назначении социальной пенсии по потере кормильца занимается пенсионный фонд, это прямо в соседнем с нами здании, да и подавать документы придется уже Вашему сыну, он же совершеннолетний. А вот компенсацию по услугам ЖКХ, это по адресу, мы с Вами сейчас произведем. Только документы Ваши посмотрим и заявление нужно будет написать. Вот образец, заполняйте, а я пока бумагами займусь... [7].*

В вышеприведенном примере наблюдается эксплицитная корреляция (аргументированное желание) личных целей клиента и релевантных для всего социального института значимостей (ценностей по обеспечению прав граждан), которые легитимизированы в обществе посредством ознакомления широких масс с возможностью получения упомянутых выплат, а также легализованы и конвенционализированы в прескриптивных актах *tertiariis agens* (законах, нормах и положениях). Аргументированность деонтического пространства клиента эксплицируется в форме модальных глаголов внешнего должествования «**необходимо**», «**нужно**», при этом связь с внутренней мотивационной релевантностью (личной пертинентностью) осуществляется на основе введения выполняющего актуальную реципиентно-бенефактивную роль местоимения «**мне**». Кроме того, просьба о подаче заявления подкрепляется ссылкой на авторитетный источник (закон) «*а я слышала, что с июня 2022 года уже можно подавать тем, кому больше 18 лет*».

Следует, однако, отметить, что хотя клиент и дает прямую отсылку к прескриптивному регулятивному тексту «третичного агента»

(облигаторно структурирующему интеракцию агентов и клиентов в социальном институте), в рамках его внутренней значимости мотивация остается аморфной, не привязанной к конкретным ценностям социума. В реактивном высказывании агента уже производится дискреция и проблематизация аморфного целеполагания посредством конкретизации в прецедентном для класса агентов тексте – именовании прескриптивного текста «**ФЗ-136**». Именно на основе введения дефинитивного определения в форме *argumentum ad verecundiam* происходит усиление роли ценностных ориентаций всего социума, подчеркивается их доминирование над личными целями. Так создается общее пространство агент-клиентской релевантности, оправдывается и конвенционализируется алгоритм дальнейших действий по заполнению заявления, проверки представленных клиентом документов и т.п. Посредством экспликации социумной значимости ценностей, находящих вербализацию в конвенционализированном тексте закона, в инициальной фразе-реакции производится аргументация по отклонению предлагаемых алгоритмов достижения значимой для клиента цели. В данных условиях контраргументы «*рассмотрением вопроса о назначении социальной пенсии по потере кормильца занимается пенсионный фонд*», «*подавать документы придется уже Вашему сыну*» не просто имеют больший перлокутивный эффект, но и выводятся из пространства релевантности как конситуативно не значимые.

Таким образом можно заключить, что цели в дискурсе социальной работы ставятся не только и не столько для удовлетворения собственных желаний, что более характерно для класса клиентов социальных служб, но для соблюдения норм и правил функционирования социального института, что характерно как для класса агентов социальной работы с населением, так и для «третичного агента» как деперсонализированного агента контроля и основы соотношения целевых установок и ценностных ориентаций [4, с. 138]. Именно адаптационные возможности индивидуальных целей в каждой конкретной ситуации семиозиса позволяют произвести данную координацию, а конвенции «третичного агента» придают каждой конкретной цели, соответствующей закреплённым социальным институтом нормам и правилам, легитимный статус (понимание и согласие с правом их достижения).

Ценностно-ориентационное пространство каждого представителя того или иного лингвокультурного сообщества большей частью формируется в границах дихотомического развития – онтогенеза индивидуума и «филогенеза» культуры. Обусловленность итоговой концептуально-валёрной системы социокультурной памятью с поправкой на эпизодическую верификацию в опыте взаимодействия с окружающей действительностью не вызывает сомнений [2, с. 122]. Ценности – это не просто жизненные ориентиры, позволяющие нам соотносить свои действия с тем или иным полюсом архетипических оппозиций «хорошо – плохо», «правильно – неправильно». Опираясь на ценности, мы выстраиваем дискурсивные практики, соотнося динамические, постоянно адаптируемые цели с ценностями, действующими в качестве мерила релевантности для достижения общего «блага».

А. И. Пригожин в своей книге «Цели и ценности» говорит, что мы эмоционально зависимы от ценностей [8], «эмоционально-рациональный гэп» способен как разрушить реализацию коммуникативных намерений, так и гармонизировать общение, приводя, в конечном счете, к синхронизации пертинентностей всех контркоммуникантов и созданию действительно кооперативной деятельности в процессе достижения целей.

Коль скоро в ценностно-ориентационном пространстве каждого из контркоммуникантов, несмотря на минимальное количество рациональных характеристик, присутствует достаточно большая ядерная область, служащая в качестве кода, позволяющего распределить исходные интенции собеседника, то некоторые альтернативы в периферийных полях зачастую не оказывают существенного влияния на создание общего пространства согласия. Подобное гораздо чаще можно наблюдать в персонально-ориентированных дискурсах, которые предполагают экспликацию именно личностной пертинентности (внутренней значимости) и самопрезентацию [6]. В институциональных дискурсивных практиках не только наличие общего пространства ценностей, которые объединяют индивидуумов в лингвокультурное и социально-целостное сообщество, но и модулирующая и контролирующая роль «третьего агента», позволяют создать компоненты релевантности в каждом из коммуникативных действий.

Иерархическая структура ценностно-ориентационного пространства является базой для адаптации личностного пертинент-

ностного компонента к ценностям конкретно-пространства коммуникации, а именно необходимости не только реализовать права клиента социальных служб, но и обеспечить их соответствие мягким паттернам реального и коммуникативного действия, алгоритмизирующим функционирование института службы социальной работы. По меткому замечанию И. С. Бакланова и И. В. Колосовой «ценности выстраиваются в различные иерархизируемые конфигурации, основными из которых являются нормативные системы» [1, с. 215], которые и являются базой нормирования и регуляции реальных и коммуникативных действий в социальных институтах. Это значит, что каждый из контркоммуникантов может и должен в рамках реализации плана, отраженного в целеполагании по решению конкретной задачи, отказаться от тех или иных периферийных ценностных элементов и сосредоточится на ядерных областях, создающих пространства пересечения интересов. Эти ядерные области формируются на основе конвенционализации ценностей и входят, прежде всего, в область так называемых «правовых», ведь эта сфера ценностно-ориентационного пространства сообщества в отличие от индивидуальных значимостей и обязательных фреквенталий носит не партикулярный, а универсальный характер, но и эта универсальность, безусловно, привязана к типу общественной формации и основным эпистемическим установкам лингвокультурного сообщества.

На основе сводной таблицы сравнения критериальных характеристик ценностей и целей [8] мы с учетом коммуникативных аспектов экспликации рассматриваемых ментальных феноменов можем предложить следующую классификацию корреляции признаков целей и ценностей как их оснований в процессе институционального общения (таблица 1).

Целеполагание в отличие от координации коммуникативной деятельности с ценностями, как субъективными, так и коллективными, носит проспективный характер, т.е. «характеризует предвосхищение в мышлении результатов деятельности» [9]. Т.е. проспективность целеполагания и рекурсивность сравнения в градации соответствий коммуникативных действий с адекватностью их ситуации общения, учетом фокуса контркоммуниканта, лингвокультурным аксиологическим кодом обуславливают дихотомический характер институционального дискурса социальной работы с населением,

а именно инициально-перспективный и финально-ретроспективный. Ценностный код культуры в этом аспекте функционирует как ключевой компонент институционализации

целеполагания в социально-значимых дискурсивных практиках, т.е. служит «инструментом обеспечения устойчивости общества» [10, p. 140].

Таблица 1/ Table 1

**Когнио-коммуникативные признаки коррелятов ценностно-целевого пространства /
Cognitive and communicative features of correlates of the value-target space**

Ценность	Цель
дуративна	финитна
иерархична	терминальна
ретроспективна	перспективна
референциальна	симпаксична
психоэмоционална	объективна
коллективна	индивидуальна
процессуальна	результативна
деонтична	алетична

В данном случае мы наблюдаем целеполагание в дискурсивном взаимодействии социальной службы с клиентом в качестве конвергентного феномена, – с одной стороны основанного на личностных пропозитивных и референциальных компонентах, а с другой стороны базирующегося на коллективном пространстве ценностей, закрепленных в предписывающих актах «третичного агента». Т.е. это есть особый феномен пертинентностно-релевантного характера, в котором внутренний тематический горизонт значимостей соотносится с всеобщей ценностью и актуальностью тематического варьирования. Этот вид релевантности коррелирует с коммуникативной прагматикой и учитывает, прежде всего, фокусировку контркоммуникантов.

Результаты / Results. Создание общих основ для реализации частных целей в условиях общения, координируемого третичным агентом коммуникации (социальной службой), заметно отходит от практикоориентированной деятельности утилитарного характера чисто манипулятивного дискурса и выходит на уровень реализации основного принципа сотрудничества Г. П. Грайса и, соответственно, последовательного и осознанного выбора стратегий и тактик следования максимум и субмаксимум (прежде всего максимум релевантности), а значит может базироваться только на ориентации на

сверхзадачу по кооперации и синергии коммуникативных усилий агентов и клиентов. Следует особо отметить не только контролирующую, но и структурирующую роль предписывающих актов третичного агента, которая актуализируется на основе деперсонализации «*tertiariis agens*», а значит и имманентно заложенном принципе снятия диссонанса периферийных личностных значимостей. На основе анализа корреляций можно сделать вывод о создании специфического пространства ценностно-целевой детерминации, отвечающей требованиям кооперативной организации институциональных социально-значимых дискурсивных практик, не столько эксплицирующих актуальные роли, но нацеленных на их сохранение и обеспечение функционального соответствия коммуникантов этим позициям.

В качестве перспектив применения концепции релевантности к анализу иллокутивно-перлокутивного соответствия мы видим описание возможностей взаимного перехода сверхцели конкретной коммуникативной интеракции в частные задачи по экспликации актуальной роли контркоммуникантов, а также рассмотрение модификационного потенциала актуализируемых периферийных ценностей в коллективно разделяемом ядре, что может служить основой для динамического формирования новых пространств целеполагания в текущей коммуникации.

Литература

1. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 211–215.
2. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И., Махова И. Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2(106). С. 119–124.
3. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиоматических компонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.

4. Бредихина Ю. И. Tertiariis agens как фактор институционализации дискурса социальной работы // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: Сборник статей по материалам VII ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука – региону» (03-29 апреля 2019 г.). Ставрополь: Параграф, 2019. Вып. 4. С. 136-141.
5. Жемчугов А. М. Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4(8). С. 6-12.
6. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: 10.02.01: дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 515 с.
7. Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jImyBN6mODA>. (дата обращения: 04.11.2023).
8. Пригожин А. И. Цели и ценности: новые методы работы с будущим. М.: URSS. 2023. 440 с.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3661/ЦЕЛЬ. (дата обращения: 02.11.2023).
10. Goncharov V., Kolosova O., Tronina L. et al. The Institutional Potential of Culture as a Tool to Ensure the Sustainability of Regional Society // *Advances in Management, Business and Technological Systems: Road Towards Sustainable Development*. Stavropol: Springer Cham, 2022. P. 140-147.
11. Ivashova V., Goncharov V., Erokhin A. et al. Values-based orientations as a formation factor of the social responsibility of the professional community // *International Journal of Management*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 135-144.
12. Montague R. The proper treatment of quantification in ordinary English // *Philosophy, Language, and Artificial Intelligence. Studies in Cognitive Systems*. 1973. Vol. 2. P.141-162.
13. Sperber D., Wilson D. Relevance Theory // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (Eds.). Oxford: Blackwell, 2004. P. 607-632.
14. Strawson P. F. *Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 144 p.

References

1. Bakalanov IS, Kolosova IV. Dynamics of legal values in the conditions of globalization and digitalization. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. 2021;6:211-215. (In Russ.).
2. Bredikhin SN, Bredikhina Yul, Makhova IN. Methods for Intimization of the Concept & Value Space of Counter-Communicants in the Institutional Discourse of Social Work. *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 2021;2(106):119-124. (In Russ.).
3. Bredikhin SN, Pelevina NA. Linguocognitive mechanisms of world view component's actualization and conceptualization. Stavropol: Paragraph; 2021. 172 p. (In Russ.).
4. Bredikhina Yul. Tertiariis agens as a factor of the discourse of social work institutionalization in Isomorphic and al-lomorphic features of language systems: in materials of the VII annual scientific and practical conference “University Science – Region” (03-29 April 2019). Stavropol: Paragraph; 2019;4:136-141. (In Russ.).
5. Zhemchugov AM. The goal and goal setting in the theory of organization. *Problems of economics and management*. 2012;4(8):6-12. (In Russ.).
6. Lappo MA. Self-identifying discourse of Russian elite linguistic persona: 10.02.01: doctoral thesis. Novosibirsk, 2018. 515 p. (In Russ.).
7. Personal archive of researcher Yul. Bredikhina. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jImyBN6mODA>. (accessed: 04.11.2023). (In Russ.).
8. Prigozhin AI. Goals and values: new methods of working with the future. Moscow: URSS; 2023. 440 p. (In Russ.).
9. Philosophic encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3661/ЦЕЛЬ. (accessed: 02.11.2023). (In Russ.).
10. Goncharov V, Kolosova O, Tronina L et al. The Institutional Potential of Culture as a Tool to Ensure the Sustainability of Regional Society in *Advances in Management, Business and Technological Systems: Road Towards Sustainable Development*. Stavropol: Springer Cham; 2022. p. 140-147.
11. Ivashova V, Goncharov V, Erokhin A et al. Values-based orientations as a formation factor of the social responsibility of the professional community. *International Journal of Management*. 2019;10(2):135-144.
12. Montague R. The proper treatment of quantification in ordinary English. *Philosophy, Language, and Artificial Intelligence. Studies in Cognitive Systems*. 1973;2:141-162.
13. Sperber D, Wilson D. Relevance Theory in *The Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004. p. 607-632.
14. Strawson PF. *Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy*. Oxford: Oxford University Press; 1992. 144 p.

Научная статья

УДК 81'27+ 81'42+ 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>

ОСОБЕННОСТИ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИНКОДИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ ИЛИ «ПРОСТОЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ

Татьяна Владимировна Марченко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент
tmarchenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию особенностей инкодирования прецедентных имен (ПИ) и прецедентных образов в современных поликодовых текстах с учетом их семиотически осложненной природы и характеристике визуальных / вербальных / аудиальных форм прецедентности, участвующих в обозначенном процессе. В рамках исследования поставлены несколько задач: 1) описание номенклатуры ПИ советской эпохи, актуализируемых в поликодовых текстах; 2) анализ семиотических форм инкодирования ПИ в поликодовых текстах; 3) выявление форм и комбинаций взаимодействия репрезентантов ПИ с другими прецедентными феноменами (ПФ) в рамках текста; 4) определение набора ценностей, к которым апеллируют посредством ПИ в поликодовом тексте. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили отобранные посредством точечной выборки из русскоязычного сегмента сети Интернет 450 русскоязычных интернет-мемов, содержащие вербальный и / или невербальный репрезентант ПИ или образа человека, имеющего отношение к СССР. В основу методологии исследования легли базовые положения теории прецедентности и мультимодального анализа, семиотический, структурно-семантический и дискурсивный методы анализа. **Анализ.** Основным семиотическим репрезентантом ПИ советской эпохи в поликодовых текстах является визуальный элемент, который может сопровождаться дополнительными вербализуемыми референциями (полная, трансформированная или псевдо-цитата, характерная рифма и др.) или формировать некоторую прототипную модель поликодового текста. Поликодовые репрезентанты ПИ представлены в следующих комбинациях: а) вербализация ПИ советской эпохи – визуальный репрезентант ПФ современного образа; б) визуальный репрезен-

тант ПИ советской эпохи – вербализация собирательной характеристики ПИ; в) визуальный репрезентант ПИ советской эпохи – вербализация ролевых архетипов, моделей поведения, условно коррелирующих с ПИ; г) визуальный репрезентант ПИ – вербальный компонент, семантика которого коррелирует и контрастирует с ПИ; д) визуальный репрезентант ПИ – текстовое сопровождение, оформленное цитатой / реминисцентным текстом / рифмой / др. **Результаты.** Проведенный анализ позволяет сделать вывод о поликодовой вариативности репрезентантов ПИ. Потенциальным основанием для активизации ПИ в то или иное время могут служить ценности, поведенческий стереотип, типаж личности, наиболее яркие черты, навыки или достижения человека / персонажа, резонирующие с культурным контекстом.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, визуальный прецедентный феномен, поликодовая единица, интернет-мем, мем, лингвoseмиотическая организация интернет-мема, массмедиа, массмедийная коммуникация, СССР, советский человек

Для цитирования: Марченко Т. В. Особенности семиотического инкодирования прецедентного имени или «простой советский человек» в поликодовом тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 175–190. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

FEATURES OF SEMIOTIC ENCODING OF A PRECEDENT NAME OR “AN ORDINARY SOVIET MAN” IN A POLYCODE TEXT

Tatiana V. Marchenko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
tmarchenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Abstract. Introduction. The article studies features of encoding precedent names (PNs) and precedent images in modern polycode texts with account of their semiotically complicated nature and the characteristics of visual / verbal / auditory forms of precedence involved in the process. Several research tasks were set: 1) description of a set of Soviet-era PNs referred to in polycode texts; 2) analysis of semiotic forms of encoding PN in polycode texts; 3) identification of forms and combinations of interaction between PN representatives and other precedent phenomena (PP) within the text; 4) defining a set of values that are appealed to via PN in a polycode text. **Materials and Methods.** The research material consisted of 450 Russian-language Internet memes selected through a target sample from the Russian-language segment of the Internet, containing a verbal and / or non-verbal representative of a PN or image of a person related to the USSR. The research methodology rests on basic principles of the theory of precedence and multimodal analysis, semiotic, structural-semantic and discursive methods of analysis. **Analysis.** The main semiotic representa-

tive of Soviet-era PN in polycode texts is a visual element, which can be accompanied by additional verbalized references (full, transformed or pseudo-quote, typical rhyme, etc.) or form some prototype model of a polycode text. Polycode PN representatives come in the following combinations: a) verbalization of the PN of the Soviet era – a visual representative of the PP of the modern image; b) a visual representative of the PN of the Soviet era – verbalization of the collective characteristic of the PN; c) a visual representative of the PN of the Soviet era – verbalization of role archetypes, patterns of behavior that conditionally correlate with the PN; d) visual representative of the PN – a verbal component, the semantics of which correlates and contrasts with the PN; e) visual representative of the PN – a text with a quote / reminiscence reference / rhyme / etc. **Results.** The analysis allows us to draw a conclusion about the polycode variability of PN representatives. A potential basis for the reference to a PN at one time or another can be values, a behavioral stereotype, a personality type, the most representative traits, skills or achievements of a person / character that meet the cultural context.

© Марченко Т. В., 2024

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, visual precedent phenomenon, polycode unit, Internet meme, meme, lingo-semiotic organization of the Internet meme, mass media, mass communication, the USSR, Soviet man

For citation: Marchenko TV. Features of semiotic encoding of a precedent name or “an ordinary Soviet man” in a polycode text. *Humanities and law research*. 2024;11(1):175-190. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests. The article was submitted: 17.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.
The article was accepted for publication: 25.02.2024.

Введение / Introduction. Широко известный советизм «простой советский человек» вобрал в себя совокупность характеристик идеологически положительного образа гражданина, в числе которых патриотизм, трудолюбие, скромность, жизнелюбие, оптимизм и др. Выражение восходит к прецедентным строчкам песни «Советский простой человек» на слова В. Лебедева-Кумача (1937) [5]:

*По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек.*

*Отбросивши сказки о чуде,
Отняв у богов небеса,
Простые советские люди
Повсюду творят чудеса.*

Слова песни рисуют образ жизнерадостного человека, взявшего под контроль природу, воплощающего сказочные идеи в реальность, отмеченного достижениями во всех сферах и производящего уникальные творения. Рассматриваемое прецедентное высказывание фигурирует в двух дискурсивных вариантах: «советский простой человек» (по названию песни и строчкам в ней) и «простой советский человек» (единственное число по аналогии со строчкой «Простые советские люди»). Непосредственно само одноименное понятие неоднократно подвергалось анализу как особый социальный феномен и типаж личности. Безусловно, в числе этих людей, собирательные образы которых фигурируют в дискурсивном пространстве, есть и те, чье имя стало прецедентным.

Цель исследования состоит в выявлении лингвосемиотических особенностей инкодирования прецедентных имен (ПИ) и прецедентных образов, хронологически относящихся к советской эпохе, в современных поликодовых текстах с учетом их семиотически осложненной природы и характеристике визуальных / вербальных / аудиальных форм прецедентности, участвующих в обозначенном процессе. Для достижения поставленной цели решается ряд исследовательских задач, а именно: 1) описание номенклатуры ПИ советской эпохи, актуализируемых в поликодовых текстах; 2) анализ семиотических форм инко-

дирования ПИ в поликодовых текстах; 3) выявление форм и комбинаций взаимодействия репрезентантов ПИ с другими ПФ в рамках текста; 4) определение набора ценностей, к которым апеллируют посредством ПИ в поликодовом тексте.

Целый ряд работ, посвященных исследованию семиотических форм прецедентности, демонстрируют интерпретацию явления в ракурсе поликодовой интеграции элементов [7; 8; 11; 46] и мультимодального анализа [9; 10; 12; 6; 45]. Одним из широко распространенных семиотически осложненных текстов является интернет-мем, определяемый нами как коммуникативно-ориентированный, структурированный и вирально распространяющийся информативный продукт реализации языковой и / или других семиотических систем, имеющий смысловую и прагматическую сущность. Предметом нашего исследования, посвященного принципам и особенностям инкодирования прецедентных имен, выступили семиотически вариативные репрезентанты ПИ и образов людей, ассоциируемых с Россией советского периода, в современных поликодовых текстах – интернет-мемах.

Материалы и методы / Materials and methods. Материалом исследования послужили отобранные посредством точечной выборки из русскоязычного сегмента сети Интернет 450 русскоязычных интернет-мемов, включающие вербальный и / или невербальный репрезентант прецедентного имени или образа человека, имеющего отношение к СССР. В основу методологии исследования легли основные положения теории прецедентности и мультимодального анализа, что, в свою очередь, определило использование семиотического, структурно-семантического и дискурсивного методов анализа. В соответствии с выбранным в рамках исследования подходом для решения поставленных задач каждый поликодовый текст был подвергнут контекстуальной и лингвокультурной рефлексии.

Анализ / Analysis. В современном медиапространстве визуальный репрезентант прецедентного наименования – собирательный образ мужчины / женщины преимущественно рабочей или инженерной профессии (конструктор, инженер, шахтер, машинист и

др.) с соответствующими атрибутами (медали и знаки отличия, каска, гаечный ключ и др. – Рис. 1), облаченного в рабочую униформу или повседневную одежду, как, например, на Рис. 4: драповое пальто и так называемая

пыжиковая шапка [33]. Мимика варьируется от выражения радости и удовольствия до серьезности, решительности и целеустремленности (рис. 1, 2, 3) [30; 32; 33; 34].

Рис. 1. Мем «Советский человек»
Fig. 1. Meme «Soviet man»

Рис. 2. Мем «Скорей бы понедельник»
Fig. 2. Meme «I wish it were Monday soon»

Рис. 3. Мем «Пенсионер помни!»
Fig. 3. Meme «Pensioner, remember!»

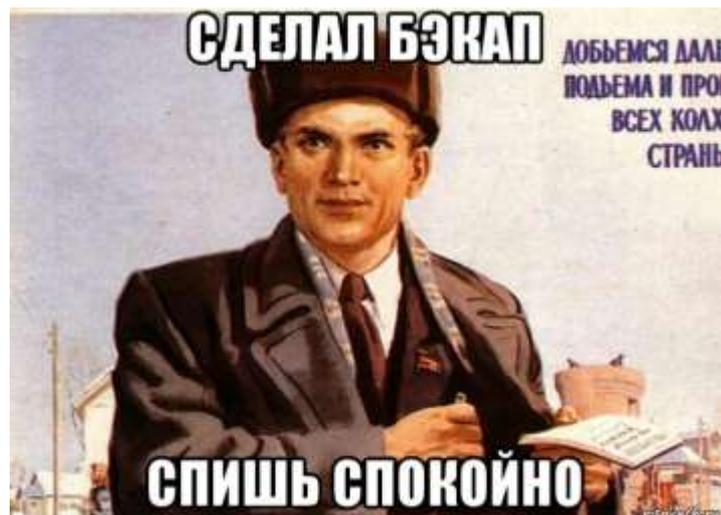

Рис. 4. Мем «Сделал бэкап»
Fig. 4. Meme «Having done the backup»

Семантический потенциал визуальных элементов актуализирует иллюстративную функцию (советский человек знал, что о нем заботятся – рис. 1), функцию эмфатизации и дескрипции состояния, описываемого вербальным компонентом («Сделал бэкап // спи спокойно – рис. 4), иронию, построенную на контрасте изображения, вербального сопровождения и собирательного образа, бытующего в современной культуре (рис. 1, 2 и 3). Так, рис. 2 демонстрирует репродукцию в советской стилистике, на которой одетый в майку атлетического сложения мужчина стоит в комнате широко раскинув руки в стороны. Парящая от дуновения вет-

ра занавеска усиливает ощущение легкости, транслируемое позой человека. Надпись «Скорей бы понедельник // и снова на работу!» оформлена восклицательным предложением и в полной мере ассонирует сопровождаемому рисунку. Диссонанс и контраст возникают лишь при соотношении сообщения с современными реалиями, в которых бытует ироничное отношение к понедельнику и необходимости идти на работу.

Советский человек в поликодовых текстах априори занят производительным трудом и отказался от праздности, являя собой образец силы и стойкости духа. Визуальные репрезентанты образа транслируют

это как через непосредственные атрибуты (рабочая одежда, инструменты, знаки отличия), так и опосредованные (фон фабрики или цеха, минималистичные цветовые решения, построенные на контрасте ахрома-

тических и базовых хроматических цветов). Рис. 5 демонстрирует тружеников разного возраста, призывающих отказаться от интернета и сделать выбор в пользу работы, то есть пойти «к станку» [22].

Рис. 5. Мем «Зачем рабочему человеку буржуйский интернет?»
 Fig. 5. Meme «Why does a working person need the bourgeois Internet?»

Женские образы имеют сходную социальную принадлежность и эмоциональную направленность. Варианты отрицательного образа или эмоций, широко распространенные в современной референциальной базе (см., например, «Мемы про недовольное лицо», 2023) [41], не были нами установлены в процессе поиска эмпирического материала с собой «советское». Вербальная составляющая рассматриваемых единиц хронологически амбивалента, и представлена как референциями к советскому прошлому, так и к современным реалиям. Формулировки фраз соответствуют стилистике советских лозунгов в то время, как общее оформление поликодовой единицы – плакату. Проиллюстрируем наши наблюдения мемом на рис. 6, в основу которого лег плакат «Родина-мать зовет!» времен Великой Отечественной войны [19]. Текстовая часть содержит зарифмованные призывы «Дебажишь локалку? Напиши в чат! // Береги нервишки удаленно

работающих девчат!» с использованием современных профессионализмов сферы информационных технологий (*дебажить* – искать и исправлять ошибки в программном коде, *локалка* – локальная компьютерная сеть) и гендерных номинаций, характерных для советской эпохи (*девчата* как обращение в том числе к взрослым женщинам). Формулировки отличаются лаконичностью и представлены предложениями вопросительного и восклицательного типов. Прагматика поликодовых текстов с визуальными образами в стилистике плаката соответствует руководящему призыву прототипных агитационно-пропагандистских изданий.

Героизм как неотъемлемая часть жизни советского общества, причем не только в военные годы, инкодируется в интернет-мемах как посредством визуальных образов, сопровождаемых вербализацией ПИ (рис. 7), так и с опорой на собирательный образ героя-ветерана (рис. 8) [17; 27].

Рис. 6. Мем «Дебажишь локалку?»
Fig. 6. Meme «Debugging the local net?»

Рис. 8. Мем «Настоящие супергерои!!!»
Fig. 8. Meme «Real superheroes!!!»

Вот **они настоящие герои**, а не блогеры и тиктокеры всякие...

Рис. 7. Мем «Вот они»
Fig. 7. Meme «Here they are»

ВОТ ВАМ И «БУРАТИНО»

Рис. 9. Мем «Вот вам и “Буратино”»
Fig. 9. Meme «Here is “Buratino”»

Поликодовые сообщения, построенные по принципу антииронии (рис. 9), демонстрируют недооцененность объектов, находящихся в фокусе внимания [16]. Мем на рис. 9 вербализует референцию к советскому двухсерийному музыкальному телевизионному фильму «Буратино» 1975 г. Визуальную часть сообщения составляют три ряда изображений: кадры с персонажами фильма; фото актеров, играющих этих персонажей, без грима; знаки отличия за воинскую доблесть. Пресуппозиция «легкость и беззаботность сказки и актерской игры несоизмеримы с героизмом на войне» выступает в качестве предпосылки антииронии.

Отдельную и достаточно многочисленную группу составляют поликодовые единицы в стиле американской графики *пин-ап*

середины XX века, демонстрирующие кокетливых, часто полуодетых девушек в игривых позах, с наличием провокационной надписи или без последней (см., например, Галерея ARTist, 2023) [3].

Образ дерзкой, фривольно одетой девушки, служащей объектом желания мужчины, никак не может ассоциироваться с советской эпохой, опиравшейся на иные ценностные посылки, поэтому в визуальном или вербальном компонентах сообщения инкодированы элементы, обеспечивающие референцию к соответствующему временному периоду. Так, на рис. 10 речь идет о «рабочих минутах», на заднем плане изображен автомобиль советской эпохи, на переднем – рабочий-сантехник в характерной для того времени одежде и кепке [28]. Девушка на

Рис. 11 снимает рабочую форму и обнажает нижнее белье на фоне промышленного станка и вывески с надписью «Ресторан», исполненной типовым советским шрифтом в стиле ретро-леттеринг [35]. Фразы на рис. 10 «Не теряй рабочих минут!» и Рис. 11 «Ударно поработала, культурно отдохни!» имеют реминисцентную природу и выступают в качестве отсылки к советским лозунгам, призывающим к труду или констатирующим необходимость заслуженного отдыха. Принципиальным отличием инкодирования семы «советское» в этой группе поликодовых текстов от иных в рассматриваемой

нами категории является прием контраста в репрезентации визуальных атрибутов «советского» и элементов современности. Подобные тексты, в сущности, демонстрируют не отражение советского, а инсталляцию современного в советский визуальный культурный контекст. Вербальные элементы, не являющиеся надписями на предметах и конструкциях, как правило, имеют формулировки лозунгов, которые, контрастируя с изображением и широким культурным контекстом, приобретают провокационный и ироничный подтекст.

Рис. 10. Мем «Не теряй рабочих минут!»
Fig. 10. Meme «Don't lose minutes at work!»

Рис. 11. Мем «Ударно поработала»
Fig. 11. Meme «Have worked hard?»

Прецедентные имена реально существовавших личностей фигурируют в семиотически осложненных текстах в форме поликодовых репрезентантов в следующих комбинациях: а) вербализация ПИ советской эпохи – визуальный репрезентант ПФ современного образа (рис. 14); б) визуальный репрезентант ПИ советской эпохи – вербализация собирательной характеристики ПИ (рис.13); в) визуальный репрезентант ПИ советской

эпохи – вербализация ролевых архетипов, амплуа или моделей поведения, условно коррелирующих с ПИ (рис. 12); г) визуальный репрезентант ПИ – вербальный компонент, семантика которого коррелирует и контрастирует с ПИ (рис. 15); д) визуальный репрезентант ПИ – текстовое сопровождение, оформленное цитатой, реминисцентным текстом / рифмой / др. (рис. 18, 19).

Рис. 12. Мем «Какой ты сегодня?»
Fig. 12. Meme «How are you feeling today?»

Рис. 13. Мем «Choose your fighter»
Fig. 13. Meme «Choose your fighter»

Рис. 14. Мем «Кто ты из Советского Союза?»
 Fig. 14. Meme «Who are you from the USSR?»

Визуальные репрезентанты ПИ личностей советской эпохи инкодируют различные виды настроения, философских основ жизни, черт личности, привычек и нравственных устоев, лейтмотива настроения, рода / вида деятельности, визуальной стилистики (рис. 12, 13, 14) [23; 13; 26]. Фотографический или визуальный образ без упоминания вербализатора ПИ может выступать прагматической доминантой сообщения (рис. 13). Номенклатура прецедентных личностей представлена следующими категориями: поэты и писатели (С. Есенин, И. Бродский, В. Высоцкий, В. Маяковский), лидеры государства разных времен (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.С. Горбачев), космонавты (Ю.А. Гагарин, С.Е. Савицкая, В.В. Терешкова), актеры и другие деятели искусства (как правило, кадры фильмов, концертных выступлений и др.). Тематически разные серии мемов (рис. 12, 13, 14) объединяет сюжет, согласно которому на выбор в качестве собирательного образа, настроения, амплуа и др. предлагается подборка выдающихся личностей, живших и творивших в определенную эпоху. Наличие совокупности визуальных, реже вербальных, репрезентантов ПИ усиливает фокус на наиболее характерной ассоциативной связи, коррелирующей с каждым из них. Вербализация ассоциации, в свою очередь, позволяет сместить / «задать» этот фокус и инкодировать значение, соответствующее иллюстрации автора текста. В качестве иллюстрации наших наблюдений рассмотрим мем на рис. 13. Серия «Choose your fighter» предполагает компиляцию нескольких архетипов, типовых персонажей и т.п. Фотографии политических лидеров снабжены надписями, иронично интерпретирующими те или иные аспекты их личности, поведенческие особенности и политическое амплуа. Фрагмент в правом верхнем

углу – фото поцелуя генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и руководителя ГДР Э. Хонеккера. Надпись «Вампир», апеллирующая к мифологическому персонажу, кусающему людей и пьющему их кровь, предполагает иную интерпретацию широко известного жеста Л.И. Брежнева.

Характерная для современного медиапространства мода на личности как субъекты социокультурной деятельности с определенной индивидуальностью (it-girl, девушка-винишко, фитоняшка, ламбер и др.) находит свое отражение в поликодовых текстах с семантической доминантой «советское». Примечательно, что, как правило, основным семиотическим репрезентантом ПИ в поликодовых текстах является визуальный элемент, который может сопровождаться дополнительными вербализуемыми референциями (полная, трансформированная или псевдо-цитата, характерная рифма и др.) или формировать некоторую прототипную модель поликодового текста (например, мемы с советским космонавтом Ю. Гагариным «Привет, потомки! Как вы там? Высадились на Марс?», высмеивающие бессмысленность некоторых достижений / псевдодостижений современного общества: «Привет, потомки!», 2023) [44]. Потенциальным основанием для активизации ПИ в то или иное время могут служить ценности, поведенческий стереотип, типаж личности, наиболее яркие черты, навыки или успехи человека / персонажа, резонирующие с культурным контекстом. В числе личностей советской эпохи, получивших прецедентную визуализацию / вербализацию в поликодовых текстах, необходимо отметить И. Бродского [4], В. Маяковского [2], И. Сталина [43], В. Высоцкого [1], Ф. Раневскую [42] и др.

На наш взгляд, визуальная дискурсивная объективация ПИ служит дополнительным импульсом к развитию и трансформации его семантики. Так, визуализация обуславливает вариативность прагматического потенциала: интенсификацию семантики вербализованной части сообщения (например, интернет-мемы с В. Маяковским – рис. 18) или активацию значения, ассоциируемого непосредственно с самим инвариантом визуального образа (фото улыбающегося Ю. Гагарина в скафандре космонавта и шлеме – рис. 15).

Проиллюстрируем наши наблюдения примерами из картотеки исследования. Поликодовые тексты с фотографией Ю. Гагарина начали появляться в русскоязычном интернет-пространстве в 2015 году (рис. 15, 16, 17) [18; 29; 31].

Рис. 15 Мем «Вы там в будущем»
Fig. 15 Meme «You in the future»

Рис. 16 Мем «Ну как вы там»
Fig. 16 Meme «How are you out there»

Рис. 17. Мем «Привет, потомки!»
Fig. 17. Meme «Hi, ancestors!»

Фотография летчика-испытателя в скафандре, военной форме и, реже, в повседневной одежде была использована в монокадровых изображениях или микронарративах на четыре кадра, суть которых сводилась к критическому осмыслению достижений современного общества. Образ Ю. Гагарина в своей совокупности выступил репрезентантом человека прошлого века, эпохи трудовых подвигов и технологических прорывов общечеловеческого масштаба. Искренняя улыбка, ставшая визитной карточкой Героя Советского Союза, олицетво-

ряет оптимизм и веру в дальнейшие свершения и развитие. Значение визуального образа получило лексикализацию посредством совокупности типовых выражений («Ну как вы там потомки», «Вы там в будущем», «Как вы там в будущем», «Привет, потомки! Как вы там?»), сопровождающих фото космонавта. Наряду с референцией непосредственно к личности Ю. Гагарина, репрезентант включает семы надежды на продолжающееся развитие и прогресс, предвосхищение открытий, оценку инноваций. Как следует из приведенных на рис. 15, 16 и 17 примеров, имманентным элементом рассматриваемых поликодовых текстов является ирония, построенная на эффекте обманутого ожидания. Содержание высказываний «Уже наверно до Сатурна долетели!» и «Как вы в 2018, на Марс летаете?» не соответствует действительности и служит основанием для противопоставления визуального репрезентанта ПИ и текста. Реплика «...кто плоская?», оформленная как реакция на условно полученный ответ, апеллирует к пресуппозиции о ложном характере утверждения, согласно которому Земля плоская. Критичная оценка нецелесообразности и усложнения некоторых повседневных действий инкодированы на рис. 16 совокупностью невербального элемента и соотношением двух понятий из разных тематических категорий в вербальном элементе: «бизнес-процессы» и «суп».

Примером интенсификации семантики вербализованной части сообщения служат интернет-мемы с вариативным портретным репрезентантом ПИ В. Маяковского (рис. 18, 19, 20, 21) [20; 24; 21; 25].

Рис. 18. Мем «Если бы Маяковский»
Fig. 18. Meme «Only if Mayakovsky»

Рис. 19. Мем «Книгу перевернув»
Fig. 19. Meme «Turning the book over»

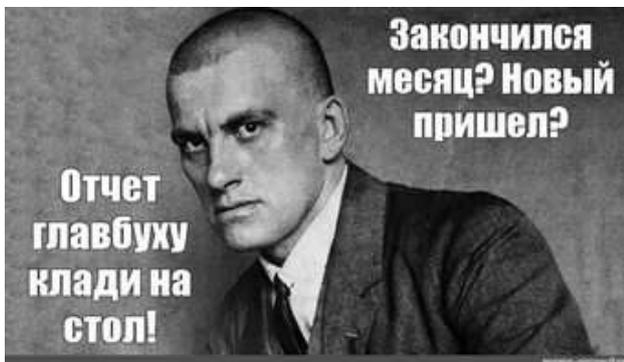

Рис. 20. Мем «Закончился месяц?»
Fig. 20. Meme «Has the month finished?»

Рис. 21. Мем «Когда я вижу»
Fig. 21. Meme «When I can see»

Текстовое сопровождение приведенных выше поликодовых текстов оформлено реминисцентной рифмой В. Маяковского и коррелирует с актуальным сообщением контекстом. Рис. 18 озаглавлен «Если бы Маяковский жил в наше время» [20]. Темпоральные рамки сообщения – пандемия коронавирусной инфекции – условно делимитируются содержанием основной части сообщения: «Я достаю из широких штанин маску размером с мою хлебобрезку // С ней я позволить могу магазин и на метро поездку!». Сопровождавшие пандемию требования по ношению медицинской маски в общественном месте вербализованы реминисцентной рифмой и осколочными цитатными включениями из «Стихов о советском паспорте» В. Маяковского (1929 г.). Полная цитата из стихотворения «Кем быть?» (1928 г.) на рис. 19 резюмируется выводом, противоположным первоисточнику, что создает эффект обманутого ожидания. Рис. 20 и 21 опираются преимущественно на корреляцию характерного для поэта слога и его визуального образа, в то время как само вербальное содержание

сообщения никак не соотносится с личностью или творчеством В. Маяковского.

Семиотическая вариативность апелляции к ПИ обусловлена в том числе родом деятельности и референциальной базой культурного наследия конкретной личности. Наряду с визуальными репрезентантами (известными фото с узнаваемым антуражем, позой, выражением лица и др., кадрами кинофильмов, концертных, театральных и иных выступлений), вербальные представлены не только крылатыми фразами (например, «Поехали!» Ю. Гагарина, «Учиться, учиться и еще раз учиться» В.И. Ленина), но и реминисцентной рифмой, цитатами из прозаических текстов, стихов, песен, фильмов, звукоподражанием манеры речи или пения.

Проиллюстрируем наши наблюдения поликодовыми текстами, в которых фигурируют референции к деятелям искусства, творчество которых связано с широким спектром жанров, а именно: исполнительским, литературным, театральным, кинематографическим и изобразительным. Мем на

рис. 22 содержит надпись «Целители уставших наших душ», которую сопровождают три фотографических снимка авторов-исполни-

телей позднесоветского периода: В. Высоцкого, В. Цоя и И. Талькова [36].

Рис. 22. Мем «Целители»
Fig. 22. Meme «Healers»

Ассоциации, связанные с визуальными образами, контекстуализируют семантику лексемы «целители», использованной в переносном значении и сообщающей тексту смысл психологической поддержки, получаемой от творчества или образа исполнителей. В современном культурном пространстве широко известна южнокорейская драма «Целитель душ» (2020) о психиатрической помощи, лейтмотивом которой является основополагающее значение счастья для человека. Интерпретация полифонии инкодированных смыслов во многом зависит от осведомленности и наличия у адресата сообщения ассоциаций, связанных как с вербальным, так и визуальным компонентами сообщения.

Изображение на рис. 23 служит примером немногочисленной категории поликодовых единиц, в которых дается как визуальная, так и вербальная референция к ПИ [37]. Надпись «Цой раньше» сопровождает фотографию советского рок-музыканта В. Цоя, «Цой сейчас» – снимок современного хип-хоп исполнителя Скриптонита. Визуальная основа сообщения позволяет предполагать, что в первую очередь к сравнению предлагается внешний образ певца. Так, непосредственно В. Цой предстает в оценивающей, собранной и одновременно расслабленной позе с широко расставленными согнутыми в локтях руками и поддерживающими подбо-

Рис. 23. Мем «Цой раньше»
Fig. 23. Meme «Tsoi before»

родок ладонями. Взгляд исподлобья испытующе направлен в объектив. Предложенный визуальный аналог в образе Скриптонита, изображен в манерной «закрытой» позе у стены, голова склонена набок, взгляд потуплен вниз, одна рука обхватывает локоть, тело покрыто татуировками. Вектор сравнения «раньше» и «сейчас» амбивалентен, так как потенциально может исходить из позы, взгляда, особенностей внешности, ассоциаций с творчеством и др. Некоторые ограничения наложены при этом автором сообщения, так как еще одним вербально-визуальным элементом мема является изображение героя анимационного ситкома «Футурама» (1999-2023) Фрая с подозрительным взглядом и репликой «Интересно, он вообще стареет?», обращенной к Скриптониту. Фокус на возрасте и предикация в настоящем времени апеллируют к фразе-слогану «Цой жив», которая в среде его фанатов используется для выражения уверенности в бессмертности творчества их кумира. Таким образом, в сообщении интегрированы хронологически (советская эпоха и современность) и культурно (советская, российская и американская) разноплановые визуальные и вербальные репрезентанты ПФ.

Использование визуального репрезентанта ПИ может сопровождаться референцией к ПТ, связанному с соответствующей личностью, что и демонстрирует мем на

рис. 24. Слова «Эх раз, да еще раз! Еще мно-о-о-го много раз!» из авторской песни В. Высоцкого «Моя цыганская», написанной им в ритме и стилистике цыганского фольклора, приводятся рядом с фото барда, запечатленного в момент исполнения под аккомпанемент гитары [40]. Ключевым элементом

Рис. 24. Мем «Эх раз, да еще раз!»
Fig. 24. Meme «Oh again, yes again!»

Рис. 26. Мем «Эй, Джигурда»
Fig. 26. Meme «Hey, Dzhigurda»

В картотеке исследования представлены поликодовые единицы с синестетическим потенциалом. В основу рис. 25 положен комикс с канадским рэпером Дрейком в оранжевой куртке, имеющий закрепленное в медиакоммуникации значение демонстрации отрицательного и положительного отношения к двум похожим объектам [14]. В результате фотомонтажа лицо Дрейка заменено на лицо В. Высоцкого. Недовольное выражение коррелирует со звукорядом «Ааааа..Оооо..Уууу...», довольное – с «Ррррр..Ннннн..Пппп..».

текста, контекстуализирующим значение обозначенных компонентов, является изображение чайного пакетика. Процитированный текст имплицитно подразумевает практику неоднократного использования мешочка с чаем, предназначенного для одноразового заваривания.

Рис. 25. Мем «Ааааа..Ооооо..»
Fig. 25. Meme «Ааааа..Ооооо..»

Звукоподражание разным манерам исполнения, оформленное в оценочную визуальную прецедентную канву, выступает в качестве реминисцентной референции к творчеству Дрейка и В. Высоцкого.

Высокая оценка качества продукции, произведенной в СССР, прослеживаемая в апеллирующих к артефактам советской повседневности поликодовых текстах, на наш взгляд, также характерна и для форм творческой деятельности обозначенного периода. Мем на рис. 26 включает фото В. Высоцкого и надпись «Эй, Джигурда // Я покажу тебе как надо петь» [39]. Гипотетическое обращение исполнителя к актеру театра и кино Н. Джигурде, невозможное по объективным причинам, имплицитно подразумевает сомнительный уровень вокального мастерства или искажение в интерпретации авторских произведений самого В. Высоцкого. В зависимости от осведомленности адресата сообщения об альбомах Н.Б. Джигурды с исполнением песен советского барда «Песни Владимира Высоцкого 1-4» (1984), иных произведениях его музыкального творчества или манере речи, возможны варианты восприятия и толкования рассматриваемого текста.

Театральные и киноработы В. Высоцкого также нашли отражение в интернет-мемах.

Рис. 27. Мем «Эй пес»
Fig. 27. Meme «Hey dog»

Комикс на рис. 27 построен в формате ображаемого диалога американского актера, героя фильмов-боевиков Ч. Норриса и В. Высоцкого в образе Г. Жеглова в экранизации милицейского детективного романа «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) [38]. Образ Ч. Норриса пользуется популярностью в поликодовых текстах в русскоязычном сегменте сети Интернет. В начале постсоветского периода широкое распространение фильмов с американским актером обеспечило его узнаваемость и закрепление в когнитивной базе русскоязычного лингвокультурного сообщества образа супергероя, обладающего невероятной силой, привлекательностью, мужественностью, профессионально владеющего боевыми искусствами. Многочисленные серии мематических комплексов с визуальным образом Ч. Норриса («Факты о Чаке Норрисе», «Когда Чак Норрис» и др.) и рекуррентность их актуализации подтверждают наличие устойчивых ассоциаций с визуальным образом актера и именем «Чак Норрис». Диалог представлен следующими репликами (пунктуация сохранена – Т.М.):

Герой Ч. Норриса: Эй пес

Герой В. Высоцкого: Повтори, что сказал.

Герой Ч. Норриса: Извините, товарищ Жеглов! Не признал!!

Герой В. Высоцкого: Так-то лучше!

В качестве резюме следует надпись «Не забывайте своих героев», потенциально обращенная к обоим героям, однако итог диалога позволяет предполагать больший фокус на персонаже В. Высоцкого.

Роль Гамлета в постановке одноименной пьесы У. Шекспира в «Театре на Таганке» ста-

Обратимся к нескольким из них.

Рис. 28. Мем «Быть или НЕ быть»
Fig. 28. Meme «To be or NOT to be»

ла театральной визитной карточкой актера. Кадры спектакля и записи монологов распространены в сети по сей день. Так, один из них представлен на рис. 28 с надписью «Быть или НЕ быть // Wad.Ojooo.com ?» [15]. Титульная фраза монолога Гамлета, образ с черепом в руке, увеличенный вопросительный знак и черно-белая цветовая гамма сообщения создают дополнительное напряжение в отношении решения. Сам вопрос относится к возможности продолжения работы интернет-площадки wad.ojooo.com, букс-сайта, которые платит пользователям вознаграждение за выполнение заданий.

Результаты. Проведенный анализ позволил решить поставленные задачи и сделать ряд выводов.

Образ советского человека в поликодовых текстах актуализируется визуальными репрезентантами, а именно собирательным образом мужчины / женщины преимущественно рабочей или инженерной с соответствующими атрибутами труда или поощрения. Общий эмоциональный посыл образа – радость, удовольствие, серьезность, решительность и целеустремленность. Визуальные репрезентанты советского человека транслируют отказ от праздности и стойкость духа как через непосредственные атрибуты (рабочая одежда, инструменты, знаки отличия), так и опосредованные (фон фабрики или цеха, минималистичные цветовые решения, построенные на контрасте ахроматических и базовых хроматических цветов).

Номенклатура ПИ, представленных в поликодовых текстах, позволяет наметить сле-

дующую категоризацию: поэты и писатели (С. Есенин, И. Бродский, В. Высоцкий, В. Маяковский), лидеры государства разных времен (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.С. Горбачев), космонавты (Ю.А. Гагарин, С.Е. Савицкая, В.В. Терешкова), актеры и деятели искусства (как правило, кадры фильмов, концертных выступлений и др.).

Основным семиотическим репрезентантом ПИ в поликодовых текстах является визуальный элемент, который может сопровождаться дополнительными вербализуемыми референциями (полная, трансформированная или псевдо-цитата, характерная рифма и др.) или формировать некоторую прототипную модель поликодового текста. Поликодовые репрезентанты ПИ представлены в следующих комбинациях: а) вербализация ПИ советской эпохи –

визуальный репрезентант ПФ современного образа; б) визуальный репрезентант ПИ советской эпохи – вербализация собирательной характеристики ПИ; в) визуальный репрезентант ПИ советской эпохи – вербализация ролевых архетипов, амплуа или моделей поведения, условно коррелирующих с ПИ; г) визуальный репрезентант ПИ – вербальный компонент, семантика которого коррелирует и контрастирует с ПИ; д) визуальный репрезентант ПИ – текстовое сопровождение, оформленное реминисцентным текстом / рифмой / др.

Потенциальным основанием для активизации ПИ в то или иное время могут служить ценности, поведенческий стереотип, типаж личности, наиболее яркие черты, навыки или достижения человека / персонажа, резонирующие с культурным контекстом.

Литература

1. Владимир Высоцкий, Мемы. URL: <https://pikabu.monster/posts-1?tag=%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D1%8B&ysclid=lr6n9fq92j819141766>. (дата обращения: 20.12.2023).
2. Владимир Маяковский и Мемы. URL: <https://pikabu.ru/tag/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%9C%D0%B0%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%2C%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D1%8B?ysclid=lr6mn9vwnb323195841>. (дата обращения: 20.12.2023).
3. Галерея ARTist. Жизнь - хорошо ! ... а хорошо жить еще лучше ! На картинах в стиле пин-ап от художницы Натальи Ершовой. URL: https://dzen.ru/a/ZSUwHdFB1gJArQ_Y. (дата обращения: 20.12.2023).
4. Иосиф Бродский и Коронавирус. URL: <https://pikabu.ru/tag/%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%2C%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81?ysclid=lr6mda4idk333582538>. (дата обращения: 20.12.2023).
5. Лебедев-Кумач В. Советский простой человек. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=sovprost>. (дата обращения: 20.09.2023).
6. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 165(3). С. 19–32.
7. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сб. науч. тр. Междунар. науч. форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие (10–12 ноября 2020 г.). М.: РУДН, 2020. С. 143–148.
8. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.
9. Марченко Т. В. Взаимодействие форм прецедентности в синестетических полимодальных единицах: мемы в чувствах и чувства в мемах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 210–224.
10. Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 3. С. 505–518.
11. Марченко Т. В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 143–150.
12. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70–85.
13. Мем «Choose your fighter». URL: https://shutniks.com/wp-content/uploads/2020/04/Memy_pro_Lenina_11_18221641.png. (дата обращения: 20.09.2023).
14. Мем «Ааааа..Оооо..». URL: https://pikabu.ru/story/nash_vyibor_8994030. (дата обращения: 20.12.2023).
15. Мем «Быть или НЕ быть». URL: <https://i.ytimg.com/vi/04MmXclhK3g/maxresdefault.jpg>. (дата обращения: 20.12.2023).

16. Мем «Вот вам и «Буратино»». URL: <https://cdn.fishki.net/upload/post/2018/05/09/2593462/9e4e733b6d5cd1a6821210ca6491bc67.jpg>. (дата обращения: 20.12.2023).
17. Мем «Вот они». URL: https://sun9-69.userapi.com/imp/zApi3LI99CvKeLMMlorCVjIAEwZFTBsD2JgQA/d9ssw_4lulE.jpg?size=1280x1158&quality=96&sign=e84fc9061be20348e28f8068f1cfdbc2&c_uniq_tag=INsC6N4Er-76m3nWlwBofBVyUr5GM-Avgpz6Le1wK9U&type=album. (дата обращения: 20.12.2023).
18. Мем «Вы там в будущем». URL: https://static.mk.ru/upload/entities/2016/04/12/photoreportsImages/detail-Picture/1a/31/a7/37/7386498_7618697.jpg. (дата обращения: 20.09.2023).
19. Мем «Дебажишь локалку?». URL: https://risovach.ru/thumb/upload/200s400/2016/02/mem/sovetskiy-plakat_106125071_orig.jpg?elxcd. (дата обращения: 20.12.2023).
20. Мем «Если бы Маяковский». URL: https://sun9-30.userapi.com/imp/ip7fuK1jilxTXx6Ym4EiduyD8Wp1KBQhaqZDqA/8i7bRZlptdc.jpg?size=1080x950&quality=96&sign=55fdf6c3756c2301d57ef32ce5cce2e2&c_uniq_tag=PdUHhI-b4euZX9VCyA23fG8619nb01F-CnTEFvj2fSw&type=album. – (дата обращения: 20.09.2023).
21. Мем «Закончился месяц?». URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=3adf1dcf7d215ef265730fb4214b606ba0295444-8285817-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=342&h=200>. – (дата обращения: 20.09.2023).
22. Мем «Зачем рабочему человеку буржуйский интернет?». URL: https://papik.pro/uploads/posts/2022-02/1645988325_37-papik-pro-p-plakati-sssr-posle-shkoli-na-zavod-38.jpg. (дата обращения: 20.09.2023).
23. Мем «Какой ты сегодня?». URL: <https://i.pinimg.com/originals/58/af/7b/58af7b87c53634b081756644b1830f47.jpg>. (дата обращения: 20.09.2023).
24. Мем «Книгу переворошив». URL: https://sun9-15.userapi.com/impf/jSQ8GeincIK7qo4XBle0mac9pojJTY-XruVdw/JJiQzxeXNm4.jpg?size=418x604&quality=96&sign=a6de0caea00d9adc2ebee0a2a6718ace&c_uniq_tag=KqPxtBatYincaliMuRaeOE4UoNheMF1e5NWW8d95YvQ&type=album. (дата обращения: 20.09.2023).
25. Мем «Когда я вижу». URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=f3d6a691a66afce0da4cac2238e2cd7a-4321889-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=200&h=200>. (дата обращения: 20.09.2023).
26. Мем «Кто ты из Советского Союза?». URL: https://images.chesscomfiles.com/uploads/v1/images_users/tiny_mce/TikhonovaAnna/phpINf9B9.jpeg. (дата обращения: 20.09.2023).
27. Мем «Настоящие супергерои!!!». URL: <https://stihi.ru/pics/2022/11/12/3772.jpg>. (дата обращения: 20.12.2023).
28. Мем «Не теряй рабочих минут!». URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_gallery/5228691/pub_61b180e6261a0f6448936f63_61b18c697a30966455e84de3/scale_720. (дата обращения: 20.12.2023).
29. Мем «Ну как вы там». URL: https://risovach.ru/upload/2017/10/mem/gagarin_157617696_orig.jpg. (дата обращения: 20.09.2023).
30. Мем «Пенсионер помни!». URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/1887828/pub_5e2fdfeebfad3200aeb603cd_5e30b15afeb8b677a6d4b626/scale_1200. (дата обращения: 20.09.2023).
31. Мем «Привет, потомки!». URL: https://i09.fotocdn.net/s121/8c0f174c29bdecbb/public_pin_l/2767014782.jpg. (дата обращения: 20.09.2023).
32. Мем «Сделал бэкап». URL: https://risovach.ru/upload/2018/10/mem/sovetskiy-deputat_191414385_orig.jpg. (дата обращения: 20.09.2023).
33. Мем «Скорей бы понедельник». URL: <https://cdn.fishki.net/upload/users/2021/08/27/872820/8385996e614d3862189ae44985667eee.jpg>. (дата обращения: 20.09.2023).
34. Мем «Советский человек». URL: <https://reddem.ru/wp-content/uploads/2017/08/%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A2%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99-%D0%A7%D0%95%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%9A.png>. (дата обращения: 20.09.2023).
35. Мем «Ударно поработала». URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=6349b30ef807142ad0abcc557b550726f66b021b-4546420-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=300&h=200>. (дата обращения: 20.12.2023).
36. Мем «Целители». URL: https://i7.tabor.ru/feed/2022-08-20/39045428/3893708_760x500.jpg. (дата обращения: 20.12.2023).
37. Мем «Цой раньше». URL: https://shutniks.com/wp-content/uploads/2020/04/Memy_pro_Coya_4_18125314.jpg. (дата обращения: 20.12.2023).
38. Мем «Эй пес». URL: https://s00.yaplakal.com/pics/pics_original/5/2/3/74325.jpg. (дата обращения: 20.12.2023).
39. Мем «Эй, Джигурда». URL: https://risovach.ru/upload/2016/08/mem/vysockiy_121775960_orig.jpg. (дата обращения: 20.12.2023).
40. Мем «Эх раз, да еще раз!». URL: https://shutok.ru/uploads/posts/2019-05/1557735373_imgonline-com-ua-resize-tjlorgb8dfwlhpl.jpg. (дата обращения: 20.12.2023).
41. Мемы про недовольное лицо. URL: <https://cvam.ru/pro-nedovolnoe-litso>. (дата обращения: 20.12.2023).
42. Мемы с Раневской и ее киногероинями. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/memy-s-ranevskoj-i-ee-kinogeroinjami/?ysclid=lr6npxwcvb474083469>. (дата обращения: 20.12.2023).
43. Мемы со Сталиным. URL: <https://memepedia.ru/memy-so-stalinym/?ysclid=lr6mu10wuz908203451>. (дата обращения: 20.12.2023).
44. Привет, потомки! URL: <https://memoteka.com/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82,%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BA%D0%B8>. (дата обращения: 20.12.2023).
45. Райскина В.А. Семиотический образ прецедентной личности в европейском культурном пространстве // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2022. №1. С. 113–128.

46. Черняк В. Д., Ли Х. «Баба-яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. №4 (82). С. 68–76.

References

1. Vladimir Vysotsky, Memes. URL: <https://pikabu.monster/posts-1?tag=%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D1%8B&ysclid=lr6n9fq92j819141766>. (accessed: 20.12.2023).
2. Vladimir Mayakovsky and Memes. URL: <https://pikabu.ru/tag/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%9C%D0%B0%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%2C%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D1%8B?ysclid=lr6mn9vwnb323195841>. (accessed: 20.12.2023).
3. Gallery ARTist. To live well ! ... A good life is even better ! In pin-up style paintings from artist Natalya Ershova. URL: https://dzen.ru/a/ZSUwHdFB1gJArQ_Y. (accessed: 20.12.2023).
4. Joseph Brodsky and Coronavirus. URL: <https://pikabu.ru/tag/%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%2C%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81?ysclid=lr6mda4idk333582538>. (accessed: 20.12.2023).
5. Lebedev-Kumach V. Soviet ordinary man. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=sovprost>. (accessed: 20.09.2023).
6. Mardieva LA. Visual Precedence As a Subject of Linguistic Research: Current State and Development Prospects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2023;165(3):19-32. (In Russ.)
7. Mardieva LA. Visual precedence: Theoretical and applied aspects. Problems of Modern Linguistics and Foreign Language Learning in the Era of Artificial Intelligence: Proc. Int. Sci. Forum Celebrating the World Science Day for Peace and Development (November 10–12, 2020). Moscow: RUDN University, 2020. p. 143-148. (In Russ.)
8. Mardieva LA. Sociocultural reality and Its Interpretation in Media Texts. A History of Integrative Research. Kazan: Kazan University; 2016. 358 p. (In Russ.)
9. Marchenko TV. Interaction of Precedence Forms in Synesthetic Polymodal Units: Memes in Feelings and Feelings in Memes. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023;1:210-224. (In Russ.)
10. Marchenko TV. Cultural recycling of the Soviet in Internet memes: A linguosemiotic interpretation. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2022;3:505-518. (In Russ.)
11. Marchenko TV. Precedence in media discourses: On the study of verbal and non-verbal phenomena. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2021;2:143-150. (In Russ.)
12. Marchenko TV, Bredikhin SN. System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2023;2:70-85. (In Russ.)
13. Meme "Choose your fighter". URL: https://shutniks.com/wp-content/uploads/2020/04/Memy_pro_Lenina_11_18221641.png. – (accessed: 20.09.2023).
14. Meme "Aaaaa..Oooo..". URL: https://pikabu.ru/story/nash_vyibor_8994030. (accessed: 20.12.2023).
15. Meme "To be or NOT to be". URL: <https://i.ytimg.com/vi/O4MmXclhK3g/maxresdefault.jpg>. (accessed: 20.12.2023).
16. Meme "Here is "Buratino". URL: <https://cdn.fishki.net/upload/post/2018/05/09/2593462/9e4e733b6d5cd1a6821210ca6491bc67.jpg>. (accessed: 20.12.2023).
17. Meme "Here they are". URL: https://sun9-69.userapi.com/impz/zApiy3LI99CvKeLMMlorCVjIAEwZFTBsD2JgQA/d9ssw_4lulE.jpg?size=1280x1158&quality=96&sign=e84fc9061be20348e28f8068f1cfdbc2&c_uniq_tag=INsC6N4Er-76m3nWlwBofBVyUr5GM-Avgpz6Le1wk9U&type=album. (accessed: 20.12.2023).
18. Meme "You in the future". URL: https://static.mk.ru/upload/entities/2016/04/12/photoreportsImages/detailPicture/1a/31/a7/37/7386498_7618697.jpg. (accessed: 20.09.2023).
19. Meme "Debugging the local net?". URL: https://risovach.ru/thumb/upload/200s400/2016/02/mem/sovetskiy-plakat_106125071_orig.jpg?elxcd. (accessed: 20.12.2023).
20. Meme "Only if Mayakovsky". URL: https://sun9-30.userapi.com/impz/ip7fuK1jilxTXx6Ym4EiduyD8Wp1KbQhaqZDqA/8i7bRZlptdc.jpg?size=1080x950&quality=96&sign=55fdf6c3756c2301d57ef32ce5cce2e2&c_uniq_tag=PdUHh1-b4euZX9VCyA23fG8619nb01F-CnTEFvj2fSw&type=album. (accessed: 20.09.2023).
21. Meme "Has the month finished?". URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=3adf1dcf7d215ef265730fb4214b606ba0295444-8285817-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=342&h=200>. (accessed: 20.09.2023).
22. Meme "Why does a working person need the bourgeois Internet?". URL: https://papik.pro/uploads/posts/2022-02/1645988325_37-papik-pro-p-plakati-sssr-posle-shkoli-na-zavod-38.jpg. (accessed: 20.09.2023).
23. Meme "How are you feeling today?". URL: <https://i.pinimg.com/originals/58/af/7b/58af7b87c53634b081756644b1830f47.jpg>. (accessed: 20.09.2023).
24. Meme "Turning the book over". URL: https://sun9-15.userapi.com/impf/jSQ8GeincIK7qo4XBle0mac9pojJTY-XruVdw/JiQzxeXHm4.jpg?size=418x604&quality=96&sign=a6de0caea00d9adc2ebee0a2a6718ace&c_uniq_tag=KqpXtBatYincaliMuRaeOE4UoNheMF1e5NWW8d95YvQ&type=album. (accessed: 20.09.2023).
25. Meme "When I can see". URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=f3d6a691a66afce0da4cac2238e2cd7a-4321889-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=200&h=200>. (accessed: 20.09.2023).

26. Meme "Who are you from the USSR?". URL: https://images.chesscomfiles.com/uploads/v1/images_users/tiny_mce/TikhonovaAnna/phpINF9B9.jpeg. (accessed: 20.09.2023).
27. Meme "Real superheroes!!!". URL: <https://stihi.ru/pics/2022/11/12/3772.jpg>. (accessed: 20.12.2023).
28. Meme "Don't lose minutes at work!". URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_gallery/5228691/pub_61b180e6261a0f6448936f63_61b18c697a30966455e84de3/scale_720. (accessed: 20.12.2023).
29. Meme "How are you out there". URL: https://risovach.ru/upload/2017/10/mem/gagarin_157617696_orig_.jpg. (accessed: 20.09.2023).
30. Meme "Pensioner, remember!". URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/1887828/pub_5e2fdfeebfad3200aeb603cd_5e30b15afeb8b677a6d4b626/scale_1200. (accessed: 20.09.2023).
31. Meme "Hi, ancestors!". URL: https://i09.fotocdn.net/s121/8c0f174c29bdecbb/public_pin_l/2767014782.jpg. (accessed: 20.09.2023).
32. Meme "Having done the backup". URL: https://risovach.ru/upload/2018/10/mem/sovetskiy-deputat_191414385_orig_.jpg. (accessed: 20.09.2023).
33. Meme "I wish it were Monday soon". URL: <https://cdn.fishki.net/upload/users/2021/08/27/872820/8385996e614d3862189ae44985667eee.jpg>. (accessed: 20.09.2023).
34. Meme "Soviet man". URL: <https://reddem.ru/wp-content/uploads/2017/08/%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A2%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99-%D0%A7%D0%95%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%9A.png>. (accessed: 20.09.2023).
35. Meme "Has worked hard". URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=6349b30ef807142ad0abcc557b550726f66b021b-4546420-images-thumbs&ref=rim&n=33&w=300&h=200>. (accessed: 20.12.2023).
36. Meme "Healers". URL: https://i7.tabor.ru/feed/2022-08-20/39045428/3893708_760x500.jpg. (accessed: 20.12.2023).
37. Meme "Tsoi before". URL: https://shutniks.com/wp-content/uploads/2020/04/Memy_pro_Coya_4_18125314.jpg. (accessed: 20.12.2023).
38. Meme "Hey dog". URL: https://s00.yaplakal.com/pics/pics_original/5/2/3/74325.jpg. (accessed: 20.12.2023).
39. Meme "Hey, Dzhigurda". URL: https://risovach.ru/upload/2016/08/mem/vysockiy_121775960_orig_.jpg. (accessed: 20.12.2023).
40. Meme "Oh again, yes again!". URL: https://shutok.ru/uploads/posts/2019-05/1557735373_imgonline-com-ua-resize-tjlorgb8dfwlhpl.jpg. (accessed: 20.12.2023).
41. Memes about grumpy faces. URL: <https://cvam.ru/pro-nedovolnoe-litso>. (accessed: 20.12.2023).
42. Memes with Ranevskaya and her film characters. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/memy-s-ranevskoj-i-ee-kinogeroinjami/?ysclid=lr6nxpwcvb474083469>. (accessed: 20.12.2023).
43. Memes with Stalin. URL: <https://memepedia.ru/memy-so-stalinym/?ysclid=lr6mu10wuz908203451>. (accessed: 20.12.2023).
44. Hi, ancestors! URL: <https://memoteka.com/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82,%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BA%D0%B8>. (accessed: 20.12.2023).
45. Raiskina VA. Semiotic image of a precedent personality in European cultural space. *Crede Experto: Transport, Obshchestvo, Obrazovanie, Yazyk*. 2022;1:113-128. (In Russ.).
46. Chernyak VD, Li H. "Baba Yaga Is Against": Precedent phenomena from cartoons in political discourse. *Politicheskaya Lingvistika*. 2020;4(82):68-76. (In Russ.).

Научная статья

УДК 81-2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.21>**ВАРИАТИВНОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ
В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ****Софья Алексеевна Оборская**

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (д. 87, ул. Горького, Владимир, 600026, Российская Федерация)

Соискатель

oborskayasofi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Аннотация. Введение. Статья посвящена описанию вариативности фонетической структуры заимствований в кхмерском языке. Данная тема имеет длительную традицию как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Исследованиями в указанной области занимались такие видные ученые, как И.Д. Кленин, Е.Д. Поливанов, Н.С. Трубецкой. В кхмеристике тематика изучения вопросов языковых контактов и адаптации заимствованной лексики является неизученной. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе 208 выявленных из 16119 контекстов (предложений) заимствований из газеты «Пномпень Пост» – самого крупного печатного ежедневного издания на кхмерском языке. **Анализ.** Анализируя фонетический аспект адаптации, мы разделили выявленные нами заимствования на 2 группы: фонетическая и морфолого-фонетическая. При этом, к первому типу мы отнесли перенесенные из иностранного языка слова в исходной форме с незначительной адаптацией к кхмерской фонетике, а ко второй – слова, подвергшиеся процессу, при котором к фонетическому заимствованию добавляется кхмерская морфема. В рамках каждой из групп нами были выделены более мелкие подгруппы. В частности, фонетические заимствования были поделены на заимствования с «нулевой» и неполной адаптацией, а также отдельно описали производящие фонетические заимствования. Морфолого-фонетические заимствования в исследовании также представлены двумя подгруппами: фонетическое заимствование + кхмерская морфема и греко-латинские элементы в сочетании с кхмерским (палийским/санскритским) словом. **Результаты.** По итогам исследования было выявлено две основные тенденции, присущие кхмерскому языку: 1. В процессе усвоения иноязычных слов кхмерский язык стремится устранить несвойственные ему звуки и чуждые фонетические особенности, таким образом приспособивая их к своим фонетическим нормам. 2. Использование греко-латинских терминоэлементов при создании новых слов и образование новых номинаций путем сочетания кхмерского компонента с иноязычным.

Ключевые слова: гибрид, неполная адаптация, нулевая адаптация, полуаффикс, фонетические заимствования, язык-донор, язык-реципиент

Для цитирования: Оборская С. А. Вариативность фонетической структуры заимствованных слов в кхмерском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 191–199. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

VARIABILITY OF THE PHONETIC STRUCTURE OF BORROWINGS IN THE KHMER LANGUAGE**Sofia A. Oborskaia**

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (87, Gorkogo St., Vladimir, 600026, Russian Federation)

PhD Applicant

oborskayasofi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Abstract. Introduction. The article describes the variability of the phonetic structure of borrowings in the Khmer language. This topic has a long tradition in both domestic and foreign linguistics. Such prominent scientists as I. Klenin, E. Polivanov and N. Trubetskoy carried out research in this area. In Khmer studies, the topic of language contacts and adaptation of borrowed vocabulary is poorly studied. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of 208 borrowings selected from 16,119 contexts (sentences) in the Phnom Penh Post Newspaper, the biggest printed daily in the Khmer language. **Analysis.** Analyzing the phonetic aspect of adaptation, we divided the borrowings into 2 groups: the phonetic and the morphological-phonetic ones. At the same time, the first type included the words transferred from a foreign language in their original form with minor adaptation to Khmer phonetics, and the second type – words that have undergone the process in which a Khmer morpheme is added to the phonetic borrowing. Each group falls into smaller subgroups. Phonetic borrowings were divided into borrowings with “zero” and incomplete adaptation, and the resulting phonetic borrowings were also described separately. Morphological-phonetic borrowings are also divided in two subgroups: phonetic borrowing + a Khmer morpheme and Greco-Latin elements combined with a

Khmer (Pali/Sanskrit) word. **Results.** Based on the results of the study, two main trends inherent in the Khmer language were identified. Firstly, in the process of assimilation of foreign words, the Khmer language strives to eliminate sounds and alien phonetic features that are unusual for it, thus adapting them to its phonetic norms. Secondly, Greek-Latin term elements are used in forming new words and new nominations by combining the Khmer component with a foreign one.

Keywords: hybrid, incomplete adaptation, zero adaptation, semi-affix, phonetic borrowings, donor language, recipient language

For citation: Oborskaia SA. Variability of the phonetic structure of borrowings in the Khmer language. *Humanities and law research*. 2024;11(1):191-199. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.21>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.11.2023.

The article was approved after reviewing: 21.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

Введение / Introduction. Известно, что слова, пришедшие в язык из других языков, по-разному приспособляются к произносительной системе языка-реципиента. Описание фонетического освоения заимствований вызвало особый интерес у лингвистов с конца XIX – начала XX в., когда началось складываться представление о зависимости звуковой формы иноязычного включения от языка-источника и его вариантов, медиатора заимствования и его характера, влияющих на появление заимствования внеязыковых обстоятельств, времени появления в речи людей [8].

В целом, изучение вопросов языковых контактов и адаптации заимствованной лексики имеет длительную традицию как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Существует ряд классификаций заимствований по способу заимствования.

О. Высочина разделила заимствования на 4 группы: лексические (заимствуется и материальная форма, и содержание слова), семантические (исконное слово получает новое значение и начинает использоваться в переносном значении), заимствование только иноязычной формы слова в письменном или устном варианте с наполнением ее новым содержанием, морфемное (заимствуются корневые или деривационные морфемы для образования новых слов) [1].

Е.Д. Поливанов полагал, что несвойственное основной фонетической системе звучание одновременно является указанием на иностранное происхождение слова и на социальную обособленность в его употреблении [7, с. 139-151]. Он делил заимствования по форме и происхождению.

Традиционно лингвисты различают *фонетическую* и *семантическую* формы адаптации заимствований. И.Д. Кленин описывая их, писал, что «первые представляют собой транскрипцию как фонематическое копирование иноязычного слова, вторые же образуются по принципу передачи значения иноязычного слова языковыми средствами заимствующего языка» [5].

В.И. Горелов, в свою очередь, в «Лексикологии китайского языка» выделял фонетические, семантические и фонетико-семантические разновидности заимствований. К первому типу он относил случаи, в которых «воспроизводится звуковая оболочка слова» [4, с. 143], ко второму – слова, которые «создаются из лексических элементов языка-реципиента и в силу этого по своей

звуковой и графической форме ничем не отличаются от исконной лексики языка», наконец, к третьему – «смешанные образования, для которых характерны особенности двух основных разновидностей иноязычных заимствований».

Н.С. Трубецкой одним из первых подробно описал фонетический аспект адаптации заимствований в русском языке. По его мнению, «переход иностранного слова в основной фонд языка может происходить долго» [9, с. 352]. Он описывает фонетическое освоение заимствования как комплекс потенциальных фонетических ошибок при изучении языка-источника.

Актуальность статьи основана на отсутствии в российском сегменте работ, посвященных описанию фонетической адаптации заимствований в кхмерском языке. Анализ иноязычных слов тем интересен, что в самой Камбодже практически отсутствуют исследовательские материалы на эту тему, а встречаются лишь отдельные словари заимствованной лексики.

Целью исследования является классификация и описание фонетических и морфолого-фонетических заимствований, а также выявление закономерностей фонетической адаптации в кхмерском языке.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дана подробная классификация фонетических и морфолого-фонетических заимствований в современном кхмерском языке, который, несмотря на сравнительно давнее внимание лингвистов, остается слабоизученным.

Материалы и методы / Materials and methods. Данная статья посвящена фонетическим заимствованиям – номинациям, которые образуются в первую очередь по аналогии с исходным словом и его звучанием. Любой язык в заимствовании данного типа стремится постепенно изменить или исключить из слова несвойственные ему звуки в соответствии с общепринятыми звуковыми нормами [10].

Материалом для статьи послужили 208 выявленных путем анализа 16119 контекстов (предложений) заимствований из газеты «Пномпень Пост» (2023 г.) – самого крупного печатного ежедневного кхмероязычного издания, издаваемого с 2008 г. в столице Камбоджи Пномпене. Газета, как правило, содержит 8 страниц и включает разделы, посвященные вопросам внутренней и внешней политики страны, бизнесу и экономике,

общественной жизни и культуре. Авторы статей – местные журналисты.

Заемствования представлены в системе транслитерации на русском и английском языках. Транслитерация на русском языке предложена автором статьи в связи с отсутствием официально признанной системы. Транслитерация на английском языке проведена в соответствии с фонетическими нормами, описанными отечественным лингвистом Московской школы Ю.А. Горгониевым [2, с.67]. В статье все заимствования представлены в алфавитном порядке.

Анализ / Analysis. Рассматривая фонетический аспект, мы разделили выявленные нами заимствования на следующие группы: фонетическая и морфолого-фонетическая.

К первому типу мы отнесли перенесенные из иностранного языка слова в исходной форме с незначительной адаптацией к кхмерской фонетике (**171 слово**):
 а:зиан/а:siəŋ («АСЕАН»), а:зоут/а:zo:t («азот»), аку:де:/а:ki:se: («орхидея»), а:кхаон/а:khaon («аккаунт»), алкол/alkol («спирт»), а:луйми:ни:ню:м/а:luymi:ni:nu:m («алюминий»), а:моуни:неак/а:то:ни:неак («аммиак»), ангсуйли:н/аŋsuyli:n («инсулин»), апде:м/апде:t («обновлять»), а:тоумик/а:то:mik («атомный»), ба:/ба: («бар»), бал/bal («мяч»), ба:нга:лоу/ба:ŋga:lo: («бунгало»), бе:ри:/бе:ri: («ягода»), бе:тонг/бе:toŋ («бетон»), би:лиан/bi:liəŋ («миллиард»), бу:фе:/бу:fe: («шведский стол»), ваксанг/vaksan («вакцина»), ва:ни:ла:/ва:ni:la: («ванилин»), ве:пса:й/ве:psa:y («интернет-сайт»), ви:де:оу/ви:de:o: («видео»), ве:тоу/ве:to: («вето»), ви:рух/ви:ruh («вирус»), ви:та:ми:н/ви:ta:mi:n («витамины»), га:й/га:y («гайд»), га:х/га:h («газ»), го:л/го:l («гольф»), де:коа/де:kə («декор»), де:кре:/дэ:kre: («градус»), де:поу/де:po: («депо»), ди:за:нь/ди:za:ŋ («дизайн»), ди:окси:м/ди:oksi:t («диоксид»), ди:ту:мхо:л/ди:ci:thə:l («цифровой»), дроун/dro:n («дрон»), е:коулоузи:/е:ko:lo:zi: («экология»), е:кронг/е:kroŋ («экран»), е:летьтроума:не:мик/е:lətro:ma:ŋe:tik («электромагнитный»), е:летьтроуник/е:lətro:nik («электронный»), е:ли:т/е:li:t («элита»), е:ндоя/е:ndə («гендерный»), е:роубик/е:ro:bik («аэробика»), е:ска:ва:тоа/е:ska:va:to («экскаватор»), е:м/е:t («СПИД»), е:та:нол/е:ta:nol («эта-

нол»), зе:н/зе:n («ген»), и:дроузе:н/и:dro:ze:n («водород»), и:нтхы:нем/и:ntɰnət («интернет»), исла:м/исла:m («ислам»), итьсда:зи:/icsda:zi: («экстази»), ка:боун/ка:bo:n («карбон»), ка:ка:оу/ка:ka:o: («какао»), ка:лоури:/ка:lo:ri: («калории»), ка:ме:ра:/ка:me:ra: («камера»), ка:ра:ме:доу/ка:ra:te:do: («каратэ»), ка:ре:м/ка:re:m («мороженое»), ка:роу/ка:ro: («плитка»), ка:м/ка:t («карточка»), ка:фе:/ка:fe: («кофе»), ке:та:ми:н/ке:ta:mi:n («кетамин»), ки:ми:/ки:mi: («химический»), кла:зе:/кла:ze: («кладовка»), клеп/клəp («клуб»), компю:тоа/кəmpyu:to («компьютер»), кли:ник/кли:nik («клиника»), комуни:х/кəmu:ni:h («коммунистический»), конгсонгси:х/кəŋsəŋsi:h («консенсус»), конгтыноа/кəŋtə:nə («контейнер»), конгсул/кəŋsul («консул, консульский»), коуви:м/ко:vi:t («коронавирус»), коура:н/ко:ra:n («Коран»), коут/ко:t («код»), кре:м/кре:m («крем»), коута:/ко:ta: («квота»), кра:ф/кра:f («схема»), кра:фик/кра:fik («графический»), кха:ра:оухке:/kha:ra:o:khe: («караоке»), кроумоузоум/кro:то:zo:m («хромосома»), кхукки:/khukki: («печенье»), кхюа:коут/кhyu:p:ko:t («QR-код»), ла:ве:ндоя/ла:ve:ndə («лаванда»), ла:сэ:/ла:se: («лазер»), ли:к/ли:k («лига»), ли:нг/ли:ŋ («ссылка»), лоуго:/lo:go: («лого-тип»), лоути:сти:к/lo:ci:sti:k («логистический»), ма:к/ма:k («марка», «модель»), ма:ра:тонг/ма:ra:toŋ («марафон»), ма:са:/ма:sa: («массаж»), ма:м/ма:t («магазин»), ма:си:н/ма:si:n («аппарат», «устройство»), ма:су:м/ма:su:t («мазут»), ме:да:й/ме:da:y («медаль»), ме:ка:ник/ме:ka:nik («механический»), ме:та:н/ме:ta:n («метан»), ме:томфе:ма:ми:н/ме:tomfe:ta:mi:n («метамфетамин»), ми:н/ми:n («мина»), ми:си:л/ми:si:l («ракета»), моудаел/то:dael («модель»), моутоа/то:to («мотор»), моутоу/то:to: («скутер», «мотоцикл»), на:тоу/на:to: («НАТО»), нуйкле:э/nuikle:ε («ядерный»), ни:тра:м/ни:tra:t («нитрат»), онгтаен/əŋtaen («антенна»), онла:нь/ənlə:ŋ («онлайн»), окси:зе:н/oksi:ze:n («кислород»), окта:н/okta:n («октан»), оптик/əptik («оптика»), оулампис/о:lampik («олимпийский»), оулампя:м/о:lampya:t («олимпиада»), оусоудок/о:so:ɔk («ортодоксальный»), пи:лот/пи:lət («пилот»), пираня:/piranya: («пиранья»), пла:сма:/pla:sma: («плазма»), пла:стик/пла:stik («пластик»), пла:мфо:м/пла:tfo:m («платформа»),

плонг/рлɔŋ («план»), плок/рлɔk («блок»),
 порома:ноу/ррɔта:по: («ядерный»), по-
 ул/ро:l («полис», «полярность»), по-
 улих/ро:lih («полиция»), пох/рɔh («пост»),
 проуте:у:н/про:те:i:n («белок»),
 проуфа:л/про:фа:l («профиль»), пхе:ть/рхе:c
 («страничка в интернете»), пхи:кап/phi:кар
 («пикап»), раоттоа/раотɔ («роутер»),
 ра:да:/ра:да: («радар»), ре:актоа/ре:актɔ
 («реактор»), ре:п/ре:p («рэп»), ри:со:m/ри:со:t
 («курорт»), рокает/рɔкает («ракета»), ро-
 убоут/ро:бо:t («робот»), са:ку:па:/са:ку:ра:
 («сакура»), са:л/са:l («зал»), сайлоу/saylo:
 («хранилище для зерновых»), сдок/sdɔk
 («хранилище»), сдонгда:/сдɔŋда: («стан-
 дарт»), сдоуп/sdo:p («ступя»),
 се:на:ри:ё/се:на:ри:о: («сценарий»),
 се:не:тик/се:не:тик («генетический»),
 се:ри:/се:ри: («серия»), сетьси:/сэс:си: («сек-
 суальный»), си:вил/си:вил («гражданский»),
 си:вилай/си:вилау («цивилизованный»),
 си:мо:нэ/си:мɔ:ŋ («цемент»), си:раен/си:раен
 («сирена»), ске:н/ske:n («сканировать»),
 сма:тфоун/sма:tфо:n («смартфон»), со-
 ула:/со:ла: («солнечный»), соуна:/со:на:
 («сауна»), соуфве:/со:fvэ: («программное
 обеспечение ПК»), спа:/спа: («спа»),
 стре:х/stre:h («стресс»), султонг/sultɔŋ
 («султан»), су:на:ми/sу:на:ми («цунами»),
 суп/sup («суп»), сту:ди:ё/stу:ди:о: («студия»),
 тактик/taktik («тактика»), та:ма:/та:та:
 («татарин»), те:х/те:h («тест»), трак-
 тоа/traktɔ («трактор»), три:лиан/tri:liən
 («триллион»), три:ёу/tri:yo: («трио»),
 тхе:блум/the:blit («планшет»),
 уйра:ни:ню:м/уура:ни:ю:м («уран»), фоу-
 си:л/фо:си:l («ископаемое»), фоуто-
 усворе:/фо:то:svɔрэ: («фотосфера»), хот-
 до:к/hɔtdɔk («хот-дог»), чха:m/чха:t («чат»),
 чхи:п/чхи:p («чип»), э:п/э:p (от английского
 upload – «загрузить»), ю:доу/ю:до: («дзю-
 до»), ю:не:скоу/ю:не:ско: («ЮНЕСКО»),
 ю:ни:сеф/ю:ни:се:f («ЮНИСЕФ»).

Большая часть представленных лексем
 – интернационализмы. Известно, что разви-
 тие фонда данной группы лексики идет под
 знаком количественного роста и расширения
 сферы их распространения, что связано с
 интернационализацией социально-
 экономических процессов, научно-
 техническим прогрессом, ростом междуна-
 родного и культурного обменов. Освоение
 этого фонда в каждом из заимствующих
 языков имеет свои особенности. Как прави-
 ло, интернациональные слова ассимилиру-
 ются в заимствующих языках, но сам про-

цесс ассимиляции протекает не однотипно.
 С одной стороны, возникает неизбежная
 необходимость приспособить новое слово к
 строю заимствующего языка, а, с другой, –
 проявляется сознательное стремление со-
 хранить его тождество в контекстах на раз-
 ных языках.

Очевидно, что в процессе усвоения ино-
 язычных слов кхмерский язык устраняет
 несвойственные ему звуки и чуждые фоне-
 тические особенности, таким образом при-
 спосабливая их к своим фонетическим нор-
 мам. Среди способов фонетической адапта-
 ции мы выделили:

а) «нулевая» адаптация – слово произ-
 носится как в языке-доноре.

К заимствованиям с «нулевой» адапта-
 цией мы отнесли **75 номинаций**:
 а:зиан/a:siən («АСЕАН»), а:зоут/a:zo:t
 («азот»), аки:де:/аки:се: («орхидея»), ал-
 кол/alkɔl («спирт»),
 а:моуни:неак/а:мо:ни:ŋеэк («аммиак»),
 а:тоумик/а:то:mik («атомный»), ба:/ба:
 («бар»), ба:ннга:лоу/ба:ŋга:ло: («бунгало»),
 бе:ри:/бэ:ри: («ягода»), бе:тонг/be:tɔŋ («бе-
 тон»), би:лиан/bi:liən («миллиард»),
 ва:ни:ла:/ва:ни:ла: («ванилин»),
 ви:де:оу/vi:de:o: («видео»), ве:тоу/ve:to:
 («вето»), ви:ма:ми:н/vi:ta:mi:n («витами-
 ны»), де:поу/de:po: («депо»),
 ди:окси:m/di:ɔksi:t («диоксид»), дроун/dro:n
 («дрон»), е:кронг/e:krɔŋ («экран»),
 е:летьтроуник/e:lэтро:nik («электронный»),
 е:ли:м/e:li:t («элита»), исла:m/isla:m («ис-
 лам»), ка:боун/ка:бо:n («карбон»),
 ка:ка:оу/ка:ка:о: («какао»), ка:лоури:/ка:ло:ри:
 («калории»), ка:ме:па:/ка:ме:ра: («камера»),
 ка:па:ме:доу/ка:ра:те:до: («каратэ»),
 ка:ре:м/ка:ре:m («мороженое»), ка:роу/ка:ро:
 («плитка»), ка:m/ка:t («карточка»),
 ке:та:ми:н/ке:та:ми:n («кетамин»),
 кли:ник/kli:nik («клиника»), конгсул/kɔŋsul
 («консул, консульский»), кхукки:/khukki: («пе-
 ченья»), лоуго:/ло:го: («логотип»), ма:m/ма:t
 («магазин»), ма:су:m/ма:су:t («мазут»),
 ме:та:н/ме:та:n («метан»), ми:н/ми:n («ми-
 на»), ми:си:л/ми:си:l («ракета»), нуйк-
 ле:э/нуikle:э: («ядерный»), ни:тра:m/ни:тра:t
 («нитрат»), окта:н/ɔкта:n («октан»),
 оптик/ɔptik («оптика»), пи:лом/pi:lɔt («пи-
 лот»), пираня:/piranya: («пиранья»),
 пла:сма:/пла:sма: («плазма»),
 пла:стик/пла:стик («пластик»), поул/ро:l («по-
 лис», «полярность»), проуте:у:н/про:те:i:n
 («белок»), ра:да:/ра:да: («радар»), ре:п/ре:p
 («рэп»), роубоут/ро:бо:t («робот»),

са:ку:ра:/sa:ku:ra: («сакура»), са:л/са:l («зал»), сдок/sdɔk («хранилище»), се:на:ру:ё/se:na:ri:о: («сценарий»), се:ру:/se:ri: («серия»), си:вил/si:vil («гражданский»), ске:н/ske:n («сканировать»), сма:тфоун/sma:tfo:n («смартфон»), со:ула:/so:la: («солнечный»), со:уна:/so:na: («сауна»), спа:/spa: («спа»), сту:ди:ё/stu:di:о: («студия»), суп/sup («суп»), тактик/taktik («тактика»), три:ёу/tri:yo: («трио»), фоу:си:л/fo:si:l («ископаемое»), чха:м/cha:t («чат»), чхи:п/chi:p («чип»), э:п/ε:p (от английского upload – «загрузить»), ю:доу/уу:do: («дзюдо»), ю:не:скоу/уу:не:ско: («ЮНЕСКО»), ю:ни:сеф/уу:ни:се:f («ЮНИСЕФ»).

б) Неполная адаптация – передача иностранного слова при помощи фонетических возможностей языка-реципиента.

К заимствованиям с неполной адаптацией мы отнесли **96 слов**: а:кхаон/a:khaon («аккаунт»), а:луymi:ни:ню:m/a:луymi:ni:ny:m («алюминий»), ансуйли:н/ансуyли:n («инсулин»), апде:м/apde:t («обновлять»), бал/bal («мяч»), бу:фе:/бу:fe: («шведский стол»), ваксанг/vaksan («вакцина»), ве:пса:й/ve:psa:y («интернет-сайт»), ви:рух/vi:ruh («вирус»), га:й/ga:y («гид»), га:х/ga:h («газ»), го:л/gə:l («гольф»), де:коа/de:kə («декор»), де:кре:/дэ:кре: («градус»), ди:за:нь/di:za:n («дизайн»), ди:ми:тхо:л/di:ci:tho:l («цифровой»), е:коулоузи:/e:ko:lo:zi: («экология»), е:летьтроума:не:мик/e:lɛtro:ma:nɛ:tik («электромагнитный»), е:ндоа/ye:ndə («гендерный»), е:роубик/e:ro:bik («аэробика»), е:ска:ва:тоа/e:ska:va:tə («экскаватор»), е:m/e:t («СПИД»), е:ма:нол/e:ta:nɔl («этанол»), зе:н/zɛ:n («ген»), и:дроузе:н/i:dro:zɛ:n («водород»), и:нтхы:нем/i:ntɕnɛt («интернет»), итьсда:зи:/itsda:zi: («экстази»), ка:фе:/ka:fe: («кофе»), ки:ми:/ki:mi: («химический»), кла:зе:/kla:ze: («кладовка»), клеп/klɛp («клуб»), компю:тоа/кɔмпу:тə («компьютер»), комуни:х/кɔмуни:h («коммунистический»), консонсус:х/кɔнsɔnsi:h («консенсус»), контыноа/кɔнтə:nə («контейнер»), коуви:м/ko:vi:t («коронавирус»), коура:н/ko:ra:n («Коран»), коум/ko:t («код»), кре:м/kre:m («крем»), коута:/ko:ta: («квота»), кра:ф/kra:f («схема»), кра:фик/kra:fik («графический»), кха:ра:оухке:/kha:ra:o:khe: («караоке»), кроумоузоум/kro:mo:zo:m («хромосома»), кхюа:коум/khyu:o:ko:t («QR-код»), ла:ве:ндоа/la:ve:ndə («лаванда»),

ла:сэ:/la:sɛ: («лазер»), ли:к/ли:k («лига»), ли:нэ/ли:n («ссылка»), лоуми:сми:к/lo:ci:sti:k («логистический»), ма:к/ма:k («марка», «модель»), ма:ра:тонг/ма:ra:tɔŋ («марафон»), ма:са:/ма:sa: («массаж»), ма:си:н/ма:si:n («аппарат», «устройство»), ме:да:й/me:da:y («медаль»), ме:ка:ник/me:ka:nik («механический»), ме:томфе:ма:ми:н/me:tomfe:ta:mi:n («метамфетамин»), моудаел/мо:dael («модель»), моутоа/мо:tə («мотор»), моутоу/мо:то: («скутер», «мотоцикл»), на:тоу/на:то: («НАТО»), онгаен/ɔŋtaen («антенна»), о:нла:нь/ɔnla:n («онлайн»), окси:зе:н/ɔksi:zɛ:n («кислород»), оулам-пик/o:lampik («олимпийский»), оулам-пя:m/o:lampa:t («олимпиада»), оусоудок/o:so:dɔk («ортодоксальный»), пла:тфо:м/pla:tfo:m («платформа»), плонг/plɔŋ («план»), блок/рlɔk («блок»), порома:ноу/рɔгта:но: («ядерный»), поулих/ро:lih («полиция»), пох/рɔh («пост»), проуфа:л/pro:fa:l («профиль»), пхе:ть/phe:c («страничка в интернете»), пхи:кап/phi:kap («пикап»), раоттоа/raotə («роутер»), ре:актоа/re:aktə («реактор»), ри:со:м/ри:so:t («курорт»), рокаем/рɔкаet («ракета»), сайлоу/saylo: («хранилище для зерновых»), сдонгда:/sdɔŋda: («стандарт»), сдоуп/sdo:p («ступа»), се:не:мик/se:ne:tik («генетический»), сетьси:/sɛsi: («сексуальный»), си:вилай/si:vilaу («цивилизованный»), си:мо:нэ/si:mɔ:n («цемент»), си:раен/si:raen («сирена»), соуфве:/so:fvɛ: («программное обеспечение ПК»), стре:х/stre:h («стресс»), султонг/sultɔŋ («султан»), су:на:ми/su:na:mi («цунами»), та:ма:/ta:ta: («татарин»), те:х/te:h («мест»), трактоа/traktə («трактор»), три:лиан/tri:liɛn («триллион»), тхе:блум/the:blit («планшет»), уйра:ни:ню:m/уyра:ni:ny:m («уран»), фоутоусворе:/fo:to:svɔrɛ: («фотосфера»), хотдо:к/hɔtdɔk («хот-дог»).

Проанализировав фонетический состав слов, отнесённых к группе заимствований с неполной адаптацией, мы выявили следующие закономерности фонетической адаптации в кхмерском языке:

- конечные звонкие согласные в кхмерских заимствованиях подверглись процессу оглушения, что является фонетическим законом кхмерской подсистемы: клеп/klɛp («клуб»: в английском – «club»), коуви:м/ko:vi:t («коронавирус»: в английском – «COVID»), коум/ko:t («код»: в английском –

«code»), ли:k/li:k («лига»: во французском – «*ligue*») и др.;

- конечная фонема *r* в кхмерских заимствованиях превратилась в дифтонг *oa* для удобства произношения: де:koa/de:koə («декор»), е:ндoa/ye:ndəə («гендерный»), е:ска:ва:тоa/e:ska.va:təə («экскаватор»), компю:тоa/koṃpyu:təə («компьютер»), конгыноa/koŋtə:nəə («контейнер»), моу:тоa/ma:təə («мотор»), раоттоa/raotəə («роутер») и др.;

- конечная фонема *s* в кхмерских заимствованиях согласно правилам кхмерской орфоэпии превратилась в *x*: ви:пух/vi:ruḥ («вирус»), поулих/pe:lih («полиция»), пох/pəḥ («пост»), стре:х/stre:h («стресс»), те:х/te:h («тест»);

- нехарактерная для кхмерского языка фонема *дж* была заменена в заимствованиях на более привычную *з* для удобства произношения: е:коулоузи:/e:ko:lo:zi: («экология»), зе:н/ze:n («ген»), и:дрозе:н/i:dro:ze:n («водород») и др.

Очевидно, что при частичной адаптации звучание заимствования лишь приближено к звучанию слова из языка-донора или напоминает его. В связи с подобной адаптацией зачастую возникает большое количество вариантов одного и того же слова. Например, слово «платформа» встречалось в следующих вариациях: пла:тфо:м/pla:tfo:m и пхлаетф:ом/phlaetfo:m; «студия» – сту:ди:ə/stu:di:ə и сту:ди:я:/stu:di:ya:; «страничка в интернете» – пхе:ть/phe:t и пхе:к/phe:k; «крем» – кре:м/kre:m и краем/kraem.

Интересны также случаи, когда фонетически слово подстраивается под нормы кхмерского языка, при этом на письме стремясь максимально сохранить свой исконный «облик» как в языке-доноре: е:т/te:t («СПИД» от английского AIDS: в кхмерском слове អេដស៍ на конце пишется несвойственная исконно кхмерским словам звонкая *д* и согласная *с* под диакритическим знаком ័, означающим, что слог не читается), комуйни:х/koṃtɯni:h («коммунистический» от английского communist: в кхмерском слове កុម្មុយនីស្ត на конце пишутся *с* (читается как *х*) и нечитаемая *т*), коуви:т/ko:vi:t («коронавирус» от английского COVID: в кхмерском слове គូវីដ на конце пишется несвойственная исконно кхмерским словам звонкая *д*), коут/ko:t («код» от английского code: в кхмерском слове គូដ на конце пи-

шется несвойственная исконно кхмерским словам звонкая *д*), моут/ma:t («мода»: от французского mode: в кхмерском слове ម៉ូដ на конце пишется несвойственная исконно кхмерским словам звонкая *д*), те:х/te:h («тест» от английского test: в кхмерском слове តេស្ត на конце пишутся *с* (читается как *х*) и нечитаемая *т*).

Ряд фонетических заимствований оказался производящими, то есть уже в кхмерском языке от них создаются новые производные. Появление у заимствований производных свидетельствует об их активной адаптации в языке-реципиенте [6].

Указанная группа слов (**10 номинаций**) образована при помощи полуаффиксов. Под полуаффиксами мы понимаем словообразовательные средства, описанные отечественным кхмеристом Ю.А. Горгониевым, характерными чертами которых являются «сохранение явных следов связи со знаменательными или служебными словами; наличие большого количества заимствованных элементов; полная независимость от фонетической структуры корня» [2, с. 61].

Так как по позиции в слове полуаффиксы делятся на полупрефиксы и полусуффиксы, выявленные нами заимствования были распределены по следующим группам:

- образованные при помощи полупрефиксов: ка:апде:т/ka:apde:t («обновление»: образовано от глагола апде:т/apde:t – «обновлять» при помощи полупрефикса существительных с отвлеченным значением действия, состояния, процесса ка:/ka: [3, с.44-45]); ка:пхоух/ka:pho:h («публикация»: образовано от глагола пхоух/pho:h – «публиковать, размещать» при помощи полупрефикса ка:/ka:); ка:ске:н/ka:ske:n («сканирование»: образовано от глагола ске:н/ske:n – «сканировать» при помощи полупрефикса ка:/ka:); коун:ма:си:н/ko:nma:si:n («небольшой аппарат»: образовано от существительного ма:си:н/ma:si:n – «аппарат», «устройство» при помощи полупрефикса для образования существительных со значением уменьшительности коун/ko:n [3, с. 66], аналогичного русскому суффиксу -ик); нек:ди:за:нь/nəkdi:za:n («дизайнер»: образовано от существительного ди:за:нь/di:za:n – «дизайн» при помощи полупрефикса нек/пək со значением лица по роду занятия, профессии, социальному положению [2, с. 67]); пехупоул/peḥuro:l («многополярность, мно-

гополярный»: образовано от существительного поул/ро:l – «полюс» при помощи полупрефикса пеху/рəhi, аналогичного греческому компоненту интернационального характера поли-);

- образованные при помощи полусуффиксов:

ди:ту:тхо:лпхивеу:пони:йкам/di:ci:tho:lpheev u:ropi:ykot («цифровизация»: образовано от прилагательного ди:ту:тхо:л/di:ci:tho:l – «цифровой» при помощи полусуффикса абстрактных существительных, обозначающего «процесс», пхивеу:пони:йкам/pheevu:ropi:ykot, аналогичного продуктивному интернациональному аффиксу - (из)аци(я)); котта:ли:ко:/kotta:li:ko: («катализатор»: образовано от корня котта:ли:/kotta:li: при помощи полусуффикса существительных ко:/ко: (этимол. ко:/ко: – «рука») со значением «деятель» [3, с. 39]); окси:токам/ɔksi:tokam («окисление, окисление металла»: образовано от существительного окси:т/ɔksi:t – «оксид» при помощи полусуффикса абстрактных существительных кам/кат [3, с. 38] (этимол. кам/кат – «дело, действие»)); тюнси:выл/cunsi:vɰ («гражданское лицо (не военное)»: образовано от прилагательного си:выл/si:vɰ – «гражданский» при помощи полусуффикса существительных тюн/сип (этимол. тюн/сип – «человек»), обозначающих людей по их принадлежности к различным группам: возрастным, национальным и др. [3, с. 226]).

Гибридный морфолого-фонетический принцип адаптации – процесс, при котором к фонетическому заимствованию добавляется кхмерская морфема.

К таким «гибридам» мы отнесли **19 номинаций**: бонтеахчи:п/bontəahchi:p («чип»: бонтеах/bontəah – «дощечка» и чи:п/chi:p – «чип»); кба:лма:си:н/kba:lma:si:n («механизм»: кба:л/kba:l – «голова» и ма:си:н/ma:si:n – «аппарат», «устройство»); ки:мивиття/ki:mivitya: («химия»: ки:ми/ki:mi – «химический» и виття/vitya: – «наука»); кхрыангма:си:н/khruəŋma:si:n («аппарат»: кхрыанг/khruəŋ – «материал, сырье» и ма:си:н/ma:si:n – «аппарат», «устройство»); кхсаеву:де:оу/khsaevi:de:o: («видео»: кхсае/khsae – «веревка» и ви:де:оу/vi:de:o: – «видео»); ле:ккоум/le:kko:t («код»: ле:к/le:k – «цифра» и коум/ko:t – «код»); ма:си:нтронгсиноа/ma:si:ntronjsi:nəo («транзистор»: ма:си:н/ma:si:n – «аппарат», «устройство» и тронгси-

ноа/tronjsi:nəo – «транзистор»); нэмдоу-нам/nəmdo:nat («пончик»: нэм/нэм – «изделие из теста» и доунам/do:nat – «пончик»); пхлаебе:пу:/phlaebə:ri: («ягода»: пхлае/phlae – «фрукт» и бе:пу:/bə:ri: – «ягода»); пхлэуха:йве:/phlə:wha:yve: («магистраль»: пхлэу/phlə:w – «дорога, путь» и ха:йве:/ha:yve: – «магистраль»); пхтеангпа:ноу/phtəŋpa:no: («панно»: пхтеанг/phtəŋ – «счетное слово для плоских предметов» и па:ноу/pa:no: – «панно»); ско:соукоула:/sko:so:ko:la: («шоколад»: ско:/sko: – «сахар» и соукоула:/so:ko:la: – «шоколад»); сра:биа/sra:biə («пиво»: сра:/sra: – «вино» и биа/biə – «пиво»); сра:ми:н/sra:ci:n («джин»: сра:/sra: – «вино» и ми:н/ci:n – «джин»); тиатийоум/ciəti:yo:t («йод»: тиат/ciət – «вещество» и ийоум/yo:t – «йод»); ти:компох/ci:komph («компост»: ти/ci: – «удобрение» и компох/комф – «компост»); трейсалмон/tre:ysalməŋ («лосось»: трей/tre:y – «рыба» и салмон/salməŋ – «лосось»); трейтху:на:/tre:ythu:na: («тунец»: трей/tre:y – «рыба» и тху:на:/thu:na: – «тунец»); ту:кла:зе:/tu:kla:ze: («кладовка»: ту:/tu: – «шкаф» и кла:зе:/kla:ze: – «кладовка»); тыксе:роу/tɰkse:ro: («сироп»: тык/tɰk – «вода» и се:роу/se:ro: – «сироп»).

Интересными также являются выявленные нами случаи использования греко-латинских корней при построении заимствований: микро-, макро-, эко-. Еще М.В. Ломоносов широко применял указанный метод при создании естественнонаучной терминологии русского языка в целях сближения западноевропейской и русской наук. Греко-латинские элементы, применяющиеся в кхмерском языке, можно отнести к своего рода аффиксам.

К данной группе мы отнесли следующие заимствования (**8 слов**): а:ти:вокамкхна:тми:кроу/a:ci:vəkamkhna:tmi:kro: («мелкий бизнес»; дословный перевод: «бизнес размер маленький»), е:коуте:сотё:/e:co:te:so:so: («экотуризм»), ма:кроусе:тхакет/ma:kro:se:thəkət («макроэкономика»), ми:кроуса:тхиат/mi:kro:sa:thiət («микрэлемент»), ми:кроусохокруах/mi:kro:sohokriəh («микропредприятие»), ми:кроухираньвотхо/mi:kro:hiranvəthə («микрофинансы»), нойо:ба:йми:кроунынгма:кроу/пəу:ба:ути:кро:пчтма:кро: («макро- и микрополитика»), ювоттуне:коу/уивэсине:со: («молодежь, заботящаяся об окружающей среде»).

Вероятно, позиции данных аффиксов связаны с особенностями кхмерской морфологии, допускающей их пред- и постпозиции.

Результаты / Results. В данной статье нами было выделено и проанализировано 208 фонетических заимствования в современном кхмерском языке. Были выявлены заимствования с «нулевой» и неполной

адаптацией, а также описаны ее основные закономерности. Проанализирована структура производных от фонетических заимствований новообразований и определен основной способ их образования – аффиксальный. Результаты представлены в диаграмме 1.

Диаграмма 1 / Diagram 1
Фонетические заимствования (кол-во слов) / Phonetic borrowings (number of words)
Источник: данные автора / Source: author's data

Кроме того, рассмотрены и подробно описаны 19 морфолого-фонетических заимствований. В отдельную группу отнесены 8 случаев использования греко-латинских кор-

ней микро-, макро-, эконо- при построении заимствований. Результаты представлены в диаграмме 2.

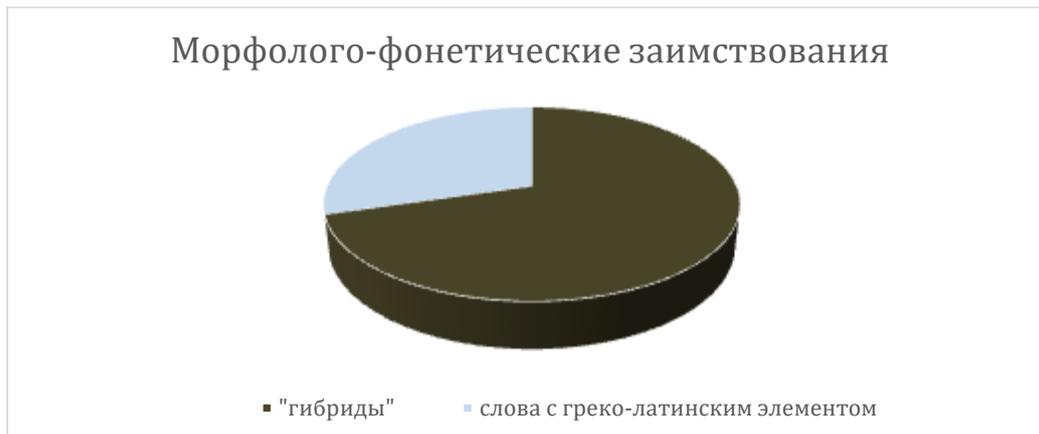

Диаграмма 2 / Diagram 2
Морфолого-фонетические заимствования (кол-во слов) / Morphological-phonetic borrowings (number of words)
Источник: данные автора / Source: author's data

Полученные нами данные наглядно демонстрируют две тенденции:

1. В процессе усвоения иноязычных слов кхмерский язык, как и большинство иностранных языков, стремится устранить несвойственные ему звуки и чуждые фоне-

тические особенности. Так, среди 171 фонетического заимствования 96 номинаций (их большая часть) относится к заимствованиям с неполной адаптацией. К основным закономерностям фонетической адаптации в кхмерском языке мы отнесли: оглушение ко-

нечных звонких согласных в кхмерских заимствованиях; наличие на конце слова дифтонга *oa* в заимствованиях с конечной графемой *g*; наличие конечного [x] в кхмерских заимствованиях с конечной графемой *s*; тенденция к упрощению труднопроизносимого сочетания согласных.

Среди английских и французских заимствований нами было выявлено 4 пары слов, различающихся некоторыми элементами своего звукового состава, но обозначающих один и тот же предмет или понятие, что говорит о существовании фонетических вариантов иноязычных слов в кхмерском языке.

2. Вторая тенденция, нашедшая распространение во многих языках мира, независимо от их типологии, – использование греко-латинских терминоэлементов при создании новых слов и образование новых номинаций путем сочетания кхмерского компонента с иноязычным. Однако количество выявленных случаев использования заимствованных аффиксов (8 номинаций) говорит о том, что данный способ пополнения словарного запаса кхмерского языка не является продуктивным.

Литература

1. Высочина О. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка. Jyväskylä University Printing House. Jyväskylä, 2002. 169 с.
2. Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. Изд. 2, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 320 с.
3. Горгониев Ю. А. Кхмерско-русский словарь. Изд. 2, испр. М.: Русский язык, 1984. 984 с.
4. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
5. Кленин И. Д. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. 271 с.
6. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы усвоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 496 с.
7. Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 139–151.
8. Селиванов М. П. Из истории изучения произношения заимствованных слов в отечественной лингвистике // Русская речь. 2022. № 04. С 37–47.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
10. Тюленева В. А. Принципы адаптации заимствованной лексики в русском и китайском языках (на примере интернет-обзоров электронной техники // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 100–104.

References

1. Vysochina O. Understanding and adaptation of a foreign word in the minds of a native speaker. Jyväskylä University Printing House. Jyväskylä; 2002. 169 p. (In Russ.)
2. Gorgoniev YuA. Grammar of the Khmer language. Moscow: Knizhnyj dom LIBRICOM; 2009. 320 p. (In Russ.)
3. Gorgoniev YuA. Khmer-Russian dictionary. Moscow: Russkij jazyk; 1984. 984 p. (In Khmer and Russ.)
4. Gorelov VI. Lexicology of the Chinese language. Moscow: Prosveshhenie; 1984. 216 p. (In Russ.)
5. Klenin I.D. Lexicology of the Chinese language. Moscow: Vostochnaja kniga; 2013. 271 p. (In Russ.)
6. Marinova EV. Foreign words in Russian speech at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: problems of assimilation and functionin. Moscow: JELPIS; 2008. 496 p. (In Russ.)
7. Polivanov E.D. Phonetics of intelligentsia language. For Marxist linguistics. Moscow: Federacija; 1931. P. 139–151. (In Russ.)
8. Selivanov MP. From the history of studying the pronunciation of borrowed words in Russian linguistics. *Russkaja rech.* 2022;04:37–47. (In Russ.)
9. Trubeckoj NS. Basics of Phonology. Moscow: Aspekt Press; 2000. p. 352. (In Russ.)
10. Tjuleneva VA. Principles of adaptation of borrowed vocabulary in Russian and Chinese (using the example of online reviews of electronic equipment). *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii.* 2016;11:100-104. (In Russ.)

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2024. Том 11, № 1

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
2024. Т. 11. № 1. 200 с.

– Свободная цена –

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано к печати 10.05.2024

Усл. п. л. 23,37
Заказ 11

Дата выхода в свет 17.05.2024

Уч.-изд. л. 22,49
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2